

НИКОЛАЙ КРЫЛОВ

Илья
Драган

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга военного писателя И. Г. Драгана посвящена жизни и деятельности маршала, дважды Героя Советского Союза Н. И. Крылова. В 16 лет вступив в Красную Армию, Н. И. Крылов прошел блестящий напряженнейший путь от красноармейца до маршала.

- [Николай Крылов](#)
 - [К читателю](#)
 - [Глава первая. Закалялась молодость в боях](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Глава вторая. Звездный час](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Глава третья. Севастополь](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Глава четвертая. Сражение века](#)

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

- QUESTION**

○ 1

Николай Крылов

К читателю

Все дальше уходят в глубь истории годы гражданской и Великой Отечественной войн. Но время не властно предать их забвению, выветрить из памяти народной.

Потомки всегда будут гордиться подвигом наших воинов, отстоявших завоевания Великого Октября в годы гражданской войны, разгромивших фашистскую Германию во второй мировой войне. Это подвиг, равного которому не знает история.

Книга Ильи Драгана посвящена одному из замечательных полководцев Великой Отечественной войны — Николаю Ивановичу Крылову.

Его имя широко известно советскому народу. Более полувек находился он в боевом строю Советских Вооруженных Сил, снискав за эти годы славу мужественного воина, талантливого полководца.

Н. И. Крылов относится к тому поколению людей, которые самоотверженно защищали завоевания Великого Октября в годы гражданской войны. Его биография — это история одного из тех самородков, которыми так богат наш великий народ.

По зову сердца и своему убеждению Крылов, в 16 лет добровольно вступив в Красную Армию, прошел в ее рядах большой и славный путь от красноармейца до маршала. Вся его сознательная жизнь связана с Советской Армией, с борьбой партии и народа за укрепление оборонного могущества нашего государства.

Особенно ярко проявился военный талант Крылова в годы Великой Отечественной войны.

Одесса, Севастополь, Сталинград... Эти блестящие страницы борьбы нашего народа с фашистской Германией тесно связаны с именем Крылова. Он возглавлял штабы армий, оборонявших эти города-герои. После Сталинградской битвы Крылов назначается командующим 5-й армией.

Войска Крылова участвовали в Белорусской операции, освобождали Витебск, Вильнюс, Каунас, в числе первых вышли на границу с фашистской Германией, а затем штурмовали крепости в Восточной Пруссии.

Летом 1945 года армия Крылова принимает участие в разгроме Квантунской армии японских милитаристов.

В мирное время Крылов командовал рядом военных округов, а потом в течение девяти лет был главнокомандующим Ракетными войсками

стратегического назначения.

Автор, близко знавший Крылова, правдиво, с глубоким знанием дела излагает его жизнь и боевую деятельность.

Книга «Николай Крылов» — взволнованное повествование о прославленном полководце, она послужит делу патриотического воспитания нашей молодежи.

Маршал Советского Союза

*Герой Советского Союза **В. Петров***

Глава первая. Закалялась молодость в боях

Николай Иванович Крылов родился 29 апреля 1903 года в небольшом селении Голяевка (Вишневое) Тамалинской волости Балашевского уезда Саратовской губернии в семье сельских учителей. Когда-то эта местность — междуречье Волги и Дона — была обширной областью ордынских кочевий вплоть до мордовских лесов, до реки Воронеж и далее, до Красивой Мечи и Куликова поля.

Освоение этих земель началось значительно позднее падения Золотой Орды. Прибегали сюда селиться только смелые вольнолюбивые люди — казаки. Это были те, кто не хотел мириться с закрепощением, опасался царского гнева.

Долго весь этот огромный край оставался полем казачьей вольницы. Отсюда черпало силы восстание Ивана Болотникова, брал начало бунт Степана Разина, казачество было колыбелью и для движения Емельяна Пугачева. Только Екатерине II частично удалось прибрать к рукам казачью вольницу, что и отразилось заревами пожарищ Пугачевского бунта.

С середины XVIII века, когда Россия при Екатерине II благодаря ряду блистательных побед русского оружия над турками и крымскими татарами смирила последних, на богатых черноземом землях в междуречье Волги и Дона шла раздача больших имений. Началось новое переселение в эти края, по и эти переселенцы, оказавшись в местах с давно сложившимися отношениями, быстро переняли казачьи традиции, тем более что были они приезжему народу по нраву. То же происходило и с последующими переселенцами. Мы не знаем достоверно, откуда и когда пришли в междуречье Крыловы. Скорее всего в поисках учительского места пришли они туда из центра России. Но учиться в Голяевской школе вскоре стало некому, и она опустела. Тогда отец Николая, Иван Егорович Крылов, стал искать новое место. Ему повезло, таковое нашлось в более зажиточном и многолюдном селе Аркадак.

Село Аркадак соседствовало с имением князей Вяземских. Князя почти и не бывали в своем имении, его охраняли «черкесы», как тогда называли каждого кавказца. Там располагались лагерем казачьи полки, и имелась при усадьбе богатейшая библиотека. Княжеский библиотекарь — добрейший старичок с клоками седых волос на плешиной голове — разрешал школьникам брать книги.

Николай рано пристрастился к чтению. Книги уводили его в далекие и

недоступные миры, в прошлое и будущее, заставляя сопереживать героям. Не только из рассказов родителей и учителей, но и из книг Николай узнал о вожде римских рабов Спартаке, о гениальном полководце древнего мира Ганнибале, о битве при Каннах, о Мамаевом побоище, что произошло не так далеко от его родного села на Куликовом поле, о походах великого Суворова, о войне 1812 года, о крестьянских восстаниях и бунтах.

От села к селу проселочными дорогами, лесными стежками, какими только путями не передавались из рук в руки в списках между сельскими учителями работы Чернышевского, Добролюбова, стихи Некрасова без отточий вместо строчек, изъятых цензурой, а с ними и сочинения шестидесятников, плеяды провозвестников русской революции.

Как и когда попала тетрадь к учителям Крыловым в Аркадак со списком книги Н. В. Соколова «Отщепенцы», мы никогда не узнаем. Николай прочитал тетрадь, когда ему было тринадцать лет. Она и совершила переворот в его душе, вооружила пониманием обстоятельств окружающей жизни и социальных отношений, которое привело его в Балашевский уком РКП (б). В 1918 году, учеником восьмого класса, он организовал в селе ячейку юных коммунистов, куда был избран секретарем. И вот однажды, в один из весенних дней, вся ячейка во главе со своим организатором отправилась в уком с намерением вступить всем, как один, в партию большевиков. На вопрос, сколько же ему лет, Николай Крылов ответил дерзким басом:

— Двадцать три года!

Секретарь укома, из своих же казаков, видать, неглупый человек, не стал тут же обличать вруна.

— Плохо, брат, плохо, — грустно сказал он. — Похоже, что ты совсем нерадив. Почему? Да, а я вот скажу почему. А потому, что в твоём возрасте перейти только в восьмой класс надо умудриться.

Одно дело прибавить себе годы для вступления в партию большевиков, а другое — врать по существу вопроса. Николай Крылов не нашёлся что и ответить...

— Ладно, — примирительно оказал секретарь. — Маленькая ложь зовёт большую. Молодец, что дальше не стал врать... Желание твоё и твоих товарищей одобряю, но с этим придётся повременить, а работы и юным коммунистам достанется!

Вот к чему привело живое революционное слово.

В члены РКП (б) за молодостью не приняли, но юные коммунисты оказались активными помощниками тех, кто устанавливал и укреплял Советскую власть в Балашевском уезде. Пятнадцатилетним юношей

Николай взял в руки винтовку и наган. Вокруг орудовали кулацкие банды, доводилось защищать в перестрелках продотрядников, сельских депутатов.

В это время в Аркадаке разместился авиационный дивизион Южного фронта. Можно представить, как поразили мальчишек самолеты, моторы, мотоциклы и автомобили, которых до той поры никому из сельских жителей и старшего-то возраста видеть не приходилось. А летчики! В кожаных шлемах, в куртках мехом наружу, в меховых сапогах, в очках, закрывающих все лицо, они казались чудо-богатырями, а взлетавшие для тренировочного полета деревянные «ньюпоры», взметавшие над полем пыль, казались воплощенным чудом — сказочными коврами-самолетами.

Однажды секретарь ячейки юных коммунистов осмелился заговорить с командиром дивизиона Борисом Николаевичем Масленниковым. На этот раз действовал похитрее. Сразу проситься в дивизион не стал. Разговор зашел о том, каким образом стало возможным, что предмет тяжелее воздуха взлетает и летит в воздухе. Масленников просвещал юношу:

— «Ньюпоры» вовсе не чудо и совсем не сказка, а вчерашний день. Это только по нужде мы на них летаем. Вот прогоним беляков, еще не такое увидишь...

И Масленников рассказал Николаю Крылову о калужском мечтателе и ученом Константине Эдуардовиче Циолковском, у которого ему посчастливилось учиться в реальном училище. На уроках Константин Эдуардович делился с учениками проектами разработок летательных аппаратов самых неожиданных конструкций. Но заветной мечтой ученого было создание летательного аппарата на реактивной тяге, который мог бы преодолеть земное тяготение и выйти в космическое пространство, долететь до Лупы и других планет Солнечной системы.

Кто бы мог предположить, в том числе и командир авиадивизиона, что юноша, которому он рассказывал о замыслах Циолковского, сорок лет спустя станет главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения, что в его руках окажется воплощенная мечта калужского ученого.

Николая Крылова и юных коммунистов зачислили красноармейцами в дивизион. Возраста своего на этот раз он не скрывал, недостачу в годах дополнял боевой опыт, приобретенный в перестрелках с бандитами.

Аркадакские юные коммунисты, конечно же, мечтали сесть за штурвал самолетов, но об этом не могло быть и речи. С обучением летному делу тогда было трудно, в дивизионе летной учебой заниматься было некому, да и права на то не было дано, поскольку горячее, за которым по поручению командования приходилось ездить, было на строгом учете.

Масленникову пришелся по душе пытливый юноша. Однажды он разрешил даже одному летчику взять Николая в полет.

«Ньюпор» разбежался, оторвался от земли, но едва лишь стал набирать высоту, как вдруг заглох мотор... Самолет врезался не в землю, а в обоз, что тянулся на мельницу молотить зерно. Удар пришелся по телеге с мешками. С того дня Николай больше не приставал к летчикам с просьбой «покатать» на самолете. И по справедливости для того, конечно, времени решил, что кавалерия более действенная сила, чем деревянные «этажерки», как прозвали «ньюпоры» жители села Аркадак.

А тут подстерегло и несчастье. Поехал Николай с обозом за горючим в Саратов и в дороге заразился сыпным тифом. Два месяца лечился в госпитале, а когда вернулся в Аркадак, то дивизиона уже не было, его перевели в другое место, куда — никто не знал. Искать же было бесполезно, ибо перемещение аэродрома входило в круг военной тайны. Много лет спустя случай свел его с командиром дивизиона, но это было уже в годы Великой Отечественной войны. А тогда, в 1919 году, красноармеец Крылов явился, как то и было положено, в Балашевский уездный военкомат.

На этот раз упрашивать, чтобы взяли в ряды Красной Армии, не пришлось. Шла гражданская война, положение на фронтах было тяжелым, и хотя красноармейцу исполнилось всего лишь шестнадцать лет, он умел обращаться с оружием, имел опыт службы в дивизионе, и его охотно приняли.

Балашевский уездный военкомат направил Николая Крылова во вторую Донскую бригаду, которая дислоцировалась в Саратове. Он заехал проститься с родителями. Александра Александровна, мама Николая, только и смогла сказать на прощание: «Береги себя, сынок!»

Прибыв в Саратов, он надеялся, что его сразу пошлют в бой. Но командование рассудило иначе. Красная Армия в то время перестраивалась. Укреплялась дисциплина, надо было думать о корпусе младших командиров. Учили образование новобранца и его юный возраст, а также некоторый опыт военной службы и предложили поучиться на пехотно-пулеметных курсах красных командиров. Николай попытался было возразить, но комиссар бригады твердо сказал:

— Первый прими совет, красноармеец! В армии принято исполнять приказы вышестоящих беспрекословно. Прими и второй наказ: мужество должно быть присуще каждому красноармейцу, но в нынешних боях не менее ценится и умение. Криком «ура!» врага не одолеешь, если не подавишь его при этом силой, а сила в умении...

Вскоре курсы были переведены в Ставрополь. Назывались тогда они 48-ми пулеметными.

Несмотря на наставления комиссара, Николай поначалу все же был разочарован. Вместо боя — учеба. Но первое знакомство с пулеметом показало, что учиться ему было чему. Стрельба из пулемета требовала от стрелков иных навыков и умения, другая выпадала на них и ответственность в бою.

Вскоре способного и добросовестного юношу пригласил на беседу начальник курсов бывший генерал старой армии Миловидов. Генерал был из тех, кто с первых же дней революции перешел на сторону Советской власти. Как человек военный, он главную свою задачу видел в том, чтобы приобщать курсантов к военному делу. Поэтому он отдавал предпочтение тем курсантам, которые добросовестно относились к исполнению своих обязанностей. Отсюда и первый вопрос, который он задал Николаю Крылову.

— Вам, юноша, шестнадцать лет... Для солдата это слишком юный возраст. Молодость склонна к поспешности, к безрассудным поступкам в бою... А я хочу спросить вас: намерены ли вы посвятить свою жизнь военному делу или вас привело сюда увлечение романтикой боя?

— Я — юный коммунист! — ответил красноармеец Крылов. — И я готов за народное дело отдать жизнь!

Генерал вздохнул и укоризненно покачал головой:

— Все дело в том, юноша, что народному делу нужна ваша жизнь, а не смерть! Умереть в бою — это самое легкое... Надо одолеть врага. А чтобы одолеть врага, мы и собрали вас здесь учить...

Слова старого генерала Николай Крылов помнил всю жизнь.

1 октября 1920 года Николай Крылов получил звание «красного командира социалистической армии». Было ему в ту пору семнадцать лет, а впереди предстояли непрерывные бои...

Это уже не погоня за бандами, не перестрелка с ними, а сражения с белогвардейскими офицерами, с профессиональными военными, владеющими всеми тактическими средствами, в роли полуротного командира в прославленной азинской дивизии, входившей в состав 11-й армии Южного фронта.

Потом, много лет спустя, военная судьба сведет его в одном блиндаже в дни Сталинградской обороны еще с одним азинцем, с Василием Ивановичем Чуйковым. Они, конечно, вспомнят комдива, но по-разному. Чуйков застал Владимира Мартиновича Азина, легендарного комдива, живым, набирал опыт в командовании полком под его руководством; Крылов лишь столкнулся с традициями, в которых Азин воспитал свою прославленную в боях с Колчаком дивизию. Командовать полуротой у азинцев было не простым делом. К тому же и условия, в которых действовала дивизия, были непривычными для жителей равнин. Дивизия действовала на юге Азербайджана. Бой в горных условиях требовал совершенно иных тактических решений, чем на равнине. Не раз юный командир полуроты с благодарностью вспоминал учебу на курсах и наставления генерала Миловидова.

И вообще тогда все учились: красноармейцы у своих командиров, а юные командиры у своих красноармейцев, не считая такую учебу сколь-нибудь зазорной.

Давно уже замечено, что в годы революционных потрясений юность созревает ускоренно. Прославленному комдиву Азину было всего лишь двадцать пять лет, когда он погиб. Василий Иванович Чуйков в девятнадцать лет командовал полком, Михаил Николаевич Тухачевский командовал армиями в 24 года, а фронтом — в 27 лет. Этого рода примеры не замыкаются только на военной профессии. Великий писатель Михаил Шолохов к двадцати годам завершил работу над «Донскими рассказами» и в возрасте двадцати лет сел за создание «Тихого Дона» — крупнейшего эпического произведения XX столетия, поражающего своей художественной зрелостью.

Николаю Крылову исполнилось всего лишь 18 лет, когда он участвовал в боях за освобождение Тифлиса и Батуми от восставших меньшевиков, а также ликвидации остатков белогвардейских банд в Закавказье. На европейской части русской земли гражданская война окончилась, но еще

оставался в руках белогвардейцев и интервентов Дальний Восток. Царские генералы надеялись, что японские штыки помогут им удержать захваченное. А в это время командование Красной Армии отбирало в прославленных воинских частях красноармейцев и командиров, проявивших военные способности, для пополнения и усиления тех частей, которым предназначалось освободить Дальний Восток. Получил назначение на новый театр военных действий и командир полуроты Крылов.

Он попал в прославленную воинскую часть, в 1-ю Забайкальскую дивизию. Дивизия формировалась в основном из добровольцев, из лучших представителей рабочего класса и крестьянства Москвы, Петрограда, Тульской губернии и Самары. Дивизия громила отборные белогвардейские полки под Бугульмой, под Уфой, во взаимодействии с Чапаевской дивизией сражалась на реке Белой, освобождала Челябинск, Иркутск, Читу и другие сибирские города. Она входила в состав Народно-революционной армии Дальневосточной республики, командовал ею командарм Иероним Петрович Уборевич, и было ему тогда всего лишь двадцать шесть лет.

Николай Крылов был назначен командиром батальона 3-го Верхнеудинского полка. Итак, снова командная должность в прославленной боевой части, что накладывало на молодого командира двойную ответственность. Здесь малейшая ошибка была бы замечена, здесь всякое неумение в установлении контактов с подчиненными завело бы в тупик командира.

Батальон Крылова в составе дивизии штурмовал Спасск-Дальний, участвовал в боях за Никольск-Уссурийск, за Раздольное, сражался под Седанкой. Достаточно было одного боя, проведенного без должного искусства, как он потерял бы право на командование батальоном. Учиться овладевать военным искусством дело долгое, бой же скоротечен, ошибся, вот она — трагедия. Бойцу смерть, командиру смерть вдвойне; поставил под, удар солдат, слишком дорога будет расплата за неумение.

Под Спасском дивизия получила приказ уничтожить, резерв белогвардейского корпуса Смолина, отряды из кадровых офицеров.

Особенно упорное сопротивление встретил в этой операции батальон Крылова. Наступление в лоб чревато было большими потерями. Командир батальона не делал открытия, применив довольно простой маневр. Но простота его — в теории. А маневр нужно было провести в боевой обстановке, мгновенно все рассчитать и расставить людей. Это уже был экзамен на зрелость, на умение применить свои знания на практике.

Командиру 7-й роты комбат приказал атаковать офицерский отряд в

лоб. Сам же повел остальные роты в обход и ударил противника с флангов. Точность расчета во времени и в передвижениях принесла победу. И это был, конечно, не единственный бой на подступах к Владивостоку, где Крылов получил возможность подтвердить свой военный талант.

25 октября 1922 года Владивосток был освобожден. Пришла поздравительная телеграмма В. И. Ленина. Она касалась и дивизии, и батальона Крылова, и молодого девятнадцатилетнего комбата. В городе состоялся парад красных войск.

Начались армейские будни. Учения, командирская учеба, постройка и благоустройство военного городка, шел и призыв нового состава. Однажды в распоряжение батальона прибыл командир полка Я. И. Королев. Он проверил положение дел в батальоне, похвалил комбата за то, что тот сумел в короткий срок навести образцовый порядок, и вдруг спросил:

— Далеко ты, Николай, забрался от дома... Домой не тянет?

Николай не сразу догадался, о чем речь, и, думая, что это намек на возможность получить отпуск, ответил:

— Как не тянет? Конечно, тянет! Четыре года своих не видел...

— Свои — отец и мать? Оба живы?

— Оба живы...

— Это легче... Но у меня вопрос другой. Не об отпуске речь! Кончается срок твоей службы...

— Ах, вот о чем речь! — воскликнул в ответ Николай Иванович. — Службу я заканчивать не намерен, коли достоин! А отпуск? Для отпуска найдется время!

— Это ты правильно говоришь, что для отпуска время найдется! А если решение служить у тебя твердое, то ведь решать не боги будут, а мы, твои товарищи! Мы в штабе дивизии уже обговорили этот вопрос. Пока враги у Советской Республики есть, нам без армии не обойтись. А армии нужны умные и добросовестные командиры!..

В ноябре 1922 года Николай Крылов женился на упаковщице спичечной фабрики Анастасии Васильевой. Через год молодая семья уехала к новому месту назначения — в район Хабаровска.

Красный командир!

Ореолом восхищения была окружена эта фигура в молодой Советской Республике. Народ поименно знал своих героических командиров, комдивов, комбригов. О них слагались песни, из уст в уста переходили легенды о их героических подвигах. И это объяснимо — от деятельности этих людей зависело спасение революции, освобождение родной земли от интервентов. И вместе с тем мало кто тогда знал о штабных работниках, об этих неутомимых тружениках войны. Даже и среди военных нередко штабной работник рассматривался лишь как лицо второго плана, как фигура всего лишь вспомогательная, даже и не обязательная в плеяде боевых героев.

Удивляться здесь особенно нечему. Во все времена по установившейся традиции с древних веков слава всегда отдавалась единолично полководцу. Мы даже не знаем, была ли рядом с воителями древних царств фигура, соответствующая современному понятию начальника штаба. Каждый, кто вступал на тропу войны, знал о существовании Александра Македонского, но даже и военные историки не могли бы почерпнуть из источников, кто же осуществлял штабную службу в македонском войске.

Мы знаем Ганнибала, Юлия Цезаря, обращаясь к средним векам хотя бы и русской истории, можем назвать выдающихся полководцев: Святослава Киевского, Владимира Мономаха, Даниила Галицкого, Александра Невского, Дмитрия Донского. Но мы ничего не сможем сказать, кто им помогал в планировании операций, в расстановке сил в бою. Начальник штаба при Михаиле Илларионовиче Кутузове предстает перед нами из романа Льва Толстого фигурой сатирического плана, мастером придворной интриги, помехой главнокомандующему русских войск, а не помощником, хотя из документов выдвигается скромная, но крупная фигура дежурного генерала Петра Петровича Коновницына, фактически выполнявшего функции начальника штаба всех российских армий. Это о нем и Дохтурове Толстой писал, что это были неприметные шестерни, без которых не могла работать машина. Всегда оставались в тени и начальники штаба при Наполеоне. Все успехи отданы Наполеону, а его же неудачи списывались и на начальников штабов, и на его маршалов.

Шло время, менялось вооружение, осложнялось взаимодействие различных видов оружия, возрастала численность войск, штабы

постепенно выходили из глубокой тени. Без работы штаба стали невозможными действия не только армий, но и соединений и частей значительно меньшего масштаба.

Штаб превратился в мозговой центр любого военного организма, он стал «глазами», «ушами», без него командир любого ранга превращался в слепца и глухого.

Заботы штаба в организации военного дела уже не ограничивались лишь временем военных действий. Штаб обязан был работать и в мирное время с тем же напряжением, что и во время войны.

В деятельность штаба входило прежде всего всестороннее изучение противника во время войны и возможного противника в дни мира. Штаб должен был располагать всеми данными о численности противника, о его вооружении, анализировать его тактику, знать расположение его войск, их воинскую подготовку, знать все, что касается их боевого обеспечения.

Не имея всех этих данных, ни один серьезный командир любого ранга, начиная с первой мировой войны, не мог планировать ни наступательной, ни оборонительной операции.

Нечего говорить о том, что начальник штаба всегда, в любой час дня и ночи, должен знать обо всем, что происходит, что должно произойти в его собственном подразделении, в его соединении или войсковом объединении. У него на схемах, у него в памяти все данные о каких-либо изменениях в личном составе, о вооружении, о состоянии материально-технической части, об обеспечении боеприпасами, продовольствием, медикаментами, койками в полевых и стационарных госпиталях, о путях подвоза, о состоянии дорог, мостов, бродов на местности. У него на столе карты не только тщательно прочитанные, но проверенные рекогносцировкой на местности. В штабе сосредоточены все расчеты передвижений как своих войск, так и предполагаемых противника.

Эта краткая характеристика штабной работы должна послужить объяснением того решения, которое пришлось принять командиру батальона Николаю Крылову.

Когда 3-й Верхнеудинский полк еще продвигался с боями к Владивостоку, начальник штаба полка А. Н. Кислов иногда, в напряженные для штаба дни, привлекал на помощь Николая, как одного из самых грамотных командиров. Николай отличался не только тем, что грамотно и красиво писал, он умел на лету подхватить мысль начальника штаба, развить ее и самостоятельно изложить доходчивым языком. Кислов приучал его составлять по его указаниям боевые распоряжения, боевые донесения, наносить на карту данные обстановки, учил читать карту, чтобы

она оживала в воображении со всеми малейшими деталями местности. Привлекали Кислова и знание молодым командиром военной истории, умение анализировать обстановку, его способность предугадывать возможные действия противника.

Кислов первый угадал в Крылове истинный талант, которому предстояло проявить себя в области военного искусства. Грамотные командиры, способные работать в штабе, всегда редкость. Кислов настоял перед командованием дивизии на переводе Николая Крылова на штабную работу. Оставалось получить его согласие. Это почти во всех случаях было трудно. Командиры с трудом соглашались на такой перевод. А вот с Николаем Ивановичем обошлось без трудностей. Он оказался способным в полной мере проникнуться значением штабной работы. Сначала он был назначен помощником начальника штаба полка, но очень скоро его способности были замечены, и его перевели в оперативный отдел штаба дивизии под начало бывшего офицера Генерального штаба старой армии В. П. Богоявленского. Работа с отличным военным специалистом явилась как бы завершением его военного образования, начатого на пулеметных курсах. С наивной романтикой, как рисовалось когда-то юноше военное дело, было раз и навсегда покончено. Николай Иванович глубоко осознал, что военное дело требует широких знаний во всех областях, высокой культуры в работе, крайней точности во всем, что касается тех или иных выводов при оценке боевой обстановки.

Николай Крылов, работая с Богоявленским, получил возможность приобщиться к лучшим традициям русского военного искусства. Остальное зависело только от него, ибо военное дело не терпит застоя, а требует непрерывного пополнения знаний. Отставшие бывают беспощадно биты...

Глава вторая. Звездный час

Развитие военной техники, появление новых видов вооружений, новых средств передвижений, возросшие скорости всех видов транспорта и боевой техники, развитие радиосистем, химии порождали новую тактику, вели к разработке новых стратегических принципов, которые перечеркивали опыт первой мировой войны. Было ясно, что стратегия и тактика, техническое оснащение войск требуют полной переподготовки командного и рядового состава. Но не все были способны сразу переучиться и понять новые положения военного искусства, на это требовалось время.

Вместе с тем очень медленно опадали вздыбленные первой мировой войной волны всеобщей ненависти. После дележки и перекраивания мира оказалось слишком много недовольных, обиженных по справедливости и не по справедливости. Разбитые генералы немецкого генерального штаба не желали признать бессмысленности своих притязаний, поражение свое относили на счет чего угодно, только не на счет своего оказавшегося не на высоте военного искусства и, подогреваемые заправками западного мира, требовали реванша, поскольку, хотя волка и состроили, все же оставили его не только живым, но и с зубами. Германия по-прежнему представляла опасность для Европы. В то же время изгнанные за границу битые вожди белого движения искали возможность начать все сначала, вели свои происки против молодой Советской Республики, желая реставрации если не монархии, то буржуазного управления. Они стучались в двери министерств во Франции, Англии, шныряли в Берлин, устраивали лекционные турне по городам Соединенных Штатов Америки, призывая великие державы к «крестовому походу» против советского народа. Они искали союзников в среде японских милитаристов, с надеждой взирали на фашистское движение в Италии и в Германии.

Они страстно пытались внушить европейским кабинетам, что Советская власть и большевики держатся против воли народа, что достаточно войскам европейских держав ступить на российскую землю, как режим рухнет и русский народ с радостью будет приветствовать победителей. Но кто из европейских политиков мог поверить, что русский народ жаждет посадить себе на шею прежних угнетателей с добавлением иностранных, поэтому с выступлениями не спешили, предпочитая грозить. Это давало возможность держать свои народы в напряжении, а также

возможности для баснословной наживы на вооружениях. Стали стремительно разрастаться производящие оружие фирмы, которые незамедлительно объединялись в концерны, а те, в свою очередь, воссоединялись в международные картели, готовые торговать смертью направо и налево, не связывая свои доходы с государственными и национальными интересами. Продавали тем, кто больше платит. Но в мирное время какой же сбыт оружия! Рынок затоварился, и военные промышленники, оказавшиеся единственными победителями в первой мировой войне, возжаждали крови, то есть притока новых дивидендов, подтверждая мысль Карла Маркса, что ради прибылей капиталист пойдет на любое преступление.

В генштабах отыскивались и охотники на эти испытания, требовавшие испытывать новые виды оружия в боевых условиях, в том числе проверить боеспособность и Красной Армии. Вдруг и вправду, как то вещают белые эмигранты, достаточно иноземным войскам ступить на советскую землю, как «начнется распад режима».

Продемонстрировать военное искусство молодой Советской Республики довелось и Тихоокеанской дивизии, в которой формировался военный талант Николая Ивановича Крылова. Тихоокеанская дивизия участвовала в боях во время военного конфликта на КВЖД в 1929 году и сражалась с японскими милитаристами у озера Хасан, а затем и на реке Халхин-Гол.

Вскоре после боев с японскими самураями Николай Иванович получает назначение в штаб вновь создаваемого укрепрайона (УРа). В его жизни начинался новый виток познания принципов борьбы в век нарастающей огневой мощи.

В какой-то мере теория долговременных укреплений, теория создания целых укрепленных полос на опасных участках границы, где можно было предполагать вторжение противника, родилась из опыта первой мировой войны. В двадцатые и тридцатые годы военные теоретики искали противопоставление силам прорыва, оснащенным мощной артиллерией, танками и авиационной поддержкой. Во Франции возводилась линия Мажино, пятисоткилометровая полоса укреплений глубиной до шести километров. На ней располагалось более пяти тысяч долговременных огневых сооружений.

В 1935 году гитлеровская Германия начала сооружение на границе с Францией линии Зигфрида от Нидерландов до Швейцарии. Общая ее протяженность достигала 500 километров, глубина намного превосходила линию Мажино, она достигала местами 100 километров и насчитывала 16

тысяч фортификационных сооружений.

В Советском Союзе оборонительная линия сооружалась вдоль государственной границы на западе и возводились укрепленные районы на Дальнем Востоке.

Под укрепленным районом подразумевалась полоса местности, оборудованная системой долговременных и полевых фортификационных сооружений в сочетании с различными инженерными заграждениями, подготовленными для длительной обороны специально предназначенными войсками, как во взаимодействии с общевойсковыми частями, так и самостоятельно, даже и в полном окружении. Перед войной в войска укрепрайона входило несколько пулеметно-артиллерийских батальонов и подразделений обеспечения и обслуживания.

Естественно, что сами по себе совершенные инженерные сооружения не могли быть препятствием для вторжения, их сила была в людях, призванных их защищать, в обученности специальных войск и, конечно же, в организации артиллерийского и пулеметного огня. Именно в силу этих обстоятельств начальником штаба УРа назначили войскового штабиста, а не инженера. Но и войсковому штабисту надо было вникнуть в тайны фортификационного дела, изучить досконально все возможности артиллерии. От организации ее огня во взаимодействии с другими огневыми средствами, от искусства артиллеристов и зависел успех обороны.

Такова уж была судьба Николая Ивановича Крылова — постоянно учиться, что он и делал всю жизнь с неослабным напряжением. Тщательное изучение оборонительного боя нисколько не исключало для него и обязанности освоить и принципы наступательных операций, а при увлеченности Николая Ивановича самыми широкими вопросами военного дела можно было не сомневаться, что немало он передумал о возможном ходе будущей войны еще в штабе Благовещенского УРа.

Время неумолимо отсчитывало годы, недели, дни и часы, когда этой мысленной работе предстояло воплотиться и подвергнуться испытанию на глубину, основательность и реализм.

Война приближалась. Она уже бушевала на полях Европы. 1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Разгром польских армий действительно оказался молниеносным, операции этой войны дали возможность думающим офицерам оценить принципы новой тактики подвижных армейских соединений и взаимодействия сухопутных войск с авиацией. Вторжение во Францию показало, что укрепления, сколь бы они ни были мощными, уже не панацея от всех возможных неприятностей.

Артиллерийский удар теперь во много раз превосходил артиллерийский огонь первой мировой войны. Появились самоходные орудия большого калибра, танки имели свою сильную артиллерию, а удары с воздуха ломали любые фортификационные сооружения, даже в подземных казематах под таким огнем люди глохли и сходили с ума.

Чистая оборона, как тактическое средство, утрачивала свое значение. Военные действия в Европе с очевидностью показали, что пора позиционных войн миновала. Танковые клинья прошивали насквозь оборону, а там, где лобовой удар встречал стойкий отпор, применялись массированные выбросы десантов. Задачи действия в укрепленном районе усложнялись, можно было предугадать, что оборонительные бои придется вести в отрыве от общевойсковых соединений, при полном отсутствии снабжения боеприпасами и другими жизненно необходимыми средствами для ведения боя. Линию Мажино не прорывали, а обошли, танковые рейды быстро окружали полевые войска, ставя их в жесткие условия оборонительных боев.

Несмотря на пакт о ненападении, заключенный с Германией, всякий, кто умел анализировать политическую обстановку, понимал, что пакт этот соблюдаться Гитлером не будет, что неудачи его в воздушной войне с Англией, невозможность высадки десанта на Британских островах неизбежно переориентируют Гитлера на Восток, ибо конечная цель его военных устремлений — захват жизненного пространства на востоке за счет русских земель, сокрушение враждебной фашизму идеологии. Лучшие его военные кадры подтягивались во всех участках к советско-германской границе, ибо теперь граница стала общей после событий 1939 года.

Для каждого, кто пережил войну, она начиналась по-своему, у каждого свое 22 июня 1941 года. Многие ее ждали, предчувствовали, предсказывали, исходя из анализа международной обстановки, и все же, как и всякая беда, она пришла внезапно. И не потому для многих внезапно, что не знали о сосредоточении немецких войск вдоль советской границы. Она пришла внезапно и для тех, кто знал об этом.

Ну и как, скажем, не ожидать ее и не готовиться к ней тем, кто работал на сооружении Дунайского укрепрайона? Его строительство начиналось с нуля. И только что назначенный туда начальник штаба Николай Иванович Крылов, и военные инженеры, и строители, и красноармейцы не могли не понимать, что обстановка тревожная, ибо командование торопило строительство, шло оно днем и ночью. И никто не роптал, понимая значимость работ.

Весна сорок первого года в Молдавии была ранней и теплой. В апреле буйно цвели сады. Дальневосточнику казались неправдоподобными и апрельское тепло, и роскошная зелень прибрежных лесов. Выдавались мгновения, только мгновения из-за напряженнейшей работы, скорее всего в пути от одной точки УРа до другой, полюбоваться благодатной землей. Николаю Ивановичу очень хотелось, чтобы рядом были жена и дети, чтобы и они отдохнули от сурового климата Дальнего Востока. Их приезд задерживался. Дети должны были закончить учебный год в школе.

Весь апрель и май, как и другие работники штаба, Крылов напряженно трудился. Разрабатывалась система артиллерийского огня, рассчитывались переносы его и сосредоточения в самых опасных точках, шли занятия с пулеметчиками. Рядом, через Дунай и Прут, в Румынии, укреплялись позиции антинародного режима гитлеровского союзника Антонеску. И уже поступали разведданные от пограничников, что к границе подводятся румынские войска.

На Балканах всю весну гремела приближавшаяся к границам война.

17 апреля капитулировала Югославия, 21 апреля настала очередь капитулировать Греции.

Дунайский укрепрайон имел своим центром город Болград на берегу озера Ялпуг в тридцати с лишним километрах от румынской границы. Войсковые подразделения укрепрайона располагались рядом с погранзаставами. От пограничников уже в конце апреля начали поступать

сообщения о сосредоточении войск за Дунаем и Прутом.

В начале апреля участились нарушения границы германскими самолетами. Пограничные части и войска, расположенные близ границы, получили категорическое распоряжение: по самолетам-нарушителям не стрелять, ограничиваться лишь официально оформленными протестами. Отмечались попытки с румынской стороны фотографирования возводимых укреплений. Также отмечалось появление в расположении румынских войск частей немецкой армии. Причем это просачивание немецких частей шло непрерывно уже с февраля месяца.

В мае на погранзаставы начали поступать агентурные сообщения с румынской территории о массовой мобилизации, о раздаче оружия, о подвозе боеприпасов из глубины, между румынскими солдатами и офицерами шли разговоры о том, что 8 июня начнется война с Советским Союзом. 22 мая румыны начали разминировать подходы к границе, при этом поступали донесения, что подходы освобождаются для беспрепятственного продвижения к границе германских войск.

В июне обстановка значительно обострилась. Начались обстрелы советских самолетов, пролетающих вдоль границы.

4 июня отмечено появление большой группировки немецких войск в 50–80 километрах от советской границы в районе Яссы. В район Дорохой прибыли две германские пехотные дивизии. Разведка отметила в этом районе до двенадцати немецких полков со штабами, из них два моторизованных полка и танки.

В Верешты, юго-восточнее Сучава, расположился штаб моторизованной немецкой дивизии и авиагруппа истребителей. В районе Богошани — две немецкие дивизии. Железная дорога была загружена до предела переброской военного снаряжения.

Еще ранее, 31 мая, в Севеней сосредоточились 150 немецких танков.

Донесения о сосредоточении немецких войск, танков, гаубичной артиллерии, авиаэскадрилий нарастали лавиной. Обо всем этом знали в штабе УРа, было над чем задуматься.

20 июня в Болград к Крылову приехали жена и трое детей — Лида, Юра и Боря. Николай Иванович радовался, что покажет им Молдавию, что они отдохнут в этом благодатном краю, но успел свозить их только на озеро Ялпуг.

А на рассвете 22 июня Николая Ивановича разбудил красноармеец-оповеститель и сообщил, что необходимо срочно явиться в штаб.

— Настя, — сказал он, — это, по-моему, война! Только спокойно! Не перепугай ребят. Что надо делать — сообщу!

Он не успел добежать до штаба, раздался надрывный, прерывистый гул авиационных моторов. Еще никто не привык к этому звуку, потом уже научились различать системы немецких самолетов по работе мотора. Но звук был чужой. Над городом раздалась пулеметные очереди. Первый воздушный бой. А несколько секунд спустя на город посыпались бомбы.

Налет на Болград немцы произвели безнаказанно, как почти все налеты в этот первый день войны. Около полудня Николай Иванович поспешил к жене, позаботиться об ее отъезде. Но уже и без него приняли меры. Жену и детей он увидел в кузове полуторки. Вывозили семьи командиров...

Дунайский укрепрайон входил в подчинение Одесскому военному округу, в непосредственном подчинении состоял у командира 14-го корпуса генерала Д. Г. Егорова. Фортификационные сооружения его не были готовы, как не готовы были и долговременные огневые точки. Все имущество и вооружение пришлось отдать полевым войскам. Людской состав также отзывался в действующие части. Забирали и штабных работников. Но кое-что пригодилось. Пригодилась прежде всего расстановка артиллерийских батарей и та расчетная пристрелка, которая была произведена до войны. Характерна была и настороженность командования Одесским военным округом и 14-го корпуса, державшими войска в состоянии почти боевой готовности номер один.

Начальник штаба Одесского военного округа М. В. Захаров, впоследствии крупный штабной деятель, настоял в тревожные июньские дни перевести на запасные аэродромы авиацию и этим предохранил ее от больших потерь в момент первых вражеских налетов. В первый же день он сумел перевести управление войсками округа на заранее оборудованный командный пункт (КП).

Сумел трезво оценить обстановку и командир 14-го корпуса генерал Д. Г. Егоров. Подчиненные ему войска сразу же по боевой тревоге начали без потери времени выдвижение на рубежи обороны.

Начальник артиллерии корпуса полковник Н. К. Рыжи сумел убедить командира корпуса прервать сбор артиллеристов, поэтому в субботу 21 июня они оказались в своих частях и сразу же включились в военные действия. Еще в мирные дни Николай Иванович Крылов, предвидя задержку с возведением инженерных сооружений УРа, позаботился, чтобы артиллерийские средства были подготовлены к бою в любых условиях. Каждая батарея, кроме того, имела и запасные позиции с карточками огня.

В состав 14-го корпуса входила одна из самых прославленных дивизий в Красной Армии — 25-я Чапаевская. Командир дивизии А. С. Захарченко тоже сделал все возможное в той уклончивой предвоенной обстановке, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. В субботу он вывел из казарм в Рени 31-й Пугачевский имени Фурманова полк на батальонные учения в направлении к границе. 22 июня на рассвете казармы были разрушены огнем налетом дальнобойных батарей противника из-за реки. Но они были пусты...

Не застало вторжение врасплох и артиллерийский 265-й корпусной полк. Его командир майор Н. В. Богданов, депутат Верховного Совета Украины, в первые же часы всей силой своего огня вступил в бой.

Позднее стало известно, что оконечность правого фланга группы войск «Юг» на первые дни вторжения не имела задач активного продвижения на нашей территории. Предполагался прорыв танковой группы Клейста к Киеву, что должно было привести к отводу советских частей с румыно-советского пограничья. Но вместе с тем перед румынскими войсками и перед немецкими частями их поддержки ставилась задача форсировать Прут и Дунай и оттеснить советские войска из треугольника Болград, Рени, Измаил, а при возможности отсечь их выходом на Татарбурнары и взять в окружение. Но ни командование Одесским округом, ни командование 14-го корпуса не знало об ограниченности задач противостоящих им войск вторжения и действовало, как это и должно было быть, с полной отдачей сил.

Попытки переправиться через Прут и Дунай были сорваны.

В расположении Дунайского УРа румынским войскам был нанесен сразу же серьезный урон. На рассвете отдельным румынским частям, пользуясь внезапностью нападения, удалось кое-где переправиться через Дунай. Но тотчас они попали под прицельный артиллерийский огонь, а к концу дня подошедшими частями Чапаевской дивизии были разгромлены. Сдалось в плен до пятисот вражеских солдат и офицеров.

Сводки Информбюро были в те дни тревожными. Возникали новые направления, что свидетельствовало о значительном продвижении фашистских войск вторжения. Еще мало кто знал даже и из высших командиров корпуса, да и всей 9-й армии, в которую он входил, о тех «котлах», которые сумели создать немецкие танковые войска в Белоруссии и на Украине. Южная оконечность границы пока удерживалась. Мало того, в июне, в первые дни войны, Дунайская военная флотилия по приказу из Севастополя во взаимодействии с 14-м корпусом высадила десант пехотного полка на румынский берег Килийского гирла, чем сорвала артиллерийский обстрел Измаила с румынской стороны. Полевая артиллерия Чапаевской дивизии поддерживала высадку десанта.

Вместе с тем тот факт, что 9-й армии удалось на какое-то время, пусть и не на направлении главного удара, притормозить вторжение румынских войск, сказался потом на обороне Одессы, дал возможность укрепить подступы к городу, подготовить его к сопротивлению.

Но в июле в Приморье еще не осознали до конца, какие грядут впереди трудности. Мало кто верил, что может пасть Киев, что бои перекинутся в

Одессу.

3 июля румынские войска, усиленные немецкими, форсировали Прут в среднем его течении. Обстановка усложнялась. Спешно расформировали штаб Дунайского укрепрайона, Николая Ивановича вызвали в Одессу.

Он добирался до Одессы на полуторке. В кузове стояли бочки с запасом бензина. Ехали в основном в ночное время, самолеты противника уже охотились по дорогам не только за войсками, но и за мирными жителями, уходящими в тыл от войны. Между Днестром и Одессой жители окрестных сел и деревень копали противотанковые рвы. Окапывалась и Одесса. При въезде в город — плакат с приказом начальника гарнизона еще от 26 июня: «Запрещается пребывание граждан на улицах от 24 часов до 4 часов 30 минут утра. Торговые предприятия заканчивают работу не позже 22 часов, театры, кинотеатры и другие культурные учреждения — не позже 23 часов...»

Город жил еще почти мирной жизнью. В Измаиле и Болграде было не до кинотеатров и торговых предприятий...

Николай Иванович в тот раз в Одессе пробыл недолго. Его направили командиром полка в дивизию, которая формировалась на Днепропетровщине. Но он так и не вступил в командование полком, о нем вспомнил вновь назначенный начальник оперативного отдела Приморской армии генерал-майор В. Ф. Воробьев, бывший начальник Николая Ивановича по штабной службе в Тихоокеанской дивизии. Штабы, как всегда, формировались с большими трудностями по сравнению с подбором командного состава, вот и отозвали Крылова из командиров.

Прошел почти месяц с начала войны. Пали Минск и Смоленск, бои шли уже на подступах к Ленинграду, под угрозой оказался Киев, взят Кишинев. Врагу удалось отсечь левофланговые дивизии 9-й армии от главных сил Южного фронта. Чтобы избежать окружения, части 9-й армии начали отход на промежуточный рубеж. Дунайская флотилия еще раньше была перебазирована в Николаев на Южный Буг. 14-й корпус, отходя, сумел вывезти всю материальную часть.

Что означал отрыв 9-й армии от главных сил Южного фронта, Крылову объяснять было не надо. Наступал час Одессы.

Город на этот раз уже не выглядел столь мирно, как в первые дни июля. Уже были видны разрушения от налетов вражеской авиации. Всюду военные патрули, мирных жителей почти не видно. На улицах баррикады и даже ежи из рельсов. Город готовился к уличным боям, везде, где можно было ожидать воздушного десанта, оборудованы огневые позиции.

Николай Иванович, въезжая в город, еще не догадывался о причине

вызова.

Штаб Приморской армии размещался в том же здании, где находился штаб округа. Часовой очень тщательно проверил документы. Предписывалось явиться к начальнику штаба округа Матвею Васильевичу Захарову.

Захаров встретил его радушно.

— Здравствуй, штабист... Чуть было не убежал в строевые? Ты погляди, какая идет усложненная война! Местами не фронт, а слоеный пирог. Нынче без штабов не осуществить управление войсками... Слов нет, нападение внезапно, многое было не готово к отражению врага... А я вот так думаю, что в современных условиях мы проигрываем в организации управления... Вот перейдешь к разработке более крупных операций, поймешь, что солдат наш — хороший солдат и в оружии мы не очень-то уступаем немцам. Пока не уступаем... А вот с управлением войсками, со связью отстали... И серьезно отстали.

Только завязался разговор, слышались бомбовые разрывы. Захаров, не прерывая разговора, встал, взял Крылова под руку и отвел к арке внутренней капитальной стены.

— В убежище не набегаешься, а под землю забираться рано... Здесь все же надежнее. Общая обстановка, надеюсь, известна по сводкам Информбюро?

— Сводки сдержанны, Матвей Васильевич! — ответил Крылов. — Много есть непонятного...

— Не так ожидалось? Здесь и мне многое непонятно, но и никто не подскажет. Самим надо добираться до истины... Истина пока проглядывается в одном: каждый шаг врага по нашей земле должен ему даваться с трудом, каждый рубеж, если им и преодолевается, то чтоб не малой кровью... Должны быть использованы все возможные преимущества обороны, все ее сильные стороны, доколе у нас не будет силы перейти в контрнаступление. Все, все, что возможно — употребить, чтобы бить и бить врага... Легкой прогулки у него уже не получилось, а что дальше... Дальше от каждого из нас зависит... Кишинев взят, ты понимаешь, что это означает?

— Оборону Одессы? — ответил вопросом Крылов. — Я видел, что город готовится к уличным боям...

— Когда до уличных боев дойдет — это плохо! — заключил Захаров. — Иди в штаб Приморской армии, ты назначен заместителем начальника оперативного отдела...

Первое, что надо было сделать после разговора с Захаровым, это

представиться начальнику оперативного отдела. Захаров умолчал о том, под чьим началом придется работать.

Крылов отыскал кабинет начальника оперативного отдела, постучался и услышал за дверью знакомый голос. Ему показалось, что он ослышался. Но, переступив порог, все понял. Из-за стола навстречу ему поднялся генерал-майор Василий Фролович Воробьев.

На первые вопросы, где семья, дети, Крылов ничего не мог ответить. Он знал лишь, что «газик» добрался до станции Раздольная, там жен командного состава Дунайского УРа посадили на поезд. За Раздольной немецкая авиация охотилась за поездами...

Воробьев вздохнул и молвил:

— Многие из нас забыли простую истину: военный человек всегда должен быть наготове, что бы там ни говорилось, что бы ни предполагалось... Но это уже прошлое. Перейдем к настоящему. Прислали меня сюда, а людей в отделе нет. Все переформируется, одних отправляют в штаб Южного фронта, других — из штаба фронта сюда... Поезд тронулся, надо рассаживаться кому где способнее... У кадровиков наткнулся на твою фамилию... Теперь ты мой заместитель и начальник первого отделения... Не тебе объяснять, что это значит и какой объем работы предстоит... Артиллерийская канонада сюда еще не доносится, но страшно сказать! Придется оборонять Одессу с суши, а не с моря, а никто к этому варианту не готовился. Скажи кто-либо об этом месяц назад, назвали бы паникером...

«Военный человек всегда должен быть наготове». Не новая мысль, но все зависит от обстановки, когда о ней вспоминают. Воробьев еще и до того, как стал преподавателем академии Генерального штаба, любил повторять эти слова и будучи начальником штаба Тихоокеанской дивизии. Он сразу же, не слушая никаких возражений, отправил Крылова в подземелье...

— У тебя должны быть сосредоточены все данные о наших войсках, — говорил он. — В любой час дня и ночи ты должен держать руку на пульсе всей армии... Одессу бомбят, и кокетничать с бомбежкой кому-то, может быть, и пристало, тебе — нет!

Сначала оперативный отдел штаба Приморской, затем и штаб целиком, и КП командующего разместились в Шустовских подвалах. Когда-то знаменитый виноторговец хранил здесь бочки с коньяком, выдерживая их годами. Три этажа под землю. Мощные арочные перекрытия. Оперативный отдел — на самом нижнем этаже. Сюда не доносятся звуки даже от разрыва полутонных бомб. Круглые сутки горит электрический свет. На случай выхода из строя городских электростанций оборудована автономная

подстанция на аккумуляторах. Смену дня и ночи здесь можно определить только по часам. Комната-каземат, в ней фанерной перегородкой отгорожена «каюта». В «каюте» небольшой письменный стол, койка и телефоны. Это и кабинет и дом Крылова. Телефоны пока еще не имеют всех необходимых точек связи. Ее придется еще только налаживать с дивизиями, полками и даже с батальонами Приморской армии.

Оперативный отдел штаба армии приступил к выполнению боевой задачи не в полном комплекте. Крылов получил полномочия подбирать в оперативный отдел офицеров из любых подразделений, но уже к ночи на столе у него лежали карты Одессы и всех тех районов, которые вот-вот могли стать фронтовой полосой.

Воробьев жаловался, что те офицеры, которых ему удавалось привлекать к штабной работе, совершенно ее не знали. Крылов сразу отличил из высвободившихся штабных работников старшего лейтенанта Н. И. Садовникова. Он только что окончил академию имени Фрунзе, был молод.

Его доклады всегда были исчерпывающе точны, за ним не надо было ничего перепроверять. Крылов сам был точен и ценил в штабной работе точность превыше всего.

В округе высвобождались многие офицеры. Явился к Крылову капитан Константин Иванович Харлашкин. Статный, щеголеватый молодой человек. Обмундирование на нем блестело, как с иголки. Он четко доложил, что явился для прохождения службы в оперативном отделе.

— Чем занимались в округе? — спросил Крылов.

— Ведал физподготовкой, товарищ полковник! — ответил Харлашкин, нисколько не смущаясь несоответствием своей профессии задачам штабной работы.

Несколько наводящих вопросов показали, что Харлашкин совершенно не знаком с методологией оформления штабных документов, имел очень смутное представление о тактике современного боя. Этот пробел, кстати, отмечался и в аттестации, но в аттестации указывалось на исполнительность. В кадрах, видимо, рассудили, что назначать его строевым командиром бесперспективно, и в суматохе отправили в штарм, авось пригодится.

— Как вы представляете свою работу в штабе? — спросил Крылов, ожидая услышать, что в штабе и не мыслит работать.

— Готов исполнять любые поручения, товарищ полковник!

Что-то было в его задорном ответе, во всем облике внушающее доверие. В штабе действительно могли возникать нужды разыскать затерянную в степи часть и во время боя связаться с частью, когда все иные средства связи прерваны. И, кроме того, Крылов не мог не вспомнить, с

каким настроением он явился на пулеметные курсы. И в Харлашкине не ошибся. Оказался у Харлашкина и зоркий глаз, и способность не теряться в самой сложной обстановке, к тому же был он исключительно отважен. Из него впоследствии получился боевой направлонец. А за его веселый нрав, за шутки его вскоре полюбил весь отдел.

Стали надежными помощниками и выпускники академии имени Фрунзе И. П. Безгинов и И. Я. Шевцов.

Между тем не терпела никакой отсрочки главная задача — взвесить соотношение сил, рассмотреть и оценить все рубежи предстоящей обороны города, провести учет всех средств, которые достались Приморской армии после всех переформирований.

На столе у Крылова оживали карты. Обобщались данные армейской и авиационной разведки, а также полученные на допросах военнопленных данные визуальных и иных наблюдений.

На правом берегу Днестра против Приморской армии на участке между Тирасполем и Григориополем сосредоточилась 4-я румынская армия в составе девяти дивизий. В стык значительно ослабленной 9-й и Приморской армии была нацелена 11-я немецкая полевая армия и три румынские пехотные дивизии. Приморская армия могла противопоставить этим силам только три дивизии: 95-ю и 25-ю Чапаевскую — стрелковые и одну кавалерийскую дивизию, сосредоточенную между Тирасполем и Григориополем.

Войска занимали рубеж обороны по берегу Днестра, но падение Кишинева диктовало необходимость отвода этих дивизий. Промежуточный рубеж был намечен от станции Кучурган на север до станции Ананьев.

Пришло время вспомнить свой первый приезд в Одессу, когда, пробираясь степными дорогами на полуторке, увидел в поле, как жители города и окрестных городов и поселков копали противотанковые рвы. Ров и эскарпы не были сплошной линией, не было и сплошной траншеи. Успевали создать лишь опорные пункты обороны от Кучургана через Раздольную, Жеребково, Демидовку на Березовку, Веселиново и Покровское.

Промежуточный рубеж при отводе войск выбирался круто на север. Все еще не терялись надежды установить локтевую связь с 9-й армией. Отход на первый рубеж обороны с загибом правого фланга на юго-восток означал бы окончательный отрыв 9-й армии и от всего левого фланга Южного фронта. Это уже полное обособление Одессы. Одесса и весь прилегающий район становились как бы островом, окруженным врагом.

И днем и ночью, главным образом ночью, ибо днем уже не раз

немецкая авиация совершала налеты, местное население копало противотанковые рвы, отрывало эскарпы, рыло котлованы для огневых точек на втором и на третьем рубежах намечаемой обороны. Второй рубеж намечался от Беяевки, оставляя левым флангом Днестровский лиман, на Павлинку, круто загибая правый фланг в направлении на Николаев, доходил до Нечаянного, пересекая Тилигульский лиман. Третий — все от той же Беяевки выгибался короткой дугой на станцию Выгода. В систему обороны третьего рубежа включились Хаджибейский и Куяльницкий лиманы.

Очень трудно, с большим замедлением совершался поворот в сознании не только гражданских властей, но и у людей военных, удаленных от направления главных ударов немецких войск большими расстояниями. Некоторые все еще находились в плену иллюзий, даже многие высшие командиры, что вот-вот все резко переменится, войдут в дело главные резервы Красной Армии, враг будет остановлен и еще до осени повернут вспять. Николай Иванович давно расстался с этими иллюзиями, тем более что в высших штабах по правилам военной науки должны прорабатываться и самые худшие варианты, чему Крылова учил еще полковник Генерального штаба русской армии Богоявленский. Поэтому неудивительно, что с Василием Фроловичем Воробьевым, учеником того же Богоявленского, они понимали друг друга с полуслова, что было очень важно, поскольку по тем временам всякий мог быть с легкостью назван паникером и призван к ответу.

*

Командарм Н. Е. Чибисов рассматривал Днестровский рубеж обороны как очень надежный. Тогда еще никто не знал, что правый фланг группы войск «Юг» по стратегическому замыслу немецкого командования на первые дни войны не имел решающих задач. Продвижением на Киев, а затем ударом 1-й танковой группы под командованием фон Клюге намечался раскол всего Южного фронта, а после овладения Киевом захват Донбасса и продвижение на Ростов. Одесса и Крым по замыслу немецкого командования должны были пасть сами собой, как только будут отсечены от центра.

На 4-ю румынскую армию возлагалась задача уничтожения разрозненных советских войск и оккупация морских портов Одессы, Николаева и Севастополя.

Не испытывая сильного давления на Днестре, генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов склонялся к мысли, что Тираспольский укрепрайон, располагая довольно значительными артиллерийскими средствами и имея в своей полосе сотни пулеметных дотов, сможет удержать линию фронта от Григориополя до Овидиополя, что отсюда можно начать контрнаступление, как только Приморская армия пополнится резервами. Он приказывал: «Внушить всем, что оборона по реке Днестр такая, через которую противник не должен пройти. Оборона временная, и мы должны выискивать момент для перехода в наступление...»

Если бы этот приказ был издан в воспитательных целях, это имело бы веские основания. Но и командарм, и Военный совет армии, партийные и советские органы Одессы верили, что так оно и будет. Пожалуй, только три человека в армии — начальник штаба генерал-майор Г. Д. Шишенин, начальник оперативного отдела В. Ф. Воробьев и его заместитель Н. И. Крылов — видели обстановку не в столь оптимистическом свете.

В штабе учитывали, что, несмотря на прочную оборону в полосе Тираспольского УРа, севернее к Григориополю оборона значительно слабела. Сорокапяткилометровую полосу удерживала лишь одна 95-я Молдавская стрелковая дивизия. Дивизия со славными боевыми традициями времен гражданской войны, но она не имела ни танков, ни сильного артиллерийского прикрытия. Прорыв врага в ее полосе сразу поставил бы под угрозу весь Тираспольский УР. Окружение его грозило потерей значительных вооружений. При нехватке огневых средств в Приморской армии это было совершенно неоправданным риском.

Суточные записи в журнале боевых действий в те дни неизменно начинались словами: «Приморская армия занимает оборону по восточному берегу р. Днестр, производит оборонительные работы и перегруппировку своих войск».

Забот по перегруппировке войск штабу хватало на полный день. Однако ночью, когда стихала дневная суета, а о передвижениях войск сообщения задерживались до утра, Василий Фролович Воробьев и Николай Иванович Крылов расстилали в «каюте» оперативного отдела карты и, не утешая себя оптимистическими рассуждениями, тщательно взвешивали все возможности обороны города в критических ситуациях. Здесь в пору ночных размышлений не могло быть места упрекам в неверие своих сил, в каком-либо паническом оттенке в настроениях.

Потом эти ночные расчеты докладывались Шишенину, а утром городские власти и войска, расположенные в городе, получали распоряжения, которые далеко не всем тогда были понятны.

Профессиональные штабисты не впадали в самообман. По многим, почти неуловимым для непосвященных признакам они видели, что враг подбирается к Одессе. В штабе Приморской получили сведения, что на морских подходах к Севастополю немецкие летчики сбрасывают в море мины. Вблизи от Одессы мины не ставили, ее явно рассчитывали оставить далеко в тылу своих войск.

Однако деятельность штаба Приморской армии по совершенствованию оборонительных рубежей не осталась незамеченной авиаразведкой противника, и это вызвало тревогу у немецкого командования. После войны стало известно, что в те дни, а именно 30 июля, обобщая события в районе Одессы, начальник генштаба германских сухопутных войск Гальдер записал в дневнике: «Следует ожидать попытки противника удержать район Одессы. Одесса может стать русским Тобруком. Единственным средством против этого является прорыв 1-й танковой группы через Первомайск на юг...»

И здесь, как во многих своих расчетах в войне с советским народом, немецкий генералитет ошибся. За Одессу им предстояло заплатить дорогой ценой.

Именно в Одессе Николай Иванович Крылов и начальник артиллерии армии Николай Кирьякович Рыжи выработали систему всеохватывающей артиллерийской поддержки войскам. Методику огня по системе УРа Крылов решил перенести на оборону города. Рыжи, который при Дунайском УРе оценил взаимодействие всех артиллерийских средств, подключился к разработке системы огня, в которую составной частью вводили и мощные береговые батареи.

Приморская армия и военно-морская база в Одессе располагали не столь уж богатым артиллерийским парком. Армия имела 303 орудия, в том числе и 45-миллиметрового калибра. Военно-морская база располагала 35 орудиями калибра от 180 до 203 миллиметров. Имелась также возможность привлечь на поддержку 30 стволов корабельного отряда.

Время, когда противник в районе Тираспольского УРа пытался безуспешно переправиться через Днестр, не было зря потеряно.

Между штабом Приморской армии и штабом военно-морской базы установился тесный контакт. Начальник штаба военно-морской базы капитан 1-го ранга С. Н. Иванов, флагманский артиллерист базы капитан 2-го ранга С. В. Филиппов, Н. К. Рыжи и Николай Иванович Крылов спланировали огневую поддержку всех батарей таким образом, чтобы в любом доступном для дистанции огня месте можно было в любой момент сосредоточить массированный артиллерийский удар.

Моряки и приморцы наметили места корректировочных постов, условились о порядке вызова огня. Создалась необычная ситуация. Береговые батареи и корабли готовились к обороне с суши, а не с моря.

Развитие событий не замедлило...

Как это и можно было предположить, удар последовал в стык 9-й армии и Приморской 30 июля. 11-я немецкая и 3-я румынская армии переправились через Днестр под Дубоссарами и, захватив плацдарм, переправив танки, прорвали оборону 95-й Молдавской дивизии и устремились на Жовтнево и Ново-Павловку, сворачивая оборону левого фланга 9-й армии, с каждым часом увеличивая ее разрыв с Приморской армией.

Южный фронт был до основания поколеблен широким немецким наступлением на Киев. 6-я и 12-я армии попала в окружение. Войска Южного фронта спешно отводились за Днепр.

С 22 июля не прекращались налеты немецкой авиации на Одессу. В городе возникали сильные пожары. С ними пока справлялись городские пожарные команды.

Налеты были отмечены и сильными разрушениями городских зданий, и жертвами среди мирного населения.

Обстановка обострялась с каждым часом.

31 июля в Одессу прибыл новый командующий Приморской армией — Георгий Павлович Софронов. Прибыл человек огромного политического и боевого опыта. До революции — прапорщик русской армий, он еще до Октября связал свою судьбу с большевиками. В Одессе не впервые. В конце семнадцатого года он участвовал в обороне Одессы от... немецко-румынских войск.

Великую Отечественную войну начал заместителем командующего Прибалтийского особого военного округа. Успел не только познакомиться с немецкой тактикой маневренной войны, но и оценить ее достоинства, и увидеть ее слабые стороны. Ему было под пятьдесят, возраст, в котором человек ответственно воспринимает каждый свой шаг. Москва оценила всю важность обороны Одессы. Назначение его было неслучайным и отражало в какой-то степени серьезность задач, стоявших перед Приморской армией.

Начальник Генерального штаба Г. К. Жуков нашел необходимым побеседовать с ним перед отправкой в Одессу. В планы Генштаба входило значительно усилить Приморскую армию, доведя ее личный состав до пяти-шести дивизий. В Генеральном штабе уже было ясно, что Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом придется сражаться в тылу врага, что Одессу надо сохранить как очень важный плацдарм для

того времени, когда советские войска перейдут в контрнаступление.

Новый командарм не спешил со своими решениями. Состояние дел в Приморской армии во многом оказалось для него неожиданным. Из общей обстановки явствовало, что о пяти-шести дивизиях не могло быть и речи. Сохранить бы то, что имелось в наличии: две стрелковые дивизии, причем 95-я Молдавская была втянута в тяжелое сражение под Дубоссарами. Этими двумя дивизиями надо было прикрыть Одессу и Николаев. Задача явно невыполнимая.

Но спокойный и рассудительный командарм не растерялся, не пал духом. За Одессу надо было сражаться и при столь сложных условиях, а невыполнимое отставить.

3 августа старший лейтенант Садовников занес в журнал боевых действий: «Ликвидация Дубоссарской группировки приобретает исключительное значение, так как противник занял Первомайск, и соединение Первомайской и Дубоссарской группировок создаст тяжелое положение для 9-й и Приморской армий».

Оценке старшего лейтенанта было воздано должное. Анализ был точен. В оперативном отделе штаба никто не смыкал глаз. Направленцы выверяли наличие сил. Надо было спасти ослабленный правый фланг. Взвесив все возможности, Крылов и Воробьев остановились на том, чтобы на правый фланг выдвинуть прежде кавалерийскую дивизию И. Е. Петрова, единственный резерв армии. Для ее усиления перебросить туда же один полк Чапаевской дивизии и начать выдвижение пограничников, одесских истребительных батальонов и всего того, чем может помочь военноморская база.

Софронов дал согласие на эти передвижения и неожиданно для всего штаба принял решение начать свертывание Тираспольского укрепленного района.

И хотя в своих размышлениях Воробьев и Крылов не рассматривали эту возможность и даже в варианте обороны Одессы на ближних подступах рассчитывали на огневые средства УРа, но и для них столь кардинальное решение было неожиданным.

Ну а оправданно ли такое решение? Не рано ли? Быть может, Южный фронт все же найдет силы задержать немецкое наступление?

Вот где сказался опыт командарма, приобретенный в боях в Прибалтике. Учитывая, что натиск врага еще не ослабел ни в одном из направлений, что немецкие войска еще обладают превосходством в численности войск, в танках, что немецкая авиация пока еще господствует в воздухе, ожидать, что Южный фронт ликвидирует кризис, не

приходилось. Вместе с тем отвод УРа со всеми его огневыми средствами требовал времени. Малейшее промедление могло привести к его окружению.

Дивизии были усилены за счет УРа огневыми средствами, создавался подвижной резерв.

Внес командарм и значительные поправки в сооружение оборонительных рубежей.

Фронт обороны на первом рубеже составил бы 225 километров, на втором — около 175 километров. Теперь все это надо было пересматривать. Для двух дивизий такая протяженность обороны была нереальна. Софронов потребовал, чтобы основные усилия по созданию инженерных сооружений были перенесены на третий, ближайший к городу рубеж обороны. И здесь сказался его опыт обороны против немецких войск. Он указал на малую эффективность противотанковых рвов и приказал отрывать стрелковые окопы с разветвленными ходами в несколько рядов.

Почувствовали твердую руку командарма и командование военно-морской базы, и пограничники, и части НКВД.

Моряки спешно формировали два сухопутных полка. Правда, невелика была их численность. В первом — 1300 бойцов, во втором — 700. Но это были мужественные люди. Пограничники и части НКВД сформировали свой полк.

4 августа прервалась проводная связь со штабом Южного фронта.

5 августа в директиве Ставки Верховного Главнокомандующего Южному фронту было приказано Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот.

Приморская армия получила приказ отходить на первый рубеж обороны Одессы — станцию Кучурган, станции Раздельная, Катаржино, Березовка. Правый фланг армии развертывался фронтом на север, левый оставался у Днестровского лимана.

Директивой Ставки как бы начинался последний этап сражений на южном фланге Южного фронта. Одесса превращалась в изолированную от суши крепость. На первом рубеже обороны остановить наступление средств не было. Отвод войск с задачей оторваться от противника, да еще в степных просторах, всегда был сложнейшим маневром, а при пятикратном превосходстве противника нужны были поистине титанические усилия, чтобы не растерять войска.

Вот когда сказалась предусмотрительность командарма, начавшего отвод Тираспольского УРа до приказа командующего Южным фронтом.

Думается, что решения Софронова в организации обороны, его

понимание тактики немецкого командования помогли Крылову сформировать свой взгляд на тактику обороны против немецких войск. Вскоре и ему пришлось играть первые роли в масштабе армии.

Первый рубеж обороны, как и следовало ожидать, оказался неустойчивым. В разрыв между 9-й армией и Приморской устремились войска 11-й немецкой армии, на Катаржино и Березовку наступало 9 дивизий 4-й румынской армии. Правый фланг Приморской, чтобы избежать его отсечения от Одессы, пришлось изогнуть дугой и выйти на второй рубеж обороны и преградить пути для обхода Одессы со стороны Тилигульского и Куяльницкого лиманов.

К 8 августа линия фронта пролегла по дуге от Белчевки на Днестровском лимане на Кагарлык, на Старую Вандалинку, станцию Буялык.

Командованию Приморской армии из показаний пленных стало известно, что Антонеску поставил задачу своим войскам овладеть Одессой 10 августа.

Нажим румынских войск усилился, Приморская армия отходила с боями, и к 12 августа линия фронта установилась местами по третьему рубежу обороны: Беляевка, станция Выгода, Кубенка, Куяльницкий лиман — и приняла форму подковы. Все пути из города и в город по суше были отрезаны.

Но еще 10 августа, ночью, в подземелье к Крылову спустился Воробьев и объявил ему:

— Николай Иванович, вас вызывает командарм.

Софронов, когда к нему вошел Крылов, стоял, склонившись над картами. Он поднял голову и устало сказал:

— Вот что, Николай Иванович. Оперативный отдел много сделал, чтобы создавшаяся обстановка не оказалась внезапной. Мы к обороне Одессы в глубоком тылу врага готовы. С сего часа считай себя хозяином в оперативном отделе. Фролович примет девяносто пятую дивизию... Ее надо основательно подкрепить.

«Фролович, Фролович... О ком это?» — подумал Крылов, не сразу догадавшись, что речь идет о Воробьеве.

— Вы колеблетесь? — строго спросил командарм. — Генерал Воробьев давно просился на дивизию... И нам сегодня некому ее доверить, кроме как ему.

— Я не колеблюсь! — ответил Крылов. — Я просто не ожидал, что Василий Фролович покинет штаб.

Бои в это время шли под Беляевкой, по обе стороны железной дороги

на Тирасполь и у Аджалыкского лимана.

Тридцать восемь лет: много это или мало, достаточный возраст для того, чтобы возложить на человека ответственность за жизни и судьбы десятков тысяч людей в самой напряженной обстановке в ходе военных действий?

В свои тридцать восемь лет Николай Иванович выглядел вполне зрелым человеком, духовные возможности которого готовы были раскрыться с предельной силой и, казалось, ждали только своего часа. Коренастый, крепкий, словно отлитый по совершенной форме воина, он привлекал открытостью — типично русским в характере. Крупные черты его лица свидетельствовали о душевном здоровье его обладателя, спокойный внимательный взгляд внушал окружающим безграничную веру в счастливый исход дела, которое он делал. Всякий знал, что он не подведет, не выдаст, а главное — всегда отнесется серьезно ко всему, к чему ни прикоснется, и в этом был залог успеха и твердости основ существования всех, кто его окружал. И Шишенин, и Софронов, и все остальные считали его душой штаба, главным его стержнем, и в этом не было преувеличения. Он чутко держал в своих руках все нити по его управлению, зная все, что касалось передвижения войск. Ему было достоверно известно во всякий момент, где находилась та или иная часть, каков ее состав, вооружение, какова позиция, каков противник перед нею, и прочее, прочее, прочее. Весь замысел обороны Одессы, прорабатывавшийся им в мельчайших подробностях от первичной наметки рубежей обороны до их инженерного обеспечения, включая разработку координации артиллерийского огня, — целиком принадлежал ему.

10 августа он вступил в должность начальника оперативного отдела, в которой пребывал всего одиннадцать дней, но дни эти явились как раз тем горнилом, в котором выковались талант и воля будущего военачальника. Трудно сказать, были ли эти 11 дней, выдвинувшие его в начальники штаба Приморской армии, самыми тяжелыми в обороне Одессы. Немецкое командование и Антонеску и потом несколько не уменьшали давления на город: и в последние дни августа, и в сентябре, и в октябре наступающие постоянно подтягивали новые и новые резервы, подкова сжималась, но Приморская армия и военно-морская база твердо держались благодаря разработанной Крыловым системе обороны города.

Между 12 и 20 августа все было в движении, вместе с

перегруппировкой войск приходилось одновременно отбивать атаку за атакой. А тут еще и суматоха, вызванная опасением воздушного десанта. В ночь на 12 августа в штаб, в оперативный отдел к Крылову начали поступать со всех сторон тревожные данные по телефону и от граждан о высадке в разных местах на окраинах города парашютных десантов. Крылов приказал доставлять к нему добровольных вестовщиков. Никто из них десантов не видел, все ссылались на телефонные звонки в различные учреждения. Но и в штабе не было недостатка в телефонных звонках. Крылов заподозрил неладное, но истребительные батальоны из местного населения поднял по тревоге. Парашютистов нигде не оказалось, а к утру и сомнения рассеялись, поскольку стало очевидным, что это действовала вражеская агентура, пытавшаяся вызвать в городе панику. Всю ночь оперативный отдел держал на связи все подразделения, находившиеся в соприкосновении с противником.

Генерал Воробьев докладывал, что 95-я Молдавская дивизия удерживает 25-километровую полосу обороны в районе станции Выгода.

В районе Беляевки, на особо ответственном участке обороны (из Беляевки Одесса снабжалась водой), стойко сражалась 25-я Чапаевская дивизия.

В районе Свердлово держала оборону кавалерийская дивизия.

Ни провокация с телефонными звонками, ни натиск на фронте не принесли противнику ощутимого успеха. К концу дня из дивизий и полков возвратились представители штарма и политотдела. На карте у Крылова теперь уже с полной точностью обозначилась линия обороны.

Окрестности Одессы уже изучены не только по карте, опорные точки, через которые должна пройти линия обороны, назначенная командующим, исследованы с надлежащей основательностью, всякая их выгодность или ущербность примечены оперативным отделом штаба, которому к тому времени была ясна задача: оборонять Одессу независимо от того, как развиваются события на других фронтах.

Известны были и силы, на которые приходилось опираться во всех расчетах по обороне.

Крылов давно обратил внимание, что линия обороны, по начертанию своему напоминающая подкову, в меридиальном направлении рассекает одесские лиманы.

Маневренная война, начатая немецким командованием, требовала особо тщательного управления войсками. Кроме того, что средствами связи немецкие войска были оснащены значительно лучше наших, у них было преимущество в расположении. Одесса была отрезана. В городе и у

военных как-то сразу вошли в обиход слова «Большая земля». Большая земля — это и Москва, и просторы степей, еще не захваченных врагом, это и главная линия фронта, теперь уже изо дня в день удалявшаяся от Одессы. Связь с Большой землей была непростой, только морем. Если уж что-то нужно было экстренное — использовали авиацию. Успех обороны в огромной степени зависел от связи не только с Большой землей, но и от того, как удастся организовать оперативное управление всеми подразделениями, вплоть до роты и взвода, как будет осуществляться управление артиллерийским огнем.

Эти соображения подсказали Крылову решение разбить управление войсками на сектора, чтобы каждый сектор имел ответственного за оборону, за связь, за организацию артиллерийского огня.

Наибольшее продвижение в последние дни противник имел на восточном фланге. Оно было приостановлено 11 августа усилиями группы из кавалерийской дивизии, 1-го морского полка, сводного полка НКВД, 54-го полка Чапаевской дивизии и батальона 136-го запасного полка. Командование всеми этими частями сосредоточилось во время боя в руках комбрига С. Ф. Монахова. В штабе их так и называли — «группой Монахова».

Она задержала противника на рубеже Новая Дофиновка, Старая Дофиновка, Чеботаревка на восточном берегу Хаджибейского лимана.

Этим рубежом как бы сам собою образовался восточный сектор обороны. Хаджибейский лиман создавал естественный разрыв между группой Монахова и соседствующей с ней 95-й Молдавской дивизией.

Линия инженерных сооружений и опорных пунктов обороны, резко выдвинутая на запад от Хаджибейского лимана и до Секретеровки, подсказывала, что эта полоса должна стать самостоятельным сектором, с задачами обороны, отличающимися от задач и обстановки и за Хаджибейским лиманом на востоке, и на загибе подковы к югу.

На левом фланге расположилась полукольцом линия обороны, на которой действовала 25-я Чапаевская дивизия, усиленная подразделением пулеметчиков ТИУРа. Эта полоса становилась южным сектором обороны.

13 августа Крылов доложил Военному совету армии расчеты по образованию трех секторов обороны: восточного во главе с С. Ф. Монаховым, западного под началом В. Ф. Воробьева и южного под началом комдива 25-й А. С. Захарченко.

Кавалерийская дивизия под командованием И. Е. Петрова, понтонный батальон и 2-й морской полк выводились по этой расстановке сил в армейский резерв.

В тот же день командарм Г. П. Софронов подписал приказ о делении плацдарма на сектора и обязал войска оборудовать занимаемые позиции для длительной обороны.

Замысел командарма о разделении обороны на сектора был привязан не столько к рельефу местности, сколько к направлению возможных ударов противника, которые ему этот рельеф мог подсказывать. Он же диктовал распределение его и наших сил.

Сектора занимали неравномерные участки фронта, но эта неравномерность опять-таки соответствовала рельефу, благодаря которому удары противника не могли быть равномерными. Стало быть, только основательные знания, какими и где силами располагает противник, откуда ждать танковых ударов, каким образом тот или иной сектор может быть поддержан не только армейской, но и береговой дальнобойной артиллерией, могли дать возможность правильно распределить участки для секторов обороны.

Именно распределение обороны на сектора раскрывало возможность маневра траекториями орудийного обстрела. Для этого каждому сектору присваивался условный цвет. Под этим цветом сектора были размечены на картах и в подразделениях и у артиллеристов, что значительно облегчало корректировку огня. Кроме того, под Одессой было введено за правило на батареях иметь в обороне не три-четыре пристрелянных участка, как то рекомендовалось довоенными инструкциями, а всеми 12–15 «готовыми огнями».

Перестройка управления войсками дала себя знать тотчас же. Продвижение противника было сразу остановлено на участке западного сектора, прикрывающего кратчайший путь к Одессе.

В восточном секторе противник вынужден был ввести в бой танки... В начале августа их еще не было. Танки атаковали участок, который оборонял 1-й морской полк. Его поддержала 180-миллиметровая 412-я батарея береговой обороны. Но ее огня было недостаточно, чтобы остановить румынскую дивизию полного состава, усиленную механизированной бригадой.

Полковник Рыжи спустился к Крылову и предложил:

— Поднимемся наверх... Настало время послушать полный оркестр.

Крылов, привыкший к электрическому освещению, выходя на поверхность, в первый момент ничего не видел от яркого солнечного света. Но через минуту глаза привыкли. В это время Рыжи посмотрел на часы.

— Сейчас через несколько минут включатся! Надо поддержать моряков в восточном секторе...

Со стороны Хаджибейского лимана доносились тяжелые разрывы. Это посылала свои тяжелые снаряды береговая батарея. Включились батареи артполка Богданова, и вот донесся с моря тяжелый гул орудийных залпов. Было слышно, как над городом прошелестели тяжелые снаряды. Из Одесского залива открыли огонь в поддержку 1-го морского полка эскадренные миноносцы «Шаумян» и «Незаможник», канонерская лодка «Красный Аджаристан».

Оркестр играл слаженно и боевито.

Особое беспокойство командованию внушал западный сектор в районе станции Выгода. По обе стороны железной дороги на Тирасполь тянулась ровная, гладкая степь. Она создавала все предпосылки для движения танков. Станция Выгода была в полном смысле выгодна немцам, она считалась танкоопасным направлением, да еще на кратчайшем пути к Одессе. В штабе армии уже было известно из данных разведки, что вдоль железной дороги противник сосредоточил в первом эшелоне 3-ю и 7-ю пехотные дивизии, часть 1-й своей гвардейской дивизии, во втором эшелоне — 5-ю и 11-ю пехотные. Еще две дивизии — в резерве. И это против 95-й Молдавской неполного состава.

17 августа авиаразведка обнаружила в рядах противника колонну из 30 танков. Все говорило о том, что удара на прорыв обороны надо ожидать именно в полосе железной дороги. Так оно и случилось.

Наступление началось в седьмом часу утра, сразу же после налета бомбардировщиков и массированной артподготовки.

В восьмом часу Крылову доложили из штаба дивизии:

— Началось! Под ударом полк Сереброва! Двигутся танки, за ними пехота! Танков десятка два.

Несколько условных сигналов по телефонам подземной проводной связи, несколько коротких радиосигналов, и береговые батареи развернули свои 203-миллиметровые калибры на западный сектор. Полковая артиллерия была переведена на прямую наводку.

Командарм, получив сообщение о шестидесяти движущихся танках, приказал снять с огневых позиций ближайший к району прорыва дивизион бригады ПВО. Дивизиону не надо было искать удобных позиций, они были уже давно намечены.

Командир 161-го стрелкового полка С. И. Серебров приказал огня не открывать до особого сигнала.

В штабе армии Крылов, заметно волнуясь, отсчитывал минуты, отмечая движение врага по карте. Каково же было состояние бойцов, видевших перед собой не значки на карте, а лавину танков, а за ней густые

цепи, он мог легко представить. Но выдержали, не дрогнули, и только когда танки приблизились к траншеям на 200–250 метров, прозвучала команда: «Огонь!»

Огонь открыла полевая артиллерия. Точно по заранее, пристрелянным участкам легли снаряды береговых батарей.

Из восточного сектора в это время начал свое движение бронепоезд.

На столе у Крылова, у начальника штаба армии Шишенина, у командарма ожили карты взаимодействия всей структуры обороны. Огонь береговых батарей, огонь прямой наводкой слились в массированный артиллерийский, налет. Черным дымом от горящих танков заволокло поля. Пулеметчики в это время вели отсечный огонь по пехоте. Пехота залегла.

Дистанция между танками противника и чапаевцами сократилась. Отключились из системы огня береговые батареи. В бой вступили истребители танков. Из ячеек, отрытых впереди траншей, они метали бутылки с горючей смесью и гранаты.

Но шестьдесят танков против узкой полосы обороны — огромная сила. Тридцать с лишним танков прорвались к траншеям. И для пехоты они были большой и опасной силой. Обогнув станцию Карповка, где располагался опорный пункт обороны, они устремились в тыл чапаевцам.

В этой обстановке против них могла действовать только полевая артиллерия. По ним вела огонь батарея Карповки.

От беспокоящего огня танки отошли в лощину между Карповкой и Выгодой. Видимо, командир танков пытался сориентироваться, куда наносить удар, и вызывал пехоту.

Но румынская пехота была плотно прижата к земле. В лощину обрушились тяжелые снаряды береговых батарей. Танки развернулись и двинулись на Карповку, в это время из лесочка открыли беглый огонь зенитчики.

Береговым батареям пришлось опять отключиться, чтобы не поразить своих.

Огня зенитного дивизиона, чтобы разжать этот бронированный кулак, было явно мало, более того, танки могли его смять. В это время по железной дороге к Карповке подошел бронепоезд, открывший огонь на оба борта. Танки попятились и вдруг, развернувшись, полным ходом пошли назад. Но едва они миновали траншею, как на штурмовку вышли истребители.

Во второй половине дня в кабинете командующего собрались Шишенин, Крылов, член Военного совета Воронин.

Наконец раздался зуммер телефона. Докладывал комдив 95-й Василий

Фролович Воробьев.

Софронов выслушал доклад, положил на рычаги телефонную трубку и обвел веселым взглядом присутствующих.

— Все атаки двух пехотных дивизий и механизированной бригады отбиты, товарищи! Фролович говорит, что такого еще не видывал... Танки до сих пор горят, и все поле в дыму. Воробьев лично насчитал двадцать пять сожженных и подбитых танков. Потери противника в живой силе огромны... Поздравление чапаевцам надо объявить официальное, от имени Военного совета! И вас, Николай Иванович, поздравляю... Сектора обороны начали действовать...

Позднее из трофейных документов стало известно, что 7-я и 3-я румынские дивизии потеряли половину своего состава, на поле боя осталось до сорока танков... Из шестидесяти...

В те дни второй декады августа не было затишья и в других секторах. Бой у станции Выгода знаменателен тем, что здесь была испытана на прочность выстроенная по секторам оборона...

В ночь на 21 августа Шишенин срочно вызвал к себе Крылова. Выглядел Шишенин усталым и обеспокоенным.

— Николай Иванович! — объявил он. — Все бразды правления по штабу армии берите в свои руки. На сегодняшний день никто не может сделать это лучше вас...

.Оставьте за собой и оперативный отдел. Дать вам в помощники сегодня некого... Мне предстоит формировать другой штаб...

В армии, да еще во фронтовой обстановке, не положено задавать вышестоящему начальнику вопросов, если вышестоящий начальник не торопится с разъяснениями.

Видимо, Шишенин заметил обескураженный вид Крылова. Он разъяснил:

— Из Одессы я не уйду. Ставка создает Одесский оборонительный район, подчиняет его Черноморскому флоту... И это понятно, без флота наша сухопутная армия была бы обречена. Командующим районом назначен контр-адмирал Жуков, мне предложено возглавить штаб оборонительного района...

*

Очень трудно, а порой и невозможно провести разграничение в деятельности командующего армией и его начальника штаба. В обороне

Одессы выявить роль личности того или иного из ее участников в высшем эшелоне еще труднее из-за сложности в организации управления всеми боевыми действиями через командование оборонительным районом, отвечавшим за действия Приморской армии на суше и поддержку ее действий флотом.

В Одессе счастливо сложился высший командный состав.

О Георгии Павловиче Софронове говорилось выше. Это был командарм, к которому с величайшим уважением относились и командиры, и рядовые бойцы, и знали его все, ибо он успевал побывать не только на КП дивизий и полков, но и в ротах. Любил и умел построить задушевную беседу с бойцами, отведать из солдатского котелка, чтобы лично удостовериться, как кормят солдата. Это был характер ровный и устойчивый, он умел и потребовать, и успокоить.

Именно его спокойствие и воспитанность помогли сразу же нормализовать отношения с командованием Одесского оборонительного района, хотя такого рода структурные преобразования в разгаре боевых действий в иных случаях создавали кризис во взаимоотношениях.

Обладал Софронов для командующего и еще одним неоценимым свойством. Он умел выслушать подчиненного и принять его совет, никогда не впадая в амбицию, чем в первые месяцы войны, к сожалению, иные старшие командиры не могли похвалиться.

Помогало ему и давнее знание Одессы, особенностей ее быта и нрава одесситов.

Он был душой обороны, ни разу в самые трудные дни не проявил слабости, поэтому вполне объяснимо, что он очень тяжело воспринял директиву Ставки в октябрьские дни об эвакуации Одессы. Можно сказать, что воспринял ее трагически, хотя ему, как и всему высшему командному составу Приморской армии, было известно о взятии Перекопа немцами и о нависшей в связи с этим угрозе для Крыма.

Можно понять и обиду командарма, чья армия под натиском превосходящих сил противника, в окружении выстояла, а те силы, которые в Одессе считали главными, почти без сопротивления сдали Перекоп.

Выше уже говорилось о Г. Д. Шишенине. Звание генерал-майора он получил еще до войны, некоторое время возглавлял штаб Московского военного округа, до назначения в Одессу около трех недель был начальником штаба Южного фронта. Это был образованный, высокой культуры, вдумчивый человек. Он в совершенстве знал штабную работу, было чему у него научиться.

Гавриил Васильевич Жуков, контр-адмирал, возглавил Одесскую

военно-морскую базу еще до войны. До этого сражался добровольцем в Испании, в дни войны показал себя волевым и мужественным человеком. Кандидат в члены ЦК КП(б) Украины, член обкома партии, он был хорошо известен в городе и пользовался заслуженным уважением. В сложной структуре одесской обороны сумел найти общий язык с «сухопутниками».

Впереди потребуют особого внимания взаимоотношения Николая Ивановича Крылова с Иваном Ефимовичем Петровым.

В Одессу он пришел во главе кавалерийской дивизии и сразу заявил себя зрелым, с оригинальным мышлением военачальником.

Казалось бы, военным человеком Петров стал случайно.

Родился он в семье сапожника. Среду ремесленников, к которой принадлежал его отец, не любил, поступив в гимназию, мечтал стать учителем, но увлекся живописью, дарование было признано, и его приняли в Строгановское училище. Но живописцем стать не пришлось. В 1916 году его призвали на военную службу и направили в Алексеевское юнкерское училище. По окончании училища Петров получил звание прапорщика. Он принял Октябрьскую революцию, поступил добровольцем в Красную Армию, в 1918 году вступил в большевистскую партию, всю гражданскую войну провел в боях и закончил ее комиссаром кавалерийского полка. В двадцатые и тридцатые годы воевал в Средней Азии против басмачей, командовал кавалерийским полком и бригадой. Из него сформировался привычный к опасностям, не теряющий хладнокровия в самых экстремальных ситуациях командир, чуждый всякой рисовки, скромный, с чувством собственного достоинства.

Дружба с Иваном Ефимовичем у Крылова началась в самые тревожные дни обороны Одессы.

Пожалуй, с наибольшей полнотой личная роль Николая Ивановича в обороне Одессы просматривается в организации тех контрударов, которые были предприняты Приморской армией.

Как раз идея обороны в сочетании с контрударами и свела их — Петрова и Крылова.

Армия активно удерживала рубежи обороны, отдавая иной раз десятки или сотни метров, нанося при этом тяжкие потери противнику, одним словом, оборонялась...

Крылова неотступно занимали мысли, как оборону сделать более действенной. Это позволило бы несколько ослабить позиции противника. По многим признакам Крылов угадал в комдиве кавалерийской дивизии единомышленника, поэтому решился поделиться с ним своими раздумьями о принципах обороны.

— Вы сейчас знаете, Иван Ефимович, на кого похожи? На Геркулеса, что поставлен защищать ворота города. Он заслонил ворота огромной своей фигурой и никого в них не пропускает... А враги, подступившие к городу, хотя и боятся приблизиться, закидывают его камнями...

— И вот-вот выдвинут против него стенобитные орудия...

— Как татары против Евпатия Коловрата... Но могли взять его ни копьями, ни мечами, ни стрелами... Выставили стенобиты и закидали камнями. Прислонился он спиной к дубу, да что ж дуб... Но Евпатий не сидел в обороне... С дружиной малой на полчища нападал...

— Ну, и какие возможности... нападать? — осторожно спросил Петров. — Хотя бы у нас в южном секторе?

Крылов приоткрыл папку с донесениями и сказал, улыбаясь:

— А вот и посмотрим, что доносил начальник южного сектора Иван Ефимович Петров... Как известно, сплошной линии фронта у вас нет. Вот и просочился румынский батальон из четырнадцатой пехотной дивизии. Не теряя времени, чапаевцы взяли батальон в окружение. Ни один румынский солдат не уцелел. Противник очень надеялся, что в тылу чапаевцев закрепился батальон, и еще два ввел. И батальоны наткнулись на чапаевцев, а не к своим пришли... Отброшены с большими потерями... Все так и было? Соответствует донесение действительности?

Если бы не шутливый тон начальника штаба, Петров, конечно, обиделся бы. В донесениях о каких-либо успехах своей дивизии он был до скрупулезности точен.

— Вот вернуть бы в дивизию разинский полк из восточного сектора... морячков бы ко мне...

— Да нет, — ответил Крылов. — Надо подумать о чем-то более значительном...

Петров понял намек и поднял руки:

— Обеими руками — «за»!

Казалось бы, разговор этот начальник штаба завел преждевременно. Вторая декада августа была отмечена усиленной активностью противника.

От станции Выгода до Одессы по прямой около тридцати километров.

Захвачена Беляевка, водонасосная станция. Город остался без питьевой воды. Это несчастье вынудило ввести карточки на воду — пример единственный в своем роде. Не ослабевало также давление и на восточный сектор обороны.

23 августа противник в южном секторе предпринял психическую атаку на участке 31-го полка Чапаевской дивизии. Более двух батальонов, ротными колоннами, в рост, с оркестром, с развернутыми знаменами,

разумеется, под прицелами пулеметов полевой жандармерии, двинулись на позиции полка. Почти все офицеры были пьяны, солдатам внушили, что Красная Армия не в силах им противостоять.

Уже в гражданскую войну проходили также психологические эксперименты. «Психов», как их окрестили бойцы, подпустили метров на двести и обрушили на них артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Немногие бежали с поля. Конечно, ни один солдат и близко не подошел к окопам.

Крылов даже усомнился в правильности донесения командира полка. Он послал капитана Безгинова все проверить на месте.

— Все точно, — доложил Безгинов, вернувшись в штаб. — И надо же, опять пришлось на Чапаевскую дивизию. Офицеры с шашками наголо, солдаты пьяные. В ничейной полосе вой стоит, они раненых побросали... Трусами испоганили все поле.

Но румыны, получая приказ за приказом от Антонеску, не утомонились, теперь уже значительно большими силами вновь двинулись в психическую. На этот раз вмешались даже истребители. Летчики шли на другие цели, но, увидев такие плотные колонны, обрушили на них пулеметный огонь.

Закипала вода в станковых пулеметах. Артиллерийские залпы вырывали куски из колонн. В воздух взлетали обрывки человеческих тел. Зачем они шли? За чужую землю, спасая от фашистской расправы свои семьи? Полевая жандармерия не удержала их пулеметным огнем, когда побежали от огня чапаевцев...

Однако не везде так получалось. Румынское командование оценило, что штурм города с востока даст более значительные преимущества, чем в лоб. Выход к морю мог дать возможность держать под огнем морские коммуникации Одессы.

25 августа в 19.05 на территории порта разорвался первый снаряд, пущенный дальнобойным орудием, установленным за Большим Аджалыкским лиманом. Враг рвался к Фонтанке.

28 и 29 августа стали критическими днями. Фонтанка оказалась в руках противника. Надо было любыми средствами остановить продвижение противника.

Крылов и Рыжи перенесли в зону восточного сектора огонь береговых батарей, расположенных по другую сторону Одессы. Тяжелые снаряды рвали над Одессой воздух, с моря доносился непрерывный орудийный гул. Это вели огонь эсминцы и канонерки. Утром 29-го пришли из Севастополя

крейсер «Червона Украина» и лидер «Ташкент».

Фронт держался с полнейшим напряжением сил, а Крылов, успевая реагировать на сотни сообщений, разрешая сиюминутные проблемы, в каждую свободную минуту возвращался к своим заветным расчетам: возможно ли организовать контрудар?

При всех колебаниях протяженность фронта одесской обороны около 80 километров. Во всех частях сражавшихся на суше числится чуть более 34 тысяч бойцов и командиров. Вооружены плохо, не по требованиям сегодняшнего дня: 660 человек — автоматами, 2450 человек — автоматическими винтовками. В частях всего лишь 418 станковых пулеметов, ручных — 703. Полевая артиллерия — 303 орудия, включая противотанковые, на 80 километров — 303!

Далек еще был путь к тому времени, когда советские войска могли сосредоточить на один километр до двухсот орудий...

Исправных самолетов — девятнадцать.

Военный совет Одесского оборонительного района (ООР) просил у высшего командования подкрепления, хотя бы одну стрелковую дивизию и батальон танков. Но и на это надежды было мало. Враг стоял под Киевом, достиг низовьев Днепра, складывалась очень тревожная обстановка в Крыму, и уже начался кризис со снарядами. Вот-вот могли замолчать 122-миллиметровые орудия...

30 августа с Большой земли наконец-то пришло пополнение. Оно дало возможность на какое-то время стабилизировать фронт в восточном секторе.

Армейской разведке стало известно, что с 22 августа в расположении 4-й румынской армии находился Антонеску, что он еще раз назначил срок вступления в Одессу на 3 сентября.

Ни 3 сентября, ни в другие дни сентября враг не ворвался на улицы Одессы, хотя ему и удалось значительно приблизиться к городу и взять его под обстрел.

Вопрос о контрударе назревал!

Крылов рассчитал, каким образом можно было бы с сокращением линии фронта перебросить на решающий участок больше сил, но докладывать о своей разработке командующему не решился. Противник ни на день не ослаблял натиск во всех трех секторах.

И вдруг...

Рассматривая донесения о разрушениях в городе от артобстрела, о жертвах среди мирного населения, Софронов в ярости обронил:

— Дальше терпеть нельзя! Забрать бы у них весь этот район по обе стороны Аджалыкского лимана! И орудия их дальнобойные забрать!

Крылов и присутствующий на докладе Рыжи переглянулись.

— Вы что переглядываетесь? — спросил с любопытством Софронов.
— Надумали что? Так выкладывайте!

Крылов остерегался неудачной прикидкой прослыть беспочвенным прожектером.

— Есть тут некоторые идеи, — заметил он. — Мы проверяли и перепроверяли разведданные. У нас было три дивизии, так три дивизии и остается... Румыны выставили восемнадцать дивизий... Некоторые отводились на переформирование и опять появлялись. Словом, драться умели...

— Ближе к делу! — поторапливал Софронов.

— Румынская дивизия, — продолжал Крылов, — по довоенным расчетам, от двенадцати до четырнадцати тысяч человек.

— В общей сложности четверть миллиона? — спросил Софронов, поглядывая на Крылова.

— Очень трудно установить их потери. Но вот, например, шестая румынская дивизия... Ее несколько раз отводили на переформирование. Пленные офицеры показали, что она потеряла более двадцати тысяч человек. Почти два раза сменился ее состав. Полтора раза сменился состав четырнадцатой, шестнадцатой...

— И это означает потерю боеспособности, — закончил мысль Софронов и спросил: — Если уж думано о контрударе, то где?

Крылов обвел карандашом на карте Большой Аджалыкский лиман.

— Они оттуда бьют по Одессе, туда можно направить залпы с кораблей...

— Десант? — спросил Софронов и погрозил пальцем. — Пока молчок. А теперь и я добавлю по секрету... Моряки из Севастополя посылают нам богатый подарок... Пять тысяч винтовок, сто пятьдесят станковых и двести ручных пулеметов, триста автоматов, сто двадцать минометов крупных калибров... Что бы это значило?

Софронов сам и ответил на вопрос:

— Это означает, что оборону Одессы свертывать не собираются, держать же ее слабыми силами бессмысленно...

Командарм предугадал развитие событий.

Оружие доставили в Одессу лидер «Харьков» и эсминец «Дзержинский». На «Харькове» прибыл в Одессу командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский.

От него в штабе армии узнали, что оружие выделено из фондов 51-й армии, защищающей Крым. Командарм и начальник штаба могли оценить

это известие как указание, что оборону Одессы связывают воедино с обороной Крыма.

Ф. С. Октябрьский на Военном совете ООРа объявил, что получено задание наркома разработать операцию по высадке десанта в районе Большого Аджалыкского лимана...

Командующий Черноморским флотом был сдержан, ибо операция считалась строго секретной.

К разработке ее в Приморской армии были допущены только Софронов и Крылов.

В том, что последовало в истории обороны Одессы 22 сентября, решающую роль сыграла убежденность командования Приморской армии в возможности нанести противнику ощутимый контрудар. Он, конечно, не мог перерасти в контрнаступление, Одесса слишком далеко была оторвана от установившейся в конце сентября линии фронта. Если еще в начале обороны города в Ставке рассматривали Одессу как возможный плацдарм для контрнаступления всего левого крыла фронта, то почему бы и не использовать его для обеспечения обороны Крыма, ибо Одесса удерживала у своих ворот две полнокровные румынские армии.

17 сентября противник, неся огромные потери, пытался продвинуться во всех трех секторах, но существенных успехов не достиг, а в это время к Одессе приближались корабли с первым эшелоном 157-й стрелковой дивизии.

И в штабе ООРа, и в штарме царило оживление. Подкрепление так было необходимо! И южный, и западный, и восточный сектора каждый имел бреши в обороне. Хорошо, что еще комдивы не знали о приближающихся к порту транспортах... Усилился бы их нажим с требованием подкреплений. Совершенно справедливых требований.

Одесса и до этого получала маршевые пополнения.

Однако прибывало немало людей, не державших в руках винтовку и к тому же без всякого оружия.

Ночью все летчики сидели в кабинах истребителей, зенитчики дежурили на батареях, были изготовлены к открытию огня береговые и бортовые орудия.

Транспорты разгружались быстро, и все же враг каким-то образом узнал о их прибытии. Его дальнобойная артиллерия всю ночь вела огонь по площадям. Едва лишь забрезжил рассвет, огонь стал прицельным. Над портом встала дымовая завеса. Истребители вступили в бой с «юнкерсами», началась контрбатарейная дуэль. С берега и с моря доносился гром орудийных залпов.

Крылов и Рыжи во взаимодействии с морскими артиллеристами руководили огнем.

И вот звонок командарма.

В кабинете — командир 157-й стрелковой дивизии, полковник Дмитрий Иванович Томилов. Он доложил о прибытии дивизии.

Крылов слушал и с трудом верил.

Стрелковая дивизия прибывала в составе 12 600 человек, имела 70 орудий, 15 танков. Кадровая, полностью укомплектованная дивизия.

Откуда такие резервы при том напряжении, которое испытывала вся страна? Стало быть, в Красной Армии есть еще силы.

Сколько раз здесь, в Одессе, отрезанной от Большой земли, возникали недоумения. Враг врзается в глубину страны, берет один за другим города. В Одессе, на пятачке, по существу, в окружении, три дивизии сдерживают две армии, четверть миллиона войск противника. Что же происходит там, на Большой земле? Почему там, имея опоры на тыл, отступают и отступают? Или исчерпаны уже все резервы? И вот она — кадровая дивизия!

Нет, армия существует! А если сохранена армия, то война не проиграна.

Днем не было свободной минуты. Надо было перевести на позиции прибывший полк 157-й дивизии, обеспечить его переход из порта, подавить огонь противника. Для этого было разработано несколько частных операций, несколько контратак во всех трех секторах, чтобы отвлечь внимание противника.

Ночью из Новороссийска пришли транспорты «Армения» и «Украина», в рейсе находились «Восток», «Белосток», «Курск».

Напряженная шла работа в подземелье, но все же Крылов вырвался на полчаса в порт, взглянуть, какое же прибыло пополнение.

Действительно свежая, действительно кадровая. Крылову достаточно было видеть высадку нескольких подразделений, чтобы оценить боевую выучку бойцов и младших командиров.

Из порта он возвращался в глубоком раздумье. Нет, не латать прорехи такой дивизией. Всю ее целиком ввести в восточный сектор, скрытно вывести на позиции, и можно наносить контрудар.

— Рука не поднимается разбивать это соединение! — ответил ему на его предложение Софронов. — Но без флота, без поддержки его артиллерии — не погубить бы дивизию.

И вдруг в штаб Приморской поступила телеграмма от начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова, запрещающая распылять дивизию на решение второстепенных задач. Пришло и известие, что Черноморский флот готовит высадку десанта в полосе восточного сектора, откуда велся усиленный артобстрел Одессы.

Командующий рассмотрел все наметки штаба о возможном контрударе в полосе Аджалыкского лимана и назначил его на 22 сентября.

Крылов выехал с капитаном Харлашкиным в восточный сектор на рекогносцировку, чтобы отработать окончательно взаимодействие всех выделяемых для контрудара частей.

Из группы Монахова была сформирована 421-я дивизия. Ее командир, одновременно и начальник сектора Григорий Матвеевич Коченов доложил обстановку. Противник все время, через небольшие промежутки времени, предпринимал атаки, будто бы проверял, не застигнет ли дивизию врасплох. Но дивизия все атаки встречала в полной готовности. Однако ее возможности были очень ограничены. Оборону держали семь-восемь стрелковых батальонов. Артиллерия — три ствола на километр. Береговые батареи были взорваны после захвата противником их участков. Здесь надо было рассчитывать на поддержку кораблей и на 70 орудий вновь прибывшей дивизии. Но и кораблям непросто вести огонь: они неизбежно попадали в зону артобстрела противника и под воздействие его авиации, базирующейся на близлежащих аэродромах.

Итак, противник в живой силе по численности превосходил войска, подготавливаемые для контрудара, по меньшей мере в четыре раза. Также имел танки, которых у нас почти не было, за исключением прибывающих, превосходил по числу самолетов, по сосредоточению артиллерии, поэтому успех операции зависел от разных факторов, а в основном от четкости действий каждого подразделения, от выверенного взаимодействия всех сухопутных и морских сил.

Крылов рассматривал в бинокль каждый кустик, каждую ложину на неприятельских позициях, сверял карты на местности, которые надо было уже к утру следующего дня раздать командирам новой дивизии. Размечались корректировочные посты артиллерии, исходя из возможностей прибывших гаубичных батарей.

Коченов знал о прибытии дивизии, но в тот час даже комдивы не были посвящены в замысел контрудара во взаимодействии с морским десантом. Но по тщательности, с которой Крылов выверял состояние каждого его подразделения, по вопросам, которые он задавал о расположении позиций противника, догадывался, что начальник штаба армии не случайно появился в восточном секторе и что готовит не только выход на позиции новой дивизии. Однако, воспитанный в лучших армейских традициях, лишних вопросов не задавал. Не прошло мимо него и приподнятое настроение Крылова, сияло и лицо Харлашкина.

Крылов и Харлашкин расположились на господствующей высоте. Легкий туман прикрывал дали за лиманом. Едва угадывались Александровна, Дофиновка, Чебанка. И близкие, и вместе с тем далекие по

тем препятствиям, которые надо было преодолеть, чтобы вернуть их.

— Ох, и здорово получится, товарищ полковник! — возбужденно прошептал Харлашкин, словно опасаясь, что их кто-то может услышать на пустом и голом бугре. — Ох, и наклепаем мы тут им! Жаль, что здесь румыны, а не немцы! До немцев добраться бы!

— Доберемся и до немцев! — пообещал Крылов. — Всякому овощу свое время...

Одновременный удар морского десанта в тыл противника со стороны Григорьевки и контрудар сухопутных войск в направлении на хутор Петровский и из Крыжановки на Свердлово требовали тщательной проработки взаимодействия. Синхронность действий увязывалась и в Одессе, и в Севастополе. Путь десантников неблизок и опасен. И связи с ними нет, ибо о десанте воспрещены какие-либо радиопереговоры.

Десантом занимался штаб Г. Д. Шишенина. Его морской заместитель капитан 1-го ранга С. Н. Иванов уже направился в Севастополь. Из соображений секретности штаб ООРа не был поставлен в известность о месте высадки десанта. План высадки должен был привезти Иванов.

Крылов готовил удар сухопутных войск, еще не зная, где высадится десант. Для последней доводки направления встречного удара отводилось всего лишь несколько часов перед самой высадкой.

21 сентября в 13 часов 30 минут из бухты Казачьей с десантом на борту в сопровождении трех эсминцев вышли два крейсера: «Красный Кавказ» и «Красный Крым».

Высадка десанта с больших кораблей была невозможна. Сначала десант должен был перейти на баркасы, шлюпки, на катера и другие мелкие суда, которыми обеспечивала операцию Одесская военно-морская база.

Ко всем заботам, связанным с контрударом и десантом, прибавились заботы о западном и южном секторах. На западном секторе в этот день были, отбиты три довольно сильные атаки противника, с Иваном Ефимовичем Петровым надо было, в свою очередь, подготовить частную операцию с отвлекающей атакой.

Уже к вечеру, когда истекало все возможное время для координации действий с десантом, Крылов соединился по телефону с Шишениным. Известие поразило, как удар грома: эсминец «Фрунзе» потоплен немецкой авиацией. На него совершили налет бомбардировщики Ю-87. До сих пор в небе Одессы эти опасные самолеты не появлялись.

Срочно собрался Военный совет ООРа. Еще ничего не было известно ни о командующем эскадрой Владимирском, ни о Иванове. Какова судьба

документов, связанных с операцией? Возможно ли без них согласовать действия десанта и Приморской армии? Не повернет ли командование флотом суда с десантом обратно? Отменять ли намеченный контрудар силами Приморской армии? Как это сделать, когда войска уже заняли исходные позиции? Было похоже, что румынское командование еще не знало о прибытии новой дивизии. Но это не могло длиться более суток. Отложить контрудар — значило потерять эффект внезапности. Что произойдет с воздушным десантом, который будет выброшен из Севастополя в тылу румынских позиций?

Имелось и еще одно немаловажное обстоятельство, которое тревожило Крылова. Только что был захвачен в плен выбросившийся с горящего самолета румынский летчик в чине капитана. Он охотно, из ненависти к фашистам, по собственной инициативе указал на карте место расположения двух аэродромов, куда только что прибыли немецкие бомбардировщики и истребители.

Проверка с воздуха подтвердила информацию румынского летчика. Добавлять эти две цели флотской авиации было уже поздно. Действия всех до одной машин были расписаны по минутам на 22 сентября, ибо летчикам предстояло прикрывать подход кораблей к Одессе.

Изменить планы операции на Военном совете времени уже не было. Решили контрудар в восточном секторе не отменять.

Шишенин сейчас же позвонил Крылову:

— План остается в силе! Во всяком случае, все то, что мы делаем...

Часа через два после этого указания поступило сообщение, что контр-адмирал Владимирский жив, легко ранен и вот-вот прибудет в Одессу на торпедном катере. Капитан 1-го ранга Иванов погиб, погибли с ним и все документы. Владимирский по памяти восстановил основные данные по высадке десанта, без которых высадочные плавсредства не могли выполнить свою задачу.

Командование Черноморским флотом десанта не отменило...

К ночи у Крылова сосредоточились донесения о прошедшем дне во всех трех секторах. Части южного сектора удержали фронт, дивизия Воробьева отразила все попытки противника вклиниться между ее полками.

В восточном секторе противник до ночи активности не обнаружил, но его дальнобойные орудия не умолкали и ночью, посылая снаряд за снарядом в Одессу. Так же методично по его батареям вела ответный огонь береговая артиллерия.

Все работники штаба армии были разосланы по частям.

В 23 часа Крылов доложил командарму, что командные пункты дивизий, задействованных в контрударе, перешли: 157-й — в Лузановку, 421-й — в Крыжановку.

— Рубикон перейден! — сказал Софронов и предложил выйти подышать свежим воздухом.

Командарму и начальнику штаба предстояло провести бессонную ночь и все часы предстоящего сражения не отлучаясь из подземелья.

Над городом спустился туман. Сквозь него проблескивали отсветы орудийных вспышек береговых батарей. С тяжелым гулом пролетали над городом снаряды. Над окраиной стояло зарево большого пожара. Доносилось мерное и не очень-то спокойное дыхание моря. О берег била большая волна. Еще одна трудность при высадке десанта. Теперь в последние часы и Софронову и Крылову стало известно, что десант будет высажен в Григорьевке и будет пробиваться через Чебанку на Новую Дофиновку. Стало быть, ударом на Свердлове силами 421-й дивизии вся группировка румынских войск по обоим берегам Большого Аджалыкского лимана попадала в окружение.

— Сегодня в некотором смысле символическая дата, — произнес задумчиво Софронов. — Забыли в суете, Николай Иванович? Три месяца, как началась война...

— Да, не юбилейная дата... — с горечью заметил Крылов. — Доживем ли до даты юбилейной, когда она окончится, проклятая!

— Живы будем, доживем! — ответил грустной шуткой Софронов. — Мне верится, что сегодня утром напоминание об этой дате нашим противникам не будет приятным...

— Верить, Георгий Павлович, это значит не размышлять... Это,

конечно, не генеральное наступление, но, как выразился наш общий любимец Харлашкин, наклепаем противнику... Мы готовы ударить, а они готовы ли сполна получить?

Операция между тем началась. В штабе ООРа приняли радиосигнал, что в час тридцать ночи транспортный самолет, вылетевший с одного из аэродромов в Крыму, сбросил в тылу у румын парашютный десант из двадцати трех человек. Потом уже стало известно, что они высадились между Булдинкой и Свердловом.

В штабме Софронов и Крылов ждали сообщений о морском десанте, чтобы поднять в атаку изготовленные к бою части, а в это время парашютисты резали проводную связь в румынском тылу, забрасывали гранатами по пути к линии фронта артиллерийские батареи, штабные блиндажи, одиночные автомашины на дорогах.

Ровно в 3 часа, еще в темноте, Иван Ефимович Петров поднял части Чапаевской дивизии на упреждающий удар между Дальником и Сухим Лиманом. Поддержанные огнем береговых батарей, они должны были создать у противника иллюзию серьезного контрудара, если в румынский штаб каким-либо образом просочились сведения о вновь прибывшей дивизии.

Крылов сознавал, что это довольно слабый отвлекающий маневр, но уже ничего нельзя было сделать, тем более что диверсия парашютистов уже посеяла панику в румынских штабах, расположенных в зоне восточного сектора.

В 3 часа 30 минут, в предрассветном сумраке обрушила на позиции противника у Свердлово, Кубанки и Старой Дофиновки бомбовый удар флотская авиация. Получасом позже из Одессы вылетели двадцать И-16 и два Ил-2. Группа поделила между собой те аэродромы с немецкой техникой, на которые указал румынский офицер. После налета ни один немецкий самолет с этих аэродромов не поднялся.

Затаились на исходных рубежах бойцы 157-й дивизии, ждали сигнала в штабе 421-й дивизии. Однако о десанте никаких известий.

С моря на берег наплывал туман. С воздуха обнаружить десант не удалось, не удалось что-либо установить и капитану Безгинову, пытавшемуся на катере пробиться к Григорьеву.

Все было готово, чтобы перейти в наступление и без десанта. Крылов имел подготовленный на этот случай план операции с более ограниченными задачами.

Наконец в шестом часу утра эсминцы передали по радио, что десант высажен и продвигается на Чебанку, не встречая серьезного сопротивления.

Крылов и Софронов опять вышли из подземелья. Издали, из-за пересыпи, накатывался низкими басами орудийный гул. Это главные калибры крейсеров «Красный Кавказец» и «Красный Крым» вели огневую поддержку наступающему десанту.

Атаку двумя дивизиями Софронов назначил на 8.00, артподготовку — на 7 часов 30 минут.

Теперь уже при дневном свете сделали второй заход на позиции противника флотские бомбардировщики.

Медленно двигались стрелки часов. В который уже раз командарм и начальник штаба сверили часы.

В тот час они могли только предположить, что происходит в румынских штабах. Еще не было известно, что сделали парашютисты, не поступило еще донесение о налете на немецкие аэродромы. Но в воздухе не было видно самолетов противника, и та сторона молчала...

В это время штабы 13-й и 15-й пехотных румынских дивизий безуспешно пытались соединиться по проводной связи со штабом 4-й румынской армии. Связисты Приморской армии и военно-морской базы засекли радиопереговоры на румынской стороне. В спешке переговоры велись открытым текстом. Штаб армии отказывался верить, что «русские начали большое наступление».

Связисты еще не успели доложить об этом в штаб, поэтому, вслушиваясь в гул морских орудий, Софронов говорил Крылову:

— Вообразите, Николай Иванович, что сейчас делают румынские генералы?

— Думаю, что ничего не делают! — ответил Крылов. — Не верят своим командирам дивизий... Десант в Григорьевке, наверное, считают поиском из Одессы... Как же им поверить? Каждые два дня назначали срок вступления в Одессу, и тут вдруг наступление... Это не по науке немецких штабов. Там привыкли: «Танки вперед, и противник капитулирует!» Кампания во Франции развратила немецких генералов. Плохую службу сослужили их амбициям французы... Антонеску к тому же — плохой слепок с Гитлера... Да и Наполеона поразила та же болезнь: австрийцы и пруссаки, как только Наполеон нажмет, тут же несли ему ключи от городов. А Москва его встретила враждебно, а армия пригрозила с фланга...

И вот неожиданность. Скорее всего жест отчаяния. Узнав, что захвачена Чебанка, и получая отовсюду донесения, что ночью порвана советскими парашютистами связь и произведены диверсии, в штабах 13-й и 15-й дивизий решили создать у советской стороны иллюзию наступления.

И раньше случалось на этом участке фронта, когда без всякой на то

причины румыны открывали усиленный артиллерийский огонь. За полчаса до начала артподготовки, намеченной командованием Приморской, на участке 421-й дивизии румыны предприняли артналет. Он не был похож на обычный артналет. Наблюдатели засекли, что огонь ведет значительно большее число батарей, чем обычно.

В «каюте» у Крылова ожил телефонный аппарат прямой связи с начальником восточного сектора Коченовым. Коченов произнес всего лишь три слова:

— Артподготовку начал противник...

— Обстрел, налет? — попытался уточнить Крылов.

— Самая натуральная артподготовка... Как перед наступлением. Засаедем новые батареи... Тут еще туман... Все затянуло дымом, дышать нечем...

Крылов прервал разговор и почти бегом кинулся к командующему. Доложил. В ответ вопрос:

— Что это значит? Упреждающая контратака? Или и они переходят в наступление?

— Пока одно хорошо... Наши войска в укрытии. Их огонь в пустоту... А сейчас надо дать команду всей артиллерии открыть огонь на подавление, благо все подготовлено и есть снаряды...

Крылов и Рыжи решили упредить начало артподготовки огнем береговых батарей, чтобы раньше времени не раскрыть полевые батареи. Береговые батареи открыли огонь на подавление. Румыны своим артналетом сами помогли корректировщикам, открыв расположение своих батарей. В намеченный срок заговорила полевая артиллерия, было и у армейских артиллеристов время засечь румынские батареи. Уже минут через пятнадцать румынские батареи постепенно одна за другой умолкли.

В начале девятого Крылову доложили, что войска двух дивизий поднялись в атаку на всем участке контрудара.

Прошло минут тридцать-сорок. Крылов принимал донесения с НП дивизий сразу по нескольким телефонам. Голоса возбужденные, восторженные. Дождались!

— Пошли! Пошли! — кричал в трубку Харлашкин. — Танки вырываются вперед! Они утюжат окопы...

По другому аппарату докладывали:

— Первая траншея занята... Румыны не приняли рукопашной... Артиллерия их молчит... Наши захватывают орудия!

В «каюте» шквал телефонных звонков. Конечно же, и Петров, и Воробьев, хотя их не посвящали из соображений высшей секретности в

объем планируемой операции, догадывались, что в восточном секторе готовится что-то необычное.

Командарм позвонил Крылову:

— Фроловичу и Петрову сообщил? Сообщи! Пусть порадуются!

— Наконец-то Геркулес по-настоящему рассердился! — напомнил Петров и, погасив в голосе заметную радость, озабоченно спросил: — Какой мы располагаем поддержкой?

— Моряки тоже наступают!

— Какие моряки? Наши?

Крылову был понятен вопрос Петрова. У моряков Одессы не было резервов для поддержки Приморской. Но этот вопрос был оставлен пока без ответа.

С Воробьевым разговор был короче.

— У Коченова и у твоего соседа началось: пошли в атаку! Моряки тоже наступают...

— Слышу! — ответил Воробьев. — Очень хорошо слышу. Румыны притихли.

А в это время прорывались в штаб телефонными вызовами командиры полков и штабисты и из западного и южного секторов. Всем не терпелось узнать, что происходит в восточном секторе, что означает перенос огня всех береговых батарей через Одессу на Большой Аджалыкский лиман. Крылову приходилось просить многих отключиться, чтобы не мешали управлению боем.

Можно бить врага, твердил про себя Николай Иванович, принимая донесения из дивизий Томилова и Коченова. Пусть в наступление введены лишь две дивизии и всего лишь 3-й морской полк морского десанта. Расчеты наступления давались с трудом, и в ходе боев оно требовало корректировку. Крылов уже видел все недостатки его подготовки, они сказывались и на развитии боя. Но многие недостатки были видны и при подготовке наступления, но они, эти недостатки, имели объективную причину. И главное — неравномерность задействованных сил. Это сказалось сразу же.

Дивизию Томилова поддерживали танки, дивизия Коченова не имела ни одного танка. Она и по составу была значительно слабее, бойцы были утомлены оборонительными боями, томиловцы вступили в бой со свежими силами. И вот он — результат.

157-я дивизия наносила главный удар 716-м стрелковым полком и ротой танков на Гильдендорф. Он сразу же прорвал оборону противника, и румынские части быстро попятились назад. Не отставая от него,

продвигался на совхоз «Ильичевка» 633-й полк с танковым взводом.

К 10 часам утра, за два часа боя, томиловская дивизия продвинулась на десять километров.

Не так развивалось наступление коченовцев. В районе Фонтанки противник имел доты, каменные дома были превращены в огневые точки. Фонтанка была взята только в ходе повторных атак. Пришлось перенести в ее район огонь всех береговых батарей.

Задержка произошла и между шоссеиной дорогой Одесса — Николаев и побережьем. Несомненно, этой задержки не случилось, если бы коченовская дивизия располагала хотя бы несколькими танками.

К 10 часам утра части коченовской дивизии продвинулись всего лишь на четыре километра. Наметился опасный разрыв между наступающими дивизиями.

Крылов из своего подземелья пытался выправить положение огнем артиллерии, переведя все дальнобойные стволы на участок наступления коченовцев, приказом закрепить на занятых рубежах.

Поступали сообщения и о продвижении морского десанта. Моряки захватили неподалеку от Григорьевки четырехорудийную дальнобойную батарею, одну из тех, что обстреливали Одессу, и после ожесточенного боя овладели Чебанкой.

3-й морской полк преодолевал сопротивление противника только благодаря поддержке корабельной артиллерии. А вот на море обстановка сложилась тяжелая.

На тех двух аэродромах, которые подверглись налету авиации ООРа, Ю-87 не оказалось. Аэродром, на котором они базировались, не был найден.

Появление этих самолетов очень беспокоило командование Черноморским флотом. В те дни оставалось неизвестным, откуда они появились в районе Черного моря. Только после войны стало известно, что немцы для ударов по Крыму и Одессе перебросили 10-й авиакорпус с Средиземного моря.

Летчики этих «юнкерсов» имели значительный опыт боев с английскими кораблями. Эсминцы, поддерживающие десант, подверглись ударам всего авиакорпуса. Первым пострадал эсминец «Безупречный». Его отбуксировал в порт «Беспощадный». Но едва он вернулся на поддержку десанта, как и на него обрушился град бомб. Ему пришлось уходить из-под налета задним ходом. «Юнкерсы» напали на эсминец «Бойкий». Отбиваясь от них, он израсходовал весь боезапас своих зенитных орудий, его спасла наступившая ночь.

После короткого перерыва, закрепившись на захваченных плацдармах, томиловская и коченовская дивизии продолжали развивать успех. И опять же сразу выявилось и неравенство в темпах продвижения.

В 13 часов 30 минут командарм приказал временно приостановить наступление. Некоторые командиры увлеклись преследованием противника и потеряли связь с соседями. Отстала полевая артиллерия. Необходимо было произвести перегруппировку войск. Ожидались результаты боев морского десанта за Новую и Старую Дофиновку.

Конечно, в приостановке наступления имелся свой риск. Противник получал передышку и мог уплотнить свои боевые порядки, подавить панику, подтянуть к прорыву новые силы. Но командарм принимал решение не в горячке, а имея под рукой все необходимые данные, подготовленные штабом армии.

Ни на минуту все эти часы не выходя из подземелья, Крылов, получая и обобщая донесения со всех участков боя, сообщения воздушной разведки, пришел к уверенности, что пауза ничего не дает противнику, в то же время упорядочит наступление.

Так оно и получилось.

Едва томиловская дивизия поднялась в атаку на своем участке фронта, как тут же, буквально через пятнадцать минут, Томилов доложил:

— Противник не принимает боя... Отходит в беспорядке...

Румынское командование и в мыслях не имело, что придется перейти к обороне.

И вот второй доклад с КП 157-й дивизии.

— Противник побежал... Бегут, бросают оружие!

Начало сказываться воздействие на оборону левого фланга румынских войск продвижение морского десанта. Коченовская дивизия, сломив сопротивление противника возле высоты с отметкой 58.0, тоже наращивала темпы наступления.

Наконец-то и от Коченова пришло донесение:

— Противник обратился в бегство.

— Крылов предупредил Коченова:

— Не превышать задач дня! Ни в коем случае не превышать...

Взаимодействуй с соседом!

Часы показывали шестой час вечера. От Шишенина поступило сообщение, что моряки дерутся на окраине Старой и Новой Дофиновки.

Практически войска Приморской сомкнулись с десантом. Правый и левый берег Большого Аджалыкского лимана был очищен от захватчиков.

Крылов пришел с докладом к командующему.

Бросив взгляд на карту, Софронов вскочил и возбужденно воскликнул:
— Теперь мы живем! Живем, батенька! Теперь они надолго замолчат со своей дальнобойной артиллерией... Гляди-ка! За один день вернули, что они захватили с тяжелыми потерями дней за десять! Можем их бить, можем!

Конечно, предлог для радостного возбуждения был прекрасным. Но Крылов был не из тех, кто готов удовлетвориться малым.

— Все так! — согласился он с Софроновым. — Все так, Георгий Павлович! Тревожит меня, что не удалось взять в окружение ни одной румынской части... Мы отжали, отодвинули противника, но не уничтожили... Высший смысл маневренной войны — уничтожение противника...

— Помилуй, Николай Иванович! Разве кто против этого? В теории мы все это с вами знали, а вот как в этих обстоятельствах?

— И в этих обстоятельствах можно было проделать сильную брешь в их обороне... Тут и моя недооценка тех сил, которыми мы располагали...

— И переоценка противника! — добавил Софронов. — Согласен! Но на этом же не конец! У нас еще есть заботы и в южном секторе...

К концу дня поступило донесение от Томилова, что его дивизия вышла на рубеж поселка Шевченко. Двадцать километров продвижения. Томилов спрашивал: продолжать ли преследование?

Дивизия Коченова дошла до берега Большого Аджалыкского лимана и сворачивала оборону противника вдоль берега. Продвижение севернее лимана замедлилось.

Крылов и Софронов пришли к единому мнению приостановить продвижение войск. Стыки дивизий опять разошлись, противник этим мог воспользоваться, тем более что из южного сектора уже начали поступать к концу дня донесения разведчиков о переброске значительного контингента войск в зону контрудара Приморской армии, то есть в восточный сектор.

Крылов видел в этом логику для оценки всей операции малыми силами. Если бы армия располагала хотя бы еще одной свежей дивизией, то самое время было бы с утра 23 сентября нанести удар в южном секторе и тем отодвинуть войска противника...

Все так, рассуждал начальник штаба, ну и что же дальше?

Операции на Одесском плацдарме обеспечивались флотом. Тонкая, не надежная из-за вражеской авиации линия снабжения. Опять сильно растянулся бы фронт обороны, сошло бы на нет уплотнение боевых порядков, вновь пришлось бы пятиться под натиском превосходящих сил противника. Правда, это превосходство, по приблизительным подсчетам,

несколько поуменилось. Теперь оно выражалось соотношением не один к пяти, а один к четырем, оставаясь не менее грозным, ибо с моря пришли тревожные вести. Десантная операция, которая не могла осуществиться без поддержки артиллерии флота, обошлась Черноморскому флоту потерей пяти боевых кораблей...

Появление значительного количества Ю-87, против которых истребители И-16 оказались малоэффективными, грозило вообще обрывом сообщения с Севастополем.

В 23 часа 00 минут командарм все же согласился приостановить наступление. Он подписал представленное Крыловым боевое распоряжение с указанием новой линии обороны. Стало возможным перенести ее на восточный берег Большого Аджалыкского лимана за Новой Дофиновкой, затем по левому берегу лимана линия обороны заходила за Александровну, севернее Гильдендорфа — до берега Куяльницкого лимана.

Той же ночью произвели замену полков 157-й дивизии, которым предстояло занять участки обороны в западном и южном секторах.

В штабе армии, еще до того, как начались события 22 сентября, размышляли о том, чтобы и южный сектор отодвинул врага от Одессы.

В результате однодневной операции были основательно потрепаны и дезорганизованы 13-я и 15-я румынские дивизии, что не могло не отразиться на общем моральном состоянии румынских солдат. За один день было захвачено 38 орудий, среди них и несколько дальнобойных, которые вели обстрел Одессы. К этому немалая прибавка и других трофеев: 110 станковых пулеметов, 113 ручных пулеметов и автоматов, 30 минометов, более двух тысяч винтовок, 15 тысяч мин, около четырех тысяч снарядов.

Тягачи провезли по улицам города дальнобойные орудия, на их стволах мелом бы ли выведены надписи: «Больше стрелять по Одессе не будет!»

В ночь на 23 сентября произошло еще одно немаловажное событие. Сначала пришла телеграмма командующего флотом, предупреждавшая, что Одесский оборонительный район получает новое оружие исключительной мощности, требовалось принять особо строгие меры по его охране.

Транспорт «Чапаев» пришвартовался в темноте к причалу, который почти никогда не использовался. Специально выделенной из моряков команде для его охраны было приказано немедленно удалиться. При этом с оружием оставалась собственная охрана. С транспорта сошли зачехленные автомашины без кузовов. Чехлы облегали какие-то твердые конструкции. Моряки тут же разнесли, что прибыли какие-то «понтонны». Но это были не понтонны, а знаменитые «катюши», первые советские реактивные артиллерийские установки.

В Одессе о них мало кто знал. До Крылова через солдатский «вестник» доходили лишь слухи, что где-то под Борисовом и еще в нескольких местах было применено оружие, которое ужасало немцев, что принцип его действия основывался на принципе полета ракеты. Доходило и то, что пока на всем фронте действуют всего лишь несколько дивизионов этих установок, их направили в Одессу только потому, что Ставка придает особое значение ее обороне.

Крылов вспоминал рассказы о Циолковском командира авиационного дивизиона в Аркадаке, ему очень хотелось поближе взглянуть на это оружие.

Установки проследовали, как ему доложили, в приготовленное заранее укрытие, под утро на армейский КП явился старший лейтенант П. С. Небоженко, с некоторой важностью представился командованию армии как

командир отдельного минометного дивизиона.

— Ну-ну! — одобрительно произнес Софронов с чуть заметной усмешкой над важностью старшего лейтенанта. — Покажи нам твое сверхсекретное оружие, объясни, что к чему...

— Прошу извинить, товарищ генерал-лейтенант! По той причине, что оно сверхсекретное, ничего показывать и объяснять не имею права... О площадях поражения обязан пояснить...

— Что же? И взглянуть на него нельзя?

— Взглянуть можно... Я вас прошу, товарищ командующий, выделить взвод солдат для охраны и группу саперов. Гвардейские минометы никак не должны попасть в руки немцев...

— У нас не немцы, а румыны, — продолжал все в том же шутливом тоне Софронов.

— И к румынам тоже! — не улавливая юмора, ответил Небоженко.

Софронов и Крылов выехали на наблюдательный пункт Петрова посмотреть новое оружие в действии. С ними и контр-адмирал Жуков.

Крылов и Рыжи еще накануне выделили южному сектору полосу в полкилометра, где ожидалась к утру атака противника и накапливались румынские войска. Артиллерии дано было указание не вести огня по этой полосе.

Небоженко ночью, скрытно, очень осторожно вывел свои машины на огневую позицию. Он просмотрел и путь, по которому надлежало тут же отвести дивизион в тыловое укрытие.

Все эти предосторожности выглядели весьма необычно, но принимались командованием армии с полным пониманием.

Разведка подтвердила, что атака противника не отменена и надо ждать, что будут задействованы большие силы. На исходные позиции румыны вывели до двух полков и десять танков.

На соседние участки еще до рассвета обрушился огонь береговых батарей и полевой артиллерии. Румынское командование довольно быстро сориентировалось и перебросило в отведенную полукилометровую полосу подразделения с других участков. Туман рассеялся примерно через час после рассвета. После короткой артиллерийской подготовки румынские войска поднялись в атаку. В цепях пехоты двигались танки.

Иван Ефимович Петров, как всегда, когда пребывал в возбуждении, поминутно снимал пенсне и протирал стекла кусочком замши. Рыжи не отрывался от стереотрубы.

Неумолимо вырастали фигурки румынских солдат. Танки вот-вот должны были открыть огонь.

— Пора, Николай Кирьякович! — почему-то шепотом произнес Петров, обращаясь к Рыжи.

У всех присутствующих на НП захватило дыхание.

— Гвардейцам — огонь! — приказал Рыжи по телефону на КП старшему лейтенанту Небоженко.

И хотя ждали этой команды, но и бывалые люди, знакомые с огнем самых больших калибров, замерли.

Хорошо, что Петров по просьбе Небоженко предупредил бойцов своей дивизии, что произойдет нечто необычное, что не надо пугаться ни огня, ни звуков.

Взвились клубы дыма, раздался рев и скрежет, небо прочертили огненные хвосты ракет. Над позициями противника вспыхнул ослепительный свет, а затем донесся обвалный грохот.

На мгновение наступила непривычная тишина.

На «участке Небоженко», так окрестили на НП полукилометровую полосу, чапаевцы огня не открывали, смолк артогонь, смолкли пулеметные очереди со стороны румын и донеслись до НП истошные вопли. Черный дым от горящих танков поднялся над полем и еще не заслонил картину, от которой захватывало дух. Солдаты противника, бросая оружие, бежали назад.

Еще 22 сентября, когда определился успех дивизии Томилова и стало ясно, что ее удар оказался весьма эффективным, Софронов несколько раз в разговоре с Крыловым возвращался к мысли о возможности нанести столь же эффективный удар в южном секторе. После феерической картины, когда были опробованы гвардейские минометы, он уже не сомневался, что дивизия Томилова во взаимодействии с Чапаевской и при поддержке дивизиона гвардейских минометов может значительно отодвинуть линию обороны от ворот Одессы на юге и пресечь уже и с этой стороны артиллерийский обстрел города. Но Крылов отмалчивался.

Если командарма и командиров дивизий увлек наступательный порыв, то он должен был думать о последствиях растяжения линии фронта. Начштарма отлично понимал, что судьба войны решается не в Одессе. Одесса становилась значительным эпизодом в ходе войны, но всего лишь эпизодом, к тому же и не на главном направлении немецкого вторжения, а контрудар в южном секторе имел одну местную цель — отбросить от города дальнобойную артиллерию.

Впору было и позаботиться о том, чтобы при «наступательных настроениях» не захватила бы командный состав опасная самонадеянность. Превосходство противника все еще исчислялось как один к четырем.

Трудности со снабжением уже начали сказываться. Для организации контрудара не хватало снарядов. Не хватало их и для дивизиона гвардейских минометов.

27 сентября командующий флотом предупредил Военный совет ООРа, что с доставкой снарядов возникли затруднения из-за осложнений в Крыму. Срок контрудара пришлось перенести. Транспорт со снарядами пришел только 29 сентября.

У Крылова все было готово для боевого приказа. За ночь был произведен расчет с распределением снарядов. Контрудар назначался на 2 октября.

Но стряслась беда на Перекопе. 11-я немецкая полевая армия под командованием генерал-полковника Манштейна прорвала оборону 51-й армии, над Крымом в целом и над Севастополем в частности нависла угроза захвата.

Заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Г. И. Левченко привез в Одессу директиву Ставки Верховного Главнокомандования об эвакуации Приморской армии из Одессы и переброски ее в Севастополь.

В ночь на 1 октября Левченко собрал Военный совет Одесского оборонительного района. Софронов, Жуков и секретарь обкома партии А. Г. Колыбанов высказались за обращение в Ставку с просьбой разрешить продолжать оборону города. Левченко прервал заседание Военного совета и предложил им еще раз обдумать сложившуюся обстановку.

Шишенин, также присутствовавший на Военном совете, в перерыве спустился в «каюту» Крылова.

— Одессу оставляем! — глухо сказал он. — Есть директива Ставки...

Вот, пожалуй, тот случай, когда полярно могли разойтись взгляды командующего и штабистов.

И для Шишенина, и для Крылова директива Ставки не являлась неожиданностью.

Командарм, освобожденный штабом от множества вопросов, связанных с обеспечением войск всеми необходимыми средствами для продолжения обороны, был в эти дни увлечен подготовкой нового контрудара. Начальник штаба, передав командарму все необходимые данные о войсках, думал уже не о сегодняшнем дне, а с заглядом вперед — на десятки дней и на месяц.

Снабжение войск боеприпасами, продовольствием, оружием, медикаментами, эвакуация раненых, переброска пополнений — все зависело от флота. Между тем с аэродромов, расположенных на побережье Черного моря, усилились налеты немецкой авиации на морские транспорты

и даже на боевые корабли.

Крылов высказал все эти соображения Шишенину. Они совпали с мнением и Шишенина.

Софронов внешне довольно спокойно выслушал Шишенина и Крылова. Дал указание намеченный контрудар в южном секторе на 2 октября не отменять. На этот раз предложение об обращении в Ставку больше не голосовалось.

Сначала директива Ставки, а потом обрушилось личное горе. Связисты вручили Софронову телеграмму о том, что под Москвой погиб в бою его старший сын.

И все же он внешне спокойно выслушал Крылова о порядке эвакуации войск, а несколькими часами позже, глубокой ночью, его свалил инфаркт.

Но в том-то и состоял смысл задуманного плана, что теперь, когда был предрешен уход из Одессы, Крылов усмотрел особый смысл контрудара. Поскольку Одесса не вступала в оборону на осень и зиму и уже не имело значения растяжение линии обороны, контрудар должен был послужить очень серьезным дезинформационным маневром.

Вывести целую армию на транспортах из осажденного города при господстве немецкой авиации — задача, которую еще никто не решил на протяжении всей истории войны.

При обсуждении этой операции на Военном совете ООРа несколько раз было произнесено слово «Дюнкерк».

Английское командование сумело вывести морем экспедиционный корпус при полном господстве немецкой авиации. Дюнкерк тоже был окружен, но еще не осажден. Крылов, в свое время размышляя над этой операцией, пришел к бесспорному для себя выводу, что Гитлер под Дюнкерком сыграл в поддавки. На ближних подступах к городу он остановил танки и с дальним замыслом дал уйти англичанам. Именно под Дюнкерком, как это стало очевидным после 22 июня 1941 года, Гитлер решил, что настало время реализовать завоевательные планы на востоке.

В Одессе никакой игры в поддавки не предполагалось.

Услышав от Шишенина слова «Одессу оставляем», Крылов в тот же миг подумал: а как уйти?

Трудно оборонять город, осажденный вчетверо превосходящим по своим силам противником. Могло дойти и до уличных боев, до боев на баррикадах, но тогда каждый каменный дом можно было превратить в крепость. Здесь была одна опасность — остаться без тыла, без снабжения по морю боеприпасами и задохнуться без них.

Но едва лишь начнется отвод войск с оборонительного рубежа, как

противник, догадавшись, что готовится вывод всей армии из Одессы, усилит нажим, и ослабленные линии обороны будут разорваны. Тогда — гибель и города и армии, а в Крыму нужна боеспособная армия. Догадывался: для обороны Севастополя отводят Приморскую, как имеющую опыт обороны города в глубоком тылу противника.

Делая наметки контрудара в южном секторе, Софронов и Крылов особо не размахивались, даже принимая во внимание и дивизию Томилова. Уже 1 октября на Военном совете ООРа было принято решение начать эвакуацию 157-й дивизии в первую очередь и немедленно, ибо Левченко сообщил, что из Новороссийска уже вышли первые транспорты.

Петрову для контрудара выделили только один полк из этой дивизии.

После корректировки плана контрудара, в связи с изменившейся обстановкой, главный удар Чапаевская дивизия должна была наносить в направлении на Ленинталь. Слева от чапаевцев удар наносила спешенная кавдивизия. Петрову для усиления был передан дивизион гвардейских минометов и танковый батальон. Поддерживали наступление батареи западного сектора, богдановский артполк, два бронепоезда и 422-й тяжелый гаубичный полк приданной дивизии Томилова.

На командный пункт к генералу Петрову вместо Софронова прибыл контр-адмирал Жуков. Крылов оставался в своей «каюте» в подземелье координировать контрудар с действиями войск в других секторах.

В полосе удара, нацеленного на Ленинталь, артподготовку открыли гвардейские минометы. Противник сразу оставил первую линию обороны, а местами обратился в паническое бегство. Не задержались и на второй линии, ее в течение двадцати минут обрабатывала полевая артиллерия. Войска Петрова поднялись и пошли. К полудню они уже ворвались в Ленинталь. На этом чапаевцам и следовало остановиться, тем более что было обнаружено отставание левого фланга, где наступала спешенная кавдивизия.

Поддержать кавдивизию было нечем, у Петрова в это время танковый батальон оторвался от пехоты. Надо было приостанавливать наступление, тем более что ближайшие цели были выполнены.

Крылов беспрестанно справлялся о состоянии Софронова. И хотя состояние его не ухудшалось, становилось очевидным, что из строя он выбыл надолго. В середине дня Софронов вызвал к себе Крылова.

— Что на фронте? Как наступление? — были первыми его словами, когда вошел Крылов.

— Все идет как положено! — ответил Крылов, присаживаясь у койки командарма. — Наступление началось по плану. При залпе гвардейских

минометов противник обратился в бегство... Танки ворвались в Ленинтадь...

— Так это же здорово! — вырвалось у Софронова. — Поздравляю тебя, голубчик! Это твой план операции в действии... От таких новостей и мне полегчало...

О левом фланге Крылов имел намерение не говорить, но Софронов все же спросил:

— Докуда дошли на левом фланге?

Врач догадался вмешаться и велел прекратить разговор.

— Все развивается по плану, все по плану! — успел сказать Крылов.

В такие минуты ложь во спасение. В действительности пока все развивалось по инерции.

В ночь с 1 на 2 октября уже один полк из 157-й дивизии был погружен на «Украину» и «Жан Жорес», пришедшие в Одессу с продовольствием и боеприпасами. Но это была попутная погрузка. Полное представление об эвакуации армии еще не сложилось.

Первое, что приходило на ум, это эвакуировать армию частями по мере подхода транспортов. Крылов попытался спланировать этот вариант и убедился в том, что это может привести к катастрофе.

В это же время решался вопрос и о командарме. Софронова надо было срочно эвакуировать для лечения на Большую Землю.

Назначение командующего армией — прерогатива Ставки. Но не имело смысла в столь сложной обстановке просить командарма в Москве, тем более что новому человеку нужно было время, чтобы добраться до Одессы, и не меньше времени, чтобы войти в обстановку. Военный совет ООРа решил выдвинуть командарма из тех генералов, что уже сражались в рядах Приморской армии с последующим утверждением в Ставке. Выбор невелик: генерал В. Ф. Воробьев или И. Е. Петров. Спросили Софронова. Он подал голос за Ивана Ефимовича Петрова, учитывая и его большой боевой опыт, оригинальность военного мышления, широту оперативного кругозора. Военный совет утвердил это предложение.

Итак, третий командарм в Одессе, еще один характер и новый подход в командовании, новый взгляд на тактические задачи.

Петров в Приморской с первого дня ее формирования. Его уважали все: от рядового и до командарма. Бойцов не смущала его требовательность, ибо она сочеталась со справедливостью, Крылова подкупали и его принципиальность, и умение отстоять свою точку зрения исчерпывающими аргументами. Никогда не пахло капризом — всегда логика. Человек это был подвижный, которого редко можно было застать на

КП, объезжая позиции, обычно добирался он до переднего края.

Он сразу понял суть сомнений Крылова в плане последовательной эвакуации армии и поддержал его идею отвода дивизий с занимаемых позиций не на промежуточные рубежи, а одним броском сразу на посадку. Это даст возможность эвакуацию армии сохранить до последнего момента в тайне.

День за днем уже фактически шла эвакуация. И агентура противника не могла не заметить погрузку войск на транспортные суда. Но план удерживать позиции до последнего дня предохранял от утечки информации через вражескую агентуру. Если бы агентура противника сообщила об отправке дивизии Томилова, то это еще не было бы воспринято румынским командованием как эвакуация армии.

Дивизия пришла и ушла, а ее появление в Одессе, как и морского десанта, могло быть объяснено частной задачей нанести контрудар по позициям батарей, обстреливавших Одессу.

Порт был оцеплен, погрузка шла ночью. За первые десять ночей было отправлено более 50 тысяч человек, в том числе и гражданского населения.

Это тоже отвлекающее обстоятельство для вражеской агентуры.

Вывезли 208 орудий, 900 автомашин, свыше 3 тысяч лошадей, 162 трактора, тысячи тонн заводского оборудования.

Эвакуация задействованных в обороне войск была назначена в ночь с 15 на 16 октября.

Петров, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов и Крылов объехали дивизии. На командные пункты приглашались командиры и комиссары полков. Собирали их внезапно, без предварительного оповещения и без вызовов по телефону. За каждым заезжал направлонец штарма. На совещаниях Крылов знакомил их с планом отрыва войск от противника и с порядком посадки на суда, с организацией прикрытия в последние часы эвакуации.

Крылов объяснял, как накануне последнего дня провести сразу во всех секторах атаки, сохраняя снаряды для артиллерийского прикрытия отхода.

Командарм, в свою очередь, предупредил, чтобы все сохранялось в тайне от бойцов и младших командиров, ибо в этом залог успеха всей операции.

14 и 15 октября в Одессу пришли транспорты. Над портом встала сплошная дымовая завеса, разыгрывалось огромное представление, всеми средствами изображалась разгрузка войск и военной техники. Из порта выходили колонны автомашин, закрытых брезентом. Противник легко мог увидеть их с воздуха. В дивизионных тылах в эфир вышли множество

раций с позывными, никогда не звучавшими в Одессе.

Прикрыть отход транспортов пришли крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», с ними группа эсминцев.

Со всего одесского плацдарма в порт стянули зенитные батареи. Такой плотности зенитного огня Одесса никогда не имела. Немецкие бомбардировщики не могли пробиться сквозь его завесу к кораблям.

15 октября командирам дивизий и полков показали пути отхода через город и причалы. С наступлением темноты было решено посыпать проходы в городе толченым мелом и толченой известью для ориентировки в темноте.

С 10 часов утра началась имитация подготовки наступления. Армейская артиллерия, частично оставленная до ночи на огневых позициях, береговые батареи, одесские бронепоезда, впервые не жалея снарядов, начали артобстрел позиций противника. Береговым батареям и бронепоездам жизни осталось до ночи, их подготовили к взрыву.

Во время столь мощного огневого налета противник не подавал признаков жизни, ожидая, что поднимутся в атаку советские войска.

Начальник артиллерии армии полковник Рыжи начал искусный маневр огнем дальнобойных орудий, последний раз демонстрируя, до какого он был доведен совершенства. Береговые батареи, корабельные орудия совершали артналеты то на одни, то на другие позиции противника, армейская артиллерия перебрасывалась с участка на участок.

Румынскому командованию была предоставлена возможность гадать, на каком же из флангов готовится контрнаступление Приморской армии.

Петров и Крылов покинули подземелья бывшего коньячного завода и пришли на освободившийся КП морской базы на набережной. Отсюда Крылов связался с направленцами, которые дежурили у аппаратов в дивизиях, с Шевцовым, Харлашкиным и Безгиновым. Со всех КП получен один и тот же условленный ответ: «Идет по плану».

Часы показывали 19.00.

Основные силы армии начали отход. Крылов условным текстом передал начарту Рыжи приказ открыть огонь всеми артиллерийскими стволами прикрытия отхода армии.

Поступили последние донесения. Противник под ударами артиллерии, которая впервые за всю оборону Одессы не сэкономила снаряды, в полосе обстрела покинул передовые позиции. Румынское командование все еще ждало контрудара Приморской!

Над портом не опадала плотная дымовая завеса. Началась погрузка войск.

К полуночи на КП дивизий остались лишь командиры батальонов прикрытия.

Противник не проявлял по-прежнему активности.

Отключались из артиллерийского огня одна за другой батареи, те, которые были отведены на погрузку, и те, которые взрывали, чтобы не достались врагу.

Покинули позиции и батальоны прикрытия. Их сменили партизаны, которым еще несколько часов предстояло имитировать передовую, только что покинутую целой армией.

Еще до рассвета в полном порядке завершилась погрузка на транспорты, и они вышли из Одесской гавани в открытое море.

Уже светало, когда и оперативная группа штарма во главе с командармом взошли на палубу «морского охотника». Быстроходный катер пошел в обход гавани. В последние часы политработники расклеили на улицах листки с обращением городских организаций к жителям Одессы: «Не навсегда и ненадолго оставляем мы нашу родную Одессу. Жалкие убийцы, фашистские дикари будут выброшены вон из нашего города. Мы скоро вернемся, товарищи!...»

Горели на берегу затухающие костры. Бродили брошенные кони, для них не нашлось места на транспортах... Далеко просматривались пустынные улицы.

Операция по отводу с рубежей обороны и эвакуации целой армии, в самом начале казавшаяся невыполнимой, осталась не замеченной противником.

Ни Крылову, чей замысел, чьи расчеты легли в разработку и осуществление этой операции, ни его товарищам в тот час было не до оценок, им и в голову не могло прийти, что операция эта беспрецедентна в истории военного искусства, что ее ювелирное исполнение, осуществленное во взаимодействии стрелковых полков, артиллерийских дивизионов, авиационных и морских сил, не только покроет славой ее участников и исполнителей, но и ляжет в основу многих операций советских войск и в обороне и в наступлении...

Катер круто развернулся и на полном ходу вышел в открытое море. Транспорты, увозившие армию, и те, что взяли с собой батальоны прикрытия, ушли уже вперед.

Сказалась усталость последних дней. Даже качка не развеяла сон. Николай Иванович спустился по отвесному трапу в маленький кубрик и упал на свободную койку.

Проснулся так же внезапно, как и заснул. Катер бросало из стороны в

сторону. Николай Иванович поднялся на палубу.

В небе — Ю-87. С оглушающим ревом он пикировал на катер. Вот отделились от него черные капли бомб, с воем стали падать на катер. Но катер сделал резкий поворот, и бомбы взорвались за кормой.

Первый самолет ушел на разворот, но вот еще два пикировщика устремились вниз. Еще и еще раз резкие повороты. Катер уходил от разрывов бомб то зигзагами, то описывая полукружье. Вел катер мастер высокого класса...

Глава третья. Севастополь

Не только лицам гражданским, но людям военным, знающим тактические начала современной войны в преддверии 22 июня 1941 года, и в кошмарном сне не привиделось бы, что в первые месяцы вторжения немецкие войска возьмут в кольцо блокады Ленинград, захватят Минск и Киев, переправятся через Днепр, нависнут над Москвой, грозя ее уничтожением, достигнут далекого Крымского полуострова.

Уже шла война, уже явственно обрисовывались размеры народного бедствия, возникали одно за другим немыслимые направления ударов немецких войск, обнажались в какой-то мере замыслы врага, и все же некоторые рубежи советской земли представлялись в сознании народном, да и военных профессионалов непреодолимыми для врага.

«План Барбаросса», разработанный немецким генеральным штабом, план разгрома Советского Союза в маневренной войне моторов, обеспеченной взаимодействием авиации, крупных танковых соединений, пехоты, посаженной на автомобили, и самоходной артиллерии, план так называемой «молниеносной войны» в полном объеме стал известен только после войны. В сорок первом году можно было только догадываться о его установках. В то же время эти догадки порождали и сомнение в здравом уме его авторов.

Не взяв Ленинграда и натолкнувшись под Москвой на сильное сопротивление, не овладев Одессой, правым флангом немецкое вторжение нацеливалось на Ростов и одновременно на Крым. Прояснялся далеко идущий замысел: через Ростов-на-Дону и Керченский полуостров ворваться на Кавказ, отрезать Баку, как источник снабжения нефтью, от центра России и продвинуться в Иран. Овладев Ближним Востоком, вынудив вступить и Турцию на своей стороне, немецкий генеральный штаб рассчитывал стать хозяином всего нефтеносного региона. Собственно говоря, это была единственная возможность для Германии и стран оси если и не выиграть вторую мировую войну, то уж, во всяком случае, надолго установить свое господство в Европе. Однако и в дни громких побед на советско-германском фронте этот замысел выглядел вполне безнадежным, а сроки «плана Барбароссы» начали давать сбой в первых же сражениях за Минск, Смоленск, Ленинград, Киев и Одессу. Теперь мы знаем, что 23 августа 1941 года Гитлер дал указание командованию германских сухопутных сил как можно быстрее выйти в районы, из которых Россия

получает нефть. Смысл его состоял в том, чтобы лишить Россию нефти и повернуть Иран против коалиции союзников. Это указание Гитлера не сразу нашло свое выражение в организации наступления на юге. Первоначально для захвата Крыма выделялась лишь часть 11-й немецкой армии и 3-я румынская. Однако без быстрого захвата Крыма наступление на Ростов теряло свой стратегический смысл, и даже захват самого Ростова имел бы всего лишь оперативное значение.

Советское Верховное Командование имело все основания считать, что Крым и с моря и с суши укреплен надежно. Перекопский перешеек мог стать неприступным рубежом обороны 51-й армии.

22 сентября силами 56-го армейского корпуса немцы прорвали оборону на Перекопе и вышли к Ишуньским перешейкам. И хотя прорыв этот стоил немцам огромных потерь, тем не менее он состоялся. Узнав о нем еще в Одессе, Николай Иванович Крылов уже тогда предугадал, что сражаться за Одессу Приморской армии придется недолго. Не только Крылов, но и все командование Одесским оборонительным районом с крайним возмущением приняло это известие. Здесь на широком фронте превратили Одессу в неприступную крепость, а на узком Перекопе, казалось, созданном самой природой для успешной обороны, открыли дорогу немцам. Это было ударом по Одессе, и этого Крылов не мог забыть до последних дней своей жизни, ибо события на Перекопе, а затем и на Ишуньских перешейках поставили Приморскую армию на край гибели...

Итак, в Севастополь командование Приморской армии прибыло 17 октября. В городе было спокойно, хотя война, конечно же, ощущалась.

В городе врага всегда ждали с моря, и почти сто лет назад он с моря и пришел. Но в Отечественную войну немцев не ждали с моря. Советский Черноморский флот господствовал у берегов Крыма. Кроме него, город защищали мощнейшие береговые батареи калибром до 305 миллиметров, оборудованные по последнему слову техники, и о нападении с моря не могло быть и речи.

Прорыв немцев на Перекопе, конечно, не мог не встревожить севастопольцев, но немцам еще надо было преодолеть укрепления на Ишуньских перешейках, все еще привычно казавшихся столь же неприступными, как и Перекопские, хотя пример Перекопа был более чем свеж. К тому же успокаивало сознание того, что и Перекоп и Ишунь отстоят от Севастополя на сотни километров и путь к нему преграждают горы. Хотя уже вовсю шла война, мало кто понимал, что представляют собою пехотные немецкие дивизии, посаженные на автомобили...

Получив карты Крыма и рассмотрев отмеченные на них укрепления на

Ишуньских перешейках, подсчитав силы 51-й армии, Крылов, приученный одесской обороной к самым экономным расчетам средств, понял, что здесь можно будет стоять абсолютно твердой ногой. Стало быть, можно было рассчитывать на то, что Приморская армия получит несколько дней передышки для пополнения своего личного состава, приведения в порядок материальной части и для отдыха, наконец.

Вместе с тем для Приморской армии начинался и новый этап на ее боевом пути. За Одессу она сражалась в основном с румынскими войсками, которые и вооружены были хуже немецких, и не имели ни их выучки, ни их опыта. Теперь же предстояло столкновение с полнокровной немецкой армией. Тем более очень важно было иметь хотя бы несколько дней для такого рода подготовки.

Вскоре был получен приказ срочно выдвинуть армию на Ишуньские позиции на подкрепление 51-й армии.

Только много лет спустя после окончания войны в своей книге воспоминаний об обороне Севастополя Николай Иванович Крылов склонился к мысли, что выдвижение Приморской армии на север Крыма и введение ее там в бой, даже при слабом обеспечении, сослужило свою пользу, и хотя дорогой ценой, но противник все же был задержан на несколько лишних дней.

Трудно оспорить выводы, которые сделал один из главных участников операции, да еще и через много лет, «глядя на все происходившее из нынешнего далека».

Зафиксированного мнения Г. Д. Шишенина мы по этому поводу не имеем, не выступал с воспоминаниями об обороне Севастополя и И. Е. Петров.

На отмену решения о срочной переброске армии к Ишуньским позициям Крылов, тогда заместитель начштарма и начальник оперативного отдела, никак повлиять не мог. Единственно, что было в его силах, провести выдвижение армии наиболее организованно. Но при всей сдержанности его оценки просматриваются его трудные раздумья об этих событиях в истории Приморской армии.

Это видно хотя бы из его рассказа о порядках, царивших в 51-й армии накануне катастрофы на Ишуньских позициях уже после урока, преподанного немецким командованием на Перекопском перешейке.

18 октября немецкие войска начали штурм Ишуньских позиций.

Слишком поздно осознав свою ошибку, командование 51-й спешно стягивало все свои разрозненные части к Ишуню и потребовало немедленного выдвижения туда же Приморской армии.

Приморцы в те дни из-за недостаточной информации о том, что происходило у ворот Крыма, не имели возможности составить свое мнение о целесообразности выдвижения их в полном составе на Ишуньские позиции.

Здесь позволительно привести его собственный рассказ с теми подробностями, которые не были им забыты и двадцать лет спустя.

«Утром 19-го был в Симферополе. Штаб 51-й армии, где требовалось уточнить полученные по телефону указания, а также оформить заявки на автотранспорт, горючее, боепитание и многое другое, занимал, словно в мирное время или в глубоком тылу, обыкновенное учрежденческое здание в центре, обозначенное, правда, проволочным заграждением вдоль тротуара. При виде этой колючей проволоки на людной улице невольно подумалось: «Что за игра в войну?» Сержант в комендатуре, выписывая мне пропуск, неожиданно предупредил: «Только сейчас, товарищ полковник, в отделах одни дежурные — сегодня воскресенье».

Большого не скажешь для оценки происшедшего на Ишуньских позициях.

Приморская армия в результате прорыва противника на Ишуньских позициях попала в сложнейшее положение и для того, чтобы выполнить главное свое назначение в обороне Севастополя, должна была преодолеть огромные трудности, понеся тяжкие потери.

Так что остается неясным, оправдано ли было ее выдвижение из Севастополя, ибо город едва не был захвачен немецкими войсками с ходу.

Здесь встает задача: выявить роль Крылова в этой драматической ситуации и по возможности постараться выявить заслуги в ее разрешении, принадлежащие лично ему, не ущемляя, естественно, роль деятельности командарма.

При этом надо знать, что, хотя штабная работа всегда остается штабной работой, в экстремальной ситуации она приобретает характер особый, порою ей совсем несвойственный...

Сначала немного об общей обстановке и о расстановке сил, которая сложилась к моменту борьбы за Крым.

Продвижение танковой группы Клейста в направлении на Ростов, поддержанное 17-й немецкой армией на ее левом фланге и 11-й и 3-й румынской на правом, дало возможность немецкому командованию высвободить 11-ю армию и румынский горный корпус целиком на захват Крыма. Поддерживала их часть 4-го флота люфтваффе в составе более ста самолетов. Группировка насчитывала 124 тысячи человек, свыше двух тысяч орудий и минометов.

11-я немецкая полевая армия, назначенная для прорыва в Крым, в предшествующих боях не была измотана, как другие немецкие армии, и не понесла невозвратимых потерь, особенно в младшем командном составе, на который и делалась ставка в их теории маневренной войны. Немецкие генералы любили повторять изречение Мольтке, по-своему его варьируя: «Нам не нужно Наполеона, вместо ста Наполеонов нам нужно сто тысяч отличных ефрейторов».

В начале войны 11-я армия, входившая в группу армий «Юг», была развернута в полосе румынских соединений по берегу реки Прут под командованием генерал-полковника Риттера фон Шоберта. Тогда перед ней ставилась задача оборонительного характера, на случай если советские войска предпримут наступление на румынской территории. Ее активные действия предусматривались только после продвижения 1-й танковой группы фон Клейста, в их задачу также входило помешать организованному отходу южного крыла советских войск. Осложнения в продвижении 1-й танковой группы вынудили немецкое командование изменить задачи, поставленные перед 11-й армией, и 2 июля ввести ее в дело в направлении на Могилев-Подольский. Через Могилев-Подольский 11-я армия при поддержке 3-й румынской армии начала продвижение в район Балты, круто поворачивая к югу. Здесь ее южный фланг сомкнулся с 4-й румынской армией.

11-я армия не принимала непосредственного участия в сражениях за Киев, еще до его падения она начала продвижение к Мелитополю. Теперь в ходе всего наступления немецких войск ее задача становилась первостепенной: овладеть Крымом для прыжка на Кавказ. Как раз, когда определились эти задачи и укрупнилась ее роль, произошла смена в ее

командовании.

Генерал-полковник фон Шоберт подорвался на своем самолете «шторх» на партизанских минах. Командующим 11-й армией Гитлер назначил генерал-полковника Эриха фон Манштейна.

Манштейн был одним из самых теоретически подготовленных генералов немецкой армии. За его плечами стоял практический опыт первой мировой войны. Он закончил ее начальником штаба пехотной дивизии. Видный офицер рейхсвера, с приходом к власти Гитлера занимал крупные посты в немецкой армии. В 1934 году — начальник штаба Берлинского военного округа, затем начальник оперативного управления штаба сухопутных сил. В октябре 1936 года ему присвоен чин генерал-майора, он был назначен первым обер-квартирмейстером генерального штаба и заместителем начальника генерального штаба фон Бека.

Близость к фон Беку, которого ненавидел Гитлер, привела его в 1938 году к понижению. Он получил назначение командира дивизии. В 1939 году опять взлет, он — начальник штаба группы армий «Юг», которая под командованием фон Рундштедта вторглась в Польшу. В это время он уже имел весомый авторитет в немецком генералитете, хотя Гитлер и относился к нему с подозрением все за ту же близость к фон Беку.

Гитлер готовился к войне исподволь, и фон Манштейн, занимая еще до ее начала ведущие посты в генеральном штабе, был одним из авторов гитлеровских военных планов, особая его заслуга состояла в том, что танковый удар через Арденны в обход линии Мажино разработал он.

Во время вторжения в Советский Союз Манштейн командовал 54-м армейским корпусом. Его корпус осуществил глубокий прорыв в Даугавпилс, дошел до озера Ильмень. Здесь Манштейн получил приказ принять 11-ю армию.

С правого фланга — на левый фланг.

Итак, в Крым рвалась полнокровная немецкая армия и румынский горный корпус под командованием бывалого вояки, как его называли, «наступательного» немецкого генерала.

Ишуньские позиции имели много преимуществ для обороны. Здесь сухопутье сужалось между солеными озерами до трех или четырех километров. В частности, и это обстоятельство внушало командованию Приморской армии, когда был получен приказ выдвинуться в район Ишуны, что на них можно остановить продвижение противника, оставив Севастополь в глубоком тылу.

Ишуньские позиции исключали какое-либо маневренное ведение боя, их фланги были защищены. Задачи командования 51-й армии сводились

лишь к организации обороны. А вот этого как раз оно и не сумело сделать.

На узкой полосе фронтального наступления фон Манштейн сосредоточил для прорыва три дивизии 54-го армейского корпуса. 30-й армейский корпус стоял в спину атакующих дивизий, готовый развить успех, когда будет прорвана оборона советских войск.

Наступление началось 18 октября, а уже вечером 22 октября с ходу, прямо с места разгрузки эшелонов, без артиллерии, без авиационной поддержки в бой была введена кавдивизия Приморской армии. 24 октября навстречу наступающим немецким войскам устремилась 95-я стрелковая дивизия генерал-майора В. Ф. Воробьева и полк Чапаевской дивизии. 25 октября наносила контрудар уже вся Приморская армия. И несмотря на то, что ее артиллерия была еще в пути, а для тех батарей, которые успели подвести к месту боев, не было снарядов, приморцы усложнили положение противника. Его наступление захлебывалось, сложилась известная обстановка, когда исход сражения колеблется на весах, кто-то из сражающихся должен сделать последнее усилие. Фон Манштейн в своих воспоминаниях так оценивал этот момент: «25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе».

Признавая, что его армия несла огромные потери, что чаша весов колебалась, Манштейн умалчивает, что немецкое командование готово было на любые жертвы, лишь бы ворваться в Крым и через Керченский полуостров — на Кавказ.

Решался исход всей войны.

Наступление на Москву, начатое 2 октября и вначале развивавшееся довольно успешно, замедлилось, по своим срокам продвижения оно срывалось. Не взять Москву уже и в октябре, не прорваться к Кавказу — это означало бы начало поражения. И если Гитлер и нацистские лидеры еще могли обманываться относительно сложившейся обстановки, то многие генералы, профессионалы военного дела, понимали, что означает нарушение в сроках маневренной войны и повсюду усиливавшееся сопротивление советских войск, чем в самом скором времени отзовутся огромные потери в живой силе, что означает невыполнение поставленных целей.

26 октября Манштейн перегруппировал свои силы и, пополнив поредевшие дивизии, бросил их на новый штурм. Безусловно, если бы Приморская армия успела подтянуть свою артиллерию, а 51-я армия успела бы собрать в кулак свои разбросанные по полуострову части и артиллерию, 11-я армия была бы целиком обескровлена. Полки 51-й спешили к Ишуню,

но спешили пешком, а артиллерия шла на конной тяге.

26 октября на Ишуньские позиции двинулись силы немецких пехотных дивизий, поддержанные танками и самолетами.

Приморская армия несла огромные потери. Был взят Ишунь. Манштейн выводил войска на оперативный простор. Части 51-й армии отходили, Приморской грозило окружение. В эти же дни прервалась связь с командованием войск Крыма. Приморская армия получила указание отходить на промежуточные рубежи. Но промежуточных рубежей уже не было, части 11-й армии ворвались в Крым, все смешалось. Манштейн по пятам преследовал 51-ю армию, отступавшую на Керчь. С большим трудом армейской разведке удалось установить, что свободным остался всего лишь сорокакилометровый разрыв между немецкими частями в направлении на Керчь.

Петров пришел в штаб к Крылову. Николай Иванович в те часы был наиболее осведомленным человеком о том, что происходит в войсках. Его направленные метались между частями, стягивая в кулак армию.

Гавриил Данилович Шишенин был человеком деликатным и начисто лишенным чувства ревности. Заступив на должность начальника штаба армии уже в Севастополе, сразу же занявшись ее переброской на север полуострова, так и не успел «впитать» в себя все данные о состоянии и расположении даже небольших подразделений, а не только дивизий и полков. Он понимал, что в этот час только Крылов может помочь командарму принять правильное решение, из всех вариантов избрать только тот, который спасет армию.

— На Керчь дорога свободна! — это единственное, что он счел нужным подсказать командарму.

— Мы имеем приказ командования войсками Крыма, — сказал Петров, выделяя с особым ударением слова, — вести сдерживающие бои с постепенным отходом на промежуточные рубежи в глубине полуострова... отходить в южном направлении... Но промежуточных рубежей в открытой степи для нас никто не подготовил... Есть хоть один рубеж, подготовленный для обороны? — спросил Петров, обращаясь к Крылову.

— Ни одного! — не колеблясь ответил Крылов. — И артиллерия подходит без боеприпасов.

— Что происходит в пятьдесят первой? Они способны к какому-либо сопротивлению?

— Что с ней сейчас происходит, неизвестно! — ответил Крылов. — Все в движении. Части ее разбросаны... Те, что мне довелось видеть, когда они выдвигались из глубины, вооружены плохо...

— Тогда у меня первый вопрос к вам, Гавриил Данилович, и к вам, Николай Иванович! Отход к Керчи — спасение армии? Спасение армии, если мы не можем рассчитывать на пятьдесят первую?

— Отходом к Керчи мы отдаем Севастополь! — ответил Крылов и поднял глаза на командующего.

Еще когда Петров командовал дивизией, между ним и Крыловым установились дружеские отношения, они понимали друг друга с полуслова, по взгляду.

— Это тяжело вымолвить, — продолжал Крылов, — но Керчь нам не удержать, немцы сбросят нас в море и по пятам вырвутся на Кубань... Ростов окажется в клещах...

— В Керчи нам делать нечего! — ответил Петров. — Нага тыл — Севастополь. Для чего Приморскую перебросили в Крым с ее опытом одесской обороны? Отвести угрозу базированию в Севастополе Черноморского флота. Если мы пойдем на Керчь — не спасем армию и отдадим врагу Севастополь. Но отход на Севастополь будет трудным. Туда уже устремились немецкие части... Они на автомобилях. Моторизованная пехота... Надо, чтобы каждый командир дивизии это понял. Чтобы каждый боец понял, куда и зачем он идет...

Командарм распорядился собрать вечером всех комдивов.

Крылов до вечера должен был всеми средствами прояснить обстановку.

В общих чертах она к концу дня прояснилась. 11-я немецкая армия уже обтекала левый фланг Приморской, бои шли на подступах к Евпатории.

На юге, да еще в осенний ненастный день, темнота наступает внезапно.

Степной поселок Экибаш. Жители покинули его и ушли на юг. Штаб разместился в здании небольшой сельской больницы. Один за другим, кто на «эмке», кто верхом, подъезжают командиры и комиссары дивизий. Даже они, высшие командиры армии, впервые встретились друг с другом после того, как прибыли из Одессы в Крым.

На крыльцо вышел командарм.

— Пора! Время торопит... Кто не прибыл, тот, стало быть, не мог...

Просторная больничная палата, голые койки, несколько табуреток, два небольших стола, сдвинутых вместе, чтобы было где расстелить карты. Освещение — автомобильные лампочки, подключенные к аккумуляторам.

Иван Ефимович — человек, лишенный позы. Он всегда прост и ясен. Он не скрывает ни тревоги, ни своего подавленного состояния, в такт своей речи покачивает головой. Признак особого волнения после контузии. И еще

поминутно снимает пенсне, предмет в те годы очень необычный.

— Мы вызвали вас, чтобы обсудить создавшееся положение и посоветоваться о дальнейших действиях армии. Не подумайте, что я, как командующий, снимаю с себя ответственность. Да любое решение — ответственность моя, но я хочу выслушать вас, как нам поступить в часы, когда надо всей армией повисла гибель. Сейчас Крылов составит список всех здесь присутствующих, и каждый выскажется, куда идти. Перед нами два пути: на Керчь и на Севастополь. Путь на Керчь еще не закрыт. Мы можем за ночь дойти до Керченского полуострова и занять там оборону... Туда отходит пятьдесят первая... Она должна закрепиться на Ак-Монайских позициях!

Последние слова Петров произнес с ударением и сделал паузу. Он не хотел иронии, он знал, что не имеет права на иронию во время разыгравшейся трагедии, но не только он, но и комдивы имели возможность познакомиться с расслабляющим беспорядком в 51-й армии. Не имел он права не только на иронию, но и осуждение соседа. Но помимо его воли ссылка на 51-ю звучала иронией. Завершил он свою мысль очень осторожно.

— Думается, — добавил он, — будет достаточно, если на Ак-Монайских позициях закрепится пятьдесят первая...

Формально, для протокола, он был прав. Армии посильна защита перешейка на Керченский полуостров, но была посильна защита и Перекопа, и Ишуньских позиций. Все присутствующие на совете это понимали, и мало кого вдохновляло встать на позиции с 51-й, хотя в ней и сменилось командование. Главное же состояло в том, что каждому было понятно, что опыт Приморской армии, приобретенный в Одессе, был уникальным и был наиболее пригоден для обороны Севастополя.

— Свободного пути на Севастополь уже не существует, — продолжал Петров. — Идти в Севастополь — это значит идти с боями, и не с оборонительными боями, а с боями на прорыв... Если мы уходим на Керчь — через несколько дней падет Севастополь, и мы теряем главную базу флота и не выполняем предназначения Приморской...

Не ради Ишуньских позиций сняли армию из-под Одессы. С учетом сложившейся обстановки и задач, посильных для решения в масштабе армии, давайте и обсудим, куда идти. В Керчь или в Севастополь? Мнение каждого командира будет взвешено и принято во внимание...

Никто не спешил высказаться, никто и не порывался заглянуть в карту командарма. Окна были закрыты, но и сквозь закрытые окна доносилась с побережья канонада. Приморцы привыкли в пушечном гуле отличать

орудийный гром корабельной артиллерии. Он доносился из Евпатории.

Петров выждал некоторое время и обратился к полковнику А. Г. Капитохину, командиру 161-го стрелкового полка 95-й Молдавской дивизии.

— Полковник Капитохин! Начнем с вас, с левого фланга. Прошу.

Начинать младшему по должности среди собравшихся. Но это по должности — младший, но не по годам. Участник гражданской войны, потом партийный работник. Человек спокойный, рассудительный, Капитохин высказался однозначно:

— Я не хотел бы вдаваться в стратегические рассуждения. Наш долг оборонять Севастополь. Для этого мы здесь, в Крыму, а не в Одессе.

Петров обратился к Крылову:

— Запишите, Николай Иванович! Капитохин за то, чтобы идти в Севастополь!

— Полковник Пискунов! Прошу ваше мнение!

Пискунов, начальник артиллерии 95-й дивизии, не колеблясь ответил:

— Считаю, что нужно идти защищать Севастополь!

Артиллерист и не мог иначе ответить. За дни обороны Одессы он в совершенстве овладел маневром артиллерийского огня и твердо знал, что и в Севастополе взаимодействие армейской артиллерии, береговых батарей и кораблей задержит разбег захватчиков.

Крылова волновало, что скажет его давний наставник в штабной работе генерал-майор В. Ф. Воробьев, командир 95-й дивизии. Г. Д. Шишенин еще ранее на Военном совете армии высказывался за то, чтобы идти в Керчь. Крылов видел, как помрачнел Воробьев, услышав мнение своих подчиненных. Стало быть, он видит события в ином свете. Крылов уже давно научился выверять свои выводы в споре с теми, кого уважал за понимание боевой обстановки. Воробьев — за Керчь. И Крылов старался понять его и еще раз перебирал в уме все «за» и «против» этого решения. Не ошибся ли?

Но не ему предназначалось вступить в противоречие со своими учителями в доказательство того, что он их перерос. После того, как Трофим Калинович Коломиец, командир Чапаевской дивизии, высказался за Севастополь, Петров объявил:

— Слово имеет полковник Ласкин!

Этого молодого полковника, комдива 172-й дивизии, Крылов видел впервые, лично с ним успел познакомиться только командарм. Дивизия случайно оказалась в распоряжении Приморской армии. Так случилось во время отхода от Ишуня. Дивизия сформирована совсем недавно, в

сентябре, из местных запасников. Но сражалась мужественно, хотя и располагала скудными огневыми средствами. От Ласкина все ждали, что он выскажется за Керчь, таким образом, его дивизия вновь влилась бы в состав 51-й. Но Ласкин сказал:

— Я также за то, чтобы идти на защиту Севастополя... Я знаю Крым и считал бы выгодным, если успеем занять оборону по реке Альме... А успеть можно так.

Ласкин подошел к карте командарма и начал объяснять, как он считал бы наиболее целесообразным отводить армию. Сразу было видно, что крымские дороги он знает не по карте, а исходил их ногами.

Петров даже повеселел и, кивнув Крылову, распорядился:

— Займитесь с Ласкиным... Он дело говорит!

Комиссар и комдив 40-й кавалерийской дивизии разошлись во мнении. Полковой комиссар И. И. Карпович высказался за отход к Керчи, полковник Ф. Ф. Кудюров — за отход к Севастополю.

И вот наконец поднялся В. Ф. Воробьев, командир 95-й дивизии.

Мысленно Крылов еще и еще раз выверял решение Военного совета армии, свои собственные рассуждения, выслушивал доводы Ласкина и его прикидку распределения колонн по дорогам, которые уточняли и дополняли решение командарма, и не находил разумных доводов за отход к Керчи. И тем более горько ему было слушать своего давнего наставника и друга.

— Я за Керчь! — сказал Воробьев. — Военное дело требует точности... Точных сведений о том, где и с какими силами прорвался противник, мы не имеем. Отсюда мы слышим, что сейчас идет бой под Евпаторией... Город не укреплен и к обороне неприспособлен, у немцев моторизованные войска... Мне хотелось бы услышать от Николая Ивановича Крылова, какова обстановка под Бахчисараем?

А Крылову подумалось: «Да, Василий Фролович в штабной работе незаменим. Он точно и сразу нашел болевую точку намеченного отвода армии. Если Бахчисарай у немцев, Приморской придется очень тяжело».

Но Крылов был не из тех, кто подгонял аргументы под замысел.

— Неизвестна, Василий Фролович... Совсем неизвестна! — ответил он.

— Степь открыта, и я не исключаю, что под Бахчисараем немцы уже сосредоточили значительные силы, — продолжал Воробьев. — Тогда мы будем иметь противника и слева и справа. Армия рискует втянуться в мешок, который потом окажется завязанным с севера. У нас нет снарядов, чтобы отбиваться. Мы потеряем свои тылы. В сторону Керчи еще можно

пройти...

Разумно, со знанием дела говорил Воробьев. Обрисовал вполне реальную опасность. И здесь, в Экибашской больнице, сидя над картами, вслепую опровергнуть его нечем. Спор бесполезен, оставался лишь один аргумент: если взят Бахчисарай, то вдвойне надо спешить в Севастополь. Не бросать же на произвол судьбы главную базу Черноморского флота. Без Приморской Севастополь будет взят с ходу. Не место и не время спорить...

Воробьева поддержали военком дивизии Я. Г. Мельников и начальник штаба дивизии подполковник Р. Т. Прасолов.

Петров взглянул на часы.

— Времени у нас в обрез. Дискуссия бесполезна. Четверо высказались за отход к Керчи, остальные, а их большинство, — за Севастополь. За Севастополь и Военный совет армии. Мы идем прикрывать Севастополь... Отвод сегодня же... Направление на рубеж реки Альмы. Прошу всех к моей карте...

31 октября в Экибаше не знали, что уже накануне в 16 часов 35 минут началась оборона Севастополя.

Обтекая левый фланг Приморской армии, оставив за собой Евпаторию, к Севастополю устремилась сводная немецкая моторизованная бригада Циглера, оснащенная моторизованными артиллерийскими и противотанковыми дивизионами. Манштейн наносил удар по городу бронированной группой, обладающей подвижностью, превосходящей Приморскую армию. Перед этой группой не было войск. Встретила ее своим уничтожающим огнем береговая батарея № 54 под командованием старшего лейтенанта Ивана Заики, а краснофлотцы — связками гранат...

Открытой степью, под налетами вражеской авиации, горными дорогами, узкими, извилистыми долинами рек, вступая в бой на прорыв или отбиваясь арьергардами, с артиллерией на конной тяге Приморская армия достигла Севастополя.

Были потери в людях, были потери в материальной части. Но немецкое командование не могло похвастать пленными из Приморской.

Потом, когда началась оборона Севастополя, не раз будут говорить и писать о подвигах Приморской армии, а о ее безмолвном подвиге при отходе ни слова, ибо не было победных реляций. Отход, отступление...

Но этот отход, это отступление спасли Севастополь и надолго приковали 11-ю армию к Крыму, так и не дав ей совершить прыжок через Керченский пролив на Кавказ.

В ночных переходах и в дневных боях беспрестанно менялась обстановка. Рубеж по реке Альме оказался захваченным немцами. Приходилось двигаться параллельно немецким войскам. А они опережали, они были моторизованными.

Сколько бы мы ни пытались разграничить в этой блестящей операции по отводу армии деятельность штаба и командарма, деятельность Военного совета от деятельности комдивов, командиров полков, батальонов или рот, сделать это невозможно. Каждый из командиров всех степеней был в те часы и солдатом, и командармом, и сам себе комиссар, и сам себе начальник штаба.

Порой глубокой ночью в степи приходилось резко изменять направление движения, поворачивать измученных ночными переходами и дневными боями солдат, и при этом надо было рассеять их невольные подозрения в том, что командование армии растерялось, не знает, что делать. Командарм и все высшие военачальники армии разъезжались по колоннам, рассеянным в степи.

На подступах к Альме пришлось резко менять маршрут. Крылов выехал навстречу 172-й дивизии, чтобы круто повернуть ее в предгорья.

Вчера чужая, сегодня своя дивизия. Полковник Иван Андреевич Ласкин понравился Крылову своим выступлением в Экибаше. Но говорить одно, а делать — другое.

Дождь прекратился. Низкие облака ушли на материк. На юге ночное небо кажется всегда особенно темным, а звезды ослепительно яркими.

Крылов нашел Ласкина на развилке степных дорог. Где-то вдалеке вспыхивали зарницы оружейных залпов, разгоралось зарево пожаров.

— С Альмой все кончено! — объявил Крылов. — Надо резко уходить в горы.

При свете подфарников «эмки» Ласкин и Крылов развернули свои карты.

Но и у Крылова на карте не было тех отметок, которые он привык передавать в части. Все неопределенно, определено только одно, что противник прочно обосновался в междуречье Альмы и Качи.

— Сложно идти предгорьями, и путь сильно удлинится! — заметил Ласкин, нанося на карту новый маршрут своей дивизии.

Крылов молчал. Всего лишь час тому назад они уже рассуждали с командармом на сей счет и все было решено.

— Собрать в кулак и тараном... — предположительно молвил Ласкин.

— Бойцы валятся с ног... Тарана не получится!

Ласкин вздохнул и согласился:

— Тарана не получится! Это скорее мечта, чем реальность... Бойцы нас поймут, но силы у них на исходе.

— Это парадоксальный случай, — развил мысль Крылов. — Каждый солдат поймет маневр, но выполнить не сможет...

Мимо тяжело проползала колонна дивизии. Шли артиллерийские упряжки, повозки, машины... Их сменяли стрелковые подразделения в пешем строю, потом снова орудия. И в темноте было видно, что кони едва идут... Бескормица...

— Не густо! — обронил Крылов.

— Сегодня, когда построили колонну, я и сам удивился! Даже подумал, а все ли собрались... — ответил Ласкин и, поглядывая на яркие зарницы на западе, спросил: — Сильные залпы... Не береговые ли батареи в Севастополе?

— Похоже, что они... — подтвердил Крылов. — За Севастополь уже идет бой, а сражаться без нас там некому, кроме моряков и артиллерии. А их горстка...

Звездное небо, зарева пожаров, зарницы оружейных вспышек, мерный шаг пехоты, скрип повозок... Чем-то давним, тревожным веяло от этой картины, уводило в глубь веков, степных переселений народов, тех битв и сражений, в которых русские люди отстаивали свою землю, свой труд от разбойных нашествий.

Видимо, в какой-то мере схожими были мысли начштарма и комдива. Ласкин моложе, комдивом стал совсем недавно и в боях с сентября, на

Крылова он смотрел с известной долей почтительности, как на ветерана.

— Что происходит? — спросил он вполголоса.

Крылову не требовалось разъяснений по вопросу, который мучил и его, и товарищей еще в приграничных боях, по одесской обороне. Вопрос был мучителен еще и тем, что на него не находилось исчерпывающего ответа. В раздумьях рождалось множество объяснений, и только собранные вместе, они могли претендовать на ответ, да и то далеко не исчерпывающий.

Однозначно не ответить и глухой ночью в степи, с глазу на глаз. И не потому, что не было доверия к человеку новому. Крылову в предвоенные годы пришлось пережить трудное время. Поездка Мехлиса на Дальний Восток отозвалась для него большими бедами. Счастье еще, что обошлось, а многие командиры-дальневосточники погибли... И это одна из причин... Но эта прошлая беда... Все сейчас, и гонители, и гонимые, стояли перед бедой значительно большей. И Крылов уже не раз заглядывал в мертвящие глаза смерти, и Ласкин, и каждый в Приморской армии, каждый, кто побывал на линии огня. И дальше все то же. И вот сейчас они, начштарма и комдив, не знали, что с ними будет через несколько часов.

— В одну формулу ответа не уложить! — ответил Крылов. — Виднее всего несоответствие между пропагандой и делом, между тем, что хотелось бы иметь, и тем, что оказалось в наличии...

— Внезапность... — начал было Ласкин.

— Какая же внезапность на Ишуньских позициях? А вот, отступаем...

— Две армии от одной немецкой... — добавил Ласкин.

— А вот тут стоп! — перебил Крылов. — У немцев нашей армии соответствует корпус... Да и корпус превосходит в иных случаях армию. Наши две дивизии — их одна... Примите, Иван Андреевич, это уточнение от штабиста... До сих пор очень многие путаются в этих соразмерениях.

Поди, — продолжал Крылов, — в реляциях своему высшему командованию фон Манштейн сейчас доносит, что его шесть дивизий взломали оборону, которую держали двенадцать советских дивизий... А твоя дивизия, Иван Андреевич, равнялась ли двум полным полкам... Чем мы должны овладеть, и немедленно, так это умением на главном участке боя сосредоточить в кулак все силы... Дойдем до Севастополя, мы еще займемся этим, Иван Андреевич...

Дошли. И вовремя. Враг рвался в город. Выше говорилось, что в бой за город первой вступила береговая батарея Ивана Заики. Из четырех тяжелых двенадцатидюймовых орудий по танкам, броневикам и машинам с пехотой, вырвавшимся на прибрежные дороги, артиллеристы выпустили 1200

тяжелых снарядов.

Батарея не имела для охраны стрелковых подразделений, не закончено было ее инженерное оборудование. Трое суток батарея сдерживала бригаду Циглера. С ходу ворваться в Севастополь у Манштейна не получилось. Бригада Циглера потеряла до тридцати танков к броневику, а потери в живой силе никто не считал.

Решающую роль в предотвращении захвата Севастополя сыграли и другие береговые батареи. Особенно заметное воздействие на противника оказывала 30-я батарея капитана Г. А. Александера, одна из самых мощных «линкоровского» калибра. Подавить их противник не мог, а доставали они его почти до Бахчисарая и держали под контролем всю долину реки Качи. Приморцы на большом удалении от Севастополя наткнулись на целое кладбище немецкой техники, изуродованной до неузнаваемости.

Опыт одесской обороны помог Гавриилу Васильевичу Жукову удержать город до подхода Приморской армии.

В это время Ставка сформировала управление войсками Крыма. Все войска Крыма были подчинены вице-адмиралу Г. И. Левченко. Г. В. Жуков был назначен заместителем командующего Черноморским флотом по обороне главной базы, его же назначили и начальником Севастопольского гарнизона.

Теперь с полной ясностью проявилась правильность решения отводить Приморскую в Севастополь.

4 ноября вице-адмирал Левченко привез в Севастополь приказ о создании в Крыму двух оборонительных районов: Керченского и Севастопольского.

Командование всеми действиями сухопутных войск и руководство обороной Севастополя было возложено на Е. И. Петрова, начальником штаба Севастопольского оборонительного района назначался Н. И. Крылов, Гавриил Данилович Шишенин назначался начальником штаба войск Крыма, он уже и до приказа выполнял задания Левченко.

Петров, передавая приказ Крылову, подчеркнул:

— Вы сразу стали начальником двух штабов. Впрочем, пока это одно и то же.

Под приказом подпись Левченко с обозначением новой его должности «командующий вооруженными силами Крыма».

В жизнь Крылова входили новые люди, более усложненные служебные задачи, надо было срочно, сверхсрочно «вжиться» в обстановку, целиком представить себе все возможности обороны города.

В этом ему помог генерал-майор Петр Алексеевич Моргунов, новый

заместитель Петрова, недавний комендант береговой обороны Черноморского флота, старый севастополец. В береговой обороне он начал службу командиром огневого взвода, а за два года до войны возглавил береговую оборону Черноморского флота.

Появился и у Крылова полноправный заместитель, полковник Иван Филиппович Кабалюк. Он был намного старше своего начальника, провел первую мировую войну в солдатских окопах. В Севастополь пришел, как только Крым был очищен от белогвардейцев.

Командовал батареей, дивизионом береговой артиллерии, познал штабную работу, преподавал в училище береговой обороны, знал каждую бухту в Севастополе, каждый камень на берегу и все ближние и дальние подступы к городу и с моря и с суши.

Он представился Крылову и тут же развернул перед ним карту. Не произнося лишних слов, начал объяснять обстановку под городом.

— Вот что мы имеем под Севастополем и что не имеем! — указывал он.

Прежде всего он обратил внимание Крылова на позиции береговых батарей, отмеченных на карте трезубцами. Их было не так-то много, всего лишь девять. Одна уже выбыла из строя. Батарея Ивана Заики. На всех, вместе взятых, меньше пятидесяти орудий. Достаточно, чтобы не подпустить ни один вражеский корабль к рейду, даже и линкор. Но для обороны с суши маловато.

Батареи дальнобойные. Отметки на карте, куда результативно мог быть направлен их огонь, порадовали Крылова. Это была намного большая мощь, чем береговые батареи в Одессе. И главное, Кабалюк отлично понимал значение батарей не только для обороны с моря, но и на суше. Практически их огонь мог быть сосредоточен в любой точке и главного оборонительного рубежа, и даже на дальних подступах.

Задержка Приморской армии в пути с Ишуньских позиций создала большие сложности в обороне города. Она придвинула к нему слишком близко фронт. Крылова очень тревожило расположение главного рубежа, очень близкого к городу. Всего лишь в пяти-восьми километрах.

Сетовать на это бессмысленно. Поправить что-либо было поздно. К обороне с суши город, по существу, не готовился. Этот рубеж, хотя и начали готовить до войны, в 1940 году, но в сознании тех, кто его готовил, не укладывалась возможность появления в Крыму немецкой армии. Насторожили выбросы весной 1940 года крупных воздушных десантов в Голландии и во Франции. Против воздушного десанта, и то в очень предположительном варианте, возводили укрепления, совсем не

рассчитывая на то, что противник подведет к ним танки и артиллерию.

Повторно укреплением этого рубежа занялись уже после начала войны, в июле месяце, опять же нисколько не веря, что враг окажется на ближних подступах к городу. И все же, как и все во флоте, работы производились добросовестно. Видимо, и здесь сказалась воля вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, которая помогла ему без тени сомнения встретить налет немецкой авиации всеми средствами заградительного огня на рассвете 22 июня, самому оценить обстановку, не оглядываясь на тех, кому она была неясна.

Казалось бы, простой вопрос — вывести на сооружение линии обороны все инженерные части, моряков, не задействованных в боевых заданиях.

Но в начале июля этот вопрос был отнюдь не прост.

И все же линия обороны была значительно усовершенствована, усилена шестнадцатью железобетонными дотами с орудиями от сорока пяти до ста миллиметров, полусотней пулеметных дотов и дзотов. И это на протяженности тридцати пяти километров. Опять же за пределы предполагаемого воздушного десанта не вышли. Правда, добавили «рубеж прикрытия эвакуации» в двух-трех километрах за окраиной города. Общая протяженность — 19 километров. Но защищать на этом рубеже пришлось бы уже не город, а развалины города. При такой близости рубежа обороны он полностью попадал под воздействие полевой артиллерии противника.

Когда в сентябре начались бои за Перекоп, попытались создать передовой рубеж обороны на пять-семь километров вперед главного. Но было уже поздно. Успели оборудовать опорные пункты лишь на танкоопасных направлениях.

В задачи этой книги не входит рассказ о ходе севастопольской обороны. Это огромная специальная тема. Задачу нашу мы видим в том, чтобы выявить роль Николая Ивановича Крылова в ее организации, как бы это ни было трудно, ибо не один он решал эту задачу, а в общем и целом севастопольская оборона была в компетенции штаба вооруженных сил Крыма, а потом командования Севастопольским оборонительным районом. Но в первые дни ноября еще не было создано продуманной структуры командования, у моряков масса своих забот о флоте, о полках морской пехоты. Никто лучше командарма Петрова и Крылова не мог спланировать участие Приморской армии в обороне, а она еще была в пути и пробивалась в город с боями.

Противник пытался ее отсечь от Севастополя или, по крайней мере, задержать ее приход в город и, воспользовавшись ее отсутствием, овладеть

городом.

Ход событий, вне служебной субординации, распределил обязанности между участниками обороны. Ждать, когда создастся стройная структура взаимодействия сухопутных и морских сил, было некогда.

После того как моторизованная бригада Циглера потерпела неудачу, Манштейн спешно собрал новый бронированный кулак и предпринял уже массированное наступление с нескольких направлений.

Шестого и седьмого ноября положение сложилось напряженное. У наскоро сформированных полков морской пехоты не хватало сил сдерживать противника.

Приморская еще не подошла.

Петров в те дни и часы видел свою задачу в организации сопротивления морской пехоты, которая теперь целиком поступила под его командование. Вместе с тем ему надлежало подготовить ввод частей Приморской армии в бой и заняться структурой обороны, иными словами, заглянуть на несколько дней вперед, несмотря на заботы сего дня и сего часа.

Надо было прежде всего вместе с начартом армии Н. К. Рыжи спланировать, как это было в Одессе, взаимодействие всех артиллерийских средств, чтобы в любой момент на любом участке фронта сосредоточить огонь мощных береговых батарей и орудийных стволов кораблей. Дело это было срочное, ибо только при централизованном управлении артиллерийскими средствами можно было поддержать морскую пехоту в ее почти непосильном ратном труде и до прихода Приморской сдерживать противника.

Но эта задача, как она ни была сложна, — дело сиюминутное. С прибытием Приморской оборона должна была принять более усложненный характер. В систему артиллерийского огня включалась и ее артиллерия, необходимо было предусмотреть и возможность поддержки контратак. На основе одесского опыта никто этого не мог сделать лучше Крылова и Рыжи.

В это же время Николай Иванович был занят и с генерал-майором инженерных войск Аркадием Федоровичем Хреновым планированием совершенствования сухопутных рубежей обороны. До прибытия Приморской заняться строительством было некому, но все должно быть готово к тому часу, когда первые же ее бойцы появятся на передовой.

Забегая вперед, следует сказать, что, заняв позиции на главном рубеже обороны с ходу, приморцы сумели их укрепить настолько, что в своих сводках немецкое командование назвало Севастополь крепостью.

Командный пункт береговой обороны и штаб Приморской армии располагались по соседству с 6-й Бастионной улицей в Крепостном переулке. И несмотря на очень мирный вид, на сады и виноградники, все здесь напоминало давнюю севастопольскую страду. Под КП отведены подземные казематы упраздненной старой батареи. Переоборудован КП согласно современным требованиям. Большое благо — связь, подготовленная основательно, по-флотски. Глубоко убраны в землю провода. Они связывали КП со всеми береговыми батареями и даже с иными постами корректировки. Все важнейшие объекты базы тоже на подземной связи, флотские связисты в первые же дни начали работы по установлению такой же связи с опорными пунктами обороны, позже с КП дивизий и полков.

В те дни, когда штаб готовил оборону к решающим боям, и существующая связь была большим подспорьем.

Подземелье не столь просторно, как в шустовских погребках. Круглые сутки электрический свет от автономного источника питания. И опять же по условиям своей деятельности Крылов обречен на круглосуточное пребывание под землей.

Командарму, с присущей ему подвижностью на передовой, надо было организовать наиболее действенное управление всеми сухопутными силами.

Крылов с помощью Кабалука готовит проект разделения обороны города на сектора, исходя опять же из одесского опыта.

6 и 7 ноября не утихали бои. Манштейн не оставлял попыток взять город с ходу, и в эти же дни рождалась на карте Крылова структура построения той обороны, которая должна была надолго привязать 11-ю немецкую армию к Севастополю.

Первый сектор обороны города — с правого фланга, со стороны Балаклавы. По главной линии обороны он имел самый узкий участок — 6 километров протяженности, прикрывал Сапун-гору и мыс Херсонес. Его комендантом был назначен Петр Георгиевич Новиков, и хотя в Приморской его числили еще полковником, но уже 12 октября ему было присвоено звание генерал-майора. Располагал он в первые дни обороны всего лишь полком, дивизия еще только заново формировалась.

В его полосе действовала мощная береговая батарея, но вместе с тем Рыжи спланировал и огонь главных батарей с левого фланга. В любой момент весь огонь мощнейших калибров мог обрушиться на любую точку первого сектора по соответствующему световому сигналу.

Второй сектор имел по фронту протяженность в 10 километров,

пересекал долину реки Черная и Ялтинское шоссе. На тыловых позициях этого сектора располагался Инкерман. Его полоса была одной из наиболее опасных, но Крылов без колебаний рекомендовал на пост коменданта полковника И. А. Ласкина, хотя он был и новичком в Приморской. Линию обороны во втором секторе заняла 172-я дивизия в составе двух полков и 31-й полк Чапаевской дивизии.

Но еще более сложным для обороны был третий сектор с Мекензией. Не случайно именно против полосы этого сектора в Черкез-Кермене расположился штаб 11-й армии.

Двенадцатикилометровую полосу сектора защищали два полка чапаевцев, бригада Е. И. Жидилова и 3-й морской полк подполковника С. Р. Гусарова. Комендантом третьего сектора стал генерал-майор Т. К. Коломиец.

Наибольшая протяженность полосы обороны в 18 километров досталась четвертому сектору. От высоты с отметкой 209,9 она пересекала долину реки Бельбек и дугой опиралась на берег моря у устья Качи. Эта дуга была удалена от города на 20 километров и прикрывала Северную бухту и рейд флота. Комендантом сектора назначили В. Ф. Воробьева, обороняла его 95-я дивизия и 8-я бригада морской пехоты.

Таким образом сложилась 46-километровая главная линия обороны.

9 ноября главные силы Приморской армии вышли к Севастополю, и Крылов смог рассчитать силы, которым предстояло держать сектора обороны. Численность боевого состава (потом пробивались с боями отдельные отряды) составляла на день выхода к городу 24 712 человек.

Даже вместе с войсками Севастопольского гарнизона это была горстка против 124-тысячной 11-й немецкой армии.

Наступление, предпринятое Манштейном до выхода Приморской армии к Севастополю, хотя и было отражено благодаря беспримерному мужеству и стойкости краснофлотцев, к 10 ноября оно завершилось захватом Черкез-Кермена и хутора Мекензия. Пал Дуванкой, в Бельбекской долине стало очень тревожно. Вражеские клинья были остановлены всего лишь в семи километрах от Северной бухты.

Однако начало сказываться прибытие частей Приморской армии и надежность создаваемой обороны.

Боями в начале ноября завершилась первая попытка овладеть Севастополем. Фон Манштейн записал в своих мемуарах: «54-му ак., следовавшему вплотную за бригадой (Циглера), была поставлена задача: прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь частям противника, находящимся в горах.

Однако корпус после активного преследования на подступах к крепости между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к реке Черной натолкнулся на упорное сопротивление...»

Это о первых днях боев на подступах, а вот уже о боях, когда вступила в действие Приморская: «Благодаря энергичным мерам советского командующего противник сумел остановить продвижение 54-го ак. на подступах к крепости (вот уже и крепость! — *Авт.*)... Противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го ак. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22 пд из состава 30-го ак. В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода — с востока и юго-востока».

За наступление Манштейн принял выход на рубежи Приморской армии.

Для прорыва через Перекоп и Ишуньские позиции Манштейну хватило сил 54-го корпуса.

Утром 13 ноября началось новое наступление. На этот раз в первом и втором секторах. Направление основного удара — вдоль Ялтинского шоссе через Камары и Чоргунь к Сапун-горе.

В первом секторе создалась напряженная обстановка, ибо он еще не был целиком укомплектован. Немецким войскам удалось потеснить войска сектора, нависла угроза падения Балаклавы.

14 ноября, подтянув резервы, командарм решил контратаковать. Заработала система артиллерийского огня. К артиллерийскому удару двух секторов полковник Рыжи подключил огонь береговых батарей и кораблей. Из рук в руки переходили несколько раз высоты 386,6 и 440,8. Противник был остановлен.

Манштейн тут же усилил атаки во втором секторе. И опять маневр огнем остановил противника.

День за днем он бросал в атаку одну колонну за другой, не считаясь с потерями, пытаясь тараном пробить оборону по тому же принципу, что и на Ишуньских позициях.

16 ноября атаки продолжались и ночью. Фон Манштейн никак не хотел мириться с тем, что Севастополь все еще остается советским. 16 ноября пала Керчь. Весь Крым в его руках, а Севастополь стоит и держит два корпуса его армии, которой предназначен прыжок через Керченский пролив.

Утром 17 ноября бои достигли критического напряжения. Все резервы

были введены в бой в первом секторе. Чтобы облегчить положение в первом секторе, в третьем секторе чапаевцы и бригада Жидилова переходили в контратаки.

Немецкое командование ввело в бой танки, их остановил сосредоточенный огонь всех видов артиллерии, но немецкие автоматчики все же сумели овладеть последней высотой перед Балаклавой.

Командарм лично руководил боем. Казалось, что с минуты на минуту не хватит сил отбить очередную атаку.

Крылов не выходил из подземной «каюты» полковника Рыжи. Начерт, сидя над картой со схемой артогня, держал руку на пульте управления. По донесениям артиллеристов вырисовывалась картина страшных потерь в немецких войсках, в их технике. Но Манштейн вновь и вновь, подбрасывая живую силу, как в гигантскую топку, поднимал их в атаку.

К ночи Петров организовал контратаку бойцов 1330-го полка. В 20 часов 45 минут немцы с высоты 212,1 были выбиты.

18 ноября Манштейну уже нигде не удалось продвинуться.

Керчь пала, а Севастополь стоял и стоял.

Манштейн никак не хотел с этим примириться. Он перегруппировал свои части и 21 ноября вновь возобновил атаки, пытаясь смять оборону в первом и втором секторах.

Под Камарами дело несколько раз доходило до рукопашной.

Судьба начальника штаба армии следить за развитием событий из подземелья. Когда все резервы задействованы, ему нечем помочь. Но вот в донесении из дивизии Ласкина вдруг раскрылась возможность повлиять на ход боя. В атаке участвовал немецкий саперный батальон. Манштейн исчерпал свои резервы. Он прорвался в Камары, по какой цене?

Петров сейчас же ухватился за мысль утром контратаковать на этом участке. Крылов связался по подземному кабелю с Ласкиным. Он задал всего лишь один вопрос:

— Когда лучше контратаковать, чтобы выбить немцев из Камаров? Утром или сейчас же ночью, пока они не успели окопаться?

Ласкин высказался за то, чтобы контратаковать ночью.

Незадолго до полуночи контратака завершилась изгнанием противника из Камаров.

На участке 4-го сектора, где Манштейн наносил отвлекающий удар, его атака закончилась потерей тридцати с лишним танков. Огнем береговых батарей их даже не подпустили к линии обороны.

Ноябрьское наступление на Севастополь окончилось поражением. Оборона устоялась... 11-я армия к 22 ноября прочно увязла под

Севастополем. И вовремя.

27 ноября войска Тимошенко перешли в наступление под Ростовом, выбросили 29 ноября немцев из города и вынудили отступить за реку Миус.

Скованная под Севастополем 11-я армия ничем не могла помочь...

Заканчивался первый и самый сложный для советского народа этап войны. Имелась возможность обобщить первый ее опыт, который говорил, что там, где командование всех степеней сумело понять тактику и маневр противника, искусство немецких генералов оказывалось бессильным. Один из основоположников немецкого военного искусства, фельдмаршал фон Рундштедт, получил ощутимый удар под Ростовом. Проглядел опасность удара во фланг, недооценил сил советских войск, вырвался так далеко, что его растянутые коммуникации уже таили в себе угрозу поражения.

Все военное искусство немецкого генералитета было построено на возможности побеждать более слабого противника или деморализованного еще до начала военных действий, как это было во Франции в 1940 году. На серьезное сопротивление захватчики не рассчитывали.

Безусловно, отработанные немцами до безукоризненности тактические приемы маневренной войны принесли им некоторые значительные успехи в начале вторжения в Советский Союз. Советскому командованию во многом пришлось пересматривать тактику ведения боя, руководству страны перестраивать экономику на военный лад и все это делать в тяжелейших условиях. Но с первых же дней войны, даже и в моменты серьезных поражений, обнаружилось, что советский солдат не деморализован, что он мужествен, настойчив в бою, что он совсем не собирается отдать родную землю захватчикам, что советский строй не рухнул, и расчеты, построенные на этом, обнажили всю авантюристическую основу немецкого военного искусства.

Фон Рундштедту очень была нужна 11-я армия для охвата Ростова. Севастополь не пустил ее в ноябрьские дни из Крыма.

Фон Рундштедту очень нужна была 11-я армия для отражения ударов с фланга войск Тимошенко, и опять же Севастополь удержал ее возле своих стен.

Защита Севастополя Черноморским флотом и Приморской армией показала, что там, где находятся люди, умеющие извлекать опыт из поражений, не предаваться растерянности или иллюзорным надеждам на то, что кто-то где-то выправит общее положение, люди, сумевшие противопоставить тактике противника свою тактику, творчески ее разработать, — там немецкое военное искусство оказалось бессильным.

Потерпев поражение в попытке овладеть Севастополем с ходу,

Манштейн начал подготовку к массированному штурму Севастопольского оборонительного района, планируя его на 27 ноября.

Но потери 11-й армии в наступлении, которое велось с 11 по 22 ноября, оказались столь значительны, что без дополнительных резервов предпринять его оказалось невозможным. Манштейн свидетельствует, что к 17 ноября вышло из строя до половины всей техники его армии. Кроме того, 27 ноября началось контрнаступление Тимошенко, связавшее Рундштедта, который ничем не мог помочь Манштейну. Таким образом, пришлось отсрочить штурм. Это позволило Черноморскому флоту поддержать севастопольцев маршевыми подразделениями (6 тысяч человек) и переправить с Большой земли 388-ю стрелковую дивизию численностью в 10 800 человек, что весомо увеличило Приморскую армию, состоявшую теперь из шести дивизий: пяти стрелковых и одной кавалерийской (спешенной), двух бригад морской пехоты и двух отдельных стрелковых полков.

Во время этой передышки развернулась работа по усовершенствованию оборонительных позиций: со всем тщанием уточнялась карта артиллерийского огня; батареи береговой обороны были усилены восемью стационарными батареями, оснащенными орудиями, снятыми с кораблей Черноморского флота.

Отсрочка штурма была, конечно, делом временным, хотя находились и такие, что высказывали, правда, не очень-то уверенно, предположения, что его вообще может и не быть, если войска Тимошенко продолжат свое наступление. Но Крылов не принадлежал к людям, склонным обманывать себя. Строгий анализ общей обстановки не давал повода для таких надежд. Там, в осажденном Севастополе, ни он, ни командарм не могли с достаточной основательностью представить происходящее на Большой земле и сделать соответствующие выводы, но вместе с тем опыт давал им возможность рассуждать более чем здраво. Ударом под Ростовом обольщаться не приходилось — это был еще пока намек на перелом, который должен был произойти в другом месте, там, куда и было приковано внимание всех, — к битве за Москву.

Поэтому неослабно велась подготовка к новым боям, и Николай Иванович Крылов к этой работе весьма ощутительно руку приложил.

А тут и поражение немцев под Москвой подоспело! В то время среди защитников Севастополя не было более волнующей темы для раздумий. Отрезанные врагом, они с тем же напряжением следили за битвой, что и весь мир, хотя знали о ней меньше, нежели те, кто был на Большой земле. Сводки были скупы. Искали ответа на свои вопросы между строк. 27

ноября было знаменательно еще одним событием, и не столько для севастопольцев, сколько для всей армии.

Из рук в руки переходил номер «Правды» за это число. Передовая говорила, что «под Москвой должен начаться разгром врага».

Уже сам заголовок наводил на размышления. Что это? Обычный пропагандистский трюк или намек для всей армии, для всего народа, что вскоре грядет на фронте перелом?

Передовая «Правды» — это голос партии. Что-то серьезное стояло в тот раз за ней.

— Как понимать эту передовую? — спросил Петров, спустившись в «кубрик» к Крылову.

— В чем сомнения? — спросил, в свою очередь, Крылов.

— Если готовится или подготовлено контрнаступление, зачем же об этом объявлять заранее?.. Готовится или готово? Вот что меня мучает! — продолжал Петров после паузы.

— А что изменится, если даже эти строки противник расценит как угрозу контрнаступления? — спросил, в свою очередь, Крылов. — Сказано же в тексте: они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг... Надо полагать, что наступление на Москву ведется с полным напряжением всех их сил... Навряд ли сейчас уже немцы найдут какие-либо резервы для решающего перевеса... Если контрнаступление готово, то это значит, что подтянуты к Москве значительные силы. Этого не может не заметить их авиаразведка...

— Сердце ноет!.. Неужели свершится?

И у Крылова от предчувствия, что назрели значительные события, тоже замирало сердце. Но его всегда во всех сомнениях выручала математическая логика штабиста.

И хотя Севастополь был изолирован на суше от Большой земли, на кораблях приходили известия из «солдатского вестника».

«Солдатский вестник»... Кто из фронтовиков не помнит его всепроникающего взгляда в тайные замыслы штабов? Командование еще только намечает планы за плотно закрытыми дверями, а уже перекачивается информация по окопам: «Ждите! Готовят!»

«Ждите! Горячо будет немцам под Москвой!» — говорили бойцы из пополнения с Большой земли.

И вот оно! Через две недели поздно вечером по радио прозвучало сообщение Совинформбюро об успешном контрнаступлении под Москвой, о провале немецкого плана окружения столицы, о крушении «блицкрига».

Крылов вслушивался в голос диктора. И даже не заметил, как

«кубрик» заполнили до отказа штабисты, как вошел командарм.

— Началось! — объявил он с торжеством в голосе. — Передать по всем подразделениям!

Не везде имелись радиоприемники, в подразделения помчались направленные, политработники. Те, кто остался в штабе, передавали известие по телефону.

— Все знают и торжествуют! Никто не спит! — отвечали с командных пунктов.

— Вот когда и нам бы перейти в наступление! — мечтательно заметил Петров.

Николай Иванович помалкивал. Он видел, что подъем в войсках наступательный, но наступать было нечем. А если наступать? Вице-адмирал Октябрьский, отбывая дня за два до этого торжественного сообщения Совинформбюро в Новороссийск, намекнул, что скоро угроза Севастополю будет снята.

Итак, если наступать?

Начальник штаба обязан заглядывать вперед, и нет никаких ограничений в сроках для этого «загляда»...

Так что же имел в виду вице-адмирал Октябрьский?

Не удар же в лоб 11-й немецкой армии, сосредоточенной к началу декабря своими главными силами вокруг Севастополя.

Октябрьский мог иметь в виду только удар через Керченский пролив. Близость базы, короткие коммуникации. Прыжок через пролив, десанты на Южном берегу Крыма... А Севастополю пассивная роль?

Рука с карандашом невольно тянулась к карте. Вот она — чистая карта Крыма. Можно на ней произвести некоторые расчеты.

Известно, что Манштейн сильно ослабил оборону Керченского полуострова, стянул к Севастополю два армейских корпуса и основные силы артиллерии.

К штурму Севастополя подготовлены шесть пехотных дивизий полного штата. Седьмая и горнострелковая румынские бригады в резерве. У Манштейна 900 орудий, более 150 танков, поддерживают его 200 самолетов.

Если начнется крупная операция на Керченском полуострове, Манштейну придется разжать свой бронированный кулак.

Вот тут и ударить из Севастополя на Евпаторию с поворотом к Ишуньским перешейкам, запереть всю 11-ю армию в Крыму. При обострении положения под Москвой и усложнении обстановки в полосе 1-й немецкой танковой группы сможет ли немецкое командование выручить

11-ю армию, лишенную всякого подвоза?

Силами Приморской армии, даже и после пополнения, силами всего Севастопольского оборонительного района такую операцию осуществить невозможно. Но если находятся силы у Закавказского фронта совершить прыжок через Керченский пролив, не выделит ли фронт две дивизии, артиллерии и хотя бы один танковый полк, чтобы Манштейна взять в клещи? Пока только для себя Крылов производил необходимые подсчеты, зная, что наступательный порыв войск может стоить большего, чем любые подкрепления. Но подкрепления были нужны, и значительные...

Такова была обстановка на 12 декабря.

И 13-го, и 14-го армейская разведка доносила, что в немецком тылу идут интенсивные передвижения, что подведена артиллерия крупных калибров, которая пока ничем себя не обнаруживает.

15 декабря взятый «язык», немецкий офицер, показал, что Манштейн издал приказ на наступление, что будто бы он оканчивался словами: «Севастополь падет».

Успех первых оборонительных боев в Севастополе вселял в людей уверенность в свои силы. Он был основан на слитной работе всех звеньев командного состава и любого подразделения. Моряки вливались в состав сухопутных войск и наоборот, некоторые стрелковые подразделения вливались в полки моряков, и все это органично вступало во взаимодействие. Севастополь защищали те же люди, что и Одессу, и расстановка сил была примерно та же. Хотя военно-морская база Черноморского флота была оснащена для обороны значительно лучше, но и штурмовали ее не румыны, а подготовленная и хорошо оснащенная 11-я немецкая армия.

Шел декабрь. До Нового года еще оставалось достаточно времени. Точный же срок начала немецкого наступления разведке установить не удавалось.

Приходилось быть все время настороже.

16 декабря командарм, вернувшись от контр-адмирала Жукова, куда он был внезапно вызван, спустился в «кубрик» к Крылову.

— Мы наступаем! — объявил он с порога.

Крылов встал. Слишком необычны были эти слова в глубокой обороне, необычным совпадением с его собственными размышлениями, прозвучали они.

— Приказано, — продолжал Петров, — подготовиться к наступлению, а не к контрудару. К настоящему наступлению на Симферополь... Задача: сковать силы противника и не допустить вывода его резервов на

Керченский полуостров...

Крылов молча достал из тумбочки карту, на которой он делал предположительные расчеты наступления.

Петров живо склонился над картой, тускло взблеснули стекла его пенсне, он поднял голову, в лице недоумение.

— Что все это означает? Откуда танковый полк, откуда десант? Откуда эти части?

— Минимальный расчет, Иван Ефимович! Самый минимальный расчет необходимых сил для наступления, при условии, что противник начнет перебрасывать артиллерию и танки в Керчь! А еще нет расчетов по боеприпасам, по автомашинам для перевозки раненых...

Петров, не сводя глаз с карты, произнес с сомнением в голосе:

— Речь пока шла о наступлении наличными силами...

— На Симферополь? Наличными силами? — переспросил Крылов. — Быть может, предполагается преследование немецких войск, отходящих от Севастополя? Все зависит от силы удара под Керчью...

Глубокой ночью, оставив у телефонов дежурного, Крылов вышел из каземата подышать перед сном свежим воздухом. Холодный ветер, прорвавшись через горы, взволновал море. Оно шумно билось о берег. Над морем и над городом стояла густая, холодная мгла, она закрывала небо, сквозь нее едва пробивались зарницы орудийных залпов на линии фронта.

О таких ночных залпах обычно говорили: «постреливают».

Ничто не предвещало, что всего лишь через несколько часов начнется мощный штурм города.

Поспать пришлось всего лишь часа два. Разбудили телефонные звонки. Вызовы по всем линиям связи.

И в первой же трубке, которую поднял Крылов, голос подполковника П. Г. Неустроева, начальника штаба Чапаевской дивизии.

— Противник открыл интенсивный артогонь... Похоже на артподготовку... Обстреливается участок разинского полка.

В «кубрик» не доносится ни единого звука сверху, только телефонные звонки рвут тишину.

Крылов снял трубку телефона, связывающего штаб с четвертым сектором. Докладывали:

— Весь четвертый сектор под артиллерийским огнем! Крылов взглянул на часы. Время шесть часов с минутами...

В первом и втором секторах обстрел шел по узким полосам обороны.

На огонь противника ответила полевая артиллерия, пытаясь подавить батареи противника.

Немного помедлив, дождавшись уточненных данных об открывших себя батареях противника, полковник Рыжи привел в действие орудия береговых батарей и орудия артполка Богданова.

Севастопольские артиллеристы открыли огонь, имея двоякую цель: нанести удар по исходным позициям противника, если он намерен перейти в наступление, и по обнаружившим себя немецким батареям. Вторая задача была сложнее. В восьмом часу утра в декабре еще темно. Наблюдательные посты не могли точно скорректировать артиллеристов, поэтому Рыжи придерживал главные силы артиллерии, пока не разведнеется.

И вот обвалом в штаб со всех телефонов и раций: «Немцы поднялись в атаку...» Из четвертого и третьего секторов доносили, что впереди пехоты движутся танки. Танки появились и в Чернореченской долине, в полосе

второго сектора.

Командарм метался в своем «кубрике» от одного телефона к другому. Непривычная для него позиция. В такие часы он чувствовал себя на месте на линии фронта, на КП дивизии или полка, где наносился главный удар.

Крылов же находился в своей стихии: над картой всего оборонительного района, и силой воображения уже слагал картину происходящего.

Куда, в какую точку, в полосе которого сектора Манштейн наносит главный удар? Вот в чем вопрос.

Бой шел на севере у горы Азиз-Оби, в долине Бельбека, на востоке — у хутора Мекензия, под Чоргунём и на балаклавской высоте 212,1.

Крылов вызвал на КП армии командование армейского резерва, чтобы в нужный момент не теряя времени послать подкрепление туда, где создастся тревожная обстановка. Командарм готов был сам ввести в бой резерв, но, пока не прояснится обстановка, покинуть каземат не мог.

Крылов, нанося данные из донесений штабов секторов, пытался разгадать замысел Манштейна.

В ноябре Манштейн наносил главный удар вдоль побережья на Балаклаву в точке наибольшей удаленности от береговых батарей. На этот раз атака под Балаклавой носила менее ожесточенный характер.

Манштейн готовился к наступлению более месяца. Несомненно, подготовился основательно, рассчитывая на этот раз ворваться в Севастополь. Самое уязвимое место обороны города — Северная бухта.

Крылов все с большим и большим вниманием приглядывался к тому, что происходит в долине Бельбека, на стыке четвертого и третьего секторов.

Сверяя прежние донесения о концентрации немецких войск с донесениями о введенных в бой немецких частях, Крылов пришел к выводу, что между Дуванкоем и Калымтаем вступили в бой три или четыре дивизии 54-го армейского корпуса. Они были поддержаны танками, и удар их нацеливался на станцию Мекензиевы горы. Захват станции открывал путь к Северной бухте.

Из донесений из третьего сектора стало известно, что навстречу этой ударной группировке двинулся второй клин на Камышлы.

Однако немецкая тактика обычно не ограничивалась вбиванием клина лишь по одной линии. Крылов искал вторую точку приложения сил атакующих — второй клин.

Нашел, исходя от противного.

К середине дня немецкая атака в первом секторе, в направлении на

Балаклаву, захлебнулась, успешно отражались атаки и во втором секторе. В то же время Манштейн бросал свои войска в одну атаку за другой по долине реки Черной в направлении на Инкерман.

Стало быть, двумя клиньями — через Бельбек на Мекензиевы горы и через хутор Мекензия и Верхний Чоргунь на Инкерман — Манштейн намерен расцечь фронт, отсечь войска третьего сектора и вырваться к Северной бухте.

На карту легли начертанные синим карандашом стрелы — разгадка замысла противника.

Командарм получил возможность доложить командованию СОРа, а командование СОРа в Ставку о масштабах немецкого наступления, а также принять решение о вводе в бой армейских резервов.

Крылов требовал от направленных штабс, от начальников секторов беспрестанного уточнения обстановки, что было выполнить совсем непросто, ибо обстановка, хотя еще и в мелочах, в сотнях метров, до километра, все время менялась. Немецкие войска, неся огромные потери и в людях и в технике, вгрызались в оборону.

К концу дня контр-адмирал Г. В. Жуков обратился в Ставку с просьбой прислать подкрепление в четыре тысячи человек и ежедневно перебрасывать маршевые роты для пополнения. Командующего флотом просил поддержать оборону огнем корабельной артиллерии. 17 декабря на рейде в Севастополе не оказалось ни одного боевого корабля.

Тылы главной базы и вспомогательных подразделений береговой обороны, а также Приморской армии прочесывались в который уже раз, чтобы высвободить последние резервы для ввода в бой.

Это прямая забота Крылова — отдать все, без чего могла бы обойтись служба тыла.

Ночью Петров собрался поехать на КП четвертого сектора. Возвращая Крылову карту с его наметками наступления, молвил, тяжело вздохнув:

— Вот тебе, бабушка, и юрьев день!

Для войск на рубежах обороны и для всего штаба армии дни и ночи слились воедино. Но если в войсках на земле они отмечались сменой темноты и света, в подземелье каземата не было и этой границы. Приближение ночи Крылов замечал по спаду телефонных вызовов с командных пунктов, секторов, дивизий и полков.

Тяжко дались Приморской первые три дня штурма. Контрудары, на которые Петров поднимал войска, не приносили результатов. Завязывались встречные бои, переходя в рукопашную.

Манштейн давил превосходящими силами, совершенно не считаясь с

потерями, что вообще-то не было характерным для немецкой тактики, а для немецких войск было и непривычным для первого года войны.

Но и Приморская армия для обороняющейся стороны несла несоразмерно большие потери. За два дня боев они достигли убитыми и ранеными 3500 человек.

Контр-адмирал Жуков просил Ставку ускорить подвоз пополнений, а командующего флотом пополнить запасы снарядов.

Ни мужество, ни стойкость стрелковых дивизий не остановили бы врага, обладающего столь огромным численным превосходством. Останавливал его массированный артиллерийский огонь централизованного управления. Артиллерийские орудия, снятые с кораблей, оказались мощной поддержкой богдановцам и береговым батареям. Дальность их боя доходила до 20 километров. Но и расход снарядов при этом был немалый.

Командующий флотом обещал прислать снаряды утром 20 декабря.

Три дня непрерывных атак начали сказываться. Немцам удалось продвинуться на стыке четвертого и третьего секторов. Все резервы были задействованы. Смолкали орудия, замолкали минометы из-за недостатков боеприпасов.

Командарм перетасовывал те или иные части, перебрасывая бойцов на трудные участки с менее трудных, Крылов, как ему было и положено, пытался «заглянуть вперед». Он не очень-то любил присутствовать на допросах пленных, но здесь изменил своему правилу. Его интересовало настроение немецких солдат, он старался из их показаний составить представление: надолго ли еще хватит резервов у Манштейна?

Допрашивали немцев из 24-й и 50-й пехотных дивизий. Они в один голос твердили, что потери у них ужасны, в бой введены последние резервы. Крылов понимал, что вот-вот штурм ослабнет. Самое время нанести контрудары, но нечем. С этим согласился и Петров.

Контр-адмирал Жуков и член Военного совета флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков дали очень тревожную телеграмму в Ставку о недостатке боеприпасов и резервов. В телеграмме говорилось: «Если противник будет продолжать наступление в том же темпе, гарнизон Севастополя сможет продержаться не более трех суток».

Крылов в тот момент не был ознакомлен с текстом телеграммы и, конечно, ее не подписал бы, ибо при всей напряженности обстановки безнадежной ее не считал. Вклинение в оборону — это еще не прорыв. Фронт продавливался, но держался. Шла ночь с девятнадцатого декабря на двадцатое. Двадцатого обещаны снаряды, опять оживут батареи, и

сосредоточенным огнем всех стволов на трудных участках продвижение немцев будет остановлено. Кроме того, ему был известен ответ Октябрьского на просьбу прислать корабли. Он объяснял отказ прислать корабли тем, что это «грозило бы срывом самой ответственной задачи». Стало быть, надо было ожидать удара советских войск на Керченском полуострове.

К тому же к исходу дня 19 декабря Крылов заметил, что Манштейн произвел перегруппировку ударных сил и сузил участок наступления.

Все в ту же тревожную ночь в час тридцать, на несколько часов раньше обещанного, в Северной бухте ошвартовался транспорт «Чапаев», доставивший из Новороссийска снаряды. И хотя не все калибры получили подкрепление, но утром уже было чем встретить атакующего противника. Всю ночь развозили снаряды. А незадолго до рассвета к Крылову явился начальник разведотдела армии.

— Вы интересовались, Николай Иванович, показаниями пленных, — начал он. — Есть тут показания одного пленного... Полагаю, что сроки, которые он называет, заслуживают внимания...

— Кто он, пленный? — спросил Крылов.

— Рядовой сорок седьмого пехотного полка. Он утверждает, что Манштейн приказал овладеть городом двадцать первого декабря... на весь штурм отводилось четверо суток... Третьи сутки на исходе...

Крылов мгновенно оценил важность этого сообщения. График наступления сломан. Стало быть, силы наступающих на исходе, хотя утро 20 декабря спокойствия не обещало.

Так оно и случилось.

На рассвете поступили доклады из всех четырех секторов, что противник начал бешеные атаки.

Но было в этом фронтальном наступлении и что-то показное. Уже через несколько часов в штаб начали поступать донесения, что на правом фланге обороны атаки прекратились. Некоторое выравнивание фронта в четвертом секторе тоже сказалось. И здесь противнику больше не удалось продвинуться.

Все свои силы Манштейн вложил в удар на Инкерман. На узкой полосе он сосредоточил 24-ю пехотную дивизию. В полосе наступления этой дивизии держал оборону 54-й Разинский стрелковый полк майора Н. М. Матусевича и 3-й морской полк подполковника С. Р. Гусарова. Но полки только назывались полками, на самом деле их личный состав после трех дней ожесточенных боев едва превосходил по численности батальоны. Во все три дня в полосе их обороны немцам не удалось продвинуться ни на

шаг.

К середине дня 20 декабря обстановка здесь обострилась. Потеряв до трети своего состава, 24-я пехотная дивизия сумела вбить клин между этими полками. Клин медленно продвигался к Северной бухте.

Раскрылся и секрет этой ожесточенной атаки, пролившей реки крови немецких солдат. У убитого немецкого офицера обнаружили приказ Манштейна командиру дивизии. В приказе строчки: «К исходу четвертого дня боев, используя все возможности, прорваться к крепости Севастополь и немедленно доложить о достижении цели». По докладу Крылова командарм бросил на этот участок последние резервы, перебросил некоторые части из других секторов, но положение выправить не удавалось... Но уже спешила помощь городу из Новороссийска. Телеграмма Жукова в Ставку возымела действие. Падение Севастополя никак не сочеталось с планами Ставки в Крыму, оно могло сорвать намечавшуюся одну из крупнейших операций первого периода войны. Телеграмма ушла в ночь с 19 на 20, а уже днем 20-го Жуков получил директиву Ставки.

Севастопольский оборонительный район передавался Закавказскому фронту. Командующему Закавказским фронтом предписывалось немедленно отправить в Севастополь стрелковую дивизию или две стрелковые бригады, не менее трех тысяч пополнения уже действующих частей Приморской армии, направить самолеты, обеспечить боеприпасами всех калибров. Вице-адмирал Октябрьский получил приказ отбыть из Новороссийска в Севастополь.

Командующий Закавказским фронтом тут же отреагировал на эту директиву. Уже к концу дня стало известно, что в Приморскую армию передается 345-я стрелковая дивизия, 79-я стрелковая бригада, отдельный танковый батальон. Почти все то, на что предположительно рассчитывал Крылов для наступательной операции.

Предстояло также в кратчайший срок получить десять маршевых рот.

И уже вечером пришло известие, что из Новороссийска вышли в Севастополь два крейсера и эсминцы под флагом командующего флотом.

Отряд кораблей ждали в Севастополе ранним утром 21 декабря, они должны были доставить не только командующего флотом, не только поддержать огнем своих орудий оборону, но они переправляли и стрелковую бригаду.

Все разведданные, собранные к исходу 20 декабря, показывали, что и на 21-е готовятся новые атаки, а во втором секторе вводилась в бой свежая 170-я пехотная немецкая дивизия, переброшенная из-под Керчи. Шестая по счету, последний резерв.

Утром, еще до рассвета, началась артиллерийская подготовка. На этот раз Манштейн ввел в дело дальнобойные орудия большого калибра — двенадцатидюймовые и четырнадцатидюймовые. Видимо, Манштейн их скрывал до той поры, пока его войска не достигнут черты города, для удара по кораблям.

О том, сколь сложна была обстановка в начале дня 21 декабря, Крылов увидел раньше других. У него на столе сосредоточились донесения из секторов, а из них было видно, что потери Приморской армии в личном составе убитыми и ранеными превысили пять тысяч человек, в стрелковых батальонах оставалось не более 200–300 бойцов. В донесении штаба командованию СОРа он своей рукой записал: «Резервов нет, все введены в бой».

Отряд кораблей не прибыл к назначенному сроку, а поскольку в походе сохранялось радиомолчание, никто не знал, что с ним, почему он запаздывает, прорвался ли он сквозь немецкий авиационный заслон.

В то же время немцам удалось потеснить приморцев в Бельбекской долине и овладеть господствующими высотами. Для атакующих открывались ворота к станции Мекензиевы горы. Это было настолько опасно, что Петров приказал немедленно контратаковать, пока немцы не закрепились на захваченных позициях. Но это было почти жестом отчаяния. Сил явно не хватало.

Немецкие солдаты просочились на два-три километра к Северной бухте...

Так складывались дела к полудню.

В 13 часов на глазах всего города в море разгорелся бой. К рейду прорывались боевые корабли, два крейсера и эсминцы.

Крылов и Рыжи переключили все береговые батареи и батареи дивизионов корабельных орудий на подавление немецких дальнобойных орудий. По немецким батареям били и главные калибры крейсеров. Над кораблями разгорелся воздушный бой. Истребители вел сам генерал Н. А. Остряков. Они разрывали строй немецких бомбардировщиков. Над морем вокруг кораблей вставали фонтаны разрывов. С лидера «Харьков» начала спешно разгружаться 79-я стрелковая бригада, около четырех тысяч бойцов, в основном морская пехота под командованием полковника А. С. Потапова, прославленного в боях еще при обороне Одессы.

У Петрова были заботы продвинуть бригаду к исходным позициям для контратаки на следующее утро.

Вслед за кораблями прибыл лидер «Ташкент» и доставил снаряды нужных калибров.

22 декабря сулило изменение обстановки, если и не на всех участках, то, по крайней мере, на самом опасном, под станцией Мекензиевы горы.

Утром 22 декабря 79-я бригада и 388-я дивизия поднялись в контратаку, в это же время начали наступление и немецкие войска. Встречный бой. Самый жестокий вид боя пехоты.

Наступал тот решающий момент боя, когда мобилизуются все духовные силы сражающихся. И с той и с другой стороны равное искусство, не равна численность, у немцев превосходство в людях и в вооружении, но во встречном бою эти виды превосходства теряют решающее значение, верх берут духовные силы. Севастопольцы защищали родную землю, немецких солдат гнал на штурм приказ, за их спиной стояла тень гестапо, а родина их отстояла от Севастополя на тысячи километров. Севастопольцы пересилили и двинулись, развивая успех, вдоль шоссе на Бельбек...

Их поддержала артиллерия двух секторов, богдановский арtpолк, крейсера и эсминцы.

К вечеру 79-я бригада восстановила полностью позиции обороны.

23 декабря, на седьмой день штурма, через двое суток по истечении срока, назначенного Манштейном для захвата Севастополя, немецкие атаки прекратились.

Крылову надлежало незамедлительно дать объяснение: передышка или конец штурма? Надо было проанализировать десятки и даже сотни донесений разведчиков, наблюдателей, донесения артиллерийской инструментальной разведки, артиллерийских корректировщиков, показания пленных. Все сходилось на том, что Манштейн начал перегруппировку сил для нового удара.

24 декабря началась история, которая чуть было не сломила всю севастопольскую оборону.

В шестом часу утра на КП армии дежурил начальник оперативного отдела штарма майор А. И. Ковтун.

Петров и Крылов прилегли отдохнуть.

Без какого-либо предуведомления в комнату дежурного вошел генерал-лейтенант с Золотой Звездой Героя Советского Союза на кителе. Строго, как будто бы строгость подкрепляла авторитет его звания, спросил:

— Кто вы такой?

Ковтун представился.

— Я — Черняк! — объявил вошедший. — Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза! Назначен командармом! Штаб армии поставлен об этом в известность?

Ковтун не только удивился, но даже и растерялся.

— Нам об этом ничего не известно! — ответил он. Надо было бы немедленно разбудить Крылова или Петрова. Но Черняк предупредил его вопросом:

— Где Петров?

— Спит! Он только что прилег!

— Пусть отдохнет! Пусть доберет отдыха последние минутки! Завтра некогда будет отдыхать. Что у вас за карта?

Ковтун наносил последние данные обстановки. Он невольно заслонил карту, но Черняк не обратил на это внимание.

— Оборона? — спросил он. — А вы, майор, академию кончали?

— Нет! — ответил Ковтун, все еще не зная, что ему делать с незнакомым генералом, сомневаясь, не делает ли он служебного преступления, продолжая с ним разговор над картой.

— Сразу видно, что академии не кончали! — продолжал Черняк. — Кто же теперь так делает соотношение сил? Надо сопоставлять количество дивизий, а не батальонов. Вы работаете, как при Кутузове.

Звание прибывшего не разрешало дерзость, хотя его замечание обличало полное непонимание происходящего.

— У вас столько дивизий, а вы не можете удержать рубеж обороны! Нет наступательного порыва! Но я вас расшевелю!

Ковтун не выдержал:

— Нельзя же наша дивизии равнять с немецкими. У них полные полки трехбатальонного состава, а у нас половина полков — двухбатальонного! Да и батальоны неполные... А еще и отдельные подразделения.

— А вы, майор, не умеете слушать старших! Вас, как начальника оперотряда, прошу немедленно подготовить доклад о состоянии армии.

Ковтун разбудил Петрова и Крылова. Черняк предъявил Петрову приказ, подписанный командующим фронтом.

— Я не хочу сказать, что вы воевали плохо! — начал он. — В обороне вы кое-что сделали... Но оборона — прошедший этап. Вам известно, что происходит под Москвой? Наступил перелом в ходе войны, и то, что годилось вчера, сегодня не годится! Надо переходить в решительное наступление!

— Какими силами? — спросил Петров.

— Помилуйте! — повысил голос Черняк. — У вас дивизий больше, чем у Манштейна... Сейчас прибудет триста сорок пятая... Мы должны думать о прорыве к Симферополю, а вы тут так близко подпустили немцев, что они обстреливают корабли с берега...

Петров молчал. Он понимал, что с человеком, который способен сравнить силы Приморской армии с 11-й армией Манштейна, спорить о чем-либо бесполезно.

Крылову было что сказать генерал-лейтенанту с Большой земли, но и он сдержался по примеру командарма.

Он видел, что сейчас самое разумное уйти от спора; главное — познакомить Черняка с обстановкой на фронте, поэтому предложил:

— Иван Ефимович, побывайте с командующим в войсках, а мы тут подготовим приказ о вступлении Степана Ивановича Черняка в командование армией и соображения о наступлении...

Петров и Черняк поехали в войска, а Крылов незамедлительно направился к Филиппу Сергеевичу Октябрьскому, нарушая субординацию. Но времени терять на ее соблюдение не видел возможности.

Он шел к Октябрьскому, а не к Жукову еще и потому, что у Петрова и Октябрьского непросто складывались взаимоотношения, очень они по-разному оценивали боевую обстановку.

Октябрьский догадался о причине визита и сразу же спросил:

— О новом командующем? Обида за Петрова? На войне надо смирять самолюбие!

— Не о самолюбиях и не об обиде речь, Филипп Сергеевич! — твердо ответил Крылов, несколько не смутившись. Он знал за Октябрьским манеру сбивать собеседника с позиций. Этим он выверял, насколько твердо

убеждения оппонента. Но Крылова не сбить, слишком многое зависело сейчас, сумеет ли он убедить вице-адмирала.

— Напротив, — продолжал Крылов, — мы все очень польщены в Приморской, что прислали к нам такого выдающегося военачальника. Говорят, что звание Героя Советского Союза он получил в войне с белофиннами за то, что беспощадно вгрызался в линию Маннергейма!

— Ну а без иронии, что случилось? — перебил его Октябрьский.

— Приказал готовить план наступления на двадцать шестое... Прорыв на Симферополь!

Октябрьский нахмурился.

— Какими же силами? Уточните!

Повторить бы ему сейчас указание Черняка подготовить огонь кораблей для прорыва, Октябрьский тут же загорелся бы гневом, ибо трудна была эта задача под ударами немецкой авиации, и решать о вводе в бой кораблей могло только командование флотом.

Крылов ответил, как оно и было.

— Новый командующий отвергает наш расчет соотношения сил... Единственно реальный, при котором мы исходили из наличия бойцов, и требует расчета по наименованиям дивизий. У немцев семь дивизий, у нас семь... Он считает еще и прибывающую триста сорок пятую... Если мы всеми силами перейдем в наступление, то роли тут же переменятся. Не мы будем перемалывать немецкую живую силу, а немцы устроят Приморскую мясорубку... Я солдат! Я обязан подчиняться приказу, к двадцать шестому расчеты на наступление будут представлены Военному совету Севастопольского оборонительного района...

— У вас все? — спросил Октябрьский.

— Все! — ответил Крылов.

— Идите, Николай Иванович, занимайтесь своими делами... Обороной занимайтесь. О нашей беседе лучше помолчать...

В 13.00 24 декабря в Ставку пошла телеграмма:

«Экстренно. Москва. Тов. Сталину.

По неизвестным для нас причинам и без нашего мнения командующий Зафронтом, лично совершенно не зная командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И. Е., снял его с должности. Генерал Петров толковый, преданный командир, ни в чем не повинен, чтобы его снимать. Военный совет флота, работая с генералом Петровым под Одессой и сейчас под Севастополем, убедился в его высоких боевых качествах и просит Вас, тов. Сталин, присвоить Петрову И. Е. звание генерал-лейтенанта, чего он, безусловно, заслуживает, и оставить его в должности командующего

Приморской армией. Ждем Ваших решений. Октябрьский, Кулаков».

24 декабря С. И. Черняк вступил в командование Приморской, 26 декабря сдал командование опять Петрову.

И вовремя!

О каком наступлении могла быть речь, когда Манштейн отдал приказ по войскам овладеть Севастополем 28 декабря.

Но уже и Манштейн не распоряжался тем, в чем он не был хозяином. Он сузил фронт наступления. Все сосредоточилось около станции и на станции Мекензиевы горы. До Северной бухты оставалось значительно меньшее расстояние, чем немецкие войска прошли с 17 декабря.

В светлое время бои не прекращались ни на минуту. В бой уже вступила и вновь прибывшая 345-я дивизия. В полосе протяженностью всего в три километра Манштейн ввел в бой две дивизии. Станция переходила из рук в руки.

26 декабря по всему фронту, во всех четырех секторах, шли бои, но самые жестокие у станции Мекензиевы горы. Никто еще из обороняющих Севастополь не знал, что в этот день войска Закавказского фронта совершили прыжок через Керченский пролив. Десант закрепился на полуострове.

Манштейн о высадке десанта узнал в тот же час.

В своих воспоминаниях, приукрашивая в меру своих способностей свои «подвиги», Манштейн пишет: «Это была смертельная опасность для армии в момент, когда все ее силы, за исключением одной немецкой дивизии и двух румынских бригад, вели бой за Севастополь. Было совершенно ясно, что необходимо срочно перебросить силы из-под Севастополя на угрожаемые участки. Всякое промедление было пагубно. Но можно ли было отказываться от наступления на Севастополь в такой момент, когда казалось, что достаточно только последнего усилия, чтобы, по крайней мере, добиться контроля над бухтой Северной? К тому же казалось бесспорным, что легче будет высвободить силы из-под Севастополя после успеха на северном участке фронта, чем в случае преждевременного ослабления нажима на противника...»

После довольно невразумительного разъяснения о том, каким образом захлебнулся штурм, Манштейн резюмирует: «...Но это было слабым утешением, если учитывать понесенные жертвы».

Справедливое резюме! Но чтобы оно было произнесено десять лет спустя, севастопольцам пришлось удесятирить свои усилия в обороне, превзойти самих себя, чтобы отразить последние декабрьские удары, когда командующий 11-й армией поставил на карту не только свой престиж, но и

голову, ибо действительно создавалась ситуация, при которой могла последовать гибель всей армии.

Уже имея за спиной десант в Керчи, Манштейн для окончательного прорыва к Северной бухте к 28 декабря сосредоточил на нескольких километрах прорыва четыре дивизии, решив пробиться по трупам своих солдат.

Все резервы обороны были исчерпаны к концу дня 28 декабря, фронт в районе станции Мекензиевы горы перестал быть сплошным.

29 декабря казалось, что фронт будет прорван. 30 декабря ожидался кризис. Командарм мобилизовал все силы, на рассвете, исчерпав все возможности с перегруппировкой, уехал на линию обороны.

Тогда Черноморский флот выставил свой последний резерв. В полночь на тридцатое вошел в Южную бухту линкор «Парижская коммуна», флагманский корабль. В нарушение всех правил он пришвартовался к железным бочкам, чтобы с места вести огонь по наступающему противнику в долине Бельбека, по его скоплениям, по вторым эшелонам, по его батареям. Рассвело. На счастье, день выдался пасмурным, низкая облачность сдерживала немецкую авиацию.

Громоподобные залпы орудий линкора разнеслись по всему фронту, приглушая канонаду всех иных орудий.

Никто не подсчитывал немецких потерь от его больших калибров ни в живой силе, ни в боевой технике. О потерях от такого класса огня обычно сообщают: «пропал без вести». Танки от прямого попадания превращались в обрывки железа, а от близкого разрыва снаряда их переворачивало.

Чуть позже в Северную бухту вошел новейший крейсер «Молотов» и произвел огневой налет по скоплению немецкой пехоты. Корпосты точно наводили уничтожающий огонь больших калибров. Немцы попытались ответить дальнобойными батареями, но линкор заставил их замолчать.

Чем же был занят в эти дни Крылов, как выделить его роль, когда все, все командиры и рядовые, все подразделения, все участки обороны от мала до велика напряглись в титаническом усилии выстоять?

30 декабря он думал о предстоящих боях. Линкор и крейсер вынуждены были уйти, ибо прояснялось. Живой силы, способной остановить лихорадочный, почти бессознательный, вне всякого разума, натиск немцев, в распоряжении штаба Приморской армии уже не было.

Острые клыки сузились с девяти километров до трех. В эту бездонную воронку смерти Манштейн, не колеблясь, вливал новые и новые жертвы, которую при таком своем подходе, не дрогнув, мог завалить трупами своих солдат и пройти, невзирая ни на что. Такой немецкой силе нужно было поставить огневой заслон.

Крылов пригласил к себе в «кубрик» начарта Рыжи. Предстояло принять рискованное решение, суть которого состояла в опоре на «идею», а не на реальную силу.

— Николай Кирьякович, — сказал Крылов. — Завтра, если продлится штурм, а он продлится, и я в этом уверен, наша последняя надежда на артиллерию. Вчера нас поддержал линкор, и все же они продвинулись. Пройти им осталось два километра до Северной бухты... Манштейн в безвыходном положении: или ему прекратить штурм и тем признать свое поражение, расписаться в беспомощности, признать все потери напрасными, или продвигаться к бухте по трупам своих солдат... Если не сегодня и не завтра, то должен же он снять войска под Керчь... Если штурм, то он будет отчаянным и именно в районе Северной бухты.

Рыжи пояснять дальнейшее было не нужно. Он все понял.

— Корректировочные посты отмечали передвижение войск и батарей к Мекензиевым горам... — заметил он в ответ.

— Все данные всех видов разведки подтверждают, что удар будет только там... — продолжил Крылов. — Нам предстоит рассчитать, Николай Кирьякович, что мы можем снять с других участков фронта... Но уж если готовить им встречу, то чтобы сразу и начисто прекратить их наступление...

— Вы мне, Николай Иванович, скажите, что нужно? Какая плотность огня?

— Наибольшая из возможных... Всю артиллерию мы просто не сможем перебросить за ночь.

Рыжи подвинул к себе листок бумаги и несколько минут молча вел подсчеты. Поднял голову. Глаза его озорно поблескивали.

— Восемьдесят стволов на километр прорыва — хорошо?

— Двести сорок стволов? — подытожил вопросом Крылов.

— Вполне реально... На рассвете все будет на месте... Как решит командарм.

— Решит! — заверил Крылов. — Он умеет принимать острые решения... Получив такой новогодний гостинец, Манштейн не успеет перегруппировать войска. Я уверен, что он идет на таран, и это единственное, что он может сделать, имея за спиной керченские дела...

— А мы постараемся и не очень-то оголять другие участки. В этом деле особая роль за корректировщиками... У нас еще сохранились корпосты на территории, захваченной немцами.

Командарм согласился с предложением начальника штаба, утверждая схему огня и расход боеприпасов, сказал:

— Нашим артиллеристам предстоит решить самую ответственную задачу из всех, какие им до сих пор выпадали. Прошу вас, Николай Кирьякович, объяснить это через командиров артчастей всему личному составу.

Направление главного удара противника прикрывали полки 95-й и 345-й дивизий, бригада Потапова, чапаевцы...

Работники штаба и политотдела армии разъехались по частям.

В шесть часов утра еще было темно. Изредка со стороны противника постреливали минометы.

Диктор Московского радио читал передовую «Правды». И вдруг, как обращение к севастопольцам: «Несокрушимой стеной стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море... Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги, Родина ценит их, Родина никогда их не забудет!»

В декабре 1941 года Н. И. Крылову было присвоено воинское звание генерал-майора.

*

На этот раз, едва забрезжил рассвет, над всем севастопольским плацдармом раскатился гром канонады. Артиллерийские полки всех

четырёх секторов, береговые батареи, и южные и северные, корабли из бухт, три четверти всех артиллерийских средств открыли огонь по исходным позициям противника в трехкилометровой полосе их оконечности «клина».

Немцы попытались подавить ответным огнем некоторые севастопольские батареи, но их заставили тут же замолчать.

Мекензиевы горы окутывал предрассветный туман, дым и пыль уплотнили его. Корректировочные посты молчали, но Николай Кирьякович Рыжи и без их подсказки знал, куда ложатся снаряды. Вся Бельбекская долина давно была пристреляна.

Двадцать минут 240 орудий громили исходные позиции противника. Сразу по команде и замолчали. Над плацдармом воцарилась необычная для последних дней тишина.

Бежала минутная стрелка на часах начштарма. Крылов вышел на поверхность послушать необычную, фантастическую тишину.

Вот стрелки часов сошлись на цифре 8. Обычный час начала наступления. Немецкая сторона в глубоком молчании.

Крылов пытался силой воображения представить, что сейчас происходит у противника. Несомненно, столь плотный артиллерийский огонь сбил передовые эшелоны с исходных позиций, разбил выдвинутые для прорыва батареи. Там все смешалось. После столь плотного огня можно было бы переходить в контратаку, если бы имелись для этого силы. Несомненно, ожидает контратаки и Манштейн и спешно перегруппировывает части.

Бежали минуты. Молчание. Крылов спустился в каземат. Связался с КП третьего и четвертого секторов. Ответ однозначен.

— Молчат!

Рассеялся туман, проглянуло солнце. Минул час молчания. Разведка вела наблюдение за противником всеми доступными средствами. Переброски войск с направления главного удара не наблюдалось, напротив, Манштейн подтягивал к Мекензиевым горам резервы.

Так в напряженном ожидании прошло два часа.

Противник начал артподготовку в 10.00. Огонь был плотный, но богдановский артполк довольно быстро заставил замолчать многие немецкие батареи.

Двинулись танки, за ними — пехота. Но и встречали их горячо. Зенитные орудия били прямой наводкой, артиллерия отсекала от них пехоту. Через несколько минут такого боя Крылову доложили, что все утонуло в дыму и пыли, а из дыма и пыли вываливаются и вываливаются

на рубеж обороны немецкие солдаты.

И все же не без умысла было затянуто наступление. Манштейн изобрел каверзу, которую никак невозможно было предусмотреть.

Около 11 часов, после часа ожесточенных атак, они вдруг прекратились.

Из четвертого сектора доложили на КП армии, что со стороны противника на позиции обороны ползет густой серо-зеленый дым, доселе невиданный.

Крылов похолодел и тут же поднялся к командарму. Петров уже знал и отдавал по телефону распоряжение, чтобы бойцы надевали противогазы.

По окопам и на батареях уже звучала команда: «Газы!»

— Неужели решились? — молвил как бы про себя Петров.

— Газовые снаряды приходилось захватывать! — заметил на это Крылов.

Петров снял пенсне и приложил руку к голове.

Крылов угадал его мысли.

— Мы следили, Иван Ефимович, чтобы на передовую бойцы выходили с противогазами...

— Да, но это впервые с июня... Противогазы берут, и в сторону, а в сумки чего только не положат! И патроны, и сухари, и бинты... А некоторые запасают в сумках гранаты...

— Ну уж если быть точным, Иван Ефимович, то ведь противогазы рассчитаны на те газы, которые применялись в ту войну. Химия ушла далеко вперед, могут применять газы, от которых не спасет и противогаз...

Вошел начальник разведки армии Потапов.

— Что? — встретил его вопросом командарм.

— Химики докладывают, что это не газы... Какая-то вонючая дымовая завеса... Психическая атака! Расчет на панику!

Так оно и было. Рассчитывая, что севастопольцы побегут от вонючего зеленого дыма, Манштейн тут же поднял свои части в атаку.

Дыма было достаточно и до этого «психологического эксперимента». И эта атака захлебнулась.

Петров взглянул на часы.

— Итак, тринадцать ноль-ноль! Продвижения нет, есть вклинения на метры...

И почти весело добавил:

— Нет, не выйти им к бухте! Теперь уже не выйти! Нужна еще перегруппировка сил...

Психологическое напряжение противоборствующих людей иногда

передается на расстоянии, хотя бы и потому, что стороны сосредоточивают внимание на одном и том же.

В тот час, когда, повеселев, Петров воскликнул, что немцам не выйти к бухте, а Крылов и Рыжи начали планировать новый огневой налет, Манштейн отбивался от наседавших на него командиров дивизий и командира 54-го армейского корпуса.

Ему на стол легли сводки о потерях до половины людского состава дивизий за несколько часов боя. Командиры дивизий требовали приостановить наступление.

Этот спор в штабе 11-й армии отразился на фронте небольшим перерывом в атаках.

В штабе Приморской размышляли, что это значит. Окончился штурм? Манштейн смирился с поражением или новая перегруппировка войск? Не оставляла опаска: не изменит ли противник направление главного удара?

Крылов твердо отстаивал свою точку зрения. Манштейн не изменит направление главного удара, обстановка на Керченском полуострове не дает ему на это времени, удар повторится только там, где он вбил клинья в оборону. И удар отчаянный, последний удар, и встретить его надо опять массированным огневым налетом, ибо поднять в контратаку уставших бойцов невозможно.

С артиллерийских корректировочных постов вовремя подали сигнал, что немцы накапливаются на исходных. Вот-вот бросятся в атаку. Опять все 240 стволов обрушили на них сосредоточенный огонь.

В атаку они все же поднялись. Но это был жест отчаяния, бросок обреченных. В каждой атаке существует критический предел потерь, после которых наступление прекращается и те, кто наступал, от малейшего встречного натиска пятятся назад или даже обращаются в бегство.

Плотность артиллерийского огня сделала свое дело, но немцы все же дошли до траншей обороны. Севастопольцы встретили их контратакой. Буквально несколько минут встречного жестокого боя, и наступающие попятись. В тот час им оставалось до Северной бухты всего лишь два километра.

Встречный бой тоже имеет свои законы. Только что противник был наступающей стороной, но он остановлен, он пятится, и роли тут же меняются. Обороняющаяся сторона становится наступающей. Тут не может быть приказов наступать и преследовать... Они придут потом, в минуту перелома боя их никто не услышал бы.

Приморцы в ходе боя, тесня противника, поняли, что они уже наступающая сторона.

На КП армии поступило донесение коменданта четвертого сектора: «Наши войска преследуют противника».

Командарм распорядился, чтобы приморцы переходили к преследованию противника, где это только возможно.

Слово было необычно, до многих не сразу доходил его смысл.

Командарм выехал к Северной бухте, Крылов не отрывался от карты, делая на ней отметки, куда продвинулись приморцы. Еще до темноты, в считанные часы было возвращено почти все, чем овладели немцы за полмесяца ожесточенных боев ценой огромных потерь...

Плотно сжав кольцо осады Севастополя, оставив под ним четыре дивизии, Манштейн начал переброску остальных сил под Керчь.

На севастопольском плацдарме установилось затишье.

Приморцы отсыпались, приводили себя в порядок, занимались перегруппировкой, отправкой раненых на Большую землю.

У Николая Ивановича нашлось время подготовить статью об итогах оборонительных боев под Севастополем. Статья была опубликована 8 января 1942 года в «Красной звезде». Первое выступление в печати впоследствии крупного военного публициста.

Как во всяком деле, в котором приходилось участвовать Крылову, он и здесь, в своем первом выступлении, предельно конкретен. Статья называлась «Два месяца обороны Севастополя». Скрывать методику обороны было ни к чему. Противник знал, как она строилась, а вот передача опыта в советские войска много значила. Активность обороны, организация контратак и, главное, маневр артиллерийским огнем.

Для сорок первого года статья имела большое методическое значение. Это не голословный призыв следовать примеру мужества севастопольцев. Севастополь не *terra incognita*, и приморцы — это не аргонавты, не пришельцы из неведомых земель. Это такие же солдаты, которые были растянуты фронтами и армиями от северной оконечности Кольского полуострова и до Черного моря. Мужества и тем, кто сражался под Ленинградом, под Смоленском, под Вязьмой, под Тулой и на Днестре, не занимать. Но не везде это мужество, эта сила были одинаково организованы, не везде военное искусство сказало свое веское слово. Забегая вперед, скажем, некоторые положения, высказанные в этой статье, нашли применение и в сорок втором году.

Эта статья сыграла для Крылова некоторую роль и в сугубо личном плане. Он с 22 июня не имел от родных никаких известий. Быть может, заметят статью в газете, подумал Николай Иванович.

Между тем события на Керченском полуострове побуждали командование Приморской армии к новым действиям. Опять возникли разговоры о наступлении. Пришла директива Закавказского фронта подготовить план «вступления в направлении на Дуванку с выходом на Бахчисарай к срокам, когда 51-я и 44-я армии начнут наступление с Керченского полуострова.

И несмотря на то, что войска четвертого сектора за эти дни значительно улучшили свои позиции, предстояло еще очень много работы. Укрепить позиции, разведать, что противопоставил противник, его систему артогня и многое другое. В частях, которым предстояло наступать, работали все направленные штаба. Однако подготовка наступления требовала особого внимания. Это был тот момент, когда начальник штаба армии был более нужен на месте, чем возле узла связи.

Обычно на рекогносцировку местности Крылов выезжал с Харлашкиным. Но он был в войсках. Петров настоял, чтобы Николай Иванович взял в сопровождение Кохарова, ординарца командующего. Водителем машины был Владимир Ковтун.

Редко удавалось Крылову побывать на поверхности, для него это была своеобразная «Большая земля». Можно вздохнуть полной грудью. Свежий воздух опьянял. Захотелось посмотреть город, какие враг нанес ему разрушения, увидеть севастопольцев...

Поездка удалась. Крылов на месте проверил состояние оборонительных позиций, ознакомился с местностью, по которой придется начинать наступление, на обратном пути поднялся на «эмке» на заросшую кустарником высоту под Камышловским оврагом. С высоты хорошо просматривался склон оврага, занятый противником.

Но с противоположного склона хорошо просматривалась и высотка. Немецкие наблюдатели заметили легковую автомашину и открыли огонь из крупнокалиберного миномета.

Первая мина взорвалась чуть сзади Крылова и сопровождавших его Кохарова и моряка.

Не успели Крылов и его спутники оглянуться, как впереди взорвалась вторая мина. Вилка. Третья мина пришла в цель. Кохаров был убит на месте. Моряк ранен. Крылов почувствовал, как его обожгло жаром и что-то ударило в спину под лопатку. Он решил, что это отскочил камень от взрыва. Бойцам приказал Кохарова и моряка отнести в «эмку» и срочно доставить в медсанбат. Сам пошел вниз, укрыться от обстрела. И вдруг ощутил непривычную слабость. Расплывались очертания предметов, под лопаткой нарастала боль. Преодолевая ее, Крылов вышел на дорогу. Спасла его случайность. Мимо проезжала полупорт. Шофер посадил его в кабину. Сознания не терял, но чувствовал возрастающую слабость. В каземат спуститься сил не было. Указал шоферу на домик, где размещалась квартира начштаба, почти необитаемая.

Достало сил позвонить майору Ковтуну, и сознание тут же отключилось...

Ранение оказалось тяжелым. Три осколка. Самый крупный, размером в половину спичечного коробка, пробив лопатку и, раздробив ребро, не дошел одного сантиметра до сердца. От потери крови спасло только то, что рана была прикрыта одеждой, как тампоном, но это же вызвало сложные воспалительные процессы, повторные операции.

В госпитале наконец Николай Иванович получил весточку от семьи. Статья в «Красной звезде» была замечена, и сразу пришло письмо от жены. Из Болграда они сначала попали в Камышин-на-Волге, затем оказались в Казахстане в городе Джамбуле.

Наступление на Дуванкой и Бахчисарай, на подготовку которого была ориентирована Приморская армия накануне ранения Крылова, так и не состоялось. Не состоялось не потому, что оно не было подготовлено. Не начиналось наступление 44-й и 51-й армий на Керченском полуострове.

Керченские события — самостоятельная сложная тема, мы ее здесь коснулись лишь в связи с обороной Севастополя. Обстановка на Керченском полуострове прямо влияла на обстановку в Севастополе, но те, кто оборонял Севастополь, никак не могли воздействовать на керченские события. Жукову, Петрову и Крылову оставалось только недоумевать в своем севастопольском «далеко», почему, совершив прыжок через Керченский пролив, высадив десант в Феодосии, командование вновь созданного Крымского фронта затянуло переход в наступление, дало возможность Манштейну разгромить десант в Феодосии и подготовиться к наступлению в мае на Керченском полуострове, которое закончилось небывалой, даже для начального периода войны, катастрофой?

Но катастрофа произошла в мае. А в январе и особенно в феврале в Севастополе ждали решительных действий на Керченском полуострове. В феврале на Керченском полуострове к двум армиям, 51-й и 44-й, под командованием уже известного нам генерал-лейтенанта С. И. Черняка, переправилась на полуостров 47-я армия.

Крылова, пока он лежал в госпитале, старались не утруждать армейскими делами. Исключением было поздравление с наградой первым орденом Красного Знамени. Но Крылов не мог не интересоваться Керчью. Каждый раз, когда приходил его навестить командарм, спрашивал о Керчи. Петров, поблескивая стеклами пенсне, прятал глаза. Ему не хотелось волновать больного. А однажды все же, как бы между прочим, сообщил, что представителем Ставки на Крымский фронт прибыл Лев Захарович Мехлис.

Услышав это имя, Крылов понял тревогу Ивана Ефимовича. Дело было не только в том, что и Петров и Крылов в свое время немало пережили из-за действий Мехлиса на посту начальника Главного политического управления Красной Армии. Они не верили в его военный талант, знали об отсутствии у него военных знаний, и самое главное опасение вызывала его нетерпимость к людям и капризность. Его пребывание на Крымском фронте означало, что пустая фраза будет

подменять дело. Тревожило и то, что 44-й армией командовал С. И. Черняк. С его способностью командовать армией, с его взглядами на военное дело они уже познакомились в Севастополе...

К концу марта, когда врачи наконец разрешили Крылову выйти из госпиталя, командование Приморской армии особых надежд на успех на Керченском полуострове не возлагало и тщательно работало над совершенствованием обороны города, хотя эта работа не прекращалась всю зиму.

Из штаба Крымского фронта поступали требования быть готовой Приморской к преследованию противника и не пропустить этого момента...

— Только бы они начали, — говорил Петров, — мы своего не упустим!

Но уже в апреле начали сказываться трудности со снабжением Севастополя морем. И дело было не только в том, что Черноморский флот был целиком задействован в подготовке наступления на Керченском полуострове. У противника прибавилось самолетов, появились торпедоносцы, немецкое командование начало сбрасывать на подходах к Севастополю сложного устройства мины, обезвреживать которые научились далеко не сразу.

Петров говорил доверительно своему начальнику штаба:

— Что бы там ни случилось под Керчью, Севастополь выстоит... Но выстоит при одном условии — если не оборвется морская дорога... А на флоте уже изучают проблему снабжения Севастополя подводными лодками... Но это же капля в море!

Ждали керченских событий и дождались. Но они приняли совсем иное развитие, чем то, на которое можно было рассчитывать ввиду превосходства сих трех армий над несколькими дивизиями Манштейна.

8 мая в шестом часу утра, еще не зная, что началось под Керчью, Петров, приоткрыв окошко, прорезанное между его комнатой и «кубриком» Крылова, пригласил его пить чай.

Через несколько минут дежурная служба ПВО сообщила, что к городу приближается большая группа немецких бомбардировщиков. Налет выходил из ряда обычных в последнее время.

— Не у нас ли начинается? — воскликнул Петров и сейчас же дал указание сообщить на КП секторов быть особенно внимательными. Но налет был произведен не на рубежи обороны и не на город, а на аэродромы.

— Не у нас начинается! — заметил Крылов. — Под Керчью, а этот налет для того, чтобы предотвратить действия севастопольских летчиков... И начали не наши... Они начали.

— Сердце чувствует? — спросил Петров.

— Нет! Не сердце... На допросе военнопленные вчера показывали, что наступление начинается Манштейн.

Так оно и было. Еще не закончилось совещание у командарма, как связисты доложили о радиоперехвате. Немцы открытым текстом сообщали своим войскам под Севастополем, что оборона советских войск на левом фланге Ак-монайских позиций прорвана... В полосе 44-й армии С. И. Черняка...

С 8 мая по 18 мая в стремительном наступлении Манштейн изгнал советские войска с Керченского полуострова.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Мехлис был снят с постов замнаркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии, понижен в звании до корпусного комиссара, сняты были с должности и понижены в звании командующий фронтом генерал-лейтенант Козлов, генерал-лейтенант Черняк был понижен в звании до полковника, а также и командарм генерал-майор Калганов и командующий ВВС фронта генерал-майор авиации Николаенко.

Но севастопольцам от этого было не легче.

Приморская армия и город остались один на один с 11-й немецкой армией, пополненной и усиленной, вдохновленной победой на Керченском полуострове, оснащенной авиацией для борьбы против Черноморского флота.

О последнем, июньском сорок второго года штурме Севастополя написано немало. За сорок лет, прошедших со дня окончания войны, широко восстановлена не только общая картина этой выдающейся в истории второй мировой войны обороны, массового героизма приморцев, моряков, гражданского населения, воссозданы и подробности многих беспримерных подвигов. Шло время, и заполнялись героические страницы обороны, не замеченные в те трудные годы, работа эта продолжается и поныне.

А перед нами все та же задача, очерченная рамками этой книги, раскрыть, а что же лично Крылов привнес в последние дни обороны Севастополя? В майские дни крушения Крымского фронта и Ставка, и командование Черноморского флота, и вновь образованное командование Северо-Кавказского направления (с 19 мая Северо-Кавказского фронта) во главе с С. М. Буденным неустанно предупреждали командование Севастопольского оборонительного района о возможности нового штурма Севастополя, требовали укрепления и совершенствования обороны.

Здесь ни разногласий, ни сомнений не было.

19 мая высвободились те дивизии 11-й армии, которые нанесли поражение Крымскому фронту на Керченском полуострове. Силы эти были известны, от них отбились и в ноябре, и в декабре. Но ограничится ли Манштейн только этими дивизиями?

Это был момент размышления, когда надо было думать и за противника.

Естественно было предположить, что Манштейн не единовластно распоряжается силами 11-й армии.

Гитлер не мог остановить наступательную войну из-за поражений, которыми были ознаменованы битвы под Москвой и Ростовом. Логика всякой захватнической войны определяется непрерывностью наступательных действий. Всякая остановка является для нее катастрофой.

Крылов и вообще все командование СОРа не ставилось в известность о планах на лето Ставки Верховного Главнокомандования, не информировано оно было и о слагавшемся соотношении сил на всем советско-германском фронте.

Однако общие данные об обстановке на фронте могли дать основания для расчетов и севастопольцам.

Крылов рассуждал так. Если немецкое верховное командование продолжит свои попытки пробиться на Кавказ, то Манштейну самое логичное оставить Севастополь в осаде, а главными силами армии форсировать Керченский пролив и прорываться на Кубань.

Учитывая возросшие трудности Черноморского флота по снабжению Севастополя всем необходимым для обороны, немецкое командование могло не опасаться в ближайшее время, пока господство в воздухе оставалось за немецкой авиацией, что севастопольский плацдарм может быть использован для высадки крупного десанта. К тому же все говорило за то, что и не до десанта будет Северо-Кавказскому фронту.

Рассуждая согласно логике маневренной войны, которая только и удавалась немецкому командованию, ставя себя на место Манштейна, он приходил к выводу, что 11-я армия будет брошена через Керченский пролив на Кавказ.

Но, приходя к этим выводам, Крылов тут же их и отбрасывал, находя им опровержение в действиях Манштейна во время декабрьского штурма Севастополя, который Манштейн не прекратил даже после высадки керченского десанта, что ставило на край гибели его армию. Убедила его прекратить штурм только сила и стойкость обороны.

Решение военной задачи переходило в чисто психологическую плоскость.

Крылов был начитанным человеком, книги немецких военных историков многое ему подсказывали. Дважды штурмовать Севастополь и не взять его — это прежде всего для Манштейна потеря престижа перед немецким генералитетом, а личный престиж прусская военная школа ставила всегда выше разума, потому и были часто биты прусские генералы.

Ни Крылов, ни кто-либо другой из севастопольцев не могли знать, что еще в середине апреля, до Керченского наступления, Манштейн побывал в ставке Гитлера а его соображения чисто престижного характера были встречены с полным пониманием. Осаждать почти год город и не взять его Гитлер считал невозможным из своих тоже чисто престижных соображений. Повторяем, об этой встрече Крылов не знал, но психологический ход мыслей Манштейна разгадал, неустанно работая над совершенствованием обороны, в то же время внимательнейшим образом изучая донесения всех видов разведки.

Грозные признаки, подтверждающие его выводы о подготовке нового штурма, начали проявляться еще до завершения немецкого наступления на Керченском полуострове. Сначала армейская разведка отметила появление отдельных полков тех дивизий, которые штурмовали Севастополь в

декабре.

В том, что многие части будут переброшены с Керченского полуострова, Крылов не сомневался. Его интересовали средства усиления 11-й армии, не появятся ли полки или дивизии с других участков фронта.

Во второй половине мая развернулись тяжелые оборонительные бои на Южном и Юго-Западном фронтах, а к Севастополю что ни день, то прибывали новые и новые части. Теперь уже не надо было совершать экскурсии в психологию.

24 мая Крылов подготовил директиву на оборону, командарм и Военный совет ее подписали. В ней давалась оценка противостоящих сил противника, назывались вероятные направления его ударов, ставились конкретные задачи войскам.

К началу штурма изменить в ней пришлось немного: только оценку сил противника.

24 мая штаб армии считал, что штурмовать будет только 11-я армия. Но каждый новый день вносил свои коррективы. Прибывали одна за другой дивизии из-под Керчи. Оба немецких корпуса, 54-й и 30-й, собрались под Севастополем. Это уже составило семь пехотных дивизий полного состава, появился румынский горный корпус, появилась новая дивизия, 28-я пехотная, переброшенная в Крым из Франции. Особую заботу составляло выяснение артиллерийских средств и авиации. Манштейну придали в поддержку сильнейший авиационный корпус под командованием Рихтгофена — 600 самолетов.

В последние дни мая армейская разведка уточнила артиллерийские средства противника с наиболее возможной точностью. Позже, и во время и после войны, пришло полное уточнение. 24 мая в директиве на оборону еще предусматривалось превосходство севастопольской артиллерии над немецкой соответственно 1:2. Это оказалось далеко от реальности уже по разведанным на 31 мая.

И не восемь дивизий, а десять дивизий сосредоточил Манштейн для штурма.

Под Севастополем оказалось 670 орудий, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, не считая ротных. Общая плотность артиллерии составила около 60 орудий на один километр фронта, на направлении главного удара — 150 орудий и минометов.

Но и это не все. Под Севастополем были сосредоточены батареи особой мощности с системами калибров до 190 миллиметров, а также и несколько батарей гаубиц и мортир калибра 305, 350 и 420 миллиметров. Под Севастополь Гитлер прислал и взлелеянное им «сверхоружие»: два

специальных орудия калибра 600 миллиметров и чудо артиллерийской техники пушку «Дора» калибра 800 миллиметров. Она была изготовлена для разрушения фортов линии Мажино, с тех пор стояла без употребления. Ее ствол достигал в длину 30 метров, лафет возвышался на высоту трехэтажного дома. Доставили ее 60 железнодорожных составов по специально проложенным путям. Прикрывали ее два дивизиона зенитной артиллерии, обслуживало 500 человек.

Для штурма Севастополя был выделен специальный танковый батальон, имевший на вооружении танки — носители взрывных снарядов, управляемые на расстоянии.

Первым, как всегда, в последний раз прикидывал соотношение сил Крылов.

Против 600 самолетов Севастополь располагал всего лишь 53 исправными самолетами.

В Приморскую армию входили семь стрелковых дивизий (против десяти немецких, всегда больших по численности людского состава), четыре бригады, два полка морской пехоты, два танковых батальона (38 танков Т-26) и один бронепоезд. У Манштейна — 450 танков.

Орудий в Приморской насчитывалось 606 и 1061 миномет, один гвардейский минометный дивизион (М-8).

О том, сколь мощный огневой таран сосредоточила под городом, севастопольцы узнали и окончательно оценили на рассвете 2 июня.

С КП дивизий докладывали:

— Такого огня еще не бывало!

С КП ПВО сообщили, что к городу приближается до двухсот самолетов противника.

— Началось!

Это слово было произнесено даже с облегчением повсюду, от штаба до окопов. Ожидание штурма всегда проходит с большим напряжением душевных сил, чем сам штурм. Артиллерийский налет длился тридцать минут, ждали, что вот-вот поднимется в атаку немецкая нехота, но, кроме коротких разведок боя незначительными силами, атаки не последовало.

Налеты на город не прекращались. Одну группу самолетов сменяла другая.

Крылов не выдержал и поднялся на поверхность. С передовой тревожных донесений о потерях и разрушениях после артналета и от бомбардировки не поступало. Когда сообщили к середине дня, что в двух полках на первом рубеже обороны выбыло из строя трое убитых и пятеро раненых, Крылов даже переспросил: «Точны ли сведения?»

С городом происходило нечто иное. Город горел. И сразу весь. В ясный июньский день потемнело небо.

Прошлый декабрьский штурм Манштейн заканчивал психической атакой с зеленым дымом. На этот раз в первый же день прояснялся новый его «психологический эксперимент»: посеять панику среди городского населения, сломить волю севастопольцев к сопротивлению, а войска ошеломить массированным огнем.

В те дни еще не вполне ясен был замысел Манштейна. Никто в штабе Приморской тогда не знал, что это «психологическое» и огневое давление запланировано на пять суток, чтобы сровнять город с землей, разрушить его энерго — и водоснабжение, истребить мирных жителей, взломать рубежи обороны артогнем и бомбами, чтобы открыть чистый путь для войск. Эти пять суток и были испытанием на прочность инженерного оборудования, системы укрытий от огня, рассредоточения командных пунктов.

После каждого артналета и удара бомбардировочной авиации ждали атаки. Но ее не было. 3 июня все повторилось, как по расписанию. На рассвете опять тридцатиминутный массированный налет артиллерии и на весь день бомбежки рубежей обороны и города. И опять же больше доставалось городу.

Десять лет спустя Манштейн написал о штурме 11-й армией Севастополя: «Верная немецким солдатским традициям, она сражалась благородно и по-рыцарски».

Все дело в том, как толковать иные слова и что понимать под «немецкими солдатскими традициями». Как ни открещивались после войны Манштейн и его коллеги от Гитлера, они прежде всего были гитлеровскими генералами, не только послушными исполнителями его воли, но и усвоившими фашистскую нравственность, вернее говоря, безнравственность. Обращение к истории было у них всегда поиском героического, но, конечно же, «героического» по их мерке. Тевтонские рыцари тоже считали «благородным» крестить соседние народы не крестом, а мечом, богоугодным и благородным делом считали избиение мирного населения, уничтожение огнем городов и деревень. Рыцарство — это открытый и жестокий разбой. В этом смысле действия 11-й армии были «рыцарскими». В понимании Манштейна уничтожать город и обрушивать безнаказанно на мирных жителей фугасные бомбы было благородно. 600–700 самолетов против 53. Это по-рыцарски?

Под вечер, выйдя в очередной раз посмотреть на пылающий город, Крылов вдруг услышал размеренный kloкочущий звук, будто бы в воздухе

по невидимым рельсам промчался трамвай. Звук через несколько минут повторился, и Крылов увидел пролетающий снаряд. Глазам не поверил. Его разрыв глушили другие разрывы.

Он спустился в подземелье. Оперативный дежурный доложил, что 30-я береговая батарея обстреливается громадными снарядами небывалой мощности и что прямым попаданием поврежден верх бронированной орудийной башни.

Один из снарядов не разорвался. Его тут же по приказу Крылова обмерили. Доложили: длина — два метра сорок, калибр — шестьсот пятнадцать миллиметров.

И Рыжи и артиллеристы из его штаба не поверили. Майор Харлашкин вызвался проверить и через час доложил:

— Все точно! Калибр шестьсот пятнадцать!

Москва тоже не сразу поверила. Тогда еще не знали, что это знаменитая система «Карл». Снарядов от «Доры» никто не видел. Манштейн сообщает, что выстрелом из «Доры» был уничтожен склад боеприпасов на северном берегу Северной бухты, укрытый в скалах на глубине 30 метров...

6 июня командование Севастопольского оборонительного района отправило в Москву донесение, в котором обрисовало обстановку после начала обстрела и бомбардировок: «В течение четырех суток противник продолжал непрерывно наносить удары авиацией, артиллерией по боевым порядкам войск, по городу. За это время, по неполным данным, противник произвел 2377 налетов, сбросив до 16 тысяч бомб и выпустили не менее 38 тысяч снарядов главным образом 150-миллиметрового, 210-миллиметрового калибров и выше... Боевая техника, матчасть, войска СОРа понесли незначительные потери. Незначительные потери объясняются хорошим укрытием...»

Первое испытание оборона выдержала.

Все теперь зависело от возможностей флота...

Командование Приморской армии по истечении четырех суток подготовки штурма находилось в колебании. Когда начало штурма — 6 или 7 июня? В «языках» недостатка не было. Они показывали — седьмого.

Собственно, к штурму готовы давно. Внезапности быть не может. Обычно обороняющаяся сторона стремится узнать день и час наступления противника, чтобы вовремя укрыть войска на время артподготовки. Артподготовку противник ведет уже четыре дня, то на одном, то на другом участке обороны проводит разведку боем. Срок важен для маневра огнем. Намечено упредить окончательную артподготовку противника и нанести удар по войскам, вышедшим на исходные позиции, как это уже получилось 31 декабря, в день последних атак декабрьского штурма.

Это очень ответственный момент, здесь ошибки быть не должно. И расход боеприпасов, и раскрытие огневых точек...

Не менее важно установить, где будет наноситься главный удар. И хотя в решении этой задачи участвуют все, от командующего армией до полковых штабов, ответственность все же целиком лежит на Крылове.

Тщательно проанализировано всеми звеньями штарма, как распределяет противник свой артиллерийский огонь, куда больше сброшено бомб.

Поскольку противник предпринял многодневную артиллерийскую подготовку, он имеет время и для обманных маневров и артогнем и разведкой боем.

В который уже раз Крылов пытается поставить себя на место Манштейна. Наиболее ценными для Манштейна являются те части, что участвовали в ноябрьском и декабрьских штурмах, хотя и не так-то много в их рядах сохранилось ветеранов. Тем более именно они его опора, ибо уже дрались с севастопольцами, знают их руку, знакомы с местностью. Это части 54-го армейского корпуса. 54-й корпус целиком сосредоточен на северном участке обороны города, нацелен, как и в декабре, на Северную бухту через станцию Мекензиевы горы. Но странно было бы, если бы Манштейн не попытался ввести советское командование в заблуждение относительно своих намерений. Отсюда и редкие артналеты у Ялтинского шоссе, активная разведка боем в полосе южного сектора обороны.

— Главный удар будет наноситься там же, где и в декабре, и опять же силами пятьдесят четвертого корпуса! — твердо заверил Крылов Военный

совет армии. — Там и сосредоточить наш артиллерийский контрудар!

«Языков» добыто достаточно. Все в один голос называют седьмое июня.

Решили контрподготовку начать в 2.55.

6 июня в городе и на оборонительном рубеже с утра вдруг наступило затишье. Легко объяснимо. На 7 июня противник сосредоточивает огромный запас снарядов.

К концу дня к Крылову пришел подполковник Василий Семенович Потапов, начальник армейской разведки.

— Завтра! — сказал он, как всегда, вполголоса. — «Язык» разговорился. Приказ на завтра... В три ноль-ноль!

В 2 часа 55 минут все орудия Севастопольского оборонительного района открыли огонь по заранее намеченным и скорректированным целям.

Но Манштейн не отменил наступления. Его артподготовка началась в 3.00, но беспорядочно, не в полную силу. Ибо за пять минут севастопольцы успели нанести поражение многим его батареям.

Контрподготовка длилась 20 минут. На большее не было отпущено снарядов. Немецкая артподготовка набрала силу только к четырем утра. Над рубежами обороны кружили не менее двух с половиной сотен самолетов.

С дивизионных НП докладывали:

— Передний край не просматривается из-за дыма и пыли...

Черный дым заслонил взошедшее солнце, на земле гуляла смерть.

Манштейн вспоминал:

«На следующее утро, 7 июня, когда заря начала окрашивать небо в золотистые тона и долины стали освобождаться от ночных теней, кулак нашей артиллерии всей своей силой ударил по противнику, возвещая начало наступления пехоты, целые эскадры самолетов обрушились на указанные цели. Перед нами открылось незабываемое зрелище... На всем широком кольце крепостного фронта ночью видны были вспышки орудий, а днем облака из пыли и обломков скал, поднимаемые разрывами снарядов и бомб нашей авиации. Поистине фантастическое обрамление грандиозного спектакля!»

Какую надо иметь черную душу, чтобы с таким наслаждением живописать картину смерти, уничтожения, человеческой агонии. Севастопольцы защищали свои дома, пришельцы — шли грабить.

И вот Манштейн вынужден далее записать: «Ожесточенными контратаками русские вновь и вновь пытаются вернуть потерянные позиции. В своих прочных опорных пунктах, а то и в небольших ДОС, они

часто держатся до последнего человека».

Десять дней, с 7 по 17 июня, ни на минуту не прекращались атаки немецких войск. Кое-где удалось им вклиниться в оборону. Свыше 200 тысяч немецких солдат и офицеров за 10 дней напряженных боев продвинулись местами лишь на сотни метров, но не на километры.

Манштейн рассуждал о рыцарстве в своем понимании этого явления. Если и было что заслуживающего одобрения в рыцарстве, так это разработанный ритуал поединка, подчиненный праву на равенство.

Равенства ни в людском составе, ни в вооружении у севастопольцев и Манштейна не было изначально. И все же 15 суток наступления не принесли Манштейну того, что называется победой. Напротив, уж если судить по строгому ритуалу рыцарского поединка, а тем более с точки зрения военного искусства — сторона, которая, применив все средства современного вооружения, умело (а в неумении гитлеровских генералов и солдат не упрекнешь) использовав превосходство в силах, задачи наступления не решила, должна быть признана потерпевшей поражение. Это и было поражением, ибо продвижение на сотни метров ценой огромных потерь ничем не оправдано. Но и это еще не все. В то время уже развернулось наступление немецких войск на всем Южном фронте, а 11-я армия оказалась прикованной к Севастополю...

Манштейн продолжал штурм. На что надеялся? На «рыцарский дух» и боевую выучку своих войск?

Нет, и «рыцарский» дух», и превосходство в силах, и боевая выучка оказались бессильны. Он и сам это признал: «Но, несмотря на эти с трудом завоеванные успехи, судьба наступления в эти дни, казалось, висела на волоске. Еще не было никаких признаков ослабления воли противника к сопротивлению, а силы наших войск заметно уменьшались».

Дальнейшее он пытается объяснить искусным маневрированием направлений своих ударов по городу.

Кризис в обороне Севастополя приближался совсем с другой стороны. Со стороны моря, со стороны единственных коммуникаций, по которым Севастополь получал боеприпасы, продовольствие и подкрепления.

Большая земля, несмотря на большие трудности, готова была отдать Севастополю все, что возможно было отдать, и даже сверх возможного, но самолеты 8-го авиакорпуса и итальянские торпедные катера прервали коммуникации. Грузы в Севастополь доставляли подводные лодки, и постепенно, час за часом, умолкали полевые батареи. Уже и береговые батареи севастопольцев не только не имели боевого запаса снарядов, но и их стволы выходили из строя. Боевые корабли уже не могли поддерживать

огнем своих орудий реденеющие силы приморцев.

Уже в городе рыли траншеи для уличных боев... Но в патроны у приморцев на исходе, как и снаряды.

Много времени спустя, уже после войны, военные историки подсчитали, что за 25 дней последнего штурма Севастополя немецкое командование, чтобы овладеть городом, израсходовало 30 тысяч тонн снарядов, а корпус Рихтгофена совершил 25 тысяч боевых вылетов, сбросив 125 тысяч тяжелых бомб, столько же, сколько английский воздушный флот сбросил на Германию с начала второй мировой войны до июля 1942 года. За три года...

Наступали последние часы обороны Севастополя.

У немцев в руках хутор Дергачи, вся Корабельная сторона, кроме Малахова кургана и Зеленой горки. Левое крыло фронта глубоко врезалось в город. Бойцы окапывались на склоне Исторического бульвара.

Вечером Николай Иванович вышел наверх и удивился наступившей тишине. Давно так не было. Немцы, считая, что дело сделано, не хотели рисковать в ночных боях, где огневое преимущество неприменимо.

Командарм собрал совещание, такое же, как когда-то в Экибаше, в начале героического и страдного пути Приморской армии на крымской земле.

Совещание короткое. Командиры дивизий докладывают о состоянии соединений и частей. В дивизиях в среднем по 300–400 человек, в бригадах — по 100–200.

Все смотрят на Крылова. Он — распорядитель боеприпасов. Он докладывает, что на 30 июня армия имеет 1259 снарядов среднего калибра и еще немного, до сотни, противотанковых. Тяжелых — ни одного.

Командарм дает ориентировку: держать в кулаке наличные силы, драться, пока есть чем, разбить людей на небольшие группки, чтобы пробиваться в горы к партизанам. Задача очень трудная, почти безнадежная, но это последний и единственный выход, об эвакуации нет речи, как и не было о ней разговора, когда начинался последний штурм.

Утром штаб Приморской армии перешел на запасной командный пункт 35-й береговой батареи. Под землей лабиринт отсеков и переходов.

— Что дальше? — спросил Крылова его заместитель майор Ковтун. Это была не тревога, а поиск реальных действий для штаба. Их в ту минуту не было, ибо не было никакой связи с частями, хотя была связь с Кавказом и Москвой.

— Дальше? — переспросил Крылов. — Разве не ясно, что дальше? Дальше — подороже отдать свои жизни. Так, чтобы, по крайней мере,

шесть фашистов за одного. А если говорить о практических мерах, то пора личный состав штаба разбить на боевые группы, подумать о командирах, о картах. Вот этим и займитесь!

К полудню последние тысяча с лишним снарядов были израсходованы. Подбиты 28 немецких танков. Бои шли на улицах. Врукопашную.

Крылов, как всегда, прикован к телефонам. В восьмом часу вечера в одном из подземных отсеков батареи собрался под председательством вице-адмирала Октябрьского Военный совет флота и Приморской армии. Октябрьский зачитал телеграмму из Москвы с разрешением оставить Севастополь ввиду того, что исчерпаны все возможности его обороны.

Петров было заговорил о возможности пробиться в горы, но Октябрьский перебил его:

— Это — приказ!

Очень тяжелый приказ. Петров с трудом пережил нервное потрясение. Не менее тяжко воспринял его и Крылов.

Но он не знал, что прежде чем поставить командование Севастопольским оборонительным районом перед исполнением приказа, столь нравственно сложного, в Ставке и в Генеральном штабе все взвесили. Жертвовать командным составом, показавшим себя способным вести успешные операции против немецких захватчиков, не сочли возможным.

Обратимся к свидетельству Маршала Советского Союза А. М. Василевского. «Знакомство с Николаем Ивановичем Крыловым, будущим Маршалом Советского Союза, а тогда довольно молодым еще генералом, произошло у меня в августе 1942 года на объединенном командном пункте Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, где я находился в качестве представителя Ставки. Заочно я знал Крылова и раньше. Он зарекомендовал себя как способный штабной работник уже в первые месяцы войны, во время боев за Одессу. А после восьмимесячной обороны Севастополя, одним из организаторов которой он был, возглавляя там штаб Приморской армии, в Ставке и Генеральном штабе держали Крылова на примете, как генерала, которому можно верить армейский штаб на трудном, особо ответственном направлении...»

Петрова и Крылова в числе других командиров вывозили на подводной лодке. В Севастополе в это время шли последние неравные схватки. Заливались матросской кровью камни Херсонеса.

1 июля раздалось по радио из Берлина звуки фанфар. Затем передали специальное сообщение о падении Севастополя.

Манштейн получил телеграмму от Гитлера. Интересно, отрекшись от него через десять лет, почему же в тот час со слезами умиления

вчитывался в текст телеграммы фашистского фюрера, который присваивал ему звание генерал-фельдмаршала?

И десять лет спустя Манштейн не удержался и воскликнул: «Какое это неповторимое переживание — насладиться чувством победы на поле боя!»

Он растроган тем, что один из его офицеров за ночь успел разыскать в Симферополе золотых дел мастера и заставил его изготовить из корпуса серебряных часов пару маршальских жезлов на погоны. Некий немецкий кронпринц прислал Манштейну в подарок золотой портсигар, на котором был выгравирован план Севастополя...

Глава четвертая. Сражение века

Тяжелое ранение, нервное напряжение последних дней обороны Севастополя дали о себе знать. К тому же Николай Иванович не был моряком, а подводная лодка не самый подходящий транспорт для морского круиза. Она уходила из Севастополя на большой глубине, ее преследовали самолеты и катера противника, вокруг рвались глубинные бомбы. Крылову трудно дался этот переход, почти все время он находился в забытии.

Но и для заслуженного отдыха обстановка не благоприятствовала. Севастопольцы получали новые назначения. И. Е. Петрова вызвали в Москву, другие командиры поступили в распоряжение командования Северо-Кавказским фронтом. Врачи потребовали для Крылова дополнительного лечения, и его отправили в Астрахань, в глубокий тыл Северо-Кавказского фронта, и просили составить подробный отчет о Севастопольской обороне. Николай Иванович сел за первый свой труд по теории военного искусства, хотя душой рвался в дело, быть может, еще и не очень-то понимая в те дни значение чисто теоретической работы.

Обстановка на фронте была очень тревожной; враг рвался к Волге и Кавказу.

Даже по сдержанной информации в сводках Совинформбюро, человек, с первых дней войны приобщенный к большой штабной работе, мог составить достаточно четкое представление о том, что немецкое командование, несмотря на серьезное поражение своих войск в декабре сорок первого и в начале сорок второго года, в результате чего война принимала затяжной характер, не отказалось от реализации своих планов по захвату Советского Союза. Из тех же сводок можно было заключить, что ни в чем не изменились его оперативные методы. Все те же прорывы моторизованных групп, все та же тактика охвата.

Неосторожность с наступательной операцией войск Тимошенко под Харьковом во многом облегчила для немцев летнее наступление. Они прорвались к Воронежу, захватили Донбасс, овладели Ворошиловградом и вновь ворвались в Ростов. Развернулись большие бои в излучине Дона.

Крылову были чужды панические настроения.

И в самые тяжкие дни обороны Одессы и Севастополя он никогда не сомневался в окончательной победе советского народа над фашистской Германией, ибо героизм его превосходил стратегию и тактику гитлеровского командования,двигаемого политической авантюрой,

которую он, со своим опытом боев, оценивал более чем трезво. Он был далек от недооценки военного искусства противника, его сил, понимал, что у немецкого командования еще есть средства для создания беспримерных трудностей для советских войск, но уже на примере Севастополя убедился, что недалек тот час, когда эти силы и средства, растрачиваемые для решения неосуществимой задачи завоевания нашей страны, в затяжной войне иссякнут и свершится поворот во всем ее ходе. Весь вопрос: где и когда он свершится? В дни астраханского «сидения» Крылова эта точка еще не определилась. Себя он чувствовал забытым и рвался хоть в какое-либо дело.

Он с восторгом принял вызов в штаб Северо-Кавказского фронта, благодарил Петрова, что вспомнил о нем. Петров был назначен командующим 44-й армией и предложил Крылову пост начальника штаба.

Но Крылов отнюдь не был забыт. Вспомним свидетельство А. М. Василевского, что в Ставке Верховного Главнокомандования и в Генеральном штабе Крылова уже держали на примете, как человека, которому можно было бы вверить руководство штабом армии на особо трудном и особо опасном участке фронта.

К середине августа определилось, что решающим участком фронта в сорок втором году становится Сталинград. И сейчас же последовал приказ из Москвы о назначении Крылова начальником штаба 1-й гвардейской армии, выдвинутой на Сталинградском направлении.

Но пока Крылов добирался до штаба Сталинградского фронта, изменилась обстановка под Сталинградом, изменилась и его военная судьба.

7 августа резко ухудшилось положение в полосе фронта, обороняемой 62-й армией. 6-я полевая немецкая армия под командованием генерал-полковника фон Паулюса, усиленная двумя армейскими корпусами, нанесла сильный удар по флангам 62-й армии западнее Сталинграда, намереваясь взять ее в окружение и уничтожить, чтобы тем самым открыть себе прямой путь к Сталинграду. 62-я армия перешла на левый берег Дона. Начиналась, пока на дальних подступах, борьба за Сталинград.

12 августа в Сталинград были командированы представители ГКО, прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба А. М. Василевский.

Перед 62-й армией была поставлена задача оборонять полосу от озера Песчаное до устья реки Донская Царица и прикрыть кратчайшие пути к Сталинграду.

Командование фронта и представитель Ставки угадывали, что, как бы

ни было трудно и другим армиям, оборонявшим дальние подступы к городу, именно 62-й придется оборонять город.

Фронтной КП в те дни размещался в школьном здании у Даргоры.

Из Махачкалы до Сталинграда Крылов летел на транспортном самолете Ли-2. Сталинградский аэродром не принял самолет, немецкая авиация нанесла по нему удар. Самолет сел на левом берегу Волги, в Капустном Яре. Бесперебойно работала переправа, Крылову в те часы и в голову не приходило, что спустя некоторое время эта переправа станет объектом его особых забот, что город, каким он сложился в его памяти до войны, с новыми жилыми кварталами, заводскими корпусами, город, встревоженный приближением врага, но еще мирный, предстает таким перед его глазами в последний раз.

Когда Крылов прибыл на КП фронта, его незамедлительно принял командующий генерал-полковник А. И. Еременко. И не один, а в присутствии члена Военного совета фронта и начальника Генерального штаба А. М. Василевского.

С такого ранга военачальником Крылов встретился впервые. Поздоровались, Василевский пригласил Крылова сесть и спросил:

— Как себя чувствуете, товарищ Крылов?

— Вполне в рабочем состоянии, товарищ генерал-полковник !

— А как ваша рана? Не дает себя знать?

— Я с этой раной в Севастополе воевал, а сейчас прошло столько времени... — уверенно сказал Крылов.

— Стало быть, в строй готов? — уточнил Еременко.

— Вижу, что готов! — согласился Василевский. — Окончательно заживать раны придется после войны...

Он взял в руки указку и подошел к большой карте, почти полностью прикрывающей ученическую доску.

— Товарищ Крылов, — начал он, — я введу вас вкратце в сложившуюся обстановку. Вы прибыли в самый центр событий на фронте. С юга на Сталинград наступает четвертая танковая армия генерала Гота. Гитлер только что повернул ее с Кавказского направления. По прямой, с запада и северо-запада на Сталинград нацелена шестая полевая армия генерала Паулюса. По нашим данным, на сегодня это самая сильная армия в немецких войсках. Она имеет значительно большие силы, чем одиннадцатая армия при последнем штурме Севастополя. Обе эти армии имеют в своем составе до сорока дивизий, не менее семи тысяч орудий и минометов, больше тысячи танков... Поддерживает их четвертый воздушный флот Рихтгофена, а это больше тысячи самолетов. Учтите и еще

одно обстоятельство, с которым вам, пожалуй, не приходилось сталкиваться при обороне Одессы и Севастополя... Это возможность у немецкого командования свободно маневрировать подвижными соединениями в степи. В моторизации своих войск на сегодняшний день они нас превосходят...

Указка скользнула к участку фронта, где была нанесена линия обороны 62-й армии.

— Смотрите сюда! — пригласил Василевский. Крылов, пока Василевский водил указкой по карте, искал линию обороны 1-й гвардейской и очень удивился, что начальник Генерального штаба привлек его внимание к 62-й армии.

Василевский уловил его недоумевающий взгляд.

— В первую гвардейскую вы, товарищ Крылов, видимо, не поедете! — объяснил он. — Думаем направить вас в шестьдесят вторую к генералу Лопатину, если Ставка утвердит наше предложение. Я уверен, что утвердит... Речь идет о том, что в самом скором времени ваш опыт обороны городов может пригодиться и здесь!

Яснее не скажешь!

Василевский не захотел забегать вперед. Умеющий оценить обстановку должен был понять, что предстоят бои за город...

И все же Василевский счел возможным добавить:

— Противник готовится форсировать Дон в полосе шестьдесят второй, а это уже угроза городу... Запомните, Сталинград мы обязаны отстоять во что бы то ни стало... Сдать Сталинград невозможно, этого никому не дадут сделать и никому не простят!

Ставка согласилась с предложением начальника Генерального штаба, пришло утверждение Крылова заместителем командующего 62-й, а через час с небольшим он уже находился в воздухе на связном У-2. Самолет взял направление к Дону.

О Сталинградской битве много писали, значительно больше, чем об обороне Одессы и Севастополя, пожалуй, эти страницы в истории Великой Отечественной войны изложены полнее других. Есть воспоминания участников битвы всех степеней и званий, о ней рассказывают в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, ей посвящены монографии военных историков, о Сталинградской битве наиболее подробно писали и немецкие генералы.

В обороне Сталинграда были задействованы несколько фронтов и армий, почти безвыездно во время Сталинградской битвы на фронтах находились представители Ставки. Мы здесь, как и в предшествующих главах, стоим все перед той же задачей — выявить в этом событии роль Николая Ивановича Крылова, занимавшего тогда сравнительно скромные посты. Заместитель командующего 62-й армией с 19 августа по 3 сентября, с 3 сентября по 9 сентября ее командующий, с 9 сентября начальник ее штаба.

Его роль проявилась и стала заметной в этой битве, насыщенной разнообразными событиями, только потому, что в силу сложившегося хода военных действий на 62-ю армию выпала особая задача — оборона города. Она должна была устоять и сковать в Сталинграде значительные силы противника, чтобы Родина получила нужное время для подготовки решительного перелома в ходе войны.

То, о чем умолчал, наставляя, начальник Генерального штаба, должно было свершиться, ибо в тот момент немецкое командование сумело сосредоточить на Дону и на подступах к Сталинграду значительно превосходящие силы.

Военные историки и авторы воспоминаний до сих пор спорят о тех или иных решениях Ставки, связанных с ходом летней военной кампании, о решениях командующих фронтами и армиями, ищут в ошибочных решениях тех или иных инстанций объяснение, почему немецким войскам удалось прорваться к Сталинграду. Бесспорной ошибкой была, конечно, попытка начать лето сорок второго года наступлением советских войск под командованием С. К. Тимошенко, без подготовленных стратегических резервов. После катастрофы под Харьковом и на Керченском полуострове, даже и при безошибочных решениях командиров и командующих всех степеней, предотвратить прорыв немецких войск к Сталинграду было очень

и очень трудно, если не сказать невозможно. Слишком неравны были силы, сосредоточенные в сражении в большой излучине Дона и на Сталинградском направлении.

Советские солдаты сделали все возможное, чтобы остановить врага, но иссякали силы, а уничтожить преимущество в подвижности моторизованных дивизий было нечем.

И если в отдельных эпизодах первый командарм 62-й В. Я. Колпакчи и вслед за ним сменивший его А. И. Лопатин в иных случаях вступали в спор с командованием фронта, то Николай Иванович Крылов уже такой возможности не имел. Слишком мало времени оставалось у него, чтобы внести что-то свое в оборонительные бои на дальних и ближних подступах.

Его служба в 62-й началась 19 августа, за четыре дня до рокового прорыва 14-го немецкого танкового корпуса к Волге и уничтожения города с воздуха 23 августа.

Единственно, на что у него оставалось время, — это познакомиться с армией, с ее рядовым и командным составом.

62-я армия была новым войсковым объединением. Формировалась она в Сталинграде и еще совсем недавно числилась в резерве Ставки как 7-я резервная. В Сталинграде она проходила и боевую подготовку, еще до начала битвы за Дон. И только 10 июля получила наименование 62-й и была выдвинута шестью дивизиями за Дон. Армия не прошла испытаний сорок первого года, опыт приобретался с нарастанием боев в Донских степях.

Но все же и на ее счету были уже и контрудары, и прорывы отдельных ее частей из окружения, и жестокие оборонительные бои в открытой степи под ударами с воздуха.

С высшим командованием армии Николаю Ивановичу и здесь повезло.

Колпакчи он уже не застал, армией командовал генерал-лейтенант Антон Иванович Лопатин. Он был намного старше Крылова. Когда Николай Иванович еще только обучался на пулеметных курсах настоящему военному делу, Лопатин уже вступил в партию и командовал прославленной 4-й кавалерийской дивизией в 1-й Конармии. И опыт гражданской войны, и огромный военно-политический опыт выработал у Лопатина волевой характер, он не терял спокойствия в самых экстремальных ситуациях и уже принял боевое крещение в боях с немецкими захватчиками. Даже в осажденном Севастополе знали его имя, он командовал в 41-м году 37-й армией, которая отличилась в боях за Ростов, вынудив танковую армию Клейста к поспешному отходу, а в начале войны на Украине вывел из окружения свой корпус. Этот человек, не

повышая голоса, добивался безукоризненного выполнения своих поручений и заданий, там, где бессильны были крик и угрозы. Кто мог бы лучше оценить это, чем Крылов, который провел с Лопатиным хотя и недолгие, но, пожалуй, самые ответственные в обороне Сталинграда дни, когда надо было сдерживать противника всеми силами и свыше всяких сил и в то же время отводить армию, чтобы она осталась боеспособной, чтобы она смогла удержать город до подхода новых подкреплений, чтобы не дать врагу овладеть Сталинградом с ходу.

Отношение к людям в трудные часы и дни их жизни — это тоже черта характера, раскрывающая душевное богатство. Доброжелательность, чувство товарищества, отсутствие ревности к коллеге — это черты достаточно редкие, когда они проявляются не на словах, а на деле. Позже, когда уже развернулись бои в черте города и командующий фронтом генерал-полковник А. И. Еременко, по причинам, только ему известным, счел необходимым снять Лопатина с командования армией и назначить командармом Крылова, Николай Иванович не воспринял это как военную необходимость, но обстановка не давала возможности оспорить этот приказ, как это было сделано в Севастополе в защиту И. Е. Петрова. Приказ в отношении Лопатина был не совсем обычен. Отстраненный командующий не получил нового назначения, он даже не отзывался в распоряжение командования фронтом. Покинуть Сталинград без приказа он не мог, в звании не понижен. Он вынужден был остаться на армейском КП, что в иных обстоятельствах могло создать ненормальное положение. Но такт Крылова, а также и Лопатина снял остроту в подобной ситуации. Генерал с таким богатым боевым опытом, конечно же, был полезен рядом. И Крылов и Лопатин сработались даже и в этой ситуации. Спустя много лет Крылов счел возможным дать оценку своему командарму, под началом которого он прослужил всего лишь пятнадцать дней. «К Антону Ивановичу, — писал Крылов, — у меня сохранилось большое уважение, как к мужественному человеку, опытному и дальновидному военачальнику».

Не менее значительной личностью оказался и член Военного совета армии дивизионный комиссар Кузьма Акимович Гуров. Они сразу и навсегда подружились, и не только потому, что были почти ровесниками и судьбы их были сходны. Им обоим была присуща простота в отношениях с людьми, сочетающаяся с требовательностью в деле, не знающая никаких послаблений.

В первые часы знакомства, когда выдалась свободная минутка отвлечься от боевых дел, Гуров спросил:

— Стало быть, ты саратовский... А я вот из-под Калуги, есть там такая

деревенька — Панево.

Тут Николай Иванович вспомнил командира летного дивизиона Масленникова, свой неудачный полет на «ньюпоре», его рассказы о чудаке-ученом, имя которого уже давно преодолело ореол чудаковатости и уже связывалось в сознании и современников, и Крылова не только с фантастическими планами полетов к иным планетам, но и с вполне реальными достижениями ракетной артиллерии. Разговорились о Калуге и о Циолковском.

— Детские воспоминания иногда очень обманчивы, хотя, как правило, точны, точнее всяких иных, — заметил Гуров. — В деревне я хоть из молодых, совсем мальчишкой, но грамотеем слыл. Успел закончить четыре класса сельской школы. Мужики частенько ездили в Калугу на базар. Приезжали, рассказывали... Какие-то, дескать, чудаки из учительского сословия с горы над бором пускают в воздух разные чудеса. С обрыва над бором. Приметное место в Калуге бор, и обрыв — окраина города. Макушка холма... Из бумаги клеют огромный шар, а под ним разводят огонь. И вдруг этот шар поднимается, и без ветра все выше и выше...

— Монгольфьер... — подсказал Крылов.

— Это мы сейчас с тобой знаем, что монгольфьер, а тогда мужикам чудом казалось, а иным и чертовщиной. А мне пришлось видеть почуднее. Как-то с отцом поехали по какой-то нужде в город. Публика валом валит к обрыву над бором. То ли зима, то ли еще весна дохнула, того не помню, а вот что на санях до города добирались, то помню. Отец к бору повернул. Гляжу, один с реденькой седой бородкой, у другого борода рыжая, и поблескивают золотые очки. Прилаживают какое-то устройство. И сравнение запомнилось. Вроде бы как столб на какой тын навешивают, а верхушку зарубают остро, чтобы дождь обтекал. Вроде бы высотой в человеческий рост. Ну вот с тебя, что ли. Поставили они под него железные полозья, как под сани. Приладили. Кто-то махнул зеленым флажком, это у них сигнал, чтобы расходились и не очень-то пугались. Тот, с седой бородкой, подпалил фитиль и отбежал... Эта штуковина вдруг задымилась, из хвоста у нее пламя, и пошла по полозьям, а потом и полетела. Над оврагом высоко взвилась, а потом будто бы остановилась, задержалась, подвешенная в воздухе, и рухнула наземь. До сих пор помню ее огненный хвост, очень похож на огненные хвосты, когда бьют гвардейские минометы. Теперь-то я знаю, что с седой бородкой был Константин Эдуардович Циолковский, а в очках с золотой оправой — директор Калужского реального училища...

Связали Крылова и Гурова еще и воспоминания по службе на Дальнем

Востоке. И хотя места их службы разделяло тогда огромное расстояние: Крылов в Благовещенском УРе, Гуров на границе с Монголией, но вдали от Дальнего Востока расстояние не воспринималось как огромное, казались друг другу чуть ли не земляками. Гуров занимал крупные военно-политические посты еще до войны. Он был военным комиссаром Артиллерийской академии, потом начальником Военно-педагогического института, во время Харьковской операции занимал пост члена Военного совета Юго-Западного фронта, вывел из окружения часть танковой бригады, был послан членом Военного совета Сталинградского фронта и по личной просьбе начальника Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакова остался в 62-й, ибо было очевидно, что ей предназначается совершенно особая роль.

Крылов мог оценить его высокий такт и почувствовать дружескую руку, еще до того, как им пришлось сойтись на КП в Сталинграде.

...Пришла телеграмма Военного совета фронта: Лопатин смещался с поста командующего, а командующим 62-й армией назначался Крылов.

Николаю Ивановичу не представлялось возможности понять необходимость этой замены. Дело было, конечно, не в скромности. Какой солдат не хочет стать генералом, а генерал получить под командование крупное войсковое объединение, на котором можно раскрыть свои способности, применить свои военные знания. Крылов считал, что Лопатин как раз тот командующий, который нужен 62-й, а в сложной обстановке смена командующего не улучшает дело. Но Гуров понимал, что речь идет не о достоинствах Лопатина, а о том, что командующий фронтом Еременко не чувствует за собой уверенности в спорах с Лопатиным.

Однако оспаривать решение Военного совета фронта не было никакой возможности.

— Быть может, так и надо! — согласился Крылов. — Я человек военный, и приказ есть приказ. Но зачем так поступать — не понимаю?

— Ну а я вот понимаю! — ответил Гуров. — Главное сейчас — не отдать город врагу, а об остальном еще будет время подумать...

Но смена командующих произошла в сентябре, а были еще трудные дни августа, и самый трудный из них — двадцать третье августа...

23 августа 62-я армия занимала линию обороны по излучине Дона от устья Донской Царицы, где она сходилась своим левым флангом с 64-й армией, до озера Песчаное. Отсюда, от озера Песчаное, и до стыка 62-й армии с 4-й танковой, было неблагополучно. Немецким войскам было приказано захватить Нижне-Гирловский, а в последние дни расширить плацдарм. Сплошной линии обороны здесь не было, она проходила по опорным пунктам. Песковатка и Вертячий оказались в руках противника. Именно отсюда и ожидали удара, по зная, где противник нанесет удар, это еще не значит, что его можно отразить. Дивизии 62-й армии сильно поределли в предыдущих боях. Недоставало артиллерии, а та, что имелась, очень слабо была обеспечена боеприпасами. Командование фронтом при содействии Ставки пыталось поправить дело, но времени не хватило.

6-я полевая армия Паулюса со своими главными силами перешла в наступление.

Штаб 62-й в этот день находился в Карповке. В Карповке в ночь с 22 на 23 августа собрались командарм, Крылов и Гуров.

Решался главный вопрос: как в сложившейся обстановке залатать прорехи в линии обороны? Точка, где могло произойти несчастье, была определена точно. Вертячий. Командарм Лопатин настоял перед командованием фронта, чтобы ему разрешили выдвинуть из резерва в направлении на Вертячий часть 87-й дивизии и два полка этой дивизии со среднего обвода обороны. Военный совет армии утвердил это решение, и ночью Лопатин передал приказ командиру дивизии полковнику А. И. Казарцеву.

Крылов собирался выехать к Казарцеву, чтобы проследить за выдвижением полков, но все переменилось.

Только начало рассветать, едва-едва посерело небо, когда со стороны Песковатки и Вертячего, с расстояния в двадцать пять километров, донесся гул канонады. Люди в боях бывалые, научились отличать артиллерийскую канонаду от бомбовых разрывов. Еще не поступило донесений от тех частей, что оборонялись под Песковаткой и Вертячим, а Лопатин, Гуров и Крылов уже догадались: противник перешел в наступление.

Донесения подтвердили догадку. Сначала поступило сообщение из-под Песковатки, что противник пытается прорваться в направлении на Карповку, затем поступило донесение из 98-й стрелковой дивизии, что

противник ввел в бой танки. Связь тут же оборвалась. Связь рвалась не только с 98-й стрелковой дивизией, а и со многими частями на этом направлении.

Командование армией в первые часы немецкого наступления не могло определить, что происходит на правом фланге.

В это время не менее ста танков противника, а за ними и мотопехота, пронзив слабую оборону перед Вертячим, достигли среднего оборонительного обвода у Малой Россоски и, опрокинув слабое прикрытие, устремились по прямой к Сталинграду.

Военный совет армии узнал об этом от командования фронтом. Для командования фронтом этот прорыв тоже оказался полной неожиданностью. В Сталинграде в штабе фронта узнали об этом не из донесений командиров частей, доложил об этом летчик, пролетавший над полосой движения немецких танков. Еременко в первое мгновение даже не поверил летчику, столь глубокий и стремительный прорыв казался просто невероятным.

Но еще прежде чем войска 14-го немецкого танкового корпуса достигли города, немецкое командование, убедившись, что прорыв совершен на всю оперативную глубину, бросило все силы воздушного флота Рихтгофена на уничтожение города в расчете посеять панику среди гражданского населения и сломить волю к сопротивлению советских войск.

На КП 62-й армии, в Карповке, на полчаса раньше узнали, что ожидает Сталинград.

Над Карповкой, строго на восток, в пятом часу вечера, надсадно гудя от перегрузок, прошли сотни бомбардировщиков. Знакомая картина для Севастополя перед последним штурмом. У Крылова не оставалось сомнений. Массированная бомбардировка перед штурмом города, хотя еще в штарме никто и не предполагал, что штурм вот-вот уже начнется.

От Карповки до Сталинграда по прямой чуть больше тридцати километров, и, хотя ровная лежит степь, он скрыт за горизонтом. Но и в Карповке увидели, как потемнело над Сталинградом небо, как начало заволакивать его черным дымом. Хотя новый город был каменным, огромные пожары от массированной бомбардировки зажгли не только старый город со множеством его деревянных домов и бараков, они не пощадили и каменных зданий. Камень не горел, но все, что могло в домах гореть, выгорало дотла.

Совершенно безнаказанно прошла еще одна волна бомбардировщиков. Кто-то не выдержал и открыл по ним стрельбу из винтовки. В обычное время это было опасно, немецкие летчики не гнушались и малой целью, но

сегодня у них была одна цель — уничтожить город.

Небо темнело, дым расползлся по всему пространству над Волгой. Можно было догадаться, что это уже горят нефтехранилища.

Все до единого, кто присутствовал в это время на КП армии, вышли в тополевою посадку возле блиндажей. Тяжкое молчание. Многие сняли пилотки, как при похоронах, Крылов заметил, что одному майору стало совсем плохо.

— Что с вами, майор? — спросил он.

— Я — сталинградец, товарищ генерал! Гибнет мой город...

— Ваша семья сейчас там?

— Точно не знаю... Несколько дней тому назад была в городе...

Между тем события разворачивались значительно трагичнее, чем это могли предполагать в Карповке, на КП армии, оказавшемся изолированным из-за обрыва всех видов связи, кроме радио.

За час до того, как на город обрушился массированный удар всего 4-го немецкого воздушного флота, 16-я танковая дивизия 14-го немецкого танкового корпуса вырвалась к Волге и захватила пригородные поселки Акатовку, Латашанку и ударом на Рынок начала просачиваться в город. Коридор был пробит шириной в 8 километров. Вслед за танками устремились моторизованные части двух моторизованных дивизий и нескольких пехотных. Танки появились в полутора километрах от Тракторного завода и начали обстрел его цехов. По боевой тревоге рабочие завода, в спецовках, прямо от станка кинулись в бой.

Во всех исследованиях, очень во многих воспоминаниях при описании этого драматического момента обычно приводятся выписки из воспоминаний первого адъютанта 6-й армии В. Адама. Нам тоже кажется целесообразным привести эту выдержку, ибо в нее должны быть внесены некоторые уточнения. В. Адам пишет: «Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма (командир 14-го танкового корпуса). Пока его корпус вынужден был драться в окружении, оттуда поступали скудные известия. Теперь же генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонительных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращены в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонились над рулем разбитого танка. Ничего подобного

мы никогда не видели. Генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й армией отойти от Волги. Он не верил, что удастся взять этот гигантский город. Паулюс отверг его предложение, так как оно находилось в противоречии с приказом группы армий «Б» и верховного командования. Между обоими генералами возникли серьезные разногласия. Паулюс считал, что генерал, который сомневается в окончательном успехе, непригоден для того, чтобы командовать в этой сложной обстановке».

Все здесь как будто бы на месте. И удивление мужеству сталинградских рабочих, и даже поклон их мужеству, высказанные офицером противника. Но мы отметим, что, быть может, Адаму и фон Виттерсгейму и не приходилось видеть до прорыва к Сталинграду, как гражданские лица брали в руки винтовки и шли на немецкие танки. Скорее всего ни Адам, ни Виттерсгейм не знали, что происходило в Ленинграде, и, конечно, не знали, как мужественно встретили врага севастопольцы. Не армия, не моряки, а гражданское население Севастополя. Не видели они и других примеров мужества народных ополченцев. Но неправильно было бы вслед за Адамом считать, что Виттерсгейма ужаснуло мужество гражданского населения. Не рабочие в спецовках испугали его, а ясное понимание того, что в Сталинграде происходит нечто отличное от обычного хода событий после танковых прорывов. Он первым понял, что те преимущества, которые давали немецким войскам степные просторы, будут съедены городскими боями. А вдали от Германии, от стратегических баз, при невероятно растянутых коммуникациях, сражение в равных условиях может быть чревато и поражением, а поражение для армии, начавшей завоевательный поход на Волге, грозит неисчислимыми катастрофами, быть может, даже и поражением в войне.

Нет слов, прорыв танковых и моторизованных дивизий к Волге был очень опасен для всей обстановки на юге страны, но армии Юго-Западного и Сталинградского фронтов не были уничтожены противником, они были способны продолжать оборонительные бои, котла наподобие киевского или вяземского не получилось.

В связи с этим, по-видимому, имеет смысл обратиться к воспоминаниям другого немца, тоже участника Сталинградской битвы на всех ее этапах, офицера армейской разведки Иохима Видера. Он ничего не говорит о Виттерсгейме, но передает ту атмосферу, которая царила среди высших немецких офицеров, располагающих информацией, не искаженной гитлеровской пропагандой. Даже удача в ходе Харьковской операции, окружение крупных частей советских войск, не радовала тех, кто заглядывал в будущее. Тогда уже немецкое командование располагало

данными о том, что советская сторона начала вводить в бой крупные танковые соединения. Немецкие генералы видели, что советские военачальники научились вести маневренную войну, что отступление войск Южного фронта совсем не похоже на те отступления, которые совершались в сорок первом году. В то же время продвижение немецких войск, несмотря на то, что полоса их действий в сорок втором году значительно сузилась по сравнению с сорок первым годом, было слишком медленным, срывалось по срокам и не отвечало поставленным Гитлером задачам овладеть Кавказом и Волгой. «В ходе работы, — пишет Видер, — я убедился, что, начиная с весны 1942 года, обстановка на фронте изменялась под влиянием совершенно новых факторов, которые вначале вызывали у меня живой интерес, а затем гнетущую тревогу».

А изменилось вот что. 23 августа танковые и моторизованные дивизии прорвались к Волге, но в город не вошли. Прорванный коридор был перехвачен контратаками советских войск. С юга через Абганерово рвались на помощь 6-й немецкой полевой армии танковые дивизии 4-й танковой армии Гота, пытаясь отсечь 62-ю армию от города и опрокинуть 64-ю армию. Гот продвигался, но это продвижение стоило ему потерь и не вело к искомому результату.

Отрезать и уничтожить 62-ю армию не удалось. До 31 августа она вела упорные оборонительные бои, сдерживая войска 6-й немецкой армии. В ночь на 31 августа она оторвалась от противника и отошла на средний обвод обороны города.

Однако вернемся назад. Итак, 23 августа командование 62-й армии, потеряв связь с некоторыми частями, было озабочено тем, какие принять меры, чтобы стабилизировать оборону. Прежде всего надо было найти полки из дивизии Казарцева. Эта миссия выпала на долю Крылова.

КП дивизии обнаружено было километрах в десяти от Карповки. Но Казарцев не мог доложить Крылову о ее состоянии. Выдвинутая по приказу Военного совета армии в направлении на хутор Вертячий, она снялась с занимаемых позиций и, находясь на марше, оказалась на пути немецких танков, в то же время подверглась сильнейшему удару с воздуха. Бой ее полкам пришлось принять в степи, где не было оборудовано никаких рубежей.

Казарцев докладывал Крылову:

— Когда мы увидели вдаль какие-то бугорки, мы приняли их за копны убранный хлеб. Но бугорки двигались. В бинокль я различил, что это танки, и танки немецкие... Но их здесь не должно было быть. Если они здесь, то что же случилось на оборонительном рубеже? Мы начали их

считать, досчитали до девяноста и перестали.

Дивизия приняла бой, но остановить танки не смогла, они рассекли ее надвое.

В тот же день, 24 августа, Крылов мог воочию убедиться, что комдив сделал все возможное, что не с его силами было остановить прорыв противника. На КП дивизии наблюдатели доложили, что по степи движется колонна автомашин. Крылов и Казарцев поднялись на пригорок. И без бинокля простым глазом было видно, что движется мотопехота противника. Двигается по прямой к Сталинграду. В дивизии ни одного орудия, ни одного крупнокалиберного миномета. Бессилен комдив, и бессилен заместитель командарма. Под рукой и в Карповке ничего не было, а здесь и тем более. За одной колонной вторая, третья. Их сопровождали танки, с воздуха прикрывали «мессершмитты». Беснаказанное движение. Но нет! За горизонтом послышался залп эрэсов, затем увидели девятку Илов. Бойцы дивизии кричали «ура!». Но, видимо, слишком малые силы встали на пути движения моторизованных частей. Бой скоро замолк.

В ночь на 31 августа командование фронтом отдало приказ об отходе 62-й.

Николай Иванович не раз возвращался в своих размышлениях к этому моменту, и каждый раз он приходил к одному и тому же выводу, что Андрей Иванович Еременко припозднился с приказом, недооценил опасности, понадеялся, что временное окружение частей 14-го танкового корпуса, прорвавшихся к Волге, закончится их разгромом.

Командующий армией Лопатин поставил вопрос об отводе армии 25 августа, предполагая, что отход может быть совершен при более или менее благоприятных обстоятельствах и будет выиграно время для закрепления на позициях среднего обвода обороны города. Не надеясь на решительность в этом вопросе Еременко, а, быть может, уже и зная его отрицательное отношение к этому маневру, Лопатин днем 25 августа дал одновременно и телеграмму начальнику Генерального штаба. Лопатин собрал Военный совет и поставил об этом в известность членов Военного совета, начальника артиллерии армии Н. М. Пожарского и исполняющего обязанности начштарма С. М. Камынина.

— Дело сделано, — сказал Лопатин. — Всю тяжесть ответственности я взял на себя, но мне хотелось бы знать ваше мнение...

Гуров сидел на пеньке. Он встал и, пригибая голову, хотя потолок в блиндаже был не совсем низок, подошел к Лопатину.

— Антон Иванович, покажи! Покажи телеграмму!

— Передали по рации, а текст я уничтожил... Не время такие

документы под рукой держать...

— А почему сразу в Генеральный штаб?

— Я уверен, что эта мера срочная и отлагательства не терпит!

— Но ведь держим оборону! Один Калач чего стоит!

— А немцы никогда не идут, где оборону держат, с флангов, с флангов заходят...

— Этак мы приблизим фронт на тридцать километров к Сталинграду!
— вырвалось у Гурова.

Вот тут и вмешался Крылов. Он давно оценил, еще в Одессе и в Севастополе, значение уплотнения войск в обороне. Данными о том, как усложнилось положение 62-й и 64-й армий, шторм в тот момент не располагал, но логика подводила Николая Ивановича к тому, чтобы согласиться с Лопатиным.

— В Одессе и в Севастополе к такому маневру приходилось прибегать не единожды, а когда получали подкрепления, то отвоевывали позиции обратно. Наши позиции здесь имели бы неоценимое значение, если бы мы могли контратаковать. Для контратаки армия не располагает возможностями, пассивная оборона — самый худший вид обороны. Я за то, чтобы уйти на средний обвод, ликвидировать прорехи в линии обороны и подготовить позиции...

Гуров согласился с Крыловым. Но комфронта не поддержал Лопатина, а 3 августа сложилась обстановка, когда потребовались невероятные усилия, чтобы вывести армию из-под угрозы окружения... Но и на среднем оборонительном обводе удержаться не удалось. Противник прорвал оборону 64-й армии и занял станцию Басаргино. Это означало выход в тыл 62-й. На этот раз командование не стало медлить, в ночь на 2 сентября, в ненастье, армия отошла на внутренний оборонительный обвод: Песчанка, Алексеевка, станция Гумрак, Городище.

К моменту выхода 62-й армии на позиции внутреннего оборонительного обвода соотношение сил с противником, действовавшим против нее, складывалось очень тяжело. Перед фронтом 62-й и правым флангом 64-й всеми видами армейской разведки было выявлено до 18 пехотных, моторизованных и танковых дивизий противника. В стрелковых частях 62-й армии в это время числилось всего лишь 33 тысячи активных штыков. Было над чем задуматься.

Ни в Одессе, ни в Севастополе до городских боев на улицах не дошло, хотя внутренне Николай Иванович был готов к этому последнему акту обороны городов. И в Одессе, и в Севастополе не было никакой надежды на выручку извне, то были примеры классической осады городов. Здесь, на

внутреннем обводе, тоже не так-то много оставалось надежд, но все же это не была законченная осада. Войска Сталинградского фронта начали контратаки с севера, войска Юго-Западного фронта удерживали контратаками продвижение армии Гота. Надежды были, шли уже и подкрепления для 62-й, но они не поспевали, и поспей даже и вовремя, они мало что могли изменить. 6-я армия Паулюса рвалась в город, невзирая ни на какие потери, это была цель кампании, а оборонительный обвод, даже и внутренний, не был приспособлен, как в Севастополе, для отражения.

А тут еще сомкнулись войска 6-й полевой и 4-й танковой Гота. Камынин ушел в группу Горохова, Николаю Ивановичу пришлось на себя взять заботы по штабу. Армейский КП в это время находился на станции Садовая, первая станция пригорода.

— Вот что, — сказал Лопатин, — если уж мы держим в мыслях, что придется сражаться в городе, так надо побережь его главную тактическую точку... Высоту с отметкой сто два... Сталинградцы со стародавних времен называют ее почему-то Мамаевым курганом. Быть может, и действительно Мамай в древние времена поставил там свой шатер, когда в Орде боролись за власть разные ханы. Если это так, то не глуп был Мамай... Высота господствует над местностью, она как бы узел, который развязывает весь город. Вот там и быть запасному армейскому КП и штабному... Очень важно, чтобы противник не овладел этой высотой...

Так родилась еще одна группа в 62-й — группа генерала Крылова, перед которой стояла задача, в случае прорыва противника, удержать во что бы то ни стало Мамаев курган. Это были дни, когда чуть ли не каждый день рождались группы, которые существовали всего лишь несколько часов. Так, группа Крылова, которой были подчинены разнородные части для защиты Мамаева кургана, просуществовала всего лишь два дня. Но и за эти два дня — 4 и 5 сентября и на ее долю пришел приказ контратаковать противника, прорвавшегося в Поляковку. Оборона активная, но сил не хватало. План контратаки, по документам, выглядел внушительно, вплоть до охвата противника мотострелковой бригадой. Только вот что охватывать одной бригадой? Несколько дивизий противника? И все же эти удары приносили противнику немало беспокойства.

А в ночь на 6 сентября группа Крылова перестала быть группой. Последовало его назначение командующим армией, приказ он выполнил, хотя и после длительного нелегкого объяснения с Гуровым. И вот уже к нему, как командарму, пришел член Военного совета Гуров.

В блиндаже на южном склоне Мамаева кургана они остались вдвоем.

— Что будем делать, товарищ командующий? — спросил Гуров.

Вопрос правомерный. Если в северной части города в районе Тракторного завода фронт стабилизировался, то в центре полосы обороны, занятой армией, противник непрерывными атаками вынуждал поредевшие части армии пятиться. Обещанные пополнения не приходили.

— Трудно подписывать первый приказ, — ответил Крылов. — Но приказ будет таким. Половину, а где и все тыловые службы немедленно послать на пополнение стрелковых подразделений. Сами себя не защитят, защитить их некому. Продержаться хотя бы несколько дней, несколько часов до подхода подкреплений...

— Несколько часов продержимся, — заметил Гуров. — А скажи мне, Николай Иванович, как на духу: Сталинград мы удержим? Ты веришь, что Сталинград не отдадим?

Ох, как не любил подобные вопросы Николай Иванович! Много раз приходилось ему выслушивать такие вопросы и под Одессой, и в Севастополе. Казалось бы, кому, как не командарму, быть готовым к ответу. В его руках все данные о соотношении сил своих и противника. Но Сталинград не Одесса и не Севастополь, и обороняет его не единственная Приморская армия, а несколько фронтов, и роль 62-й армии, как бы она ни была ответственна, далеко не все определяет.

— Мы, Кузьма Акимович, мы — шестьдесят вторая, Сталинграда не удержим! — ответил Крылов. — Страна — удержит Сталинград.

— Ты в это веришь, что страна удержит? — не успокаивался Гуров.

— Веровать, Кузьма Акимович, можно в бога, в сатану, в чох и дурной глаз. А здесь надо соображаться не только с военной наукой, но и со всем политическим настроением народа... Если по военной науке, то ведь Приморская армия ни Одессы, ни Севастополя не сдала. Она их оставила. Почему оставила? Одессу оставили, нужно было выручать Севастополь, Севастополь оставили — противник прервал морские коммуникации. Одесса и Севастополь стояли в изоляции, как морские острова. Сталинград не остров... Ты спросил, Кузьма Акимович, удержим ли мы Сталинград. Давай иначе сформулируем вопрос: есть возможность его удержать?

— О возможности речи нет! Сталинград мы не можем сдать!

— А Минск — столицу Белоруссии, можно было сдать? А Киев — столицу Украины? Севастополь — базу Черноморского флота? Я понимаю, Кузьма Акимович, о чем ты недоговариваешь! По той же причине и Гитлер не может не взять Сталинград! А вот возможность удержать Сталинград есть! С точки зрения военной науки возможность вполне реальная, хотя и совсем не простая, и даже жестокая...

— Я не в сомнениях, я хочу понять, какие мы сегодня имеем

преимущества перед Киевом, перед другими городами?

— Ну об одном преимуществе я от тебя хотел бы услышать... Это сравнительно с Киевом!

— Это понятно! — перебил Гуров. — За Киевом была спина... Донбасс, Ростов, ну и Волга, а за Волгой спины нет! Ты мне с точки зрения военной науки. Сегодня наука другая...

— Другая! — согласился Крылов. — Так вот — город... Когда хотят взять город, то начинают с азов, с тех азов, которые выработаны при взятии крепостей. Окружение, полная осада. Сталинград не может быть взят в осаду. Волга! Переправиться через Волгу, имея на севере наш Сталинградский фронт, немецкие войска не могут.

Если нет полной блокады, то вот тебе первое условие, при котором город можно отстоять. Все эти дни мы сдерживали врага на стенных просторах, и хорошо сдерживали. Все его сроки сломаны. Не июль на дворе, не август даже, а сентябрь и близкое ненастье. В степи за немецкими войсками преимущество в маневре. Петр Первый, одержав победу под Полтавой, пил за учителей. Чему он научился? Русский солдат и при Петре был смел, выносив и не любил тех, кто с мечом приходил на его Родину. Надо было перестроить войско, надо было обучить младших командиров и научиться отражать стройные колонны шведских рейтар. Войско Петр перестроил, а под Полтавой воздвиг редуты. Об эти редуты шведские полки разбились, как ледоход разбивается о быки перед мостами. Все их преимущество плотного строя сошло на нет. В Сталинграде сходит на нет преимущество противника в маневре. Вот тебе второе условие, в силу которого Сталинград может быть удержан. Не хочется об этом думать, но уже очевидно, уличных боев нам не миновать. Город странный, построен, как казачья станица, в одну линию. В длину семьдесят километров, в ширину порой и трех километров не достигает. Стало быть, город станет линией фронта. В чем была паша слабость в Севастополе, при всех его береговых батареях? Боеприпасы! Боеприпасы доставлялись морем, а здесь артиллерийские силы могут быть расположены на другом берегу. Каждый солдат — корректировщик. И это третье условие по военной науке. Под Севастополем немцы потеряли триста тысяч человек, а, замечу, уличных боев мы там не вели. Было бы бесперебойное снабжение боеприпасами да уличные бои — потери увеличились бы вдвое! Ну а как нам страна поможет, это уже по твоей части Кузьма Акимович!

— Настроение мне твое нравится! — сказал Гуров. — Моя задача довести эту пауку до каждого солдата. Ну а страна поможет, для тех, кто в Сталинграде, за Волгой земли нет!

На другой день, 6 сентября, явилось и подтверждение, что степь и город в военном деле далеко не одно и то же. Общая обстановка в полосе 62-й армии оставалась тяжелой, и каждый час приносил ее ужесточение.

Противоборствующие стороны в разгар военных действий обычно видят только свои трудности, не предполагая их у противника или не имея времени в них вдуматься. Командование 62-й армии, командование фронта и Ставку тревожило одно: враг медленно, но неуклонно вдавливал армию в черту города. Армия сражалась уже не за километры, а за метры, но эти метры были дороже километров. Крылов искал последние резервы, чтобы на самых опасных участках хоть как-нибудь подкрепить тех, кто, истекая кровью, уже не мог держаться. А в это время в штарм вдруг пришло донесение от командира мотострелковой бригады полковника П. С. Ильина, занимавшей небольшой участок обороны у Яблоневого балки. Бригада контратаковала противника, продвинулась на два километра и выбила немцев из Треугольной рощи в районе Даргоры. Донесение невероятное. После упорного сопротивления в Калаче, когда одна эта бригада сдерживала до двух дивизий противника, ее ряды поредели, поредели и во время отхода на внутренний оборонительный обвод. В боевом строю она насчитывала всего лишь 96 человек.

Будь это не Ильин, а кто-либо другой, Крылов усомнился бы в правдивости донесения. Ничего подобного невозможно было свершить в степи. 96 человек атаковали две немецкие роты, поддержанные танкетками. Танкетки уничтожены, немецкие солдаты бежали в панике, были взяты пленные. Этот блистательный успех, конечно, не мог повлиять сколь-нибудь существенно на обстановку в полосе обороны армии. И дорог был не только мужеством, проявленным и комбригом, и его солдатами. Весь страдный путь 62-й армии с берега Дона и Сталинграда был ознаменован не меньшими подвигами мужества и патриотизма.

Когда поступило по линии Гурова подтверждение сообщению Ильина, Крылов и сказал, как бы продолжая ночной разговор:

— Вот оно! Началось! В городских боях каждый командир сам себе и командарм, а каждый солдат — сам себе командир! Нужна мгновенная ориентировка на месте, атака, контратака, обходное движение, отход, чтобы обойти то или иное здание. Вот увидишь, все уличные бои в штарм будут доходить в отраженном свете. Мы будем рассуждать, как удержать ту или

иную улицу или перекресток, а ее уже сдадут и вновь, с другой стороны, выбьют противника... Здесь все тактическое искусство немецких генералов, вся их практика разобьются о каждый дом, о каждый подвал. Наш солдат защищает родной дом в глубине, в сердце России, их солдат, при всей его дисциплинированности в чужом доме, в нескольких тысячах километров от сердца Германии. Он понимал, что работает на себя, когда захватывал чужие города, чужие земли, но здесь, в Сталинграде, он потеряет ориентировку, ради чего гибнуть в мясорубке, уготованной ему в развалинах чужого города...

Вот оно, началось... — повторял про себя Крылов полюбившуюся фразу. — Началось, можно будет в городе навязать свою волю противнику даже и при пятикратном и более его преимуществе...

Все дни были заполнены отражением непрерывных немецких атак и подготовкой обороны уже внутри города. Натиск противника не ослабевал ни на час. Были части, где солдаты дрались без сна уже третьи сутки.

Дивизии числились только на бумаге, по своему составу иные уже были меньше полка. Армия Паулюса медленно выдвигалась в город. Все эти первые дни сентября Крылов был занят проблемой увязать воедино стойкость пехоты и централизованное управление артиллерией. Прежде всего с начартом армии генералом Н. М. Пожарским он по севастопольскому образцу организовал централизованное управление армейской артиллерии. 62-я армия по тем трудным временам кое-что для этого имела: шестьсот орудий и минометов, исключая 50-миллиметровые. Подбрасывали артиллерию и из-за Волги. На окраинах города и в городской черте было где замаскировать позиции батарей от изнуряющих ударов с воздуха. По поручению Крылова начарт связался с начартом фронта. На левом берегу Волги устанавливали тяжелые батареи. Их огонь должен был быть так спланирован, чтобы в любое время, по вызову начарта армии, они могли сосредоточить огонь в любой точке города. Полевые батареи, конечно, уступали в мощности береговым батареям, но их было больше, и расстояния были гораздо меньше. Минутами казалось, уже ничем нельзя сдержать натиск врага в той или иной полосе, но открывала сосредоточенный огонь вся армейская артиллерия по этой полосе, ее поддерживала артиллерия с левого берега. Причем день ото дня эта поддержка становилась мощнее и мощнее.

Гуров приехал с передовой переднего края.

— Вот что хотел бы тебе сказать, — начал он раздумчиво. — В разных дивизиях два комбата высказали мне сегодня чуть не слово в слово одно и то же: нигде они до сих пор не видели перед своими окопами столько

мертвых фрицев. Оба воюют, между прочим, с прошлого лета — специально поинтересовался. Так что им есть с чем сравнить. На Дону и под Россошками, где мы тоже порядочно фрицев уложили, я такого ни от кого не слышал. Вот и подумалось: а ведь это же что-нибудь да значит...

— Во время штурма Севастополя многие это видели... Немецкие трупы штабелями считали, а я, грешный, поколениями. Гитлер собственному народу устроил геноцид, хотя и ставит немецкую расу превыше всего... Недаром тогда фон Манштейн получил звание фельдмаршала. Стоил ему этот жезл трехсот тысяч жизней немецких юношей! И этот фон, как его, Паулюс, фон Паулюс, не меньше уложит, а поди и больше...

— Другой раз, — продолжал Гуров, — сомневаешься, подписывая сводку о потерях противника. У меня ко всякой дутой цифре отношение, как к обману. самого себя, что ли, обманывать? А вот комбат и говорит, как артиллерия поработает, так сразу у них переформировка идет... Сколько они еще смогут так на нас жить при таких потерях...

— Сейчас, Кузьма Акимович, Сталинград главное у них направление удара. Со всего фронта, со всех земель соберут, а сюда доставят человеческое мясо. Тут уже не на десятки и не на сотни тысяч мер... И все же иссякнут, если мы продержимся на этой полоске земли. А ведь продержимся, Кузьма Акимович! И не только по науке продержимся, выше всякой науки человеческое мужество и смекалка, а с наукой вместе — сие неодолимо...

Ни Крылов, ни Гуров в тот час не знали, что усилия советских войск в обороне Сталинграда, в том числе и 62-й армии, уже дали свои результаты. Впереди еще было много трудностей, но они оправдывались тем, что слагалась обстановка для полного разгрома немецких войск в Сталинграде, что не могло не привести к оставлению немцами Кавказа.

Именно в эти часы Г. К. Жуков и А. М. Василевский впервые на докладе у Сталина заговорили о возможности не отдельных контрударов, а о широком и мощном контрнаступлении. Ни Гуров, ни Крылов ничего об этом не знали, но чутье военных людей, а Крылову и знание законов военного искусства подсказывали, что победа закладывается здесь, в боях за город, за каждую улицу, за каждый дом, что немцы сами идут навстречу своей гибели. Те небольшие события, которые имели значение для армии, для ее дивизий, те метры, которые отстаивались, все боевые операции тактического значения работали на большие стратегические перемены.

Оборона Сталинграда с 12 сентября возлагалась на 62-ю армию и войска 64-й армии Н. М. Шумилова. Войска 62-й армии должны были оборонять северную и центральную части города, а 64-я армия — южную часть города (Кировский район, отрезанный от остальных). Глубина обороны 62-й и 64-й армий была небольшой. Удаление переднего края от Волги в районах Орловки и Красноармейска не превышало 10–12 километров. Это ограничивало маневр силами и средствами как из глубины, так и по фронту. Особенно остро стоял вопрос об организации бесперебойного снабжения войск через Волгу. Линия фронта перед 62-й и 64-й армиями была непрерывной и проходила на протяжении до 65 километров вдоль правого берега Волги от района поселков Рынок, Орловка на севере и дальше по западной окраине города к его южной оконечности в Кировском районе до Малых Чепурников. Войска 62-й и 64-й армий, защищавшие Сталинград, большое внимание уделяли организации взаимодействия, инженерному обеспечению боевых действий войск. Командование армий оперативно реагировало на быстро меняющуюся в ходе острой борьбы «боевую обстановку. С большой настойчивостью и упорством штабы этих армий и их начальники Крылов и Ласкин проводили необходимые меры, направленные к обеспечению бесперебойной связи, взаимодействию родов войск, постоянно обменивались информацией, разведданными. Такие меры, проводимые 62-й и 64-й армиями, способствовали действительно и оперативно проводить в жизнь приказы и решения командования и Военного совета этих армий.

12 сентября Жуков, Василевский и Сталин обсуждали вопрос о контрнаступлении. В Сталинграде этот день ознаменовался началом боев в черте города. Бои продолжались до вечера, над городом висели весь день немецкие бомбардировщики. Поздно вечером плащ-палатка в блиндаже Крылова распахнулась, и, сильно пригибаясь из-за своего роста, вошел генерал-лейтенант богатырского телосложения.

Николай Иванович в эту минуту разговаривал по телефону. В боевой обстановке, когда связь могла прерваться в любой момент, он не считал возможным прервать разговор. Генерал-лейтенант назвался:

— Я — Чуйков!

И не сказав больше ни слова, положил на стол предписание о назначении его командующим армией.

Николай Иванович представился столь же кратко:

— Я — Крылов!

Фамилия Чуйкова была ему известна. Заместитель командующего 64-й армии. В боях за Сталинград человек не новый. Самолюбие Крылова не было задето, что прислан новый командующий. Себя он в большей степени считал штабным специалистом.

Николаю Ивановичу понравилось, что новый командующий не впал в амбицию, а внимательно вслушивался в его телефонные переговоры, относящиеся к подведению итогов дня, запросу подкреплений и боеприпасов. Разговаривая с каким-либо подразделением, Крылов указывал Чуйкову точку, с которой он был на связи, тем самым вводя его в курс дела. Ни в одно из его распоряжений командарм не вмешивался.

Чуйков застал Крылова в то время, когда он по телефону выговаривал командиру танкового корпуса за то, что тот без согласования с командованием армии перенес свой КП с высоты 107,5 на самый берег Волги и оказался в тылу командного пункта армии.

В блиндаж пришел А. Гуров. Представился новому командующему, пытливо вглядываясь в его фигуру, от которой стало тесно в блиндаже.

Наконец в телефонных переговорах наступила пауза.

Василий Иванович Чуйков дал телеграмму командованию фронтом, что вступил в должность командарма. Крылову и Гурову понравилось, что не тратил он времени на пустые формальности, а уже из разговоров своего предшественника по телефону с комдивами и командирами полков сумел уяснить себе хотя бы в общих чертах сложившуюся обстановку. А когда образовалась телефонная пауза, попросил соединить его с командиром танкового корпуса, который перенес КП на берег с Волги.

Он назвал себя комкору и спросил:

— Объясните мне, почему вы без разрешения сменили командный пункт?

Крылов и Гуров переглянулись. Командарм показывал свой характер. Ждали, что последует.

— Товарищ командующий, создалась неустойчивость в управлении войсками. Несем неоправданные потери. Под минометным огнем невозможно работать!

— Прицельный огонь по КП? — попросил уточнить Чуйков.

— Не знаю... Похоже, что по площадям...

— Связь с КП армии была в тот момент, когда вы принимали решение?

— Не знаю, сейчас выясню...

— Выясните и немедленно с комиссаром явитесь ко мне на Мамаев курган.

Пока комкор и его комиссар добирались до армейского КП, в блиндаже собралось все командование армии: начарт Н. М. Пожарский, начальник штаба С. М. Камынин, начальник разведки армии М. З. Герман.

Явились вызванные.

— Так была связь с КП армии или не было? — спросил их Чуйков, едва они вошли и представились.

— Была! — выдавил из себя комкор.

— Стало быть, вы имели возможность согласовать свое решение с командующим?

Командир корпуса молчал.

— Теперь еще вопрос, — продолжал Чуйков. — Надо полагать, что улучшилось управление войсками и они уже не несут неоправданных потерь? Что изменилось в картине боя?

Комкор молчал.

— Ваше молчание не есть ли подтверждение, что ничего не изменилось с переносом КП? Не так ли?

— Картина боя не изменилась! — ответил комкор.

— Тогда скажите мне, генерал, как вы лично будете смотреть на то, если ваши подчиненные командиры и штабы отойдут без вашего разрешения в тыл? Как вы сами расцениваете свой поступок в свете приказа двести двадцать семь? — И комкор и комиссар молчали.

— Ну если нет у вас мужества самим дать определение, я вам его подскажу. Ваш самовольный отход в тыл — это настоящее дезертирство с поля боя. Пока примите это как предупреждение. А сейчас, ночью, приказываю вернуться на прежний КП. А если он занят противником, отбить у противника!

Когда ушли командир танкового корпуса и его комиссар, Чуйков обратился к оставшимся.

— Какие решения готовятся на завтра? — спросил он.

— Исходный принцип всех решений, — ответил Крылов, — драться до последней возможности каждому бойцу на каждом рубеже. Конкретно доложу после того, как проанализируем с Гуровым и Камыниным по вечерним сводкам всю обстановку.

— Все так! — согласился Чуйков. — Наверное, наши взгляды не расходятся. Меня спросили на Военном совете фронта, как я понимаю свою задачу в шестьдесят второй армии? Сказал, что понимаю так: сдать Сталинград мы не можем, не имеем права — это подорвало бы моральный дух народа. Я поклялся, что отсюда не уйду, что город отстоим или тут погибнем! А нам помогут. Я вижу, что вас интересует, какие с собой привел

подкрепления новый командующий. Журавлей в небе я не любитель ловить, пока у нас с вами только синица в руках. Командующий фронтом заверил, что на подходе серьезные подкрепления. Я не имею права не верить столь ответственному заявлению, но сверх всякого права уверен, что это правда! Страна, народ не оставят Сталинград без поддержки! А пока, — Чуйков улыбнулся и разрядил обстановку, — у вас вообще кормят или обходятся сводками?

Кроме консервов, предложить командарму было нечего, но скованность после этих его вполне приземленных слов исчезла.

Крылов и Чуйков остались в блиндаже одни.

Известно, что этих двух людей до конца их жизни связала крепкая и, не испугаемся этого слова, нежная дружба. Столь разные по своим судьбам, и особенно по характерам, они понимали друг друга с полуслова, разница в характерах сглаживалась взаимным тактом. Один из них суров, честлюбив до крайности, другой скромн, в делах боевых непреклонен, не знающий ревности и честлюбия. Мы имеем немало примеров, когда фронтовые друзья этого масштаба после войны вдруг становились недругами, когда наставал час делить прошлую славу. Этого никогда не было между Крыловым и Чуйковым, каждому воздано свое. Их дружбу во многом определила первая встреча.

— Тебе известно, Николай Иванович, — начал Чуйков, — мы с тобой почти годки, и ты, наверное, слыхивал от старших, что в давние времена по Руси немало бродило паломников и богомольцев. Что это за явление, нам сейчас не разобрать, а вот встречались где-нибудь на поляне у костра или на перекрестке дорог и спрашивали один другого: «Как веруешь?» Много было заключено в этом вопросе, и не только двумя перстами крестится или тремя, вопрос хватал и поглубже! Вот и я тебя хочу спросить: «Как веруешь?» Клятву я дал, что из Сталинграда не уйду, знаю уже, что и ты не уйдешь! Не надо думать, что наши с тобой две жизни перевешивают жизни тех, кто сегодня умирает в бою в ротах и батальонах... Не уйти и погибнуть — это в наших силах, это от нас зависит, а вот как не уйти, а врага здесь остановить? Знаю, что без подкреплений — неисполнимо. Но о подкреплениях — это первое, о чем мне сказали в штабе фронта, Будут! А вот о Лопатине мне сказано, что он не верил, что Сталинград можно удержать! Откуда у него, у этого опытного командарма, такая неуверенность?

— Это неправда! — сказал Крылов. — Я с ним бок о бок стоял. Никогда такого от Лопатина не слышал... Напротив! Он был за то, чтобы без изнуряющих потерь отвести армию в город и встретить противника в

городском бою. Здесь за нами тактическое преимущество... А о подкреплениях и он говорил, и я скажу, хотя на сегодня у нас еще есть силы и самим удерживать позиции. Удерживать, медленно отступая и изматывая противника...

— Скажу тебе, Николай Иванович, и еще об одном, о чем поделились со мной, назначая на армию. В штабе фронта единодушное было мнение утвердить тебя командармом. Но вот Александр Михайлович Василевский взглянул на это иначе. Никуда от него не уйдет, сказал он, и командование армией, а быть может, и того более... Сейчас, подчеркнул он, нет важнее задачи, чем удержать Сталинград. Здесь каждое звено должно работать четко. Учитывая его исключительный опыт в обороне городов Одессы и Севастополя в роли начальника штаба, целесообразно и здесь всю штабную работу сосредоточить в его руках. Вот и скажи мне, исходя из своего опыта, что надо, чтобы враг не овладел Сталинградом?

— Прежде о себе! — сказал Крылов. — Никаких ревнивых чувств твое назначение, Василий Иванович, у меня не вызывает! У командарма ответственности куда больше. В личном плане я рад... — Крылов сделал паузу. — Нет, пожалуй, это слово не подходит. Скажу по-иному. Ни в Одессе, ни в Севастополе не пришлось додраться до конца. Мы уходили из этих городов, отсюда не будет приказа уходить. Сколь я понимаю, и общая конфигурация фронта такова, что немцам нас отрезать не удастся. А это значит, что ежели не опомнятся и не придут в себя, то здесь в уличных боях завязнут, как мухи на липкой бумаге... И это будет решение уже не тактической задачи, а стратегической. Иначе и нет смысла оборонять эту полосу земли, а надо было бы нашей Ставке искать другое решение. Похоже, Василий Иванович, что здесь немцам уготованы Канны...

— Я понял! — сказал Чуйков. — Говорили мне, что ты и гражданскую сломал. Это с каких годочков-то винтовку в руки взял?

— В шестнадцать из винтовки, а в семнадцать лет уже из пулемета стрелял, а год спустя командовал пулеметным взводом... Сначала на Кавказе с азинской дивизией...

— Азинской! — воскликнул Чуйков. — А ну погоди! Как это с азинской?

— Так вот и с азинской! — ответил несколько удивленный Крылов и поднял глаза на Чуйкова. — Самого Азина уже не было, а дивизия-то азинская. По номеру ее никто промеж нас и не звал, и соседи называли нас — азинцы!

— Стало быть, комдива ты не видел?

— Нет! Только легенды о нем слышал, да с его боевым порядком

пришлось знакомиться и во всяком деле считаться!

Чуйков вдруг встал, пригибаясь под низким потолком, сделал два шага к Крылову и обнял его.

— Это тебе за Азина! — объяснил он. — За Азина, потому как и я азинец! Только в отличие от тебя видел комдива, воевал с ним... Рано умер, а был он талантливый военачальник! Как удивительно сошлось!

11 и 12 сентября 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандования в Москве у Сталина обсуждались первые наброски крупнейшей наступательной операции, которая должна была коренным образом изменить весь ход войны и вырвать стратегическую инициативу из рук немецкого командования. Боям в городе в этой разработке придавалось огромное значение по уничтожению живой силы противника.

12 сентября в Виннице, в своем бункере, Гитлер устроил разгром своим генералам и потребовал от командующего группой армий «Б» генерал-полковника фон Вейхса в течение ближайших дней полностью овладеть Сталинградом. На совещании присутствовал и командующий 6-й немецкой полевой армией фон Паулюс. Приказ, естественно, относился и к нему. В опубликованных документах после войны указания Гитлера выглядели таким образом: «Русские на грани истощения сил. К ответным действиям широкого стратегического характера, которые могли бы быть для нас опасными, они больше не способны. Кроме того, северный фланг на Дону получит значительное подкрепление со стороны союзников... В остальном надо заботиться о том, чтобы скорее взять город в свои руки, а не допускать его превращения во все пожирающий фактор на длительное время».

Начало «решающего» штурма города было назначено на 14 сентября. 13 сентября Паулюс начал разведку боем по всей линии обороны 62-й армии.

В ночь на 13 сентября Крылов и Чуйков прилегли отдохнуть перед самым рассветом, их ночная беседа затянулась. Но поспать не пришлось. Подняли их близкие разрывы бомб. И командарм, и начальник штаба сразу же оказались на ногах.

— Это что, обычная музыка на рассвете? — спросил Чуйков.

— Не совсем обычная! — ответил Крылов и поспешил к ведру с водой освежить после дремы лицо. Чуйков шагнул к выходу из блиндажа. Крылов догадался, что он поспешил к стереотрубам, что были прикрыты у входа в блиндаж земляной крышей.

Крылов сразу отметил, что самолетов было значительно больше, чем накануне. Обработке подверглась вся линия обороны армии. Особенно жестоким был налет на Мамаев курган, где размещался КП армии.

Самолеты еще продолжали обработку переднего края, начался

артиллерийский и минометный обстрел.

— Ну как, Николай Иванович, — спросил Чуйков, — начинается испытание азинцев?

— Надо ждать атаки! — подтвердил Крылов. — Несколько дней было сравнительно тихо, они перегруппировались, похоже, что день будет горячим.

Но горячий день — это еще не понятие генерального штурма. Командование 62-й армии в этот день имело право рассчитывать, что на генеральный штурм фон Паулюс не решится, ибо еще не прекращались удары по его флангам с севера 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, и еще не погасла надежда, что им удастся прорваться к Сталинграду.

На 13 сентября самое большое удаление от переднего края немецких войск до Волги не превышало 10–12 километров. Сам город имел протяженность обороны 35–40 километров. Его наибольшая ширина достигала всего лишь пяти километров. Можно понять гнев Гитлера на своих генералов. Прошли тысячи километров, осталось всего лишь пять километров, а пройти не могут.

Немецкое наступление началось около семи часов утра сразу на нескольких участках. Удары последовали в районе Городищ, Песчанки, Садовой и Разгулявки. Из Разгулявки двинулось до полусотни танков, поддерживающих удар целой дивизии на Мамаев курган.

С Мамаева кургана и Крылов и Чуйков могли видеть в стереотрубы всю картину развернувшегося сражения. Чуйкову еще было трудновато ориентироваться, боевые позиции войск он знал еще только по карте, Крылов везде побывал и все видел своими глазами. Он знал каждую высотку, каждый овраг, каждое здание, которое могло войти в систему оборонительного рубежа. Он все промерил, где шагом, а где ползком.

— Вот что, — сказал Чуйков. — Сегодня боем тебе руководить! Некогда рассуждать и советоваться, а я погляжу, мне привыкнуть надобно...

И он был прав, карта не могла дать полное представление об обстановке. К городу из степи подходили овраги, балки, они были удобны противнику для накопления войск, да и сама местность имела понижение к городу.

Сражение разворачивалось довольно странно. И Чуйков и Крылов единодушно пришли к мнению, что противник задействовал всю свою авиацию, очень сильной была артиллерийская подготовка, но к середине дня стало очевидно, что свои пехотные части он придерживает.

— Не нравится мне малая активность немцев... — заметил Чуйков. — Не ведет ли он всего лишь разведку боем? Не прощупывает ли, куда ему

нанести удар завтра?

Крылов с удовлетворением отметил, что новый командующий, еще как следует не познакомившись с обстановкой и впервые увидев армию в бою, точно ухватил главную особенность развернувшихся боев. По многим признакам угадывалось, что Паулюс ищет слабые места в обороне, чтобы на другой день бросить в наступление все свои силы.

Еще и еще раз предстояло взвесить, что можно противопоставить немецкому наступлению.

На правом фланге стойко обороняется так называемая северная группа полковника Горохова в составе двух стрелковых бригад и полка 10-й стрелковой дивизии НКВД. Район Орловки, который во всех оперативных документах значится как Орловский выступ, удерживает 115-я стрелковая бригада полковника Андрусенко. В центре армейской полосы, в междуречье Мокрой Мечетки и Царицы, прикрывают подступы к городу 112-я стрелковая дивизия полковника Ермолкина, 23-й танковый корпус генерала Попова, 38-я мотострелковая бригада полковника Бурмакова и 42-я морская стрелковая бригада полковника Батракова. И, наконец, на левом крыле от Царицы до Купоросного пока не отступили ни на шаг 244-я и 35-я стрелковые дивизии, 10-я стрелковая бригада и полк той же дивизии НКВД. Так что разведка боем немцам нужного результата может и не принести.

Крылов высказал свои соображения командарму и добавил:

— Вчера составлял сводку в штаб фронта, так пока перечислил все дивизии и бригады армии, рука устала. Кто-нибудь незнающий, прочитав все это, сказал бы, наверное, ну и силища. А на самом-то деле ведь едва тысяч двадцать пять людей наберем да сотню танков.

— Ты, Николай Иванович, с первого дня в этом котле варишься, а я только заступил летом... Чувствую, что большую беду несет эта цифирь с наименованием дивизий, бригад и полков. Для того чтобы понять, что они на самом деле собой представляют, надо увидеть, а на бегу, те, кто прочитывает эти сводки, тот как бы мимо глаз пускает их подлинную численность, а то и похуже. Одолевают иных мыслишка, что командир прибедняется... Расскажу я тебе очень чудное дело. У Чан Кайши я состоял его заместителем. Заместитель главнокомандующего. Казалось бы, ничего от меня не должно быть скрыто в армии. А вот что получилось. Японцы предприняли широкое наступление и зарвались. Можно было учинить им сильный разгром. Я составил план операции. Ну, конечно, опираясь на данные штаба. Где и сколько размещено дивизий. Пришел к Чан Кайши. Докладываю. А он взял черный карандаш и перечеркнул все мои расчеты. Что ты, господин Чуйков, нарисовал? С чем ты против японцев собрался

воевать? Эти дивизии только на бумаге. Каждый генерал у нас старается преувеличить число своих войск, чтобы побольше ему отпускали продовольствия... Тогда надо все пересчитать! — заметил я ему. А он в ответ: кто это даст? Генералы от твоего пересчета попрячутся. Не суетись. Япония не может завоевать Китай. И никто не может завоевать Китай. Вот триста лет тому назад считалось, что маньчжуры завоевали Китай. Ведь официальный язык был принят маньчжурский. А ну найди мне сейчас хотя бы одного китайского чиновника, который знал бы этот язык, а в Китае хотя бы одного кровного маньчжура. Растворились, как капля пресной воды в океане. А у нас наоборот. Доносишь в сводке, что дивизия едва достигает численностью до полка, а в иных штабах ее по-прежнему продолжают считать дивизией. Но мы, Николай Иванович, знаем, что такое наша дивизии. И не отрываясь от реальности, скажу, и Паулюс знает, какими мы располагаем силами. Вот и примеряется к завтрашнему дню. Но есть бои, когда, и ты это прекрасно знаешь, Николай Иванович, когда простая арифметика становится совсем не простой. Все зависит от настроения солдата. И особенно — в обороне! Если человек не захочет сойти с места и знает, что сойти нельзя, — его ничем не сдвинешь. В полевом сражении все учесть довольно сложно, в городе на линиях обороны солдат всегда сможет даже в кризисном положении свою жизнь отдать за две, и это не так-то много... Но всякая оборона, Николай Иванович, — продолжал Чуйков, — тогда действенна, когда она активна. Паулюс считал наши дивизии и знает об их составе, он уверен, что мы парализованы, а контратака удивит его. А удивить противника, этому еще Суворов учил, — значит, победить!

И здесь Николай Иванович отметил совпадение взглядов на ведение боя с новым командующим, Все говорило о том, что они сработаются.

Мамаеву кургану в тот день изрядно досталось от бомбовых ударов и от артналетов дальнобойной артиллерии. Беспреданно рвалась связь с частями. Эту болезнь надо было срочно лечить. Проводная связь по городу явно не годилась, она попадала в зону разрыва бомб и в трудную минуту грозила прервать управление войсками. К концу дня атаки прекратились, не прекратились налеты и бомбовые удары.

— Надо искать новый КП! — сказал Чуйков. — Этот курган станет самым жарким местом. Надо отодвинуться ближе к берегу, чтобы и подразделения могли иметь маневр со своими КП. Мы же сами запретили размещать их позади армейского...

Пока управление штаба переводило командный пункт армии в Царицынское подземелье, на Мамаевом кургане в последний раз на этой высоте собрался Военный совет. Обсуждались возможности контратаки на

утро, хотя никто не сомневался, что и противник готов завтра перейти в наступление.

— Упреждающий удар очень много давал нам в Севастополе, — сказал Крылов. — Обстановка та же. Сил для контратаки мало, но и малости хватало, чтобы сорвать если и не наступление, то хотя бы его график.

— Ты скажи, Николай Иванович, — спросил Чуйков, — куда, по твоему мнению, будет завтра наносить свой главный удар противник?

— Тут двух мнений быть не может! — ответил Крылов. — Мамаев курган! Господствующая высота и через него на Центральный вокзал. Не овладев Мамаевым курганом, город не взять!

— Я того же мнения! — сказал Чуйков. — Потому и приказал перенести командный пункт. Отсюда и задача на контратаку. Утром до рассвета ударить во фланг наступающей группировке...

Ближе к рассвету на новый командный пункт поехали командующий и начальник штаба. И ночью над городом кружили самолеты противника. В отблесках пожаров они искали выборочную цель. Пока машины пробирались через завалы, по ним был нанесен бомбовый удар. Но обошлось.

Царицынское подземелье было надежным укрытием. Пожалуй, в Сталинграде и не было надежнее. Блиндаж-туннель был разделен на десятки отсеков еще в то время, когда здесь размещался командный пункт Сталинградского фронта до его перебазирования на левый берег Волги. Потолки и стены обшиты тесом. Толщина верхнего земляного перекрытия достигала десяти метров. Блиндаж имел два выхода: нижний к руслу реки Царица, верхний на Пушкинскую улицу.

Прежде всего командарм и Крылов проверили работу связи. Связисты поработали добросовестно. Связь была восстановлена со всеми частями и с Заволжьем. Проверяя связь с командным пунктом фронта, Крылов соединился с начальником штаба фронта генералом Г. Ф. Захаровым. Крылов и не решился бы заговорить о подкреплениях, хотя и успел подробно доложить свои соображения о подготавливаемом штурме города. Захаров выслушал его и сказал:

— Вам готовится серьезное подкрепление. Пусть Чуйков соединится с Еременко.

Командующий фронтом сообщил Чуйкову, что в армию передается полнокровная 13-я гвардейская дивизия под командованием Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Родимцева. Использовать дивизию Еременко разрешил только для обороны города. Комфронта и не догадывался, что это указание на другой день будет излишним...

Чуйков распорядился, чтобы были подготовлены все средства для переправы дивизии и для ее встречи. На переправе она должна была появиться к вечеру 14 сентября, стало быть, планировать ее ввод в бой можно было на утро пятнадцатого...

На бывшем командном пункте армии на Мамаевом кургане остался со своими помощниками начарт Пожарский для того, чтобы руководить централизованным огнем артиллерии. К этому времени в систему огня включалась и дальнобойная артиллерия фронта. Начальник артфронта генерал-майор артиллерии В. Н. Матвеев установил оперативную связь с Пожарским.

В ночь на 14 сентября особой заботой Крылова была артподготовка планируемой контратаки и ее авиационное прикрытие. Фронт выделил все свои резервы истребительной авиации.

Приказ о контратаке подписан, к середине ночи были скоординированы все средства ее поддержки, а перед командующим и начальником штаба армии все еще стоял сложный теоретический вопрос.

Матвей Захарович Герман, начальник армейской разведки, только что доложил о последних своих данных. Пленные на допросах себя вели нагло и вызывающе. Один из них даже заявил, что его плен будет недолгим, что его не успеют переправить за Волгу, как Сталинград будет взят, и всем, кто его сегодня допрашивает, завтра «капут». Столь откровенная наглость полностью подтверждала показания других пленных, что есть приказ 14 сентября полностью захватить Сталинград.

— И все же, — говорил Чуйков, — контратаку отменять не будет!

— Не будем! — согласился Николай Иванович. — Главное сейчас — сбить их с темпа...

Это действительно было главным. Только что закончившийся Военный совет армии на Мамаевом кургане пришел к единодушному выводу, что город к оборонительным боям не подготовлен, что намеченный план строительства оборонительных сооружений не выполнен и наполовину.

Николай Иванович дал полный анализ сложившейся обстановки. Даже Одесса, хотя и в меньшей степени, чем Севастополь, была более подготовлена к оборонительным боям, чем Сталинград.

Мощные береговые батареи, надежно укрытые от огня противника, были большим подспорьем. Можно было бы, если бы на то оказалось достаточно времени, превратить в Сталинграде заводы и ключевые здания в неуязвимые опорные оборонительные пункты. Виновных искать бесполезно, их не было. Обстановка на фронте все время колебалась. Если в Одессе заранее было предопределено, что враг достигнет черты города,

то здесь уповали на то, что противник к Волге не прорвется. До последнего времени, даже и в эти суровые дни сентября командование фронтом еще рассчитывало, что удары по северным фасам армии Паулюса дадут результаты и три армии прорвутся к городу.

Много было положено сил сталинградцами на сооружение оборонительных рубежей по Дону, тогда никто, конечно, и в мыслях не держал, что враг прорвется к городу. Когда же в мрачный августовский день 23 августа танки прорвались к Волге, а город загорелся «с края на край» под непрерывными ударами с воздуха, очень трудно было сооружать внутренний обвод и городской. А внутренний и городской обводы стали оборонительными рубежами до того, как они были укреплены.

На Военном совете армии обратились к примеру Ленинграда. Но Крылов тут же раскрыл разницу в обороне этих двух городов. Ленинград опять же имел поддержку флота, мощных фортов, и сама его конфигурация более сложна для захвата города и облегчала оборону. Много воды, много каналов, и на какое-то время советским войскам удалось под Ленинградом стабилизировать фронт. К Сталинграду немцы прорвались с ходу. Для обороны город совсем непригоден. Если бы не крайние обстоятельства, если бы не его стратегическое и политическое значение, то оборонять город с такой конфигурацией не имело бы смысла. Растянутый до 40 километров, почти в линейку, он не создавал глубины для уличных боев. Вместе с тем раскидывал на огромную протяженность силы обороняющихся.

Все это, конечно, не значило, что город нельзя отстоять, но, отстаивая его, надо было искать новые тактические решения. И создавать оборонительные точки в ходе боев.

И все же, надо здесь отметить, что никто тогда из членов Военного совета армии даже и не предполагал, что бои перекинутся внутрь города, к его центрам. И контратака, и возросшая активность в обороне, и близкие уже подкрепления вселяли надежду, что врага удастся не пустить на городские улицы...

В 3.00, еще в темноте, началась артподготовка контратаки. Огонь вели все стволы армейской и фронтовой артиллерии по заранее разведанным и скорректированным целям.

Через полчаса, еще затемно, войска ударной группы на центральном участке поднялись в контратаку.

Контратака явилась полной неожиданностью для тех немецких частей, которые накануне сумели продвинуться вперед, и хотя и закрепились на новых позициях, но не очень-то думали об обороне, ибо знали, что 14 сентября вся их армия переходит в решительное наступление. Фактор

внезапности сыграл свою роль. Противник попятился, отдавая то, что было захвачено накануне.

Контратака имела целью подрубить клин немецких войск, врезавшихся накануне в оборону 62-й армии. На обоих флангах клина обозначился заметный успех.

Когда рассвело, на позиции сталинградцев обрушились самолеты противника, но на этот раз, несмотря на их пятикратное превосходство, действия для них оказались не столь безнаказанными, как раньше. Командование фронтом подняло в воздух всю истребительную авиацию. Над городом завязались жестокие воздушные бои.

Противник вынужден был подтянуть резервы на направлении контрударов 62-й армии, чем ослабил свои главные силы. Потери в этих резервах при их переброске на фланги клина были огромны. На них обрушилась всей своей мощью заволжская дальнобойная артиллерия.

Но в штабе у Паулюса не собирались менять планы. Общий штурм города, а точнее, удар по его центру контратака отсрочила, но остановить, конечно, не могла. Сначала возросло сопротивление противника на направлениях контратаки, затем на какое-то время установилось что-то похожее на равновесие, но в бой были введены новые контингенты войск, и все, что было возвращено в первые часы боя, пришлось отдать. Паулюс ввел в бой крупные группировки на узком участке фронта: целил на Мамаев курган и на Центральный вокзал. Путь войскам прокладывала авиация ковровой бомбежкой, на отдельных участках прорыва немцы сосредоточили до тысячи орудийных стволов. Таранный удар остановить было нечем. Противник ворвался в Купоросное, в кварталы пригорода Минина, пересек городскую черту и двинулся по долине Царицы. Главный же удар, как и предполагалось, был нанесен в направлении на Мамаев курган. Там завязалось ожесточенное сражение, оно положило начало многим боям за эту высоту во все время обороны Сталинграда. Курган переходил из рук в руки. В четырех километрах южнее острие немецкого клина достигло вокзала Сталинград-1. Вокзал переходил из рук в руки в течение полного дня.

14 сентября начались городские бои, которые не прекращались до середины ноября. Началась борьба за отдельные здания, за руины, за перекрестки, за переходы через овраги и балки, пересекающие город. Как ни пытались операторы в штабе армии хотя бы приблизительно провести на карте линию обороны, она ломалась, получался слоеный пирог. Рвалась связь, были задействованы не только все офицеры связи, эти обязанности пришлось выполнять всем штабным офицерам и офицерам политотдела.

Казалось бы, все было кончено, немцы — хозяева в городе, но это казалось только им. В тылу у них держали круговую оборону не только отдельные группы, но и целые батальоны.

Никто не ждал, что город на Волге будет превращен в поле боя, что в нем развернется грандиознейшее сражение. Это событие было воспринято советским народом как трагедия. Ликовали немецкие солдаты, ликовали офицеры, ликовало командование 6-й армии, ликовали в гитлеровском бункере. Но пора бы было и немецкому командованию обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. Перевес в силах на их стороне. Город обложен по дуге. Его связывает с тылом всего лишь переправа через Волгу. Штурм начался с выгоднейших позиций, с высот, отделивших город от степи. Город — узкая полоса — не более пяти километров, а местами и меньше. Город насквозь простреливался всеми калибрами артиллерии. И все же огромная ударная сила не смогла преодолеть эти километры, она не пробила город, а лишь местами врезалась в него. Даже танки не смогли пройти до берега.

Уже после войны немецкий генерал Ганс Дерр, участник боев на Волге, признал в своей книге «Поход на Сталинград»: «Начавшаяся теперь на улицах, в домах и развалинах позиционная война нагрянула неожиданно для немецких войск, потери в людях и технике были несоизмеримы с успехами, которые исчислялись квадратными метрами захваченной местности».

Несмотря на то, что рвалась проводная связь, управление армией не было потеряно. Сказался севастопольский опыт. Оборона города заблаговременно была разбита по инициативе Крылова на три сектора: северный, центральный и южный. Каждый из секторов имел возможность действовать автономно, каждый сектор обеспечивался противотанковой, противовоздушной и против-артиллерийской обороной. Каждый сектор мог вызвать усиление артиллерийского огня армейского подчинения и фронтового.

Все дни политработники вели огромную работу в частях, разъясняя важность обороны Сталинграда. Каждый солдат проникся мыслью, что в Сталинграде он стоит на защите последнего рубежа, все, что отпущено было для отхода, для отступления, — все кончилось, за Волгой для защитников Сталинграда — земли нет.

Это в полной мере обнаружилось именно 14 сентября, в первый день городских боев. Несмотря на то, что еще не подошла дивизия Родимцева, ей пришлось вступить в бои 15 сентября. Мамаев курган уже не раз переходил из рук в руки, а именно на него Паулюс направил самый

мощный таран.

К ночи напряжение боев немного стихло. И все же, как только стемнело, отдельные боевые группы начали выбивать немцев из домов, из развалин, вступая в ближний бой...

— Есть данные о ближнем бое? — спросил Чуйков.

— Поступают с каждым донесением! — ответил Крылов. — Действуют в одиночку небольшими группами. Граната вперед, очередь из автомата, и в штыки. Из-за угла, с этажа на этаж!

— Гитлеровцы не выдерживают ближнего боя... Тут им и численный перевес не утеша! — с нервной дрожью в голосе заметил Чуйков. — Это факт! Я сам в этом убедился еще на Аксае! Немецкий солдат — хорошо обученный солдат, это совсем не те фрицы и гансики, которыми кого-то утешают в кинофильмах. Но он хорошо обучен действовать по шаблону. А шаблон прост для солдата. Немецкая школа! Прост шаблон, чтобы не дай бог солдат думать не начал. Удар авиации, артподготовка, вперед танки, он за ними. Ближний бой, стало быть, нет поддержки авиации, в городе танку негде развернуться. Шаблон разрушен. Добывай победу руками, а руками-то — это не броней и не авиабомбой, тут убежденность нужна, ибо без убежденности как же на верную смерть идти? Надо довести до сознания каждого, чтобы наши бойцы...

Гуров перебил Чуйкова:

— Чтобы наши бойцы шли на сближение с врагом еще решительнее, еще смелее! Коммунисты, комсомольцы, уверен, покажут в этом пример!

В этой обстановке начальнику штаба надлежало сформулировать ту тактику, которой должны были придерживаться в боях солдаты. И Крылов в эту ночь продиктовал, что легло потом в наставление для каждого бойца. Первое — максимальное сближение с противником. Выбирать и занимать такие оборонительные позиции, чтобы они находились от вражеских на расстоянии броска гранаты. Прокладывать для этого в развалинах проходы, рыть окопы и ходы сообщения зигзагами. Максимальное сближение, запутанная линия обороны — это мертвая зона для авиации. Вот уже одно преимущество противника — долой!

Главная сила — мелкие подразделения. Штурмовые группы. Группа сбивается сама, каждый в группе уверен в товарище как в себе. Командир группы назначался не по званию, а по мастерству вести бой, по смекалке. Самое главное в работе штарма и всех штабов — формирование таких групп.

За полночь из штаба фронта наконец пришло известие, что корабли Волжской флотилии выходят из Красной Слободы с передовым отрядом

дивизии Родимцева. Народ двинул свои главные резервы на помощь в защиту города...

Вскоре гвардейцы сбросили с Мамаева кургана немцев, но 17 сентября противник начал новое наступление на Мамаев курган и центр города. Атаку пехоты поддерживало не менее ста танков. Замысел ясен: широким прорывом к Волге в центре города рассечь армию надвое. От передового края дивизии Родимцева до берега Волги оставалось несколько сотен метров. Уже и формула «стоять насмерть» становилась в этой обстановке пассивной. Выправить положение можно было только встречными контратаками. И дивизия переходила в контратаки. На Мамаевом кургане доходило до рукопашной, да и только ли на Мамаевом кургане.

Связь с правым флангом, самым ответственным к тому же, значительно осложнилась. Военный совет армии пришел к выводу, что сколь ни надежно Царицынское подземелье, необходимо менять командный пункт. Выбор пал на обрывистый берег между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады», посередине армейской полосы, примерно на одинаковом расстоянии от правого и левого флангов. Конечно, столь надежного укрытия там было невозможно ни найти, ни соорудить, но об этом приходилось забыть. При этом встал вопрос: как перейти на новый КП? Надо было миновать узкое прибрежное пространство, целиком простреливаемое противником. До нового КП по берегу не менее 11 километров. Оставалась одна возможность: переправиться через Волгу в Красную Слободу, по левому берегу проехать несколько километров на машинах и вновь переправиться на правый берег напротив «Красного Октября».

— Ну что ж, пошли! — сказал Чуйков.

Гуров перебрался на новый КП на сутки раньше, перешли туда и многие штабные офицеры. Командарм и начальник штаба уходили последними.

Впереди надо бы идти полковнику Г. И. Виткову, отвечавшему за перебазирование Военного совета. Но Василий Иванович Чуйков не выносил идти сзади кого-либо в боевой обстановке. Он шел первым, с автоматом, перекинутым на грудь, у пояса две гранаты. Так же, за ним следом и почти рядом, Николай Иванович Крылов.

Как-то Николаю Ивановичу был задан вопрос об этом эпизоде:

— И вы с автоматом, Николай Иванович?

Крылов усмехнулся в ответ:

— Автомат — оружие в те дни было дефицитное... Пистолет был при мне. Если бы дошло до автомата, то дошло бы и до пистолета, а в нем

последний патрон для себя. Свою задачу я понимал несколько иначе. Нужно было подготовить этот переход таким образом, чтобы нашей группе не понадобилось отбиваться автоматами...

Командующий Юго-Восточным фронтом 18 сентября приказал обеим армиям подготовить контрудары. 62-я армия, в составе которой дополнительно поступила 95-я стрелковая дивизия полковника В. Л. Горишного, получила задачу нанести контрудар силами не менее трех дивизий и одной танковой бригады из района Мамаева кургана в южном направлении и очистить от гитлеровцев захваченную часть в своей полосе.

64-я армия должна была подготовить удар на своем правом фланге с задачей разгромить фашистские войска в районе Купоросного и Ельшанки. В состав этой армии передавалась из 57-й армии одна стрелковая дивизия. Для поддержки контрударов привлекалась вся артиллерия фронтовой артиллерийской группы, кораблей Волжской флотилии и авиации 8-й воздушной армии.

Контрудары обеих армий начались с утра 19 сентября и продолжались более двух суток. Однако существенных результатов они не принесли, хотя и создали для противника значительное напряжение. Сказалось отсутствие необходимого времени на подготовку войск и ограниченных сил, привлеченных к контрударам.

Утром 18 сентября Чуйков и Крылов поминутно выходили из блиндажа послушать, не донесется ли гром канонады до города с северных фасов. Канонаду не слышали, да и трудно было ее звукам прорваться сквозь гул канонады в городе. Но одно обстоятельство сильно обнадеживало. Несмотря на ясный день, над городом не появилась немецкая авиация. Но это облегчение оказалось не долгим. Уже через шесть часов, чуть позже полудня, опять небо заслонили «хейнкели» и «юнкерсы». Какого-либо ослабления в атаках противника не наблюдалось.

В этот же день после шести часов вечера командование армии получило приказ командующего фронтом. Его вводная часть смутила Крылова и вызвала негодование у Чуйкова. Он читал вслух:

— «Под ударами соединений Сталинградского фронта, перешедших в общее наступление на юг, противник несет большие потери на рубеже Кузьмичи, Сухая Мечетка, Акатовка. С целью противодействия наступлению нашей северной группировки противник снимает ряд частей и соединений из района Сталинграда, Воропоново и перебрасывает их через Гумрак на север...»

Чуйков остановился и поднял глаза на Крылова. Густые брови сведены

на переносице, свидетельство внутреннего гнева.

— Какие соединения вывели немцы из города? — раздался его вопрос.

— У меня об этом сведений нет! — ответил Крылов.

Тут же в блиндаже присутствовал при чтении приказа комфронта начальник армейской разведки полковник Герман.

Он встал и сказал:

— До Гумрака мы не добрались. Из города не снято ни одного солдата. В этом я поручусь головой!

На Военном совете армии приказ комфронта обсуждать не принято. На этом и закончился этот эпизод, но он имел далекое продолжение. Командование армии готовило контрудар совместно с 64-й армией. И в 23 часа 50 минут 19 сентября был подписан боевой приказ, где впервые за время боев города появилось это слово. Это слово тогда сыграло огромную вдохновляющую роль для каждого командира, каждого солдата.

А ночью, когда все неотложные дела были завершены, Чуйков, оставшись наедине с Крыловым, спросил:

— Что сей сон означает со снятыми соединениями и частями из города?

— Боюсь, что комфронта выдал желаемое за действительное! — ответил Крылов, понимая, что не всегда боевыми приказами решается исход сражений.

— Я очень боюсь, как бы с этим наступлением на северном фланге не вышла бы та же история, что и в начале сентября! Если бы там произошло что-либо серьезное, стервятники не вернулись бы в город... Не поспешили ли опять с наступлением? А это новые потери, это разбитые дивизии, которые ох как попригодились бы здесь в городе...

— Быть может, сегодня там была разведка боем, посмотрим, что будет завтра.

Полудня, как это предписывалось приказом комфронта, Чуйков и Крылов не стали ждать. Атаку на Мамаев курган начали утром, благо опять же немецкая авиация не появилась над городом.

Однако контратака вылилась во встречный бой. Паулюс не только не снял каких-либо соединений из города, но, напротив, усилил свои войска.

По-прежнему не пришло никакого облегчения и в центре, где дивизия Родимцева сдерживала атаки многократно превосходящего по силам противника. К середине дня опять над городом появились немецкие самолеты. И Чуйков и Крылов с сожалением констатировали, что и в этот день войска Сталинградского фронта успеха в своем наступлении не имели. Напряжение боев, а также и армейская разведка к концу дня подтвердили,

что Паулюс несколько не ослабил свои войска в городе. Вечером опять поступило указание комфронта продолжать наступление, и 20 сентября всеми силами 62-я в эти дни была усилена двумя дивизиями: 284-й полковника Н. Ф. Батюка и 193-й генерала Ф. Н. Смехотворова. Но в связи с тем, что волжские переправы находились под артиллерийским и минометным огнем противника, очень остро встала проблема, как переправлять вновь прибывшие части.

Штурмовые группы, совершенно самостоятельные боевые единицы, показали свою жизнеспособность. Они и подсказали идею дать дивизиям больше самостоятельности, организовать для каждой дивизии свою переправу и все, начиная от пополнения и кончая доставкой боеприпасов и продовольствия, производить, минуя армейские склады. Встал в связи с трудностями при переправах и серьезный оперативно-тактический вопрос об артиллерии.

Линия обороны сильно приблизилась к Волге. Гаубичные батареи и пушечные полки теперь могли вести своими крупными калибрами огонь с левого берега. Включить их в централизованное управление артиллерийским огнем труда не составляло. Переправить же вместе с новыми дивизиями их артиллерийские средства было крайне трудно и, главное, опасно, вело к неоправданным потерям драгоценной по тем временам техники. Когда же орудия перевозились на правый берег, начинались новые трудности. В армии на правом берегу не было ни тягачей, ни лошадей, и орудия большого калибра было просто невозможно сдвинуть с места, да еще под непрерывной бомбежкой.

Крылов и Пожарский настаивали на том, чтобы орудия оставались на правом берегу. Однако их настояниям воспротивился командующий артиллерией фронта В. Н. Матвеев.

— Как вы собираетесь наступать и преследовать противника, — спросил он, — если артиллерия останется на левом берегу?

Пришлось Чуйкову обратиться к Военному совету фронта.

— Когда дойдет до преследования, — кричал он в телефонную трубку, — мы на руках их перенесем, только началось бы!

Но ничего не началось и 20 сентября. В городе опять изнуряющие встречные бои до полудня, а после полудня вернулась в город немецкая авиация...

Однако невероятные усилия армии дали кое-какие результаты. Дивизия Горишного перевалила за Мамаев курган и несколько продвинулась на юго-запад.

Комфронта требовал продолжать атаки и 21 сентября, хотя в армии

имелись свои разносторонние данные, что ни одного солдата из города на северные фасы Паулюс не перевел. Напротив, к ночи начали поступать в штаб донесения о сосредоточении новых немецких сил на самых ответственных участках фронта.

21 сентября атаковать немцев не пришлось. На рассвете на позиции в центре и на левом фланге армии обрушился артиллерийский огонь огромной силы. Едва развиднелось, начался массированный налет авиации. На это утро северные фасы не оттянули ни одного немецкого самолета. Артиллерийская и авиационная подготовка с первых же минут показала, что готовится очередной штурм города с далеко идущими целями. Как только двинулись танки и пехота, определилось направление главного удара. На узком участке фронта от Мамаева кургана и до зацарицынской части города противник ввел в бой три пехотные и две танковые дивизии.

Николай Иванович умел по очень скудным и коротким донесениям восстановить полную картину событий. Уже в середине дня он сумел представить командарму карту, по которой прочитывались планы немецкого командования.

— Вот тебе и снятые соединения из города! — воскликнул Чуйков.

Еще утром, сразу же после огневого налета, была приведена в действие вся армейская заволжская артиллерия. Немцы несли тяжелые потери, но лезли напролом.

В 12 часов 30 минут полностью прервалась связь с левым крылом армии. Офицеры связи, посланные на левый фланг, не возвращались. Обстановка грозила потерей управления.

Чуйков доложил командующему фронтом о сложившейся обстановке. Доклад делал по рации, и поэтому разговора о том, что происходит в полосе наступления Сталинградского фронта, не было.

Кто-то из присутствующих в это время на КП осмелился задать вопрос:

— Что там на севере?

— Забыть про север! — резко оборвал спрашивающего Чуйков. — Рассчитывать только на свои силы!

А сил было мало. Во второй половине дня Родимцеву пришлось развернуть левый фланг своей поредевшей дивизии на юг, ибо и дивизии грозило окружение.

И с дивизией Родимцева оборвалась связь. Теперь Крылов мог только по сосредоточенному огню немецкой артиллерии и в большей степени по тому, куда пикировали «юнкерсы», определить, что происходит в полосе обороны 13-й гвардейской.

Ночь не принесла ни облегчения, ни тишины. Теперь начали ночной ближний бой штурмовые отряды, отбивая у немцев здания и подвалы, руины и перекрестки. Военному совету армии надо было подготовиться к следующему дню, рассчитывая на солдат, которые без сна сражались вот уже четвертые сутки. А у Крылова еще забота принять и вывести на исходные позиции полк из 284-й дивизии Батюка, который на всех видах плавсредств переправлялся в темноте через Волгу.

Около двух часов ночи раздался зуммер аппарата связи с командующим фронтом Еременко. Чуйков снял трубку. Еременко сообщил, что танковая бригада Сталинградского фронта прорвалась сквозь фронт противника и взяла направление на Орловку.

Чуйков поднял на ноги весь штаб, всех, кто сражался на Орловском выступе, выслал специальные поисковые группы. Но бригада не прорвалась к городу, во главе со своим комбригом вся погибла в немецких боевых порядках.

22 сентября немцы ужесточили свои атаки в полосе 13-й гвардейской. Этот день стал одним из самых трудных дней для 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник первый раз рассек 62-ю армию и вышел к центральной пристани на Волге. Однако центр города гвардейцы отстояли. И 22 сентября, несмотря на все приказы Гитлера, его войска городом не овладели.

Сентябрьские бои с 18 по 25 сентября нашли различное освещение в военной исторической науке. Послушаем участников этих событий.

Из книги В. И. Чуйкова «Сражение века»:

«Мне трудно поверить, что командование фронтом и армий не учитывало, что скоропалительным контрнаступлением с севера, без надлежащей подготовки и организации взаимодействия, нельзя достигнуть успеха. Организация контрудара 18 сентября выполнялась без увязки действий между армиями, оборонявшимися в самом Сталинграде... 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии наносили контрудар 18 сентября, а 62-я армия получила приказ фронта только поздно вечером 18-го, согласно которому «ударная группа 62-й армии должна нанести контрудар только в 12 часов 19-го», то есть более чем на сутки позднее, когда контрудар наш с севера уже потерял свою силу.

Кроме того, создать ударную группировку в самом городе из остатков сил 62-й армии было невозможно. И все же мы сделали все возможное и невозможное, чтобы 19 сентября соединиться с войсками 1-й гвардейской и 24-й армий. Из Сталинграда на север не было переброшено ни одного полка противника».

Из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»:

«Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических атак авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже».

Из книги Н. И. Крылова «Сталинградский рубеж»:

«Войска левого крыла Сталинградского фронта продолжали атаки до 3 сентября, но их наступление так и не достигло цели. Судить о причинах этого, находясь по другую сторону неприятельского коридора, естественно, было трудно. Вдаваться же в их разбор на основе того, что я мог узнать в дальнейшем, вряд ли здесь уместно. Скажу лишь, что причин, видимо, было немало: и общая неблагоприятная обстановка, и вынужденно поспешная подготовка, и просто недостаток сил. И что греха таить — в сорок втором мы еще не умели воевать и управлять войсками так, как научились потом».

Послушаем теперь противника. Вот выдержки из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск Гальдера: «18 сентября: «В Сталинграде новые успехи. Севернее города успешно отражен мощный удар противника (150 танков). На остальном фронте по Дону спокойно».

20 сентября: «В Сталинграде начинает постепенно чувствоваться усталость наступающих войск».

21 сентября: «Успехи Клейста и в Сталинграде».

23 сентября: «В Сталинграде медленное продвижение вперед».

24 сентября: «6-я армия в Сталинграде, в черте города, ведутся местные уличные бои, сопровождаемые сильным артиллерийским огнем... Сегодня русские снова предприняли усиленные атаки пехотой и танками наших позиций на северном участке фронта 14-го танкового и на участке 8-го армейского корпусов. Временные вклинения противника у Татарского вала и к западу от железной дороги удалось ликвидировать в ходе упорных боев. Противник продолжает оказывать неослабное давление на западное крыло 14-го танкового корпуса: ведя интенсивный изматывающий залповый артиллерийский огонь из орудий всех калибров. На участке 8-го армейского корпуса 76-я дивизия с рассветом втянута в тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника, поддерживаемыми многочисленными танками».

«17.00 — наступление русских при весьма напряженном положении с танками на нашей стороне. С боеприпасами крайне трудно.

Намерение: укрепить северный участок фронта частями 48-го танкового корпуса, которые не нужны для боев в Сталинграде».

Бои не стихали, нисколько не спадало напряжение. И все же каким-то образом отдельные дни выделялись особым их усилением. Перед каждым новым штурмом, назовем эти особо трудные дни таким образом, немецкое командование проводило перегруппировку своих сил, ибо немецкие войска несли огромные -потери.

Скупно подбрасываемые подкрепления растворялись в огненном пекле. Солдаты и младшие командиры выполняли приказ, но командование армии не могло не задумываться о целесообразности происходящего.

62-я армия была рассечена. Немцы прорвались к Волге южнее Царицы и заняли участок по берегу протяженностью до 10 километров. Затруднилась переправа подкреплений.

Быть может, тогда впрямую не ставился вопрос о смысле дальнейшего сопротивления в развалинах города на его береговой кромке. Никто этот вопрос в те дни и не решался поставить. Но на что надеяться, если и второе наступление Сталинградского фронта на севере не привело к облегчению? Вместе с тем разведка устанавливала, что каждый день в Сталинград прибывают новые немецкие войсковые части. Где и в чем предел этому безумию?

Немецкое командование имело свои расчеты. Они четко отражены в дневнике Гальдера в записи от 11 сентября: «Штурм городской части Сталинграда — 14 или 15.9 при хорошей подготовке. Расчет времени: для штурма Сталинграда — 10 дней. Потом перегруппировка — 14 дней. Окончание — самое раннее к 1.10».

Никто тогда дневника Гальдера не читал. Стратегический замысел немецкого командования был разгадан советским командованием. И уже полным ходом готовилось мощное контрнаступление. На 62-ю армию, как и на другие армии, обороняющие Сталинград, выпадала задача приковать противника к городу и перемолоть его живую силу. Но об этом замысле в то время знали только три человека: Сталин, Жуков и Василевский.

Но не размышлять о происходящем не могли и в штабе 62-й.

Когда закончились атаки войск Сталинградского фронта на северном фланге немецкой группировки, Крылов попытался проанализировать сложившуюся обстановку и прикинуть ее возможности на ближайшее будущее. Ночью он доложил Чуйкову.

Полоса обороны сузилась до крайности, немцы вышли к Волге на

широкой полосе. Затруднено действие крупными подразделениями, не только батальоном, но и ротой. Стало быть, главной боевой единицей становится штурмовая группа. Все контратаки следует проводить только штурмовыми группами. Усложнилась связь. В Севастополе со связью было проще. Еще до войны на большую глубину были проложены кабели берегового командования. Здесь не спасет и Волга. Чрезвычайно затруднена доставка боеприпасов и особенно их хранение. Самая большая трудность с артиллерийскими снарядами. их следует сразу же с берега доставлять в части и не держать никаких складов.

Вместе с тем получает большое преимущество артиллерия, расположенная на левом берегу Волги. Практически все ее стволы достают немецкие передовые позиции и способны доставать места сосредоточения немецких войск для атак. Заволжская артиллерия способна погасить силу любого немецкого наступления при умелом руководстве огнем.

В ночь на 1 октября в состав 62-й армии была включена 39-я гвардейская дивизия Степана Савельевича Гурьева. Знаменательно было то, что ее перебросили из состава 1-й гвардейской армии. Она участвовала в наступлении на северный фланг немецкой группировки 18–20 сентября.

Не означает ли это, размышлял Крылов, что там, на севере, готовится что-то иное, совсем непохожее на бесплодные атаки, начатые 18 сентября? Не приближается ли срок иных действий Ставки Верховного Главнокомандования? И где? Здесь, в Сталинграде, или на каком-то ином участке фронта? Стало быть, задача 62-й армии продержаться до решающих событий, а когда они начнутся, о том можно только догадываться, знать об этом никому не дано, даже и в масштабе командования фронтом.

В своих предположениях, расчетах Крылов делал вывод, что события должны развернуться к тому моменту, когда гитлеровские войска по всему фронту перейдут к обороне на зимний период, ибо зимой проводить широкие маневренные операции они не приспособлены.

А значит, 62-й армии надо держаться еще не менее месяца. По крайней мере до середины ноября.

Возможно ли это?

При условии, что артиллерия с левого берега усилит свою активность, — возможно.

Чуйков целиком согласился с прогнозами Николая Ивановича.

Они даже помечтали вслух, что большое наступление все же развернется в районе Сталинграда. Сама конфигурация фронта подсказывала возможность мощного удара по немецким флангам. Но это

была мечта. А реальность — завтрашний тяжкий день.

Армейская разведка установила, что немецкое командование перегруппировало войска и готовится к удару по Тракторному заводу и по заводу «Баррикады», чтобы еще раз рассечь 62-ю армию в наиболее уязвимом для нее месте. Пленные показывали, что наступление готовится на 5 октября.

Крылов прикинул соотношение сил. Приблизительные расчеты показывали, что готовятся к штурму не менее 90 тысяч солдат и офицеров, более 2 тысяч орудий и минометов, около 300 танков и до 1000 самолетов 4-го воздушного флота.

В 62-й в наличии около 55 тысяч солдат и офицеров, 1400 орудий и минометов, 80 танков. Поддержать оборону могут около двухсот самолетов. Полное преимущество на стороне врага. Снять напряжение штарм предложил сильнейшим артналетом по исходным рубежам противника.

Вместе с генералом Пожарским Николай Иванович разработал схему артналета или, точнее, артиллерийской контрподготовки.

Этого рода операция всегда содержит элемент риска: нанести удар в пустоту, по площадям, а не по живой силе. Еще и еще раз были выверены данные разведки. Помогала и близость передовой линии к немецким позициям.

Немецкие войска начали сосредоточиваться на исходных позициях 5 октября. Контрнаступление было назначено на 7 октября.

Чуйков со свойственной ему решительностью не испугался риска. 5 октября с утра вся артиллерия армии открыла огонь с левого берега. Сразу были задействованы 300 орудий и минометов на участке шириной всего лишь в три километра. Ударил и артиллерия правого берега. Плотность артиллерийского огня была доведена до 110 орудий и минометов на один километр. Продолжался артиллерийский налет 40 минут. Не двинувшись с места, немецкие войска понесли тяжелые потери. Наступление было отсрочено на семь суток. В результате в наступлении участвовали не 10 дивизий, как это готовил Паулюс, а всего лишь 8 дивизий. И началось оно в полную силу 14 октября. Много позади было тяжелых, кризисных дней, но того, что случилось 14 октября, армия еще не переживала.

По фронту в четыре километра были введены немецким командованием три полностью укомплектованные пехотные дивизии и две танковые. В этот день немецкая авиация совершила 3 тысячи самолетовых вылетов.

Накануне этого грозного дня КП армии переместился еще раз, поближе к месту, где должны были развернуться главные события, в

штольню, врытую в крутой берег за заводом «Баррикады».

Особо надежных перекрытий не было, спасал крутой береговой откос.

В ночь на 14 октября на всем протяжении линии обороны установилась относительная тишина. Без боев штурмовых групп не проходила ни одна ночь, но обычно с немецкой стороны была по площадям или по разведанным целям артиллерия, шел обстрел Волги и заведомо известных на ней маршрутов переправ. На этот раз немецкая сторона погрузилась почти в полное молчание.

— Сегодня на рассвете начнут! — сказал Чуйков, прислушиваясь к тишине. — Отдыхают перед штурмом, берегут снаряды.

— Не нравится мне эта тишина! — согласился Крылов. — Отовсюду доносят, что идет на немецких позициях какое-то движение...

Началось в 5.30 утра. Тогда было просто невозможно определить, какую плотность огня сосредоточила немецкая артиллерия. Земля дрогнула под ногами, штольню трясло, как при землетрясении. Сотни бомбардировщиков еще в полутьме рассвета обрушили бомбовый удар. И все это в полосе не шире пяти километров.

Чуйков вышел из блиндажа, но взрывной волной его кинуло обратно в блиндаж. Смерд и гарь повисли над землей. Те, кто в это время мог смотреть с левого берега, увидели над узкой полосой между Тракторным заводом и «Баррикадами» сплошное море огня, а затем и огонь заволокло дымом. В городе ничего нельзя было различить от черного дыма в пяти шагах. В воздухе носилась, не оседая, каменная пыль.

Даже и в блиндаже не слышно стало человеческого голоса.

Три с половиной часа длилась огневая подготовка наступления. В 8 утра двинулись немецкие танки и пехота.

Теперь заговорила заволжская артиллерия. Массированный огонь рвал немецкие боевые порядки, ожили опорные точки обороны.

Чуйков связался с командующим 8-й воздушной армии Т. Т. Хрюкиным и попросил унять немецких летчиков. Хрюкин ответил, что не может поднять в воздух ни одного самолета, все аэродромы заблокированы немецкими истребителями. Он добавил:

— Василий Иванович, за вас взялись всерьез... Первое же окно — мои летчики у вас...

По немецким войскам, продвигающимся к Тракторному заводу, выпустили несколько залпов «катюши». Но немцы шли, продолжали идти.

Этот грозный день явился испытанием всего, что было сделано командованием армии, чтобы армия смогла выдержать самые невероятные трудности. Это было испытанием и той системы управления армией,

которая была в предыдущих боях организована, проверена и упрочена штармом и Военным советом.

После сентябрьских боев, после боев в начале октября Крылов предугадывал, что могут сложиться экстремальные условия для управления войсками, при обрыве связи, при потерях в штабах, на командных пунктах соединений и частей, и построил работу так, чтобы, и потеряв связь с КП армии, в частях знали бы что делать.

Связь начала рваться. Сначала под артиллерийским огнем и бомбовыми ударами, затем в ходе боя.

Первая атака, самый сильный и массированный удар был отбит по всей полосе наступления. Горело не менее двадцати немецких танков, а улицы, по которым двигалась немецкая пехота, стали скользкими от крови.

В перерыве между первой и второй атаками удалось установить, что немецкое командование сумело в полосе штурма создать 10–12-кратный численный и огневой перевес.

Полтора часа перерыва, и вторая атака. За второй последовала третья. Утром передний край противника находился в полутора километрах от ворот Тракторного завода. Это расстояние немецкие войска не преодолели и к полудню.

Рвалась связь с дивизиями, армия несла потери, враг продвигался, но очень медленно. В 14 часов телефонная связь была прервана со всеми частями армии. В 15 часов танки противника прорвались к командному пункту армии. Рота охраны штаба вступила с ними в бой.

Казалось, что уже ничто не может удержать противника. Но командование 62-й подготовило атакующим сюрприз. В городе к середине октября оставалось десятков танков Т-34. Военный совет армии принял решение в бой на ходу их не вводить, а врыть в землю и замаскировать на танкоопасном направлении в парке Скульптурный. Именно через парк и наметил свой прорыв Паулюс. Врытые в землю танки вступили в бой в 15 часов. Они подпустили немецкие танки и машины с пехотой на 300–200 метров и открыли по ним кинжальный огонь.

Сразу же вспыхнули больше десятка немецких танков и загородили проход своим танкам. Но, видимо, операция была так спланирована, чтобы не останавливать продвижение. Сзади все подходили новые танки и машины. Тогда по парку Скульптурный был дан залп РС. Атака захлебнулась.

Три дня эта танковая засада сдерживала на этом направлении немцев, пока весь парк и танки не были разбиты немецкой авиацией.

Сняв защитников у полосы перед Тракторным заводом, а точнее

говоря, когда не осталось ни одного защитника в живых, немецкие войска прорвались к заводу и к ночи достигли нижних береговых террас на Волге. Армия была разрезана еще раз.

Ночью Чуйков и Крылов склонились над картой. Нанести на нее точную обстановку было нелегко. Связисты еще не восстановили проводную часть. Связаться с частями по радио тоже не везде удавалось. По отрывочным донесениям, с помощью визуального наблюдения, по докладам штабных офицеров картина представляла тревожная.

Противник закреплялся на берегу Волги, а реальных сил в армии, чтобы его отбросить от берегов, не было. О том, чтобы с оставшейся в руках армии узкой береговой полосы города ввести крупные силы, если их даст фронт, трудно было говорить. Каждый метр продвижения в городе равно был труден и наступающим немецким войскам, и контратакующим советским.

Если до прорыва к Волге в центре города и на Тракторном заводе можно было думать о стабилизации фронта как о достижимой цели, то теперь стабилизация фронта была крайне нежелательной, ибо опять же возрастали трудности с переправами, возникала опасность ударов армии Паулюса во фланги рассеченной 62-й, и уже вполне достижимыми для десанта становились волжские острова. Их захват отрезал бы все коммуникации 62-й.

Вопрос уже не стоял о том, выстоит армия, удержит или не удержит остатки города. На левый берег никто не собирался уходить начиная от рядового солдата и до командования армии. За Волгой ни для кого земли не было. Выстоят все, в этом не было сомнения, но выстоять, пасть в бою — это еще не значило удержать город. К Тракторному заводу и к «Баррикадам» немцы прорвались, когда на их пути не осталось ни одного живого защитника Сталинграда.

Гурову сообщили из политотдела фронта, что об обстановке в городе доложили Сталину, что в Ставке взвешивают все возможные варианты помощи Сталинграду. Это в какой-то мере обнадеживало командование армии, но вместе с тем и какой-либо реальной возможности резко изменить обстановку командование армии не видело и у Ставки.

— На что мы можем рассчитывать? — спрашивал Чуйков у членов Военного совета.

— Только на артиллерию с левого берега! — ответил Крылов. — А стало быть, мы должны расставить наблюдателей и корректировщиков где это возможно и где невозможно. В Севастополе мы их забрасывали в тыл к противнику. Здесь это тоже возможно...

К ночи поступило сообщение из штаба фронта, что готовится к переправе 138-я Краснознаменная дивизия полковника И. И. Людникова.

— Крепкая дивизия! — заметил Чуйков. — Я ее знаю по шестьдесят четвертой.

— Значит, верят, что мы выстоим! — сказал Гуров.

— Верят, что из Сталинграда не уйдем! — поправил его Чуйков. И обратился к Пожарскому: — Твое слово, Николай Митрофанович! Царица полей — пехота, а бог войны — артиллерия!

— Пока останется хотя бы один корректировщик на нашем берегу, немцам не придется считать операцию в Сталинграде законченной... И на острова они не высадутся, даже если положат все свои пять дивизий в могилу... От их огня нас укрывают руины, по и их они укрывают. И только они вылезут из камней, как тут начнется такая мясорубка, что и им она окажется не по вкусу.

— Одно ясно, — сказал Крылов, — свертывать наши боевые порядки они будут по берегу, а это значит, что подставят они себя целиком под стволы заволжской артиллерии.

15 октября все началось, как и накануне. Опять небо прикрыли самолеты, потускнело солнце, немецкая артиллерия била по всей площади в районе заводов. Противник продвигался, но продвижение нисколько не было похоже на наступление. И все же продвигался. Он уже находился в пятистах метрах от КП, и опять пришлось вводить в бой охрану штаба и штабных работников.

Ночью начал переправу стрелковый полк из дивизии Людникова. Переправа всей дивизии ожидалась не ранее ночи с 16-го на 17-е. В ночь на 17-е на правый берег переправился комфронта А. И. Еременко.

Чуйков и Гуров вышли его встречать на причал, но бронекатер подошел совсем не там, где его ждали. Еременко вошел в штольню и застал там Крылова над картой. Был он хмур, озабочен, но ожидавшихся упреков не последовало.

— Пришел поглядеть, как вы тут живы! — сказал он Крылову. — Товарищ Сталин приказал мне самому у вас побывать и доложить, что здесь творится. Показывай карту!

Но карта ничего нового не могла показать командующему фронтом. Он слушал доклад Крылова о состоянии дивизий и тяжело вздыхал.

Пришли Чуйков и Гуров. Чуйков начал говорить о необходимости маршевых пополнений, о недостатке снарядов.

— Все знаю! — перебил его Еременко. — Снарядов дадим, хотя и сами на голодном пайке... Сам должен понимать, что не одна шестьдесят

вторая за Сталинград ответственная! Да будет тебе известно, что неспроста теперь в районе Сталинграда действуют три фронта: Донской, наш Сталинградский и Юго-Западный!

Чуйков улыбнулся.

— Два новых фронта для охвата с флангов всей немецкой группировки!

— Ну это не нам обсуждать! — оборвал Еременко командарма. — Для шестьдесят второй задача остается прежняя: Сталинград отстоять! А командный пункт переводит. Не дело здесь устраивать с гитлеровцами потасовки...

17 и 18 октября бои продолжались с неослабевающей силой и днем и ночью.

Противник проник на территорию завода «Баррикады» и остановился. Его силы явно иссякли, надо было ожидать новой перегруппировки.

Новый командный пункт армии развернули поблизости от устья Банного оврага, напротив Мамаева кургана, в центре расположения армии. Это была последняя смена КП.

Пока налаживалась связь, Военный совет армии обсуждал уже в который раз в последние дни сложившуюся обстановку. Пришли к выводу: для того чтобы повторить с такой же силой новый удар, каким он был 14 октября, Паулюсу понадобится несколько дней на перегруппировку. Немецкие военнопленные из самых различных частей все в один голос показывали, что их части понесли невероятные потери. О том же повествовали захваченные разведчиками письма и дневники немецких офицеров и солдат. Но и 62-й армии нужно было хотя бы три-четыре дня для того, чтобы привести себя в порядок. Ожидалось и новое подкрепление — 45-я дивизия, но принимать ее предстояло в очень трудных условиях.

19 октября Донской фронт возобновил свои атаки на северном фланге немецкой группировки. Опять облегчение наступило только в налетах немецкой авиации. Никаких других существенных перемен это наступление для сталинградцев не принесло. 22 октября перешла в наступление ударная группа 64-й армии. Когда чуть стихало в городе, с армейского КП был слышен отдаленный гул канонады. Бои развернулись в пятнадцати километрах от центра города. Полковник Герман доложил, что немецкое командование перебрасывает 100-ю легкопехотную дивизию под Купоросное. Опять же и это обстоятельство не могло иметь решающего значения, эта переброска не ослабляла сил Паулюса, задействованных в городских боях. Опять же ни войска Донского фронта, ни ударная группа Юго-Восточного фронта нигде не смогли сломать оборону противника.

Из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»:

«Наступление Донского фронта и контрудар 64-й армии облегчили тяжелое положение 62-й армии и сорвали усилия противника, нацеленные на овладение городом. Не будь помощи со стороны Донского фронта и 64-й армии, 62-я армия не смогла бы устоять и Сталинград, возможно, был бы взят противником».

Из книги Н. И. Крылова «Сталинградский рубеж»:

«Но ни южные наши соседи, ни северные, перешедшие в наступление несколько раньше, и на этот раз не смогли достигнуть сколь-нибудь существенного территориального успеха. Как и при прошлых контрударах, враг оказал и тем и другим ожесточенное сопротивление. Тем не менее одновременные активные действия против обоих флангов фашистских войск, осаждавших Сталинград (а 64-я армия вскоре возобновила их вновь), задержали предпринятую Паулюсом перегруппировку, помогли нам собраться с силами».

Из книги В. И. Чуйкова «Гвардейцы Сталинграда идут на запад»:

«Я склоняю голову перед мужеством солдат и офицеров 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, которые вступали в бой, не ожидая полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Отборные комсомольские части, наши десантники шли на штурм укрепленных вражеских позиций, обильно поливая родную землю своей кровью, в то время как армия Паулюса втягивалась в изматывающие ее уличные бои в Сталинграде. Твердая рука и негибаемая воля маршала Жукова помогли обеспечить эти атаки на вражеские позиции в сентябрьских боях.

И, склоняя голову перед героизмом гвардейцев, я должен сказать, что в те дни и часы вся страна поднялась на защиту Сталинграда... Бог победы — это полное и действенное взаимодействие всего народа, всех его вооруженных сил и в большом и в малом...

Я, как бывший командующий 62-й армией, в свою очередь, со всей ответственностью заявляю, что Сталинград мог быть взят противником лишь при одном условии: если бы все до одного солдата были убиты. Ни один из защитников Сталинграда не перешел бы с правого берега на левый. Мы дали клятву партии и народу: стоять насмерть! От этой клятвы нас могла освободить только смерть. Сие убеждение было продиктовано не только осознанием стратегической обстановки и необходимостью удерживать город. Это было веление сердца. Оно отражало тот перелом в сознании советского солдата, который произошел у стен Сталинграда: отступить хватит!»

Сталинград отстаивали не только войска 62-й и 64-й армий, отстаивала вся наша страна. Поэтому Паулюс не смог снять ни одного солдата из Сталинграда, не вывел ни одной части из района города. Но ему все же удалось, хотя бы и с оттяжкой, перегруппировать свои войска для нового штурма.

Крылов, сводя воедино донесения армейской разведки и частей, анализировал обстановку, видел опасности, но и видел, что усилия немецких войск обречены опять же на провал. Да, потеснить кое-где защитников Сталинграда, быть может, немного немецкому командованию удастся и на этот раз, но какой ценой. Немецкая авиация по-прежнему безраздельно господствовала над городом, но теперь ее воздействие на линию обороны советских войск сильно ограничилось. Расстояние до противника измерялось несколькими шагами. Если до этого из тактического целого немецких наступательных элементов: авиация, танки и за ними пехота — в городских боях были обесценены танки, то теперь выбыло и авиационное звено. Бомбить передовые позиции советских войск немецкие летчики при таком сближении позиций противоборствующих сторон не могли. Вместе с тем каждое их новое сосредоточение войск для нанесения концентрированного удара при корректировке с правого берега попадало под результативное воздействие артиллерии с левого берега.

Все предчувствовали, что так долго продолжаться не может. Никто и не думал, что немцы могут очистить правый берег, это было невозможно, но и единоборство 62-й и 6-й армии Паулюса должно было прекратиться.

Давно замолкла канонада в районе Купоросного. 64-я затаилась как бы перед решающим прыжком. Не приходило известий и о каких-либо контрударах с Донского фронта. Вместе с тем армейская разведка уже располагала данными, что Паулюс получает пополнения с других участков фронта. Даже с Кавказа. На самолетах к нему доставляются саперные батальоны.

Уже стало известно из допроса военнопленных, что Гитлер отдал приказ 14 декабря перейти по всему фронту к обороне, но этот приказ явно не касался Сталинграда.

И в то же время командование фронтом по несколько раз на день запрашивало штаб 62-й, не замечено ли каких-либо признаков отвода войск из Сталинграда.

Крылов размышлял: что означает это беспокойство? Не готовится ли

где-либо на другом участке фронта крупное наступление советских войск? Если об этом каким-то образом проведало немецкое командование, то было бы естественным укрепить тот участок фронта и за счет 6-й армии, которая, как заверял Гитлер, «способна штурмовать небо».

И еще признак, что где-то Ставка накапливает резервы. Несмотря на то, что бои в городе не утихали, заволжская артиллерия была посажена на голодный паек по боеприпасам.

— Не может быть, чтобы готовили что-то ординарное! — говорил Крылов командарму. — Для ординарного не стоило стольких усилий... Весь вопрос — у нас или где-то еще...

— Шестая армия — самая боеспособная! — рассуждал Чуйков. — Если и готовить что-то решительное, то у нас...

— Но не через наши переправы! — констатировал Крылов.

Немецкое командование сосредоточило кулак для удара по центру города, и по заводам, и вдоль берега Волги, дабы отрезать от воды сталинградцев. Вот-вот должен был начаться новый штурм, а из штаба фронта шли запрос за запросом, нет ли каких-либо признаков, что немецкие войска уходят с позиций.

Сильно похолодало, по Волге пошла шуга: и не лед, и не вода. Очень опасный период, шуга и плывущие льдины почти начисто перерезали сообщение с левым берегом.

Этот момент и выбрало немецкое командование для штурма. Они верили, что этот штурм — последний. Паулюс считал, что, бросив шесть дивизий и несколько саперных батальонов в прорыв на узком участке фронта — между Волховстроевской улицей и Банным оврагом, — он наконец раздавит остатки 62-й армии.

В 6 часов утра противник начал артиллерийскую подготовку, сосредоточив на пятикилометровом участке фронта до тысячи орудий и минометов. С рассветом начали выдвижение его танковые и пехотные части. Тут же открыла огонь артиллерия с левого берега, вели огонь одновременно не менее восьмисот орудий. Несмотря на уничтожающий заградительный огонь, немецкие войска поднялись в атаку.

Здесь более выразителен будет рассказ очевидца с немецкой стороны, командира саперного батальона Вельца в его книге «Солдаты, которых предали»:

«С этой высоты нам видна вся полоса наступления — она лежит наискось перед нами... Под покровом ночи подразделения занимают исходные позиции, подтягиваются роты и взводы. Еще раз проверяются оружие и средства ближнего боя. По собственному опыту знаю, что

происходит в эти минуты.

Вдруг тишина лопается. Орудийные залпы один за другим, непрерывно. Из черного ковра позади нас к небу взлетают короткие огненные сполохи. Их сотни. Снаряды рвутся на склонах высот и скатах лощин, в руинах, в насыпях. Все дрожит от гула. Над нами прокатываются волны горячего воздуха. Густой чад стелется над землей, сквозь него пробиваются первые рассветные лучи, они освещают взрытую снарядами и бомбами пустынную местность.

На русские позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают целые гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого. Если дело пойдет так и дальше, саперам остается только продвинуться вперед и занять территорию. Кажется, так оно и есть. Беспрерывно бьют тяжелые орудия. Навстречу первым лучам восходящего солнца в просветлевшем небе несутся бомбардировщики с черными крестами. Эскадрилья за эскадрилей. Они пикируют и с воем сбрасывают на цель свой бомбовый груз, а за ними — новые и новые».

Вельц, так картинно изобразив начало немецкого штурма, дальше этим как бы драматизирует дальнейшее:

«...Еще каких-нибудь двадцать метров — и они уже займут передовые русские позиции! И вдруг они залегают под ураганным огнем... Глазам своим не верим. Как, неужели после этого ураганного артиллерийского огня, после налета пикирующих бомбардировщиков, которые не пощадили ни единого квадратного метра земли и перепахали все впереди, там все еще жива оборона?

...Но вот наконец становится заметно движение. Через край балки перепрыгивает солдат. Немецкий. Он бежит назад! Ага, наверняка связной с донесением! Но нет, за ним другой, третий, четвертый. Все несутся назад. За ними несколько саперов. Итак, наши отступают! Самое время вводить в бой основную массу батальонов, но ничего похожего не происходит. Еще две-три минуты, и уже видны первые каски русских солдат. Русские постепенно накапливаются, формируются в группы, преследуют беспорядочно отступающих саперов. Где же остальные силы пяти батальонов? Неужели отступающие группы — это все? Все, что осталось?

...Что за наваждение, уж не приснился ли мне весь этот бой? Пять свежих батальонов пошли в наступление, пять батальонов вели бой, как дома на учебном плацу. А результат? Большинство убито, часть ранена, остальные разбиты, разбиты наголову».

Утренние атаки все были отбиты. Они стоили Паулюсу трех тысяч солдат и офицеров и десяти танков. Атаки он возобновил после полудня.

Он сузил острие клина. На два полка Горишного бросил две полнокровные дивизии. Один из полков, 241-й, был просто смят. Немцы заняли южную часть территории завода «Баррикады» и вышли к Волге, расчленив в третий раз 62-ю армию. Ширина прорыва не превышала пятисот метров. Атаки возобновились и 12 ноября. Но не с раннего утра. Ясно было, что немецкое командование задержалось с перегруппировкой частей, понесших особо тяжелые потери. Атаки продолжались весь день, обстановка была тяжелой, но к концу дня в штабм начали поступать странные донесения от комдивов. Еще повсюду шел бой, а комдивы, как бы сговорившись, один за другим докладывали, что враг остановлен, что уже не продвинется ни на шаг, что силы его прямо на глазах иссякают, что немцы останавливаются во время броска в атаку и, пятясь назад, натываются на горы трупов своих солдат. Эти штабеля трупов приводят их в замешательство не меньше, чем инженерные заграждения.

В сложной боевой обстановке, когда использованы все резервы, применены все тактические средства, когда с точки зрения военной науки все должно завершиться поражением, когда и опыт подсказывает, что уже использовано все, что было возможно и невозможно, у талантливого полководца вступает в силу при его размышлениях интуиция, которая и есть выражение его таланта, величина, в любой отрасли человеческой деятельности ничем не измеримая. Но она или есть, или ее нет!

В этот час, когда Военный совет армии был отрезан от командования фронтом, Крылов, взвесив все донесения с передовой, почувствовал, как его охватил озноб. Чуйков, войдя к нему в блиндаж, при неверном свете моргасика взглянул ему в лицо и удивился:

— Что с тобой, Николай Иванович? Жар у тебя? Озноб?

Ответ кому-либо другому, как он ответил, его слова вызвали бы крайнее недоумение. Но Чуйков понял Крылова, когда тот сказал:

— С Паулюсом покончено!

— Говори, почему? Я это тоже чувствую...

— Я не знаю, — ответил Крылов, — что должно произойти и где, где начнется наше контрнаступление, но оно начнется в момент полного истощения сил немецкой группировки под Сталинградом... Даже если мы сегодня и оставили бы город, то это ничего не изменит... Манштейн тоже нес большие потери, но удар его нарастал в своей силе, Паулюс прошел свой наивысший пик... И я думаю, Василий Иванович, что удар будет нанесен все же здесь, под Сталинградом...

План контрнаступления Ставка держала в строжайшем секрете. Были пущены в ход все средства маскировки и дезинформации. Проводились

специальные мероприятия под Вязьмой, чтобы внушить мысль гитлеровскому командованию, что наступление будет предпринято в центре советско-германского фронта.

Обычно сквозь все завесы секретности проникала информация «солдатского вестника». И проникали известия сквозь все преграды, что готовится что-то серьезное. И опять же по несколько раз на день из штаба фронта задавали все тот же вопрос: «Не замечен ли отход каких-либо частей из города?»

И хотя сила ударов слабела с каждым днем, Паулюс с маниакальной настойчивостью каждый день продолжал свои атаки. Крылов иногда сам передавал сводки по телефону или начальнику штаба фронта, или же Еременко. Тональность их голосов его удивила бы, если бы он не укрепился в предположении, что им известно что-то такое, что неизвестно еще командованию армии. Он докладывал о новых атаках Паулюса и улавливал, что это почему-то радовало командование фронтом.

Оставалось считать только дни: когда, когда же?..

18 ноября, как обычно, Крылов пришел к командарму с докладом об обстановке и с прикидкой, что предпринять на следующее утро. Забот было немало: и группа Горохова, и дивизия Людникова, сражавшаяся в окружении, и недостаток боеприпасов, и многое другое. Раздался телефонный звонок из штаба фронта. И время было обычное для таких звонков. Но сообщение не совсем обычное. Командарма предупредили, чтобы он никуда не отлучался, что скоро будет передан телеграфом важный приказ.

Все замерли. Таких предупреждений за все дни обороны города не бывало. Никто не решался высказать всех осенившее предположение. Решился Кузьма Акимович Гуров:

— Это приказ о переходе наших войск в контрнаступление!

Крылов взглянул на Чуйкова. Всего лишь три-четыре дня тому назад они об этом говорили, а потом замолкли, как бы не желая разочаровываться, если бы предположения не подтвердились. Чуйков нахмурился. Он не любил в чем-либо обманываться, хотя все подтверждало, что Гуров не ошибся.

В полном составе Военный совет армии перешел в блиндаж связи. В полночь застучал аппарат. Чуйков дрожащим голосом читал с ленты, что утром 19 ноября два фронта, Донской и Юго-Западный, а днем позже и Сталинградский переходят в решительное контрнаступление. Сообщение было кратким, но все, кто собрался в эту минуту у аппарата, не нуждались в карте, конфигурация фронта застыла в их памяти, и каждый мог сразу

мысленно охватить замысел Верховного Главнокомандования.

Утром опять атаки немцев, будто бы ничего и не произошло. И только после полудня полковник Горохов сообщил по телефону, что они слышат далекий орудийный гул на северо-западе. Это уже было серьезно. Рассеялся туман, но ни одного немецкого самолета над городом.

В оперативной сводке к концу дня Крылов записал: «В результате длительных боев части армии понесли значительные потери, которые до сих пор не восполнены, в силу чего боевые порядки резко ослабли».

20 ноября до армейского КП со стороны Купоросного донесся орудийный гул. Самолеты по-прежнему над городом не появлялись.

С фронтового КП беспрестанно запрашивали, как ведет себя противник, требовали особо тщательной проверки, не начал ли он где-либо отход. Не начал. По-прежнему продолжались настойчивые атаки немцев.

В ночь на 21 ноября началось передвижение в стане противника. К утру разведка установила, что снимаются танковые части. Прекратились атаки, бои продолжались только против участка, который обороняла в окружении дивизия Людникова. 24 ноября к группе Горохова прорвалась 66-я армия генерала А. С. Жадова, войска 62-й армии воссоединились с Большой землей.

Бесспорна истина, что человек познается в беде, в преодолении трудностей, ну а уж в горниле сталинградской обороны все это действительно втройне.

«Такие дни, какие мы все пережили в середине октября, — пишет Крылов в своей книге «Сталинградский рубеж», — теснейше сближают людей, связанных общим делом и общей судьбой. Так вышло у нас с Василием Ивановичем Чуйковым, с Кузьмой Акимовичем Гуровым. Если мы и до того были хорошими боевыми товарищами, успевшими и узнать друг друга, и сработаться, то, пожалуй, именно с тех переломных октябрьских дней стали друзьями навек.

Чуйков мог быть и резок, и вспыльчив, но друг ведь не тот, с кем всегда спокойно. С нашей первой встречи на Мамаевом кургане я считал, что мне посчастливилось быть в Сталинграде начальником штаба у такого командарма — чуждого шаблонов (в той обстановке приверженность к ним могла бы погубить все), до дерзости смелого в принятии решений, обладавшего поистине железной волей. А непоколебимо принципиальный, страстный и в то же время глубоко сердечный Гуров олицетворял партийную совесть нашей армии. То, что эти два человека постоянно находились рядом, значило для меня очень много».

А вот как бы отвечал ему В. И. Чуйков: «До этого мы с ним не

встречались и не были знакомы. Я знал, правда, что он был одним из руководителей обороны Одессы и Севастополя. Встреча на дорогах войны. Как много было и у меня и у него таких встреч. Встретились и разошлись. А эта встреча была на всю жизнь, до самого того скорбного часа, когда довелось мне проводить самого родного и дорогого моего друга, которого подарила мне моя долгая жизнь, Николая Ивановича Крылова, Маршала Советского Союза, командующего Ракетными войсками стратегического назначения в его последний путь — на Красную площадь».

Глава пятая. От Сталинграда до Кенигсберга

В городе, в котором только что кончились бои, где еще оставались войска, где работали переправы, госпитали, кухни, куда возвращались по льду его жители, не могло быть тихо. Но эти обычные городские шумы тем, кто пережил оборону, казались абсолютной тишиной. У моряков на всю жизнь остается раскачивающаяся походка и привычка широко расставлять ноги, люди, непривычные к морю, после длительного плавания спотыкаются на ровной земле. Тишина оглушила сталинградцев, а память об опасности заставляла ходить, пригибая голову. Все кончилось, фронт отодвинулся так далеко, что уже и чуткое ухо при тихой погоде не могло бы различить его канонады. А воины 62-й как бы прикипели к городу и очень неохотно и не спеша покидали правый берег Волги.

Родилась солдатская легенда. Будто бы Чуйков, Крылов и Гуров, когда завершился последний бой, собрались на левый берег попариться в баньке. Они спустились к реке. Чуйков, как всегда, шел впереди. Первым он вступил и на лед. Лед сейчас же провалился. Чуйков поднялся обратно на берег и, с досадой поглядывая на обмерзающие на ветру валенки, молвил:

— Нет, не пойду я туда!

Словно и действительно для этих людей за Волгой земли не было.

Василий Иванович Чуйков более сорока лет спустя после Сталинградской битвы, умирая, изъявил свою волю, чтобы его похоронили на Мамаевом кургане, там же, где захоронены многие его боевые соратники.

Отгремела битва. 62-я была переведена на левый берег на отдых и пополнение.

Но отдых, конечно, был коротким. В армию пришло пополнение, началась боевая подготовка, обучение новобранцев. А поучиться им было у кого. Ветераны сталинградской обороны могли научить настоящему бою. Крылов к тому же требовал, чтобы обучение шло в наиболее приближенной к боевой обстановке. Впереди лежала для армии дальняя и трудная дорога от Сталинграда к Берлину, к последнему штурму последней цитадели фашизма.

— Это хорошо, что ваши солдаты метко стреляют по мишеням, — говорил Крылов на совещании офицеров штаба 75-й гвардейской дивизии полковника Горишного (так стала называться 95-я дивизия). — Но почему эти мишени расставлены как попало? Не надо играть в поддавки!

Вспомните, как наступали и оборонялись немцы. Они умеют использовать каждую складку местности, они скрывались за идущими впереди танками, они не давали времени тщательно прицелиться. Их авиация заставляла каждого нашего солдата вжиматься в землю. Надо на стрельбище создавать тактический фон. Каждый раз перед солдатом надо ставить новые задачи, и с каждым разом труднее и труднее. Умелый солдат убьет врага, неумелого убьет враг! Это должно дойти до сознания каждого!

Переезжая из одной дивизии в другую, Крылов сам ставил тактические задачи, все время их усложняя. Еще никто не знал, куда будет направлена армия, но завоеванная героическая слава подсказывала, что ее готовят для наступательных операций на самых ответственных участках фронта. Стало быть, идти армии степными просторами Украины, лесами Белоруссии, штурмовать города. А это очень разные тактические задачи. Крылов следил за тем, чтобы укреплялся в армии опыт штурмовых групп, — это пригодится при взятии городов и при лесных боях, он требовал совершенствования взаимодействия рот, батальонов и полков, а также их взаимодействия с другими видами вооруженных сил — с танкистами, с авиацией, с конно-механизированными соединениями. Словом, пребывание армии в резерве не было отдыхом.

В один из таких напряженных дней учебы, когда Николай Иванович собрался в дивизию Людникова, в кабинет начштаба вошел Чуйков.

Насупившись, он произнес:

— Поездку в дивизию Людникова данной мне властью отменяю!..

Пауза, нахмуренные брови.

После сталинградских боев Крылова мало чем можно было удивить, а тем более испугать. И уголки губ Чуйнова подсказывали, что за всей его строгостью скрывается какая-то шутка. Крылов терпеливо ждал, в чем же эта шутка, но никак не ожидал того, что последовало. Чуйков протянул листок бумаги с каким-то текстом и сказал:

— С получением сего предписания приказываю отбыть тебе в город Джамбул!

Не выдержал и рассмеялся.

— Собирайся, Николай Иванович, получено разрешение на поездку домой! Хотя какой это дом! Нет у тебя ныне дома, рад, что семья есть! Я не ошибся? Твои в Джамбуле, не придется переделывать предписание?

— Не придется! — едва слышно вымолвил Николай Иванович.

— Я сначала глазам своим не поверила, — вспоминала Анастасия Семеновна на семейном празднике. — Слышу, кто-то стучит в дверь. Подумала, что это хозяйка пришла, у которой мы комнату снимали. Иду,

открываю и чуть не упала в обморок. Тут бы смеяться, а я стою, смотрю на Николая и плачу. Потом уж, когда успокоилась, сообразила, что мужа-то не так надо встречать. Побежала к соседям, заняла картошки. Была у меня припрятана селедка да кусочек масла. Вот такой я стол накрыла.

Потом на следующий день пошла на дежурство, но работать мне не дали, — продолжала после небольшой паузы Анастасия Семеновна. — Начальник отделения, был у нас такой очень суровый военный хирург, узнав, что ко мне муж приехал, буквально выгнал из госпиталя. Говорит, одно дежурство я с тебя снимаю, отдежуришь потом, когда супруг уедет. Ну я радостная бегу домой. Прибегаю и вижу такую картину: муж мой, сняв свой генеральский мундир и надев единственные парадно-выходные брюки, которые я так берегла, что даже на хлеб не поменяла, что-то мастерит с ребятами. Сам весь в опилках, но смеется, веселый. И дети рядом с ним как-то оттаяли. А ведь я бояться за них стала — слишком серьезными были. Война ведь, она и в тылу чувствовалась, особенно по детской психике била. Впрочем, отвлеклась я. Так вот, вижу, пилят они что-то и строгают. Я, конечно, ругать Николая, все же единственные брюки, а он смеется: война закончится, новые купим. И так это аккуратненько отводит меня от того места, где мастерскую себе организовал. И ребята тоже рядком выстроились, закрывают собой этот уголок. Уж я смекнула, в чем дело, но виду не подавала. И через день, точно, поздравляют меня с Восьмым марта и дарят собственноручно сделанную полочку. Жаль, что не сохранилась она, при переездах потеряли.

Анастасия Семеновна надолго замолчала, еще раз переживая то, что, казалось, давно ушло в прошлое, а потом продолжила:

— Николай поначалу все пытался утаить от меня, что рана его открылась. Но разве скроешь, если через повязку кровь проступает. Уговаривала показаться нашему хирургу, замечательному специалисту, но так и не смогла уговорить. На все один ответ — упекут в госпиталь, а я хочу с вами побыть. Тогда я пошла на хитрость. Во время очередного дежурства, а дежурила я через сутки, рассказала обо всем заведующему отделением — забыла, к сожалению, как его звали, — и попросила прийти якобы в гости. А там за столом я будто невзначай заведу разговор о ране, и он посмотрит ее. Но Николай разгадал нашу хитрость. Сказал, что даст себя осмотреть только в том случае, если ему пообещают не класть в госпиталь. Что сделаешь, пообещали. А ведь класть-то надо было. Может быть, если бы тогда подлечили, он не слег бы позже так надолго.

В этот приезд Николая Ивановича домой произошли события куда более значительные, чем изготовление полочки. Старший его сын Юрий,

которому тогда исполнилось семнадцать лет, улучил момент, когда они остались с отцом вдвоем, и сказал:

— Папа, у меня есть большая просьба! Возьми меня с собой на фронт. Пора!

Очень разноречивые чувства вызвал вопрос сына. Это и гордость, что вырос не трусом, не приспособленцем, который рассчитывал бы на высокое воинское звание отца, чтобы избавиться от исполнения долга, а вместе с тем сердце защемила тревога. Николай Иванович знал, что такое война и как мало в ней значит человеческая жизнь. Но превыше всех других чувств с юных лет было для него характерным развитое чувство справедливости и совестливости. Совесть не позволяла ему пресечь этот разговор. Он понимал, что, останови он сейчас порыв сына, он тут же потерял бы право посылать чужих сыновей в бой. Единственно, что он мог, — это обратить внимание сына, что ему всего лишь семнадцать лет и срок призыва у него наступит через год.

— Ты, папа, пошел на военную службу шестнадцати лет, — тут же сказал Юрий. — И не говори, что время было другое... И в наше время, сам же ты мне рассказывал в письмах о сыновьях полков...

— Для солдата — рано, для сына полка поздно! — поправил отец сына. — Учебной команды у меня нет на фронте... Надо будет подумать, как все это устроить по чести...

— Тебе, папа, виднее, как по чести. Но я твердо тебе заявляю: я должен быть на фронте. Все остальное не по чести. Вот пока мама нас не слышит, давай и решим. Это мужской разговор... — Но мать слышала из-за двери, о чем они говорили, не выдержала и вошла.

— Это что у вас за мужской разговор мальчика и мужа? Ты, Юра, выкинь это из головы, я тебя никуда не пущу!

Николай Иванович обнял жену и молвил:

— Наступает час, когда птенцы вылетают из гнезда.

— Ему только семнадцать!

— И только семнадцать, и уже семнадцать! — поправил Николай Иванович. — У меня есть такие. Ребята в четырнадцать, даже в двенадцать лет ходят в разведку, А нашему — семнадцать... Я не могу ему отказать, не имею права!

— А у меня разве нет права его остановить? — спросила Анастасия Семеновна. — Ему еще год до призыва... Глядишь, и война кончится...

— Люблю тебя за откровенность! — сказал Николай Иванович. — Но знать тебе, что через год война не кончится. И чем раньше Юра пройдет ее суровую школу, тем лучше... для него же! Так что, мать, собирай нас

вместе.

— А Лида? — спросил Юрий.

— Что Лида? — воскликнул Николай Иванович.

— Она тоже... Санинструктором. И ее не остановишь, — пояснил Юра.

Уезжал из Джамбула Николай Иванович с сыном¹ и дочерью... Остался с матерью младшенький — Борис.

В конце марта распутица приостановила активные действия на фронте. Фронт стабилизировался по линии Севск — Рыльск — Белгород — Волчанок, по реке Северский Донец.

62-я армия получила приказ передислоцироваться в район Купянска и Сватово на Северский Донец. Ночью без огней и световых сигналов тронулся головной эшелон армии. Командарм и Крылов попрощались с волжской землей, которой они и вся армия отдали столько своих сил. Продвижение шло очень медленно.

Чуйков всегда был нетерпелив и там, где это было возможно, спешил ускорить события. Он пересел в «виллис», забрав с собой и Крылова. Они сильно опередили эшелоны армии, хотя пробитые в снегу дороги тоже были не очень-то пригодны для быстрой езды.

Когда прибыли в штаб Юго-Западного фронта, то узнали, что Николаю Ивановичу Крылову присвоено звание генерал-лейтенанта и что его отзывает Москва. В Генеральном штабе не забывали организатора одесской, севастопольской и сталинградской обороны, и уже давно, еще в дни сталинградских боев, его судьба была predetermined, ему готовили новое ответственное назначение.

Стало ясно, что Чуйков останется командармом, ибо армии предназначалась особая роль в дальнейшем ходе войны, а Крылов из Москвы уже в армию не вернется.

На проводы начальника штаба собрались все ветераны 62-й. В разбитом здании сельской школы, в зале без окон и дверей расставили учительские столы и ученические парты. Накрыли стол. Комдивы, командиры полков и бригад знали, что их оставляет не обычный начальник штаба, а человек, уже выросший в значительного военачальника, с которым было бы легче решать те задачи, которые ставила перед ними история. Но все понимали, что Николай Иванович перерос свою должность начштаба.

«Бывают в жизни минуты, — рассказывает Чуйков, — когда хочешь что-то сказать идущее из глубины души, но слов для этого не находится. Беден язык, что ли, или волнение глушит слова, и кажется их смысл притупленным, невыразительным. Так было и со мной в ту минуту. Слезы

душили меня. Мне хотелось продлить минуты расставания, дольше смотреть на него, слышать его голос, по я ушел после короткой прощальной речи. Мне надо было остаться одному. Николай Иванович меня понял. Перед самым отъездом он зашел ко мне в хату, и мы с ним простились...»

В Москве Крылова принял первый заместитель начальника Генерального штаба Александр Иннокентиевич Антонов. Николаю Ивановичу предлагался выбор. Или назначение начальником штаба фронта, чего удостаивались очень немногие генералы и немногие удерживались на этих постах, или командование армией. Антонов не торопил. Советовал подумать.

Задуматься было над чем. Трижды Крылову повезло с командармами. Повезло в Одессе с командармом Георгием Павловичем Софроновым, в Севастополе с Иваном Ефимовичем Петровым, в Сталинграде с Чуйковым. Не выпадала из памяти и история с генерал-лейтенантом Черняком. И если командарм для начштарма фигура в какой-то степени преодолимая, то с командующим фронтом все окажется во много раз сложнее. И еще одно соображение. Как ни ответственна должность начальника штаба — решение остается за командующим. Крылов выбрал пост командующего армией, выбрал возможность самостоятельных решений.

Сначала Н. И. Крылов стал командармом 21-й армии в период ее формирования, затем, с 24 октября 1943 года — командармом 5-й армии, которой предстояло решать задачи на главном направлении удара.

Главные наступательные действия советские войска вели в это время на юге страны. На Центральном направлении решались пока задачи местного значения. Освобождение Белоруссии и Прибалтики ждало своего часа.

Не только в Ставке, но каждый командарм понимал, какие задачи встанут здесь перед советскими войсками, когда на северном участке фронта и на Украине закончится цикл наступательных операций и для действий всего Западного фронта будут выделены резервы Верховного Главнокомандования.

Уже к осени сорок третьего года определилась конфигурация линии фронта с заметно вдающейся полосой немецкой обороны в пределы освобожденной советской территории. Этот участок фронта уже тогда условно называли Белорусским балконом от Витебска до Мозыря. Полоцк, Витебск, Орша, Могилев, Борисов, Бобруйск и Жлобин были превращены в мощные оборонительные районы на подступах к Минску. Гитлер, а с ним и немецкий генералитет очень ревниво относились к этому «балкону»,

рассматривая его как важнейшую линию обороны на подступах к Польше и к германским границам, а также как возможный плацдарм для удара на Москву, о котором Гитлер не переставал мечтать, уже совершенно утратив чувство реальности.

После войны стало известно, что Гитлер приказал этот регион защищать «как рубежи самой Германии».

Но и не зная об этом приказе, советское командование отчетливо видело, что здесь развернутся решающие бои летом 1944 года.

24 апреля 1944 года произошло весьма значительное событие. Директивой Ставки Верховного Главнокомандования Западный фронт преобразовывался в 1-й Белорусский. Теперь «Белорусский балкон» охватывали четыре фронтовых объединения: 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты.

Назначение командующими фронтами наиболее испытанных военачальников тоже говорило о многом. 1-м Прибалтийским фронтом командовал И. Х. Баграмян, 3-м Белорусским фронтом назначили командовать И. Д. Черняховского, 2-м Белорусским — Г. Ф. Захарова, 1-м Белорусским — К. К. Рокоссовского.

5-я армия вошла в состав 3-го Белорусского фронта.

25 мая И. Д. Черняховский побывал в Ставке у Сталина и, вернувшись, начал подготовку к наступлению своего фронта в общей операции нескольких фронтов по освобождению Белоруссии, вошедшей в историю под ее кодовым названием «Багратион».

Операция огромного масштаба. В войска задействованных фронтов в короткое время надо было доставить 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, 500 тысяч тонн продовольствия и фуража. В заданных директивой Ставки районах сосредоточивалось 5 общевойсковых армий, 2 танковые, одна воздушная, 1-я армия Войска Польского, 5 отдельных танковых, два механизированных и четыре кавалерийских корпуса, десятки отдельных полков и бригад всех родов войск, перебазировались одиннадцать авиационных корпусов.

Это тысячи эшелонов, огромные автоколонны, это огромных масштабов строительные работы, строительство мостов, подъездных путей. И все это было необходимо сделать незаметно для противника. Принимались широкие меры дезинформации, фронтовая полоса была прикрыта заградительными отрядами, чтобы не просочилась разведка противника. В особо ответственных районах авиация перекрывала доступ для полета немецких самолетов-разведчиков.

Операция предусматривала охват огромной территории — до 1000

километров по фронту и до 600 километров в глубину.

Замысел Белорусской наступательной операции под условным наименованием «Багратион» сводился к тому, чтобы глубокими ударами четырех фронтов разгромить основные силы группы армий и центр, освободить Советскую Белоруссию и создать предпосылки для последующего наступления советских войск в западных областях Украины, Прибалтики, Восточной Пруссии и Польши. План операции предусматривал прорыв обороны противника одновременно на шести участках, чтобы расчленить его войска и разбить их по частям. Особое значение придавалось разгрому наиболее мощных фланговых группировок врага, оборонявшихся в районах Бобруйска и Витебска, с целью прорубить широкие ворота для стремительного продвижения крупных сил 3-го и 1-го Белорусских фронтов и развития их успеха по сходящимся направлениям на Минск.

1 июня 1944 года на КП армии пришел вызов командарму Крылову, начальнику штаба генерал-майору Прихидько и члену Военного совета полковнику Пономареву срочно прибыть в штаб фронта.

Выехали рано утром на автомашине по лесным запутанным дорогам, хорошо прикрытым густой листвой от немецких самолетов.

— Сразу всех? К чему бы? — гадал Прихидько. Но с предположениями не торопился.

И ему отвечать не очень-то спешили. Все трое догадывались, конечно, что вызов очень важен и скорее всего объяснит, что делалось в полосе фронта, прояснит, с какой целью прибывают новые войска, части усиления, боеприпасы. Большая наступательная операция? Всем хотелось, чтобы так и было, но о таком сказать вслух не решались, слишком велико было желание, и не то что спугнуть боялись, а чувствовали, что говорить об этом еще не настало время.

В лесу разборный домик. На просторных столах расстелены карты. Принял их Черняховский и начальник штаба фронта Александр Петрович Покровский.

Поздоровались. Не удивились приподнятому настроению командующего фронтом. Догадка подтверждалась.

— Присаживайтесь к столу! — пригласил Черняховский и широким жестом указал на расстеленные карты. И, уже обращаясь к Покровскому, предложил: — Начинайте, Александр Петрович!

— В Ставке спланирована стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Багратион», — начал даже, пожалуй, с показным спокойствием Покровский. И он не мог быть спокоен, объявляя о таком

событии. — К разгрому группы армий «Центр» и освобождению Белоруссии от врага привлекаются силы четырех фронтов, — продолжал он.

— Наконец-то! — вырвалось у Крылова.

Покровский поднял на него взгляд, но, хорошо понимая состояние командарма, никак не отреагировал на эту вольность. Он лишь немного повысил голос.

Обрисовав в общих чертах задачи задействованных фронтов, Покровский остановился подробнее на задачах 3-го Белорусского фронта.

Фронт наносил два удара.

Первый из района западнее Лиозно на Богушевск, Сенно, Лукомль.

Второй — из района Красного вдоль автостреды Москва — Минск на Толочин, Борисов.

Этими ударами рассекалась витебско-оршанская немецкая группировка и во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов приводилась к полному уничтожению. Воспротив отход противнику за Березину, фронт создавал благоприятные условия для общего наступления на Минск.

Для нанесения удара на Богушевск — Сенно командование фронтом создавало группу, в которую вошли 39-я армия, 5-я армия и конно-механизированная группа генерала Н. С. Осликовского.

В районе Красного сосредоточивались 11-я гвардейская и 31-я армии, 2-й гвардейский танковый корпус. Уступом за ними располагалась 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова.

Предполагалось танковую армию ввести в прорыв в полосе действий южной группы фронта, после того как 11-я гвардейская и 31-я армии прорвут тактическую оборону противника на всю глубину, и пустить ее по тылам противника вдоль автостреды Москва — Минск. Покровский закончил, слово взял командующий фронтом.

— А теперь о том, что касается лично вас, Николай Иванович, и начальника штаба армии и члена Военного совета армии... Командование фронтом придает особое значение богушевскому направлению. Я не исключаю, что на шоссе Москва — Минск противник окажет самое сильное сопротивление. Я не сторонник лобовых ударов, поэтому богушевское направление может оказаться решающим. И если таковым оно окажется, мы введем именно здесь, в полосе вашей армии, в прорыв пятую гвардейскую танковую армию, главную ударную силу фронта. Ставка, передавая нам пятую гвардейскую армию, рассчитывает на ее

стремительные действия после выхода на оперативный простор. Стало быть, ваша армия может оказаться на острие удара. И последнее! К разработке документов привлекайте самый ограниченный круг лиц: начальника оперативного отдела армии, начальников родов войск, начальника тыла!

Черняховский сделал паузу.

— Теперь по расчетам... Все расчеты делать самим, никому не поручать и писать от руки! Черновики уничтожать лично! Сжигать! Никаких письменных документов от нас не ожидайте! Их не будет! Вести разговоры об операции по телефону категорически запрещаю! О перегруппировке войск. Ночи сейчас короткие, и все же передвижения совершать только в темноте! Из-за этого нам даны несколько лишних суток на подготовку операции. И еще! Без нужды в бои местного значения не ввязываться. Ныне не сорок первый год, в плен не сдаются, но пленных захватывают, под пытками могут кое-что и выведать. С сегодняшнего дня каждый пленный — это ЧП для фронта! До начала операции, при всей нагрузке по ее подготовке мы начинаем сложную большую игру по маскировке и дезинформации... Игра должна вестись на всех уровнях. Если потребуется переговорить со мной, что-либо уточнить, то приезжайте сюда в любое время. Или позовите — сам приеду!

Черняховский полистал блокнот на столе.

— Впрочем, можете а не звать. Намечено у меня вскорости у вас побывать!

Николай Иванович Крылов очень высоко ставил моральный дух войска, настроение солдата, считал, что очень многое решает в бою наступательный порыв, но никогда не рассматривал эти нравственные категории в отрыве от материального обеспечения и точных расчетов в замысле операции.

В штабе фронта провели разграничительные линии действий 5-й армии и ее соседей, справа 39-й армии, слева 11-й гвардейской. Полоса наступления 5-й армии сократилась до 22 километров.

Довольно долгое противостояние войск в обороне дало возможность с очень большой, даже необычно большой точностью установить, какими силами располагает противник в полосе наступления 5-й армии. Все, что узнала разведка всех видов о немецкой обороне, было тщательно занесено на карты командующего и начштаба.

Итак, на противоположном берегу Суходровки и в глубине держала оборону 299-я немецкая пехотная дивизия 6-го армейского корпуса. Ей в усиление был придан 256-й пехотный полк из 256-й пехотной дивизии. Им придавались три пехотных штрафных батальона, два танковых батальона, дивизион штурмовых орудий, тринадцать артиллерийских дивизионов, два минометных дивизиона.

В глубине обороны на 4–6 километров располагался тактический резерв в составе 528-го пехотного полка и нескольких специальных батальонов.

Оперативный резерв: 14-я и 95-я пехотные дивизии и 350-й пехотный полк 221-й пехотной дивизии. Расположен в районе Богушевска и Сенно. Крылов уже получил в штабе фронта данные о том, как будет усилена 5-я армия к началу наступления. Прибывали новые части.

Армия стала трехкорпусной. К 72-му и 65-му стрелковым корпусам добавлялся 45-й стрелковый корпус генерал-майора С. Г. Поплавского. Итого — девять стрелковых дивизий.

Армии придавались две танковые бригады, несколько саперных полков, штурмовые бригады, штурмовые саперные батальоны, 3-я гвардейская артиллерийская дивизия прорыва с гаубичными и пушечными бригадами, 14-я гвардейская пушечная дивизия в составе трех бригад, 16-я гвардейская истребительная противотанковая бригада, минометные полки, в том числе и реактивной артиллерии М-31 и М-13, зенитная артдивизия,

зенитные артбригады, 513-й полк огнеметных танков, 253-й полк танков-тральщиков, самоходные артиллерийские установки.

Армия получила 1733 орудийных и минометных стволов, не считая зенитной и реактивной артиллерии, 272 танка и САУ.

Сила огромная, перевес над противником в полосе прорыва составлял по численности личного состава в три раза, по количеству пулеметов в 24 раза, минометов — в 5,2, противотанковых орудий — в 2,5, орудий 76-миллиметровых и выше — в 7,4, реактивных установок — в 5,4, танков и САУ — в 5,6 раза.

Артиллерийское обеспечение прорыва давало возможность сосредоточить в полосе наступления в среднем до 112 орудий и минометов, не считая зенитной и реактивной артиллерии, и до 25 танков на один километр фронта. На направлении главного удара артиллеристы доводили плотность до 200 орудий и минометов при плотности танков в 40 единиц на один километр фронта.

Не все еще было под рукой, короткими июньскими ночами, соблюдая все требования маскировки, эту силу надо было принять, разместить на исходных позициях.

Казалось бы, замысел операции построить было очень просто. Произвести привязку войск к местности, расписать задачи перед корпусами, дивизиями, средствами усиления и смять противника. Несомненно, что удар такой мощности разрушил бы немецкую оборону, тем более что запас снарядов позволял провести артподготовку продолжительностью до двух часов с лишним.

Николай Иванович вел армию в большое наступление впервые. До сего времени он мог себя считать по праву мастером обороны. И как мастер обороны, он прежде всего и взглянул на предстоящую задачу. Предыдущий опыт говорил о том, что, какой бы интенсивной ни была артподготовка, какой бы плотности ни велся артогонь, подавить все огневые точки противника, все его тщательно замаскированные батареи не удастся. Превосходство в силах наступающего — очень важный фактор, но, как показали бои в Севастополе и особенно в Сталинграде, не решающий. Даже при прорыве наступающий несет обычно очень тяжелые потери. Для того чтобы нанести значительные потери наступающим, у немцев в полосе обороны, которую предстояло прорывать 5-й армии, средств было достаточно. Поэтому с первой минуты, как только начали в штарме составлять план наступления, Крылов задумался, как избежать потерь, как свести их до минимума, ибо ничего он не ценил выше человеческой жизни, выше жизни солдат и офицеров вверенных его командованию.

Самый обычный и почти неизбежный момент в начале наступления — это артиллерийская подготовка. Но даже самая массированная артподготовка не может подавить все огневые средства противника, не может начисто уничтожить его живую силу. Что только ни делал Манштейн, чтобы раздавить оборону Севастополя. После ужасающей артподготовки, бомбежки траншеи вновь оживали и немцы если и продвигались, то обильно поливая кровью каждый метр. В Сталинграде немецкая авиация полный день висела в воздухе, а Паулюс в иных случаях еще сосредоточивал для артиллерийского удара до двухсот с лишним стволов на километр прорыва и все же нес потери.

Артиллеристы разрабатывали метод артиллерийской поддержки атаки — двойной огневой вал сопровождения пехоты и одновременного подавления обороны противника на всю глубину его первых траншей. Это тоже не было чем-то новым и совсем неизвестным. Слишком мало было вариантов огнем при прорыве, чтобы возможно было придумать что-нибудь такое, чего противник не знал. Вместе с тем Крылов извлек из своего опыта оборонительных боев, что самое опасное для обороняющихся всегда и при всех обстоятельствах — внезапность!

Можно ли в слагающейся обстановке рассчитывать на какую-либо внезапность? Четыре фронта спешно оснащались всеми видами вооружений и боеприпасов для широкомасштабной операции. С Украины перебрасывались, две танковые армии. Возможно ли это осуществить, чтобы неприятельская разведка не установила передвижения огромной массы танков? В месторасположение четырех фронтов прибывали тысячи эшелонов с войсками, с техникой, с боеприпасами.

Контрнаступление советских войск под Сталинградом оказалось внезапным для немецкого командования. В этом Крылов сам убедился на допросе плененных немецких генералов и воспринимал эту внезапность как чудо из чудес. После долгих раздумий о природе этой внезапности отнес ее в плоскость психологическую. Не могло быть так, чтобы разведка ничего не заметила. Немецкие разведчики сообщали о концентрации советских войск на флангах немецкой группировки. Однако эти сообщения не принимались во внимание, ибо немецкое командование всех степеней исходило из ложной установки, что Красная Армия после поражений летом сорок второго года и боев за Сталинград не имеет сил для организации мощного удара. Заданность концепции немецкого командования сыграла решающую роль в том, что оно; проглядело подготовку контрнаступления.

Здесь, в Белоруссии, рассчитывать на чисто психологический аспект не приходится. Немецкое командование к тому времени получило немало

доказательств того, что Красная Армия способна к широким наступательным операциям, и, конечно, трудно было бы найти в немецкой армии генерала, который не понимал бы, что вот-вот должна наступить очередь и освобождения Белоруссии.

Командующий фронтом Черняховский и начальник штаба фронта склонны были считать, что операция «Багратион» будет для противника полной внезапностью. Крылов не надеялся на это и предпочитал готовить операцию, исходя из того, что противник будет готов к обороне. Стало быть, фактор внезапности надо искать в маневре, в отходе от шаблона.

Следует здесь заметить, что в сорок четвертом году накануне операции «Багратион» да и после ее завершения в распоряжении Советского Верховного Командования не имелось еще документов, которые с полной ясностью говорили бы, что внезапность была все же достигнута. Послевоенные публикации подтвердили, что наступление в Белоруссии четырех фронтов оказалось для немецкого командования внезапным. Сработала все та же концепция недооценки сил советского народа и все тот же психологический барьер мнимой непобедимости немецких войск.

Но в июне, накануне операции, в этом никто не мог быть уверен.

Бои в Сталинграде открыли Крылову один из самых важнейших секретов боя: надо чувствовать, что там, где ты находишься, есть главная точка всей войны, что от твоих действий, какого бы масштаба они ни были, оборона ли высоты, противотанковая пушка, окоп или оборона города, зависит исход всей войны. Не кто-то другой за тебя, не сосед твой ближний или дальний, а именно ты должен одолеть врага...

Посвящение в глубину военной тайны идет как бы по ступеням лестницы сверху вниз. И степень посвящения уменьшается с каждым пролетом вниз. Что положено знать в штабе фронта, то далеко не все становится доступным знанию в штабе армии. Но тайна может оставаться только касательно деталей, плох бы был тот командарм или начштарма, который не сумел бы прочитать по карте общий замысел операции. Но кто же, хотя бы в составе и одного фронта, какая из его армий станет главным направлением — этого не могло предусмотреть до конца ни одно планирование. Комфронта колебался, где вводить решающую силу — танковую армию — в прорыв: на участке 11-й гвардейской или на участке 5-й армии? Колебания понятны. Многое зависело и от сопротивления противника, и от успеха в организации прорыва. Крылов предпочел счесть, что его армии и надо наносить сильнейший удар и ее полосу наступления сделать направлением главного удара.

И если правые или левые соседи получают преимущество в прорыве, то

5-й армии это будет только облегчением, а если у них задержка, то ее успех определит успех фронта.

Так как же достигнуть внезапности, если считать, что сосредоточение огромных сил не может остаться не замеченным противником?

Для армии это означало найти неожиданный маневр, для четырех фронтов — одновременный удар на огромном протяжении по фронту, чем и прикрывается согласно теории Брусилова главное направление наступления.

Но, собственно говоря, этот же брусиловский эффект создается и в полосе 3-го Белорусского фронта, ибо наступают три армии, и противник остается в неизвестности, которая же из них поставлена на направлении главного удара, где в полосе армии наносится главный удар.

Здесь Крылов видел возможность дезориентировать противника и придать наступлению на каком-то одном участке полосы наступления армии свойства внезапности.

В переводе в практическую задачу это означало — подготовить и начать наступление таким образом, чтобы противник задействовал в обороне только тактический резерв, поставив его под разгромный удар, и не тронул с места резерв оперативный. Задержка с вводом в бой оперативного резерва давала возможность силы противника разгромить по частям.

В первые часы раздумий над подготовкой наступления эта задача представляла еще лишь в общих чертах, для ее конкретизации предстояло проделать огромную подготовительную работу.

Генерал-майор Н. Я. Прихидько пришел начштармом в 5-ю армию с поста начштарма 68-й армии. Но и ему пришлось нелегко, несмотря на солидный опыт штабной работы.

Крылов был требователен к себе, но и в не меньшей степени и к другим. Он требовал точности во всем и, главное, точных знаний противника и своих сил. Расчеты, расчеты... Дни, часы, минуты, километры, метры.

У армейской разведки Крылов требовал каждодневного уточнения позиций и передвижений противника, точного анализа, что происходит у противника, не меняется ли его поведение в приближении срока начала операции. Ничего приблизительного не принимал. Если разведка давала карту, скажем, расположения неприятельских батарей, Крылов заставлял ее уточнять всеми средствами разведки, в том числе и авиационной.

Если разведчики докладывали, что тот или иной опорный пункт обороняет батальон, Крылов требовал уточнения его личного состава и

всех средств поддержки. Его интересовали не только цифры. Батальон полного состава? А что это за состав? Обстрелянные солдаты или новое пополнение? Возраст, обученность и т. д.

Карты дорабатывались по несколько раз за день, перепроверялись довоенного выпуска двухверстки. Крылов настаивал на уточнении, а сколько осталось домов в деревне, сколько в ней погребов, требовал нанесения на карту даже одиноко растущих деревьев.

По его указанию с первых же дней подготовки операции штабные работники приступили к сооружению ящика с песком, на котором восстанавливали рельеф местности и все оборонительные сооружения в намечаемой полосе прорыва.

Июньские ночи коротки, а передвижения войск можно было совершать только ночью. Для всего командного состава армии размылись границы дня и ночи.

Однако ночные передвижения войск — это только одна сторона маскировки. Начались в открытую, чтобы заметил противник, работы по совершенствованию оборонительных сооружений. Пусть немецкие генералы раздумывают, для чего такие работы. Не для того ли, чтобы укрепиться в Белоруссии, а наступать на Украине?

Но это общая игра всех четырех фронтов. А войсковая? Усиленная работа по укреплению траншей, ходов сообщений по всей полосе армии, но и выдвигание траншей поближе к берегу Суходровки. Вот это уже для наступления, но на общем фоне не так-то уж вызывающе. И это главное.

Суходровка — речка не из больших, но берега заболочены, течет она в низине, и дно ее капризно меняет глубину. Это не Днепр, но с разбега тоже не перепрыгнешь, понадобятся и плавсредства.

Расстояние между передовыми позициями противоборствующих сторон 150–200 метров. Посредине речки, заболоченные берега и высоты. Они на обоих берегах. Спуск с высоток, прибрежные луга, болотины по берегу и подъем к позициям противника. Вот она, смертельная зона, здесь будут самые тяжелые потери, если не найти «маневра».

И этот «маневр» напрашивался как бы сам собой. Придвинуть на возможную близость исходные позиции к траншеям противника. Но как это возможно при столь неблагоприятном рельефе местности? На первый взгляд это вовсе невозможно, даже и бессмысленно. Сейчас передовые позиции расположены над речной долиной. С высоток на противоположном берегу они недоступны для визуального наблюдения. Если их спустить по берегу вниз — они открыты для наблюдения, а Суходровка с заболоченными берегами — опять же препятствие.

Нет, спустить вниз траншеи — это всего лишь половина дела, ладо исходные позиции придвинуть к передовым траншеям противника на бросок гранаты — вот в том один из элементов внезапности. Стало быть, исходные позиции надо перенести через Суходровку, чтобы переправа через нее и путь батальонов и полков через долину оказались недоступны прицельному огню противника.

Сначала Крылов приказывает продвинуть траншеи и ходы сообщения к кромке берега. Работать ночью, землю вывозить на старые позиции, траншеи и ходы сообщения тщательно маскировать. В то же время активизировать действия снайперов, чтобы они всеми средствами мешали немецким наблюдателям.

Незначительная на первый взгляд операция. Но и в больших делах не бывает мелочей. Особенно показали себя в эти дни девушки-снайперы: ефрейтор Р. Шанина из Архангельска (более 15 гитлеровцев), ефрейтор Е. Краснобокова с Урала (14 гитлеровцев).

Началось формирование передовых отрядов во всех дивизиях первого эшелона. И вот замысел командарма замкнулся на тех, кому его осуществлять.

О 4-й роте 2-го батальона 850-го стрелкового полка 277-й стрелковой дивизии 72-го стрелкового корпуса Крылов был наслышан давно. Знал лично комбата И. П. Луева и командира роты старшего лейтенанта А. Д. Старостенко.

К этому времени сменился командир 72-го стрелкового корпуса. В командование корпусом вступил генерал-майор Александр Игнатьевич Казарцев, соратник Крылова по Сталинградской битве, бывший комдив славной 87-й дивизии.

Они встретились как старые друзья, но их связывало нечто большее, чем боевая дружба, пережитые вместе гнев, ярость и бессилие.

— Ну и как, Александр Игнатьевич, — спросил Крылов после первых приветствий, — чувствуешь, как все резко и страшно для наших врагов переменялось? Ты от бессилия чуть на себя руку не поднял, когда немецкие самолеты разбомбили твою дивизию в степи, а их танки и машины мчались по чистому полю к Сталинграду... Пусть теперь у немецких генералов в бессилье, как во сне, повиснут руки...

Никто в армии в те часы не мог лучше Казарцева понять замыслы Крылова, ибо в этом замысле воплотился сталинградский опыт.

Командарм и командир корпуса пробрались в траншею, вырытую почти у кромки берега Суходровки. В распоряжение 4-й роты, выделенной в передовой отряд передового батальона, к «запевалам битвы», к

«запевалам победы», как потом несколько дней спустя назовут эти передовые отряды и батальоны в «Красной звезде».

— О твоей роте, товарищ старший лейтенант, ходят в армии легенды, — начал Крылов беседу со Старостенко. — Будто бы удачлива она в боях и выходит из боя всегда с малыми потерями. Даже до меня доходят рапортики бойцов с просьбой перевести в твою роту, чтобы всегда находиться на боевом участке. Сразу скажу, старший лейтенант, в слепые удачи в боях я не верю, стало быть, боевая выучка твоей роты соответствует боевым условиям. Потому и пришел я к тебе, дабы вместе нам с тобой подумать, товарищ старший лейтенант, как бы твоя легендарная рота помогла бы решить армейскую боевую задачу.

Старостенко было лет под тридцать. Густой и тщательно расчесанный чуб спускался из-под пилотки на лоб, в голубых глазах редкое спокойствие, и отвечал он командарму без какой-либо тени страха перед таким высоким начальством, скорее как равному, а это и любил Крылов в общении с младшими командирами и солдатами.

— Не велика ли для роты задача, товарищ командующий? — спросил Старостенко.

Крылов расстелил карту.

— Твоя рота, старший лейтенант, острый наконечник нашего удара. Погляди по карте, в какую точку ударить этим острием? Где здесь нерв всей обороны немцев?

Старостенко указал на высоту с отметкой 157,7. Затем скользнул на торфозавод и оттуда, прочертив нечто похожее на дугу, остановился на деревеньке Бураки.

И хотя на карте командарма Бураки были обозначены деревней и тщательно прорисовывался каждый дом, они уже не были ни деревней, ни, говоря военным языком, населенным пунктом. Немецкие солдаты оборудовали под зимние квартиры погреба и подвалы. Даже русские печи с их огромными жерлами были превращены в огневые точки.

— Высота, на которую ты указал, старший лейтенант, — заметил Крылов, — это дверь, быть может, и ворота на всю глубину их обороны, ключ от этих ворот — Бураки. Сначала надо добыть ключ. А лежит он у них в первой линии траншей! Как бы ты, старший лейтенант, со своей ротой ворвался бы в эти траншеи и по ним в Бураки?

— Кто меня будет поддерживать, товарищ командующий?

— Я сказал бы, что отдаю в поддержку всю армию, но это не сразу, и решать армии много задач, а вот здесь твои комкор и комдив тебе объяснят...

Комдив 277-й генерал-майор С. Т. Гладышев подвинулся к карте и указал Старостенко на отметку, что обозначала его батальон.

— Сначала батальон, потом полк, а за ними и вся дивизия... Только выхватить у них ключик, как образно обозначил задачу командующий. Ну и перед прыжком на Бураки мы ударим по этому бывшему населенному пункту такими залпами...

— Когда начинать? — поинтересовался Старостенко.

— Не спеши, старший лейтенант! — остановил его Крылов. — Сначала подумай, с чего начнешь.

— Раньше мы думали, что немцы заминировали свой берег перед траншеями... — ответил Старостенко. — А вот недавно разведкой проверили — мин на том берегу до самого края их позиций не имеется! Для своей контратаки простор оставили. Это и хорошо! Высоко себя ставят, высоко залетели, страшнее будет падать! Ночью мы переползем через Суходровку! Не переправимся, а переползем. Да так тихо, что вода не плеснется. А еще хорошо бы, если бы в ту ночь дождь пролил. Проползем болотом, и надо будет до рассвета зарыться в землю. Траншею вырыть перед самым их передним краем, чтобы было до него как бросок гранаты!

— Вот! — воскликнул Крылов. — Это и есть по-сталинградски. Атаку начинать с броска гранаты, а не с грома всей артиллерии.

— Пусть думают, — продолжил Старостенко, — что это местная операция по улучшению позиций.

— Не совсем так, старший лейтенант! Мысли у него будут иные. Начали, дескать, русские отвлекающую операцию малыми силами, чтобы всей силой ударить в другом месте. А мы им поможем. Артиллерия будет молчать до того момента, как ворвешься в траншеи, а в стороне мы ударим большим огнем. Как только твоя рота ворвется в Бураки, тогда и дивизии начинать пролом обороны... Готовься, старший лейтенант, все подготовь, чтобы переползти, как сам выразился, через Суходровку!

Итак, позади двадцать дней и ночей напряженной подготовки наступательной операции, равной которой еще ни разу не проводили советские войска. И в 5-й армии весь подготовительный период позади. Позади расчеты, передвижения войск, проверка всех звеньев армии, позади игра на ящике с песком в присутствии командующего фронтом, позади и встреча с представителем Ставки маршалом А. М. Василевским.

Строгая, ответственная проверка готовности 5-й к наступлению, анализ замысла командарма и несколько слов, сказанных маршалом на прощание:

— Николай Иванович, мы в Генеральном штабе с большим вниманием

сlediли за твоим ростом как виртуозного мастера обороны, это твоя первая наступательная операция. Если есть какие-либо сомнения — скажи, если есть нужда посоветоваться — я всегда готов. Мне лично очень хотелось бы, чтобы ты с блеском оправдал свое назначение и в наступлении.

Крылов после некоторой паузы ответил:

— Военнопленные в Сталинграде рассказывали, как Гитлер похвалялся, что его шестая армия может штурмовать небо. Небо нам штурмовать без нужды, а вот двести орудийных стволов на один километр фронта пробьют дорогу и до Берлина. Никаких сомнений в успешном наступлении у меня нет. Одна у меня забота: в Одессе, в Севастополе, в Сталинграде солдат своей грудью вставал на пути врага, и не было иного выхода. Но в наступлении его грудь мы должны защитить огнем, сталью и военным искусством, иначе непонятно, для чего оно существует и существует ли вообще!

Василевский крепко пожал руку Крылову.

— В этом святом деле, Николай Иванович, я всегда с тобой!

Наступление 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусских фронтов было назначено на 23 июня, 1-й Белорусский фронт под командованием К. К. Рокоссовского переходил в наступление сутками позже.

На 22 июня, на 16 часов была назначена разведка боем передовыми батальонами, чтобы выявить огневые средства противника, уточнить расположение его огневых систем на переднем крае и расположение батарей в глубине обороны.

Крылов начал подготовительную операцию в ночь с 20 на 21 июня.

О том, что наступление будет внезапным, теперь уже думать не приходилось. Но и те несколько суток, что остались до него, уже ничего не могли изменить в обстановке, сложившейся в Белоруссии, немецкое командование никак не смогло бы перекинуть войска с других участков фронта. 20 июня открылись партизанские действия в «рельсовой войне». Это был третий массированный удар партизанских соединений Белоруссии. Первый был нанесен перед наступлением советских войск после Курской битвы 3–15 августа 1943 года, второй с 19 по 25 октября 1943 года, и это был третий. В ночь с 20 на 21 июня было взорвано 40775 метров рельсов. После войны полковник немецкой армии Герман Теске записал: «На участке группы армий «Центр» в конце июня 1944 года мощный отвлекающий налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления. За одну ночь партизаны установили около 10,5 тысячи мин и зарядов, из которых удалось обнаружить и обезвредить только 3,5 тысячи. Сообщение по многим шоссейным дорогам

из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя.

Были нанесены удары партизанами и в полосе действий 5-й армии, особенно сильный в районе Сенно. 85-я немецкая пехотная дивизия, состоявшая в оперативном резерве, была брошена против партизан. Это уже ослабляло немецкую оборону, лишало немецкое командование возможности свободно маневрировать резервами.

Операция роты Старостенко приобретала особое значение и как разведка боем, и как захват плацдарма, и как отвлекающий маневр, создающий впечатление именно отвлекающего удара.

20 июня как по заказу выдался сумрачный дождливый день. Дождь принимался несколько раз днем и разошелся к вечеру, над Суходровкой поднялся туман и пополз по долине, захватывая высоты.

Крылов перебрался на КП 72-го стрелкового корпуса к Казарцеву в полутора километрах от того места, где была намечена переправа роты Старостенко.

Медленно сгущались сумерки. Оставалось всего лишь два дня до самой короткой ночи в году. И если бы не туман, то не стемнело бы и к 22 часам.

В 22 часа с минутами раздался тихий зуммер полевого телефона. Казарцев принял короткое, в одно слово, донесение комдива 277-й Гладышева:

— Двинулись!

Пояснений не нужно. Речь шла о роте Старостенко, о том, что ее бойцы ползком пробираются к речке Суходровке.

Потянулись томительные минуты ожидания. Останется ли этот демарш незамеченным или вот-вот противоположный берег ошетинится пулеметным и минометным огнем?

Надо всей долиной в эту ночь царила тишина, в общем-то даже и необычная, хотя последние дни вообще было тихо, днем изредка раздавались одиночные выстрелы снайперов, или кто-либо с той стороны давал пулеметную очередь, редко ударяли минометы. Ночью тоже постреливали, но сегодня в тумане и немецкие часовые не стреляли.

Туман и мелкий дождь гасили все звуки. Дождь расходился, его шум усиливался. Где-то рядом с блиндажом его капли глухо стучали по листьям лопуха, пахло мокрой землей и болотом.

Прошло более часа. Опять зуммер телефона и донесение Гладышева, что рота в полном составе «переползла» через реку, вот-вот начнет окапываться, если останется не замеченной противником.

Где-то все же постреливали на немецкой стороне. Выстрелы доносились глухо, словно из-под земли. И Крылов и Казарцев очень хорошо знали природу этих одиночных выстрелов или коротких очередей из автоматов. То немецкие часовые или патрули подбадривали себя в ночном дежурстве. Теперь выстрелы редки, берегли патроны, а год или два тому назад палили не жалея патронов.

Сейчас, если бы не было дождя и небо не застилали бы облака, уже можно было заметить алеющую полосу на востоке. Ночь очень коротка, а надо успеть окопаться. Обязательно успеть, ибо атака могла ни к чему не привести. Крылов не выдержал и сам соединился с Комдивом.

— Что там? — спросил он.

— Тишина! Они слышат голоса...

Это было значительное уточнение. Стало быть, бойцы роты Старостенко подобрались очень близко к траншеям противника.

— Ваши что-нибудь с этого берега слышат? — спросил Крылов.

— Ничего не слышно! Батальон Луева наготове.

Еще дважды минутная стрелка на часах сделала два полных оборота. Над долиной реки загустел туман и медленно пополз вверх.

Начало боя услышали сразу на всех КП. Сначала разрывы гранат, затем автоматные и пулеметные очереди.

— Перешли в рукопашную! — тихо произнес Казарцев.

А происходило вот что.

Бесшумно перебравшись через Суходровку, рота Старостенкоoplastунски продвинулась к траншеям противника, пока не стали оттуда доноситься голоса немецких солдат. Туман и дождь помогли. Быстро и столь же бесшумно, как и достигли неприятельских высоток, окопались. При любых условиях за берег уже зацепились. Оставалось немного — проделать проходы в проволочных заграждениях. Но это всегда опасно. На проволоке могли оказаться противопехотные мины. Шум был противопоказан. Но уже раньше, на предварительном разборе операции, было обусловлено, что проходы рвать надо будет гранатами. Ждали рассвета. Старостенко, да и не только он, в роте было немало ветеранов, догадался, что происходит смена подразделений. Самый удачный момент.

Старостенко первым кинул гранату. Шквал гранат обрушился на проволочные заграждения, а иные долетали и до траншеи. Рота поднялась в атаку. Короткая пробежка метров в тридцать, и вот она, траншея. Завязалась рукопашная.

Внезапность, хотя и в малом масштабе, была достигнута.

Артиллерия с обеих сторон молчала. Немецкое командование не могло

определить, что происходит, артиллеристам некуда бить. Не по своим же опорным пунктам. Советская артиллерия была наготове, но огонь Старостенко не вызывал.

Однако в Бураках противник все же сумел организовать сопротивление после недолгого шока. Появились убитые и раненые. Ранен Старостенко, но из боя не вышел.

Связисты подтянули провод, на проводе командир батальона Луев.

Бураки давно пристреляны по всей площади. Старостенко вызвал огонь на окраины опорного пункта, где накапливались солдаты противника.

Мгновенно по проводам прошли команды. Артиллерия всех видов, от полковой до армейской, нанесла удар по северной окраине опорного пункта. Уничтожающий удар из нескольких сотен стволов. Остальное доделали бойцы роты.

На КП Казарцева поступило донесение, что Бураки захвачены.

Карандаш Крылова скользнул по карте к высоте 157,7.

— Пусть Гладышев вводит батальон Лueva! — сказал он Казарцеву. Приказ командарма запоздал. Луев уже переправился через Суходровку и укреплялся в передовой немецкой траншее, готовясь отразить контратаку противника, выбросив вперед подкрепления роте Старостенко.

Пасмурное утро вступало в свои права. Казарцев приказал командиру 850-го стрелкового полка подполковнику Д. К. Морозову переправлять через Суходровку весь полк побатальонно.

В Бураках и в расположении немецких передовых траншей завязался бой. Немцы подводили свои резервы. Но оборону на захваченном плацдарме держали уже несколько батальонов.

Луев, а теперь и Морозов вводили свои подразделения в рукопашную, это сближение с противником на штыковой удар предохраняло от ударов немецкой артиллерии. В то же время, не раскрывая всей своей мощи, советские батареи вели методический обстрел подходивших немецких резервов.

Программа-минимум была выполнена, войска создали плацдарм, противник выдвигал под мощный удар тактические резервы, что и требовалось.

Крылов ушел на армейский КП. Надвигались новые и немалые заботы — организация атаки передовых батальонов.

К концу дня Казарцев доложил, что батальон Лueva овладел высотой 157,7 и торфозаводом.

Обмен мнениями они опустили, и комкору и командарму было ясно, что с падением высоты расстроена система обороны противника.

Батальону Луева, подкрепленному другими подразделениями его полка, предстояло выстоять в обороне чуть более полудня. Нелегко и тем батальонам из полка Морозова, которым удерживать высоту 157,7 и торфозавод. Но это оборона, да еще поддержанная артиллерией, а не бросок по открытому полю на кинжальный огонь пулеметов и артиллерии противника.

Плацдарм между тем наполнялся новыми подразделениями. Вышли на другой берег Суходровки передовые батальоны и других дивизий, нацеливаясь на Высочаны, Марьяново, Осетки, Вадвинку.

Армейская разведка всеми своими средствами следила за тем, тронулись ли с места оперативные резервы. Приходили сведения лишь о подтягивании тактического резерва. Немецкое командование явно приняло действия полка Морозова за какой-то отвлекающий маневр. Цель операции с ротой Старостенко и батальоном Луева достигнута была полностью.

В 16.00, во вторую годовщину начала вторжения немецких войск и начала Великой Отечественной войны, грянули залпы артиллерии трех фронтов. Пришли в действие все орудия, минометы и установки реактивной артиллерии, которыми располагала 5-я армия. Огонь корректировался с берега, занятого противником. Нанесли удар бомбардировщики.

Двадцать минут бушевал огонь тысячи орудий. В 16.25 двинулись передовые батальоны, выделенные из состава всех задействованных в наступлении дивизий. Под прикрытием огневого вала они ворвались в передовые траншеи противника, а в районе деревни Бураки и торфозавода бой развернулся уже во вторых траншеях. В полосе наступления 72-го стрелкового корпуса генерал Казарцев ввел в бой САУ.

Перед передовыми батальонами в общем плане наступления на 22 июня не ставилось задач разрушения обороны противника, это было разведкой боем. Однако успех, достигнутый накануне ротой Старостенко, батальоном Луева и полком Морозова, создал обстановку, в которой атака передовых батальонов стала перерастать уже 22 июня в наступление. В полосе 72-го корпуса передовые батальоны овладели второй траншеей, а в некоторых местах и третьей. Общее продвижение достигло трех километров в глубину обороны противника.

Утром 23 июня от Невеля в полосе 1-го Прибалтийского фронта до Рогачева на юге в полосе 2-го Белорусского фронта разразилась земная гроза под проливным ливнем набежавших с Атлантики облаков. Несколько десятков тысяч орудий, минометов и установок реактивной артиллерии одновременно открыли огонь по немецкой обороне.

Немецким захватчикам предоставлялась возможность в полную меру познать силу возмездия. Два часа с лишним на всей протяженности действия фронтов артиллерия работала на разрушение и подавление.

Но в полосе наступления 5-й армии Крылову удалось сманеврировать огнем. В полосе прорыва, осуществленного полком Морозова, артналет длился всего лишь двадцать минут. Удар был нанесен по штабам 299-й пехотной дивизии и 6-го армейского корпуса, по укрепленным пунктам в Высочанах, Богушевске и Бабиновичах. На малой высоте под проливным дождем авиация, прошла над боевыми порядками противника и точными бомбовыми ударами по штабам и узлам связи вывела из строя управление его войсками.

Используя успех, достигнутый накануне, командир 277-й стрелковой дивизии, усилив стрелковые полки танковой бригадой и полком САУ, углубил и расширил прорыв. Уже через два-три часа подразделения частей дивизии достигли берегов реки Лучесы. Здесь опять отличился батальон капитана Луева. Пробившись к берегу реки и встретив сильное огневое воздействие противника, комбат оставил на направлении своего удара артиллерию и под ее прикрытием совершил искусный и быстрый обходной маневр в тыл опорному пункту немецкой обороны, разместившемуся в Ковелях. Захват Ковелей обеспечил для советских войск плацдарм для дальнейшего наступления.

Столь же искусно действовали передовые батальоны и за ними полки и дивизии на других решающих участках развернувшегося сражения. Переправа через Лучесу и захват там опорных пунктов врага поставил перед командармом новые задачи. В план наступления на ходу вносились решающие коррективы. К концу дня для 256-й немецкой пехотной дивизии сложилась угроза окружения. Ее командир начал поспешный отход. Крылов ввел на участке, где наступление развивалось особенно успешно, дивизии второго эшелона. Оборона противника была взломана и на главном направлении, и в полосе действия 65-го и 45-го стрелковых корпусов. Получив это донесение, Черняховский поставил задачу утром 24 июня ввести в прорыв конно-механизированную группу генерала Н. С. Осликовского.

Бои вдоль реки Лучесы и на ее правом берегу не утихали и ночью. Противник беспрестанно контратаковал, пытаясь сбросить советские войска с плацдарма. Разведка донесла, что он стягивает к Лучесе оперативные резервы.

Ночью сменила позиции вся артиллерия 5-й армии. Стрелковые дивизии, усиленные танками и самой разнообразной артиллерией,

выдвинулись на исходное положение. Впереди последняя полоса обороны, названная гитлеровскими пропагандистами «Фатерланд». Гитлер объявил, что каждый, кто оставит эту полосу, будет расстрелян, ибо она открывает путь на немецкую землю.

На этот раз скрывать было нечего. Маневр такого рода, как был совершен ротой Старостенко и Луева, уже был не нужен. На последнюю полосу немецкой обороны утром артиллерия обрушила огонь из всех стволов.

Подошедший ночью оперативный резерв — 14-я и 95-я пехотные дивизии противника — такого разрушительного огня не выдержал. Под прикрытием двойного огневого вала стрелковые подразделения и приданные танки и самоходные орудия по всей протяженности переправились через Лучесу и к 13 часам отбросили противника на пять, а местами на восемь километров. Последняя полоса обороны была прорвана на всю глубину. Начала выдвижение в прорыв конно-механизированная группа Осликовского.

Ввод такого крупного подвижного соединения, состоящего из двух корпусов — 3-го гвардейского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского, всегда сопряжен с определенными трудностями. Здесь и его зенитное охранение, и авиационное прикрытие, и защита его флангов стрелковыми подразделениями, и точно рассчитанное чередование движений по дорогам, расчищенным от живой силы противника, от мин и иных заграждений. Все это было просчитано, размечено, проиграно на картах и на ящике с песком. Крылов уже думал об ином, о возможности ввода в полосу наступления его армии 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова.

Ввод танковой армии в прорыв мог состояться только после ликвидации опорного пункта немецкой обороны в городе Богушевске. Этот не очень-то большой городок был узлом, связывающим оборону Орши и Витебска, и как бы замком всей линии «Фатерланд» в этом регионе.

Город был прикрыт тремя линиями траншей и широкими поясами проволочных и минных заграждений. На дорогах в болотистой местности через каждые 100–150 метров стояли деревоземляные брустверы или бункеры. В самом городе, почти начисто разрушенном, в каждом доме, во всех развалинах оборудованы огневые точки.

И хотя первые дни наступления не укладывались в намеченный планом операции график, Крылов отложил штурм Богушевска, опять же избегая потерь и надеясь, не без оснований, наверстать недобранные километры после разгрома противника в его опорном пункте.

К Богушевску подтянули корпусную и армейскую артиллерию. В 19.00 на Богушевский укрепрайон обрушили удар сотни орудийных стволов, в том числе и «катюши». Крылов вызвал и авиационную поддержку. Бомбовый удар нанесли 1-й гвардейский бомбардировочный корпус и 3-я гвардейская бомбардировочная дивизия. Стрелковые части повели наступление с флангов.

Противник после налета артиллерии и бомбового удара оказывал сопротивление. Стрелковые подразделения поддержала 2-я гвардейская танковая дивизия и истребительно-противотанковые подразделения. И еще несколько раз добивали врага артиллерийскими налетами все сосредоточенные вокруг города артиллерийские части. Начало темнеть, когда советские войска ворвались в город, к 3 часам, еще до рассвета, 25 июня город полностью был очищен от неприятельских войск, пал важнейший узел его сопротивления. Командование 6-го немецкого армейского корпуса начало отводить войска от Богушевска. Этим воспользовался генерал Осликовский и нанес удар по отходящим войскам, почти полностью уничтожив остатки 95-й и 299-й пехотных дивизий. Бригады 3-го гвардейского мехкорпуса вышли на оперативный простор и взяли направление на Сенно.

Еще шли бои на улицах Богушевска, а уже по приказу Черняховского, внимательно следившего за успешным наступлением 5-й армии, командование 5-й гвардейской танковой армии развернуло свои танковые корпуса на север. Черняховский ждал падения Богушевска. С падением Богушевска открывалась возможность ввести танковую армию в прорыв в полосе наступления армии Крылова.

На следующее утро, 26 июня, танковая армия вошла в прорыв, громя тылы витебско-оршанской группировки противника. 27 июня был освобожден город Орша, перехвачено шоссе Москва — Минск.

Эти события нашли отражение в сводке Совинформбюро: «Юго-западнее Витебска наши войска завершили ликвидацию окруженной группировки противника в составе 4, 197, 206, 246-й пехотных и 6-й авиаполевой дивизии противника. Ввиду отчаянного сопротивления большая часть окруженных немецких войск была перебита нашими войсками; при этом противник оставил на поле боя более 20 тысяч трупов. Остатки, этих дивизий приняли ультиматум советского командования о капитуляции, прекратили сопротивление и сложили оружие. По предварительным данным, сдалось в плен свыше 10 тысяч немецких солдат и офицеров».

Впереди Березина...

Река Березина. Накрепко ее наименование связано с историей. Здесь Наполеон бросил армию и помчался на перекладных в Париж...

Гитлеру еще предстоял побег, даже более трусливый, и от армии, и от обманутого им народа. Но для него Березина была всего лишь очередным рубежом собственной защиты.

Еще недавно он кричал в микрофон, что не уйдет с того клочка земли, который захвачен немецким солдатом, и вот она — Березина, один из последних рубежей, перед тем как возмездию обрушится на прусскую землю.

Но Березина, конечно, и водная преграда. Ее ширина в некоторых местах достигала 120 метров. Ее не «переползти», как это сделала рота Старостенко на Суходровке. Ее защищала широкая заболоченная пойма, где не окопаться и на полштыка саперной лопаты. И вброд через нее не переправиться — глубина до двух с половиной метров. Немцы возвели на правом берегу прочные оборонительные сооружения, Гитлер объявил их неприступными. Немецкое командование стянуло на правый берег все, что уцелело от разгрома в витебско-оршанской операции, подтягивало новые резервы. Прорыв на Березине — это сначала потеря Минска, а затем и всей Прибалтики, это выход советских войск в Польшу и в Восточную Пруссию.

Однако, сколь ни крепка была оборона противника по Березине, преодолеть ее надо было в крайне сжатые сроки.

И опять перед командармом два варианта решения задачи. Сосредоточив всю огневую мощь армии и ее первые эшелоны перед обороной противника, прогрызть ее ценой огромных потерь или найти «маневр», который позволил бы сберечь жизнь тысячи солдат и ошеломил бы противника внезапностью.

Крылов выехал в распоряжение 277-й дивизии генерала Гладышева. Ее все тот же 850-й полк, что прославился при форсировании Суходровки, первым вышел к берегу реки. Впереди разведчики и батальон Луева. На противоположном берегу два опорных пункта обороны — Кальник и Бобцы. Огнем из опорных пунктов противник не давал поднять бойцам головы.

По труднопроходимым лесным и болотистым дорогам медленно подходила техника. Для того чтобы форсировать Березину прямыми ударами, нужно было подтянуть всю корпусную и армейскую артиллерию.

Лишь на ее подход к берегу могло уйти не менее двух суток. Обстановка нее требовала немедленных действий.

Командарм поставил перед разведкой вопрос: сплошной ли линией тянется оборона по Березине? Армейская разведка располагала данными, что сплошной обороны нет. В местах, где по берегу Березины тянулись болота, немцы не оборудовали опорных пунктов. Немцы боялись в таких труднодоступных для техники местах партизанских налетов и полагали, что болота непроходимы и для советских войск. Но они совершенно не взяли в соображение возможность взаимодействия партизан и регулярных частей Красной Армии.

Как только батальон Луева вышел к берегу и завязал бой, в его расположение пришли разведчики из партизанской бригады «Железняк». Луев их немедленно отправил на КП дивизии. Там командарм и комдив, расспросив их об обстановке возле опорных пунктов обороны, установили, что на Березине есть не охраняемые немцами участки в полосе непроходимых болот. Крылов решил опереться на данные партизанских разведчиков и на их помощь. Он поставил задачу комдиву скрытно перебросить батальон Луева, а за ним и 850-й полк через болота к свободным переправам, переправиться там через реку и ударить по опорным пунктам с флангов и тыла.

854-й полк получил задание наступать вдоль шоссе Богомль — Лепель и активными действиями сковать силы противника, создать впечатление, что именно здесь наносится главный удар. 850-му полку ставилась задача продвинуться на севере и форсировать реку.

Маневр привел к успеху. Пройдя с помощью партизан узкими и опасными тропами сквозь непроходимые топи, 850-й полк ночью переправился через Березину и зашел в тыл опорных пунктов фашистов. Уже наутро по захваченному мосту у Кальника на правый берег двинулась механизированная бригада, расширяя прорыв.

Бои на правом берегу Березины, в местах заболоченных и лесистых, шли во взаимодействии с партизанскими отрядами. Это дало возможность взломать немецкую оборону без значительных потерь.

30 июня директивой Ставки начиналась операция по разгрому минской группировки противника. Во многом возможность начала этой операции определило успешное форсирование Березины частями 5-й армии. В свете этой директивы главным направлением в наступлении 5-й армии становился город Молодечно. Его освобождением закрывался путь для отхода окруженной минской группировки противника войсками 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов.

Успешное форсирование Березины дало возможность войскам 5-й армии продвинуться на 50–60 километров. Создались предпосылки не только для овладения Вилейкой и Молодечно во взаимодействии с войсками 11-й гвардейской армии. Крылов запросил на этот вспомогательный удар разрешение у Черняховского. Разрешение было получено, и войска двух армий овладели этими важными опорными пунктами. Можно было приступить к ликвидации остатков 4-й немецкой полевой армии.

3 июля в полночь было передано сообщение Совинформбюро: «Войска 3-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Белорусского фронта в результате стремительно проведенной операции с глубоким обходным маневром с флангов 3 июля штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом Минск, а также с боями заняли более 450 других населенных пунктов».

В «котле» или, точнее говоря, в окружении оказалось более 110 тысяч солдат и офицеров противника...

А уже вечером 4 июля Черняховский позвонил Крылову. Голос его был торжественным.

— На пятую армию, — произнес он, — ложится почетная задача! Во взаимодействии с танковой армией Ротмистрова и механизированным корпусом Обухова освободить столицу Советской Литвы город Вильнюс!

В XIII веке, когда на Русь нагрянуло нашествие Батые, а затем устремились одна за другой ордынские «рати» и над русским народом воцарилось тяжкое изнуряющее иго чужеземцев, западные и юго-западные русские княжества, утратив связующие их центры во Владимире на Клязьме и в Киеве, в поисках нового центра объединения земель, далеких от ордынского ока, потянулись к литовским князьям, сначала Тракай — резиденция первых литовских князей, а затем Вильнюс стали центром разрастающегося Русско-литовского княжества. Долгое время, на протяжении тринадцатого и четырнадцатого веков, шел спор, какому городу стать центром Русской земли — Москве или Вильно? И хотя князья литовского дома, наследники Гедимина, и князья московского дома — монашники «доступали» иной раз друг к другу враждой, с той поры Литва и Русь близко породнились. Исторический процесс отдал предпочтение Москве, но Вильно, несмотря на многие сложные политические и исторические перипетии, всегда тянуло к Москве в большей степени, чем к католическому Кракову. Воссоединение Литвы в семью советских народов перед войной было завершением длительного исторического процесса, и те, кто шел в июльские дни 1944 года в наступление на захватчиков литовской земли, шли освобождать советский, свой родной город.

Задача действительно была почетная, но вместе с тем и очень сложная. Войска армии за двенадцать дней и ночей непрерывных боев прошли около трехсот километров, крайне устали и нуждались хотя бы в кратковременном отдыхе. Требовалось также подтянуть отставшие тылы и обеспечить наступающие части боеприпасами, горючим, продовольствием. И в то же время обстановка не позволяла сделать даже малейшую передышку. На подступах к Вильнюсу немцы возводили укрепления, перебрасывали туда свежие части. Каждый упущенный наступающими день неизбежно усиливал врага, усложнял задачу 5-й армии. Поэтому решать все вопросы надо было на ходу, не снижая темпов наступления.

В короткой паузе между боями в штабе армии состоялось расширенное заседание Военного совета, на которое были приглашены начальники родов войск, ответственные работники штаба и политотдела армии. Присутствовал на нем и первый секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы Антанас Юозович Снечук — непосредственный организатор и

руководитель подпольного и партизанского движения на территории Литвы, оккупированной гитлеровцами.

На заседание был вынесен единственный вопрос: что предпринять, чтобы выполнить поставленную командующим фронтом задачу?

Особенно порадовало Крылова полное единомыслие присутствующих: никакой паузы, отдых — только на Немане, довооружение и пополнение частей и дивизий боеприпасами производить в ходе наступления. Тут же сложился и замысел операции. Впереди наступающих войск армии от каждой дивизии первого эшелона иметь сильный подвижный моторизованный отряд с танками, самоходной и полевой артиллерией. С помощью проводников из белорусских и литовских партизан передовые отряды должны нащупать слабые места в обороне противника и, смяв его части, прорваться к Вильнюсу. Затем передовые отряды 72-го и 65-го стрелковых корпусов, взаимодействуя с частями 3-го гвардейского мехкорпуса, овладевают северной и восточной частями литовской столицы, а 45-го стрелкового корпуса во взаимодействии с 29-м танковым корпусом 5-й танковой армии овладевают южными районами города.

Рано утром 9 июля на КП армии прибыл Черняховский.

— Основные силы армии в уличные бои не ввязываются, — особо подчеркнул Крылов, объясняя то, что уже выкристаллизовалось в его, как командарма, решении. — Они обходят Вильнюс с севера и юга, окружают вильнюсскую группировку противника и продолжают наступать к Неману.

Это было смелое решение. Настолько смелое, что Черняховский, ознакомившись с ним, удивленно взглянул на Крылова.

— А ты, Николай Иванович, уверен, что передовые отряды справятся с этой задачей?

— Ударом в лобовую передовым отрядом не овладеть городом. Но в том я вижу и смысл обходного маневра. Когда вся вильнюсская группировка противника попадет в окружение — сопротивление гарнизона затухнет. А я оставляю резерв, если штурмующим город будет трудно.

Шестого июля подвижные передовые отряды стрелковой дивизии, сминая на своем пути вражеские заслоны и обходя крупные узлы сопротивления, вступили на территорию Советской Литвы, а на следующий день они уже вышли к Вильнюсу.

Здесь завязались упорные, жестокие бои. Передовым отрядам 5-й армии и подошедшим к ним после завершения окружения города частям противостоял гарнизон из пятнадцати тысяч солдат и офицеров, имевший около трехсот орудий, больше полусотни танков и самоходных орудий. Все это было упрятано в опоясанных тройной линией траншей полного

профиля кирпичных и каменных домах, в монастырях, башнях и церквах. Кроме того, почти каждый подвал немцы превратили в противотанковый дот, поместив там пушки, они заминировали практически все улицы, на перекрестках устроили завалы и заграждения, на вторых и третьих этажах многих зданий оборудовали пулеметные гнезда, а на колокольнях, чердаках, крышах разместили автоматчиков и снайперов.

Опять пригодился сталинградский опыт. По приказу командарма в частях, ворвавшихся в город, были созданы штурмовые группы. Подвижные, маневренные, имеющие на вооружении и противотанковую артиллерию, и минометы, и танки или САУ, они шаг за шагом выбивали противника из каменных зданий-крепостей, очищали от него подвалы и чердаки. Медленно, но все-таки сужалось кольцо вокруг немецкого гарнизона, который с каждым днем был вынужден все больше и больше стягивать свои силы к центру города.

Гитлер не хотел примириться с мыслью, что Вильнюс, форпост обороны в Литве, вот-вот падет. После потери Белоруссии потерять еще и Литву с ее столицей? Не надеясь на стойкость гарнизона, он приказал доставить в Вильнюс из Берлина одного из «храбрейших» генералов вермахта — генерал-майора Штагеля и поручил ему возглавить «отпор советским войскам». На помощь осажденному гарнизону спешно следовала переброшенная из Германии бронеполк «Вертерн», имевшая 120 танков а усиленная пехотой и артиллерией, а на станции Кошадары в не меньшей поспешности шла выгрузка так называемой боевой группы «Толендорф», в состав которой входила 12-я танковая дивизия, полицейский, гренадерский и авиадесантный полки.

Перед Крыловым стояла задача остановить эту армаду и разгромить. И сразу же возникал вопрос: как это сделать?

Бронеполк «Вертерн» и группа «Толендорф», несмотря на ощутимые потери, нанесенные им авиацией (командующий фронтом генерал армии Черняховский по просьбе Крылова приказал поднять в воздух больше сотни самолетов, и они нанесли бомбовый удар по выдвигающимся к Вильнюсу колоннам врага), продолжали рваться вперед на помощь окруженной группировке своих войск. Зажатые в могучие клещи частями и соединениями 72-го и 45-го стрелковых корпусов генералов Казарцева и Поплавского (65-й стрелковый корпус очищал от противника дома и улицы литовской столицы), фашисты, собирая в бронированный кулак танки, пытались создать перевес в силах на узком участке фронта и пробить брешь в боевых порядках этих корпусов.

Тысячи солдат при поддержке более ста танков и штурмовых орудий

бросились на позиции 5-й армии всего на километровой участке фронта. Но прорваться к своим гитлеровцам не удалось. Огнем в упор артиллеристы уничтожили тридцать вражеских танков. До полка фашистской пехоты полегло на поле боя. Противник отступил, но вскоре, подтянув свежие силы, он опять пошел в атаку. И вновь был отброшен назад.

Крылов ждал, что последуют третья, четвертая попытки прорвать кольцо окружения, опоясывающее Вильнюс. Но враг притих. Стало ясно, что он ищет новое, по его мнению, более слабое место в обороне армии. Где это место?

Вечером того же дня Крылов несколько часов просидел над картой. Он анализировал сложившуюся обстановку, старался глазами врага оценить собственную оборону, местность, силу и слабость своих войск. А когда эта трудная и напряженная работа была закончена, Крылов убежденно сказал находившимся в его блиндаже генералам Прихидько и Пономареву:

— Немцы сейчас пытаются осуществить обходной маневр. Наиболее вероятное направление их удара — вот это, — командарм показал на карте участок местности, где почти к самому переднему краю обороны подходила вытянутая на много километров в сторону противника лощина. — Здесь есть где сосредоточить силы в непосредственной близости от нас и в то же время незаметно для нас. Именно сюда надо выдвинуть дивизию Ласкина и части генерала Обухова. Но не ждать, пока противник подойдет к нашим позициям, а контратаковать его. Это будет для врага двойной неожиданностью.

Едва забрезжил рассвет, показались цепи противника, которые шли за танками. И наступали они именно по лощине, как и предугадал Крылов. Встречный удар дивизии и мехкорпуса для противника явились полной неожиданностью. Потеряв половину танков и до полка пехоты, немцы отступили. А при преследовании дивизия Ласкина и части Обухова полностью уничтожили бронебригаду «Вертхерн».

Что касается группы «Толендорф», то ее участь была не лучше. Загнанная в леса к северо-западу от Ландворово, она еще несколько дней сопротивлялась войскам армии, а потом частью была уничтожена, а частью окружена и взята в плен.

Пробить коридор к окруженному гарнизону Вильнюса не удалось. Теперь можно было повернуть часть войск в город и покончить с гарнизоном.

Опять же верный принципу малого кровопролития, желая избежать потерь в городском бою, Крылов послал генералу Штагелю ультиматум с

гарантией сохранения жизни солдатам и офицерам, а также помощи больным и раненым.

Штагель не ответил на ультиматум. После двухдневных боев в городе Крылов послал второй ультиматум, надеясь, что разум возобладает над безумием. Он писал: «Несмотря на мои предложения, вы продолжаете бессмысленное сопротивление. В результате только за один день 12 июля вы потеряли в Вильнюсе 1428 человек убитыми, 678 человек сдались в этот день в плен... Напоминаю, что вы находитесь в глубоком тылу Красной Армии... Вам нечего рассчитывать на помощь... Сегодня, 13 июля 1944 года, я предупреждаю вас и предлагаю: к 6.00 прекратить сопротивление и сложить оружие. Я гарантирую жизнь всем, кто сдастся в плен».

Однако призыв не возымел действия. Гарнизон Вильнюса, обнадуженный генералом Штагелем, был уверен, что помощь близка. Но обманутые немецкие солдаты и офицеры не знали, что ни бронеприкрытия «Вертерн», ни группы «Толендорф» более не существует, а сам «начальник вильнюсской обороны» трусливо бежал из города, оставив своих подчиненных на верную гибель.

Рано утром 13 июля генерал Крылов отдал приказ на последний штурм, к вечеру в Москве прогремели двадцать четыре артиллерийских залпа в честь доблестной 5-й армии, освободившей столицу Советской Литвы от немецких захватчиков.

Николаю Ивановичу Крылову было присвоено звание генерал-полковника.

В аттестации Крылова, подписанной командующим фронтом генералом армии Черняховским и членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Макаровым, указано:

«Войска 5-й армии под командованием генерал-полковника Крылова Н. И., прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону противника на богушевском направлении, во взаимодействии с войсками 11-й гвардейской и 39-й армий, разгромили витебскую и богушанско-оршанскую группировки противника. В последующем, стремительно развивая наступление, проходя с боями в среднем по 30 километров в сутки, смело и решительно маневрируя на поле боя и тесно взаимодействуя с подвижными войсками фронта, продвинулись до 600 километров и первыми вышли на границу Восточной Пруссии.

В ходе операции войска армии освободили свыше 4500 населенных пунктов, в том числе крупные города Вилейку, Вильнюс и Каунас. На своем пути они форсировали крупные речные преграды Лучесу, Березину, Вилию и Неман, не снижая при этом темпов наступления.

Проведенные 5-й армией операции по своему размаху, решительности действий, темпам движения, умелому решительному маневру на поле боя и результатам являются поучительными операциями в современной войне».

Остается добавить, что эта аттестация была приложена к представлению генерал-полковника Н. И. Крылова к званию Героя Советского Союза.

С изгнанием гитлеровцев из Вильнюса 5-я армия выполнила задачу, поставленную ей в операции «Багратион». Но обстановка не давала времени на передышку, нельзя было дать возможность врагу, ослабленному предыдущими боями, собраться с силами, подтянуть резервы и организовать оборону.

16 июля командующий фронтом дал командующему 5-й армией указания на новую наступательную операцию, цель которой было освобождение Каунаса и выход к границам Восточной Пруссии. Через двадцать дней, 28 июля, части и соединения армии подошли к городу, а еще через четыре дня, 1 августа, Москва вновь салютовала победоносным войскам 3-го Белорусского фронта, освободившим Каунас.

Итак, остался последний переход до государственной границы, до границы с Восточной Пруссией, до гнездовья давней агрессии во всем регионе Балтики еще с крестоносных времен, когда римская церковь огнем и мечом крестила Литву и магистр Тевтонского ордена рвался водрузить лотарингский крест на православных соборах Новгорода, прикрывая крестом грабительские свои устремления.

Из тьмы веков до нас дошел вопль прибалтийских жителей, обращенный к литовскому великому князю Витовту накануне Грюнвальдской битвы (15 июля 1410 года): «Выслушайте нас, угнетенных! Орден не ищет душ наших для бога, он ищет земель наших для себя; он нас довел до того, что мы должны или ходить по миру, или разбойничать, чтобы было чем жить. Как они после того смеют называть себя братьями, как смеют крестить? Кто хочет других умыть, должен быть сам чист... Все плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у нас забрали; не дают нам ни зверя бить, ни рыбы ловить, ни торговать с соседями, что год увозили детей наших к себе заложниками; старшин наших завезли в Пруссию, других со всем родом огнем сожгли; сестер и дочерей наших силой увлекли — а еще крест святой на платье носят! Сжальтесь над нами! От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровью!»

Много раз на протяжении веков были биты немецкие рыцари, но вновь набирали силу в своем гнездовье и заново вносили «смуту» в жизнь Восточной Европы. Здесь зарождались планы мирового господства, захвата соседних земель, здесь зарождалась идея господства над Европой, а с приходом Гитлера и над миром.

После освобождения Каунаса с тяжелыми боями войска 5-й армии вышли 10 августа на линию Науелишкяй — Шакяй — Жвиргждайчай — Барздай — Чичнай.

Командующий фронтом приказал подготовить войска к последнему броску к границе к 13 августа. 14 августа войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление от Немана до Шешупе. 5-я армия в центре, слева 33-я армия генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина, справа 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Людникова.

Сопrotивление противника было более чем ожесточенным, он непрерывно переходил в контратаки. Продвижение было медленным, с

большими потерями.

Артиллерия всех видов и назначения помогала подвижным частям. Но в движении очень было трудно полностью использовать ее мощности, а главное — никак не удавалось разведать расположение батарей противника и его огневых точек.

Крылов не любил наступать вслепую, а «прозреть» не было времени. Он переезжал с одного НП в частях на другой, пытаясь хотя бы визуальным наблюдением установить, где же обнаружить слабинку в обороне противника. Но и визуальные наблюдения ничего не давали.

Три дня пришлось прогрызать оборону перед выходом к реке Шешупе. В двух шагах граница, но подступы к ней защищают опорные пункты обороны, расположенные в литовских городах и местечках.

Наступление продолжалось в том же замедленном темпе, в отработанных боевых порядках, но Крылов все время искал какой-либо «маневр». И маневр нашелся.

В расположение 2-го батальона 297-го полка с немецкой стороны пробрался литовский юноша Костус Гликас. Он вызвался провести батальон и полк сквозь всю немецкую оборону вдоль границы и вывести в тыл их опорных пунктов, минуя все сторожевые посты.

Разведке все еще не удалось обзавестись «языком». О литовском юноше понесли донесения во все армейские звенья, узнал о нем и командарм.

Но можно ли доверять Гликасу? Замполит второго батальона лейтенант Ф. А. Костин, беседовавший с Гликасом, утверждал, что верить можно. Крылов дал «добро» на операцию. Он помнил, как много сделала при переправе через Суходровку всего лишь рота Старостенко, он помнил, какие чудеса совершали штурмовые группы в Сталинграде, где каждый боец был сам себе командиром и командармом. Там, в Сталинграде, штурмовые группы действовали только стрелковым оружием и гранатами, здесь же представлялась возможность действовать силами батальона, поддержанного танками и минометами.

Как брать, как преодолевать сильно укрепленную позицию врага? Можно уничтожить артиллерией и подавить бомбовыми ударами с воздуха. Но для этого надо иметь точные данные, где и как расположены инженерные сооружения. Можно протаранить такую оборону стрелковыми подразделениями, поддержанными артиллерией, САУ и танками. Все это чревато тяжкими потерями. А здесь предоставлялась редкая возможность «проползти» сквозь оборону змеей и охватить ее с тыла.

Ф. А. Костин так вспоминает о ходе этой «частной операции».

«Готовясь к прыжку в логово фашистского зверя, наш батальон в августе 1944 года вышел на рубеж вдоль пограничной реки Шешупе. На противоположном берегу враг закрепился на заранее подготовленных позициях.

Дело предстояло трудное, кровопролитное. Командиры голову ломали, пытались возможно точнее распознать систему вражеской обороны. Но противник был достаточно бдителен и осторожен, нам не удавалось ни «языка» захватить, ни обнаружить огневые точки наблюдением.

И вот в одну из ночей батальонная разведка задержала в зоне нашей обороны литовского юношу Костуса Гликаса, который с риском для жизни сумел пробраться через боевые порядки противника... Он дал такие ценные сведения о противнике, о которых мы лишь мечтать могли. Он указал количество и расположение огневых точек, показал, где находятся доты и, что особенно ценно, — проходы в минных полях.

Мы прошли по этим проходам, как по чистому полю, часть дотов обошли, блокировали, а те, что были в глубине, подавили огнем артиллерии. Говоря короче, мы выполнили боевую задачу с минимальными потерями...»

Костус Гликас после войны возглавил колхоз имени Ленина Шакяйского района.

Естественно, удачная операция, проведенная силами батальона, не могла решить задачи, стоявшей перед армией, но во многом облегчила ее выполнение.

17 августа 1944 года в 5 часов 30 минут 2-я рота 262-го стрелкового полка 184-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта А. Г. Дудкина первой в войсках 3-го Белорусского фронта, первой в Красной Армии вышла на границу с Восточной Пруссией.

2-я рота была передовой во 2-м батальоне того же полка, которым командовал капитан Г. Н. Губкин, а замполит был Ф. А. Костин. Полностью батальон вышел к границе во второй половине дня.

«За маленький прибрежный Хуторок шел горячий бой, — писала в те дни «Правда». — Одна мысль о том, что война от тихих всплесков Волги докатилась до Шешупе, вынуждала немцев драться с невиданным остервенением... Бой за хутор шел несколько часов. Охваченный дымом, он почти весь был разбит и сожжен...»

Немецкое командование и Гитлер не могли примириться с мыслью, что война будет перенесена на территорию Восточной Пруссии, что на очереди освобождение Польши, что советские войска вступят на территорию Германии и придут в Берлин.

Гитлер бесновался, обвиняя во всем своих генералов и солдат, немецкие же генералы обвиняли во всех неудачах фюрера, не желая понять, что поход в Россию был безнадежной авантюрой.

Они не могли примириться с мыслью, что вот-вот начнется вторжение советских войск в гнездовье их военных устремлений, но если не примириться с мыслью, то уже принять как факт приходилось, что Восточный фронт на внешнем стратегическом направлении рухнул.

Они отвечали на это ожесточенными контратаками. Немецкое командование перебросило 18 дивизий и 4 бригады из стран Западной Европы, чтобы как-то заткнуть брешь.

5-я армия после 17 августа отбивала непрерывные контратаки противника, пока они не захлебнулись.

Советское Верховное Главнокомандование, учитывая, что на территории Восточной Пруссии предстоят тяжелые бои, что сопротивление противника достигнет там кульминационной точки, приказало 29 августа перейти к обороне по границе Восточной Пруссии. Перешли к обороне и немцы. Бои утихли. Настало время подготовки нового крупного наступления.

Фронт 5-й армии пролегал причудливой линией. 65-й стрелковый корпус был обращен на запад и держал оборону в междуречье Немана и Пенты. От Синтаутая до восточной излучины Шешупе в 10 километрах от Кудиркос-Науместиса фронтом на север стоял 72-й стрелковый корпус. По реке Шешупе до ее северной излучины фронтом на запад оборонялся 45-й стрелковый корпус. Правым соседом была 39-я армия генерала И. И. Людникова, левым — 11-я гвардейская генерала К. Н. Галицкого.

Но тишина, наступавшая на передовой, не была отдыхом. Начались дни усиленной боевой подготовки. Пополнялись личным составом дивизии и полки армии, принималась новая техника и новое вооружение... Для Крылова оставалось главным, как в Восточной Пруссии в преодолении самой совершенной обороны противника избежать тяжелых потерь, как найти тот «маневр», который помог бы воевать и в этом гнездовье агрессии малой кровью.

Пока он этот «маневр» видел лишь в одном: в боевой подготовке каждого офицера и каждого солдата, в их готовности к боям в сложнейшей обстановке, в умении и боевом искусстве каждого.

Николай Иванович предложил три темы для занятий: «Прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной полосы обороны противника», «Оборона приграничного укрепленного района Восточной Пруссии», «Прорыв обороны в условиях укрепленного района».

Он требовал от командиров корпусов и командиров дивизий, чтобы учения проходили в обстановке, приближенной к реальности.

Действия армейской разведки на территории Восточной Пруссии были крайне затруднены. Если под Суходровкой удалось раздобыть почти точное начертание системы обороны, если и дальше помогали добывать разведданные партизаны и местные жители, то теперь на эту помощь рассчитывать не приходилось.

Авиационная разведка кое-что обнаружила, хотя и с большими трудностями. Система же обороны оставалась невоскриской, поэтому построить боевую подготовку было очень сложно. Общих мест в обучении войск Крылов не любил. Во время учений он ставил перед войсками самые неожиданные задачи, быть может, и более трудные, чем они окажутся на самом деле. Его опыт обороны и здесь пригодился.

С передовых немецких позиций доносились возгласы в репродуктор на ломаном русском языке: «Всех до единого, кто посягнет на землю Великой Германии, ждет смерть!», «Каждый клочок немецкой земли — могила для тебя, русский Иван!»

В эти дни был найден приказ командующего группой армий «Центр» генерала Моделя. «Солдаты! — писал Модель в приказе. — Противник стоит у границ Восточной Пруссии. Необходимо, чтобы каждый проникся требованием момента. Танкобоязнь, боязнь окружения, непрерывный отход и тому подобное являются понятием слабых духом и проявлением трусости, которая не должна иметь места в сердце немецкого солдата. Вспомним о нашем былом превосходстве. Трусам не место в наших рядах. Кто колеблется, тот погиб!»

Стало быть, немцы колеблются, стало быть, есть танкобоязнь и главное есть, боязнь окружения...

Со дня на день ждали директивы фронта. Наконец в начале октября в расположение 5-й армии прибыл И. Д. Черняховский. Выслушав доклад начальника штаба армии Прихидько об укреплениях противника, он отправился с командармом в войска.

Был он на этот раз сдержан, тревожен. Подробно расспрашивал комдивов и о расположении войск противника, и о готовности их дивизий к тяжелым боям. Но этим не ограничился. Поехал на передний край. С НП рот и батальонов внимательно вглядывался в позиции противника.

К вечеру Черняховский и Крылов возвратились на КП армии. Командующий фронтом попросил Прихидько расстелить карту оперативной обстановки и стал рассуждать вслух:

— Здесь ничего в лоб не возьмешь. Каждый шаг потребует своего решения — обходного маневра, блокировки и обмана противника...

Бросил карандаш на карту и выпрямился.

— Знаю, Николай Иванович, что тебе чужда амбициозность и никогда ты самолюбивые мотивы не ставил выше дела... Вижу, в полосе твоей армии обстановка неблагоприятная. Прорывать оборону дорогое дело. А вот в расположении армии Людникова на Таураге, несмотря на то, что укрепления не менее мощные, разведаны они точнее. Там оборону не прорывать, а уничтожать артиллерией и бомбовыми ударами. Вам правым флангом следует подключиться к наступлению армии Людникова. Нанесете удар в направлении Вобалишки и Нанове с задачей выйти и здесь на Шептуне. Этим вы сразу оттянете силы противника от направления главного удара Людникова. Это поможет ему осуществить прорыв. Здесь, в воротах в Пруссию, главное — сосредоточение огромного перевеса в силах над противником на узком участке фронта. Поэтому вам надлежит основные силы корпусов Казарцева и Перекрестова перебросить в полосу наступления одиннадцатой гвардейской. Вам, Николай Иванович, может показаться, что я распыляю армию, но это делается ради концентрации удара. Там, где планировалось ранее наступление корпусов Казарцева и Перекрестова, надо будет поставить сорок пятый стрелковый. Его задача — оборона!

Крылов понял замысел командующего фронтом. В создавшейся обстановке это решение, пожалуй, было единственно возможным. Сужение полос наступления. Огромная концентрация артиллерийского удара во

взаимодействии с ударом авиационным, доведенная до предела плотность войск.

Черняховский собрал командиров корпусов и дивизий. Объяснил им задачу, указав на разницу в планировании операции «Багратион» и Восточно-Прусской. Здесь нет условий, чтобы создать внезапность для противника или найти какой-либо неожиданный маневр. Черняховский предупреждал, что здесь надо предусмотреть неожиданности, которые подготовит противник, и быть к ним готовым, а потому держать все силы в кулаке и уделить особое внимание вводу в действие танковых и противотанковых резервов.

Черняховский поставил задачу к 8 октября командирам дивизий и их штабам перейти на наблюдательные пункты и внимательно следить за всем, что происходит в полосе обороны противника.

Крылов и начальник штаба Прихидько на основании указаний комфронта готовили передислокацию войск, но нервное напряжение у Николая Ивановича не спадало.

Раны кровоточили, он скрывал это от своих товарищей. Об этом знал только его водитель Ковтун, но и Ковтун увидел, что молчать далее нельзя.

К 14 октября войска фронта завершили перегруппировку, наступление было назначено на 15 октября.

Утром Николай Иванович с трудом поднялся. Ковтун несколько раз делал ему перевязки. Боли доводили до потери сознания. Ковтун осмелился предложить командарму пригласить врача. Крылов запретил ему об этом даже упоминать. А к вечеру приехали врачи, присланные командующим фронтом. Крылов попытался уйти от осмотра, но раздался звонок Черняховского, и тоном, не терпящим возражений, Иван Данилович приказал командарму пройти осмотр.

— Э-э, товарищ генерал-полковник, — говорил хирург, — я от вас никак такого не ожидал... Вот-вот начнется сепсис! В Москву, и немедленно!

Москва. Серебряный переулок. Центральный военный госпиталь. Здесь Николай Иванович Крылов провел два долгих, тягостных месяца. Ему сделали сложную операцию и извлекли осколок немецкого снаряда, который стал причиной тяжелого осложнения. Крылова мучила слабость, долго не проходили боли. Но, несмотря на это, он не замкнулся в себе. Был приветлив, шутил с лечащим врачом Александрой Петровной Анохиной, с сестрами и нянечками. И постоянно просил их приносить газеты, где он пристально искал сообщения с 3-го Белорусского фронта. Но их не было. И это больше, чем собственное состояние, тревожило Крылова. Но вот наконец заботливая Анна Петровна вошла в палату, сияя улыбкой.

— Здесь для вас что-то есть, — сказала она, протягивая «Правду» и «Красную звезду».

Крылов, уже догадываясь, чем может быть это «что-то», развернул газеты и сразу же увидел приказ Верховного Главнокомандующего. Едва сдерживая дыхание, он торопливо пробежал взглядом по газетным строчкам: «Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии, и вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту».

Эти скупые строчки приказа многое сказали Крылову. Войска фронта овладели городами Ширвиндт, Кибартай, Эйдкунен, Шталлупенен и другими — в общей сложности гитлеровцы были выбиты более чем из 900 населенных пунктов, из которых около 400 находились на территории Восточной Пруссии. Свыше четырех тысяч квадратных километров отвоеванной территории противника, многие сотни городов, поселков и деревень, очищенных от врага, — это немало. Но он за этими строчками видел и другое: до конца эту операцию выполнить не удалось. До рубежа Инстербург, Даркемен, Гольдап, ближайшей задачи фронта, оставалось еще сорок километров. Значит, противник оказал такое сопротивление, что ни 5-я армия, ни соседи продвинуться дальше не смогли. Но, может быть, смогут еще?

Каждый день с душевным трепетом разворачивал Николай Иванович газеты, надеясь увидеть новый приказ Верховного, но его все не было.

Анастасия Семеновна любящим сердцем чувствовала, что мужа одолевают невеселые мысли. Иногда ей удавалось отвлечь его разговорами о детях. Николай Иванович рассказывал жене о том, как служит «солдат Лида», как изменилась и повзрослела она за год войны, каким твердым стал ее характер. Анастасия Семеновна, в свою очередь, зачитывала теплые, по-сыновьи ласковые письма Юрия, который учился в Рязани в автомобильном училище. Николай Иванович называл эти послания «докладными записками». Он очень радовался, когда в палату врывается раскрасневшийся на ветру десятилетний Борис, требовавший тут же рассказов «про войну».

Но уходили домой жена и сын, и опять мысли Крылова возвращались к его армии; он вновь и вновь пытался предугадать, как развернутся там события.

Сомнения и переживания закончились лишь с получением письма от Николая Яковлевича Прихидько. «Дорогой Николай Иванович! — писал начальник штаба. — Знаем, что, несмотря на свои недуги, вы волнуетесь и тревожитесь за нас. Не беспокойтесь! Дела у нас сложились неплохо, хотя надеялись на более лучшее. С приказом Верховного от 23 октября вы, вероятно, знакомы. Он подытожил то, чего мы достигли. Теперь закрепляемся, и, видимо, надолго. Поправляйтесь, ни о чем не думая. Вас замещает генерал-лейтенант Петр Григорьевич Шафранов из хозяйства Галицкого. Одним словом, все пока хорошо. Ожидаем вас здоровым и бодрым... Все соратники и боевые друзья крепко-крепко обнимаем вас».

Эта короткая весточка с фронта принесла душевное успокоение. После нее и раны стали затягиваться быстрее. А через некоторое время появилась потребность и осмыслить то, что пережил он в последний год, находясь на посту командующего 5-й армией...

20 ноября 1944 года Крылова выписали из госпиталя. От длительного отпуска, положенного ему после сложной операции, Николай Иванович отказался, пробыл дома с женой и сыном лишь неделю и уехал на фронт. Ровно через два месяца после своего вынужденного отлета в Москву он вновь оказался в небольшом населенном пункте на самой границе Восточной Пруссии, где располагался штаб 3-го Белорусского фронта. Не обращая внимания на предостережение заботливого Володи Ковтуна, который, оберегая командарма не только от нагрузок, но и от холода, постелил на сиденье толстенный постовой тулуп, Крылов решил пройти весь путь пешком. Иван Данилович Черняховский вышел из кабинета навстречу.

— Думал, приедешь, заставлю тебя недельку-другую отдохнуть, — говорил он, крепко пожимая Крылову руку. — А ты вон какой молодец!

Хоть сразу в строю ставь.

Черняховский без вступления сразу стал рассказывать о положении на фронте и задачах на ближайшее время.

— Наше октябрьское наступление, и ты, Николай Иванович, хорошо это понимаешь, не достигло тех целей, которые мы ставили. Оно явилось как бы стратегической разведкой. Кроме того, фронт отвлек на себя свыше восьми дивизий и около полутысячи танков. Так что успехи есть, и немалые. И все же характер боев убедил не только Военный совет фронта, но и Ставку в том, что покончить с прусской группировкой одному лишь нашему фронту не под силу. Тем более что немцы после октябрьского поражения не сидят сложа руки. Они еще больше усовершенствовали оборону, подтянули резервы и свежие войска. Сейчас в Восточной Пруссии обороняются третья танковая, четвертая и частично вторая полевые армии, которые входят в группу «Центр». Кстати, — заметил с улыбкой Иван Данилович, — а ведь с командующим этой группы вы знакомы.

— Как знакомы? — удивился Крылов.

— Очень просто. Ты громил его в Белоруссии, под Витебском.

— Рейнгард, — догадался Николай Иванович.

— Да, генерал-полковник Рейнгард, — подтвердил Черняховский. — Тогда он командовал армией, а теперь Гитлер повысил его, назначил командующим группы армий «Центр». Вот его-то нам и надо перехитрить, а его войска разгромить.

Иван Данилович посерьезнел:

— К разгрому этой группировки Ставка привлекает теперь два фронта — наш и 2-й Белорусский Рокоссовского. Перед нашим фронтом обороняются два армейских и два танковых корпуса. Это в общей сложности шестнадцать пехотных и две танковые дивизии, которые и образуют тильзитско-инстербургскую группировку. Конкретная же задача, которая стоит перед фронтом, — на десятый-шестнадцатый день овладеть рубежом Немонен, Даркемен, Гольдап...

Крылов удивленно взглянул и утвердительно кивнул. Черняховский поймал этот взгляд и утвердительно сказал:

— Не удивляйся, Николай Иванович. Именно Немонен, Даркемен, Гольдап. Хотя мы находимся с ним ближе на целых тридцать километров, чем в октябре, но ближайшая задача фронта остается той же, что и в сентябрьском наступлении. Тогда мы планировали пройти семьдесят километров, а не прошли и половины. Вот из этого мы и исходим, планируя фронтовую операцию. Ведь там, дальше, на этих оставшихся сорока километрах, оборона не слабее, а, пожалуй, посильнее, чем та, что мы

прорывали в октябре.

Черняховский помолчал немного, а потом продолжил:

— Пятой армии мы отводим, как и прежде, ведущую роль. Она должна нанести рассекающий удар в центре ударной группировки фронта.

По тому, как легко произносил командующий фронтом трудные немецкие названия, Крылов понял, что тот не один час провел за картой, планируя будущую операцию. Он сказал об этом Черняховскому, и тот, улыбнувшись, ответил:

— Да, поломать голову пришлось. Задача не из легких. И тебе, Николай Иванович, советую продумать все основательно, без спешки. Время у вас есть. Директиву на наступление получишь, как минимум, в конце декабря.

Черняховский, взглядываясь в побледневшее лицо Крылова, в его усталые глаза, на прощание сказал:

— Рановато все-таки тебе, Николай Иванович, в строй становиться. Вижу теперь, что не мешало бы еще сил поднабраться.

Уловив протестующий жест Крылова, он покачал головой:

— Знаю, знаю, тебя не удержишь. Но все же хотя бы на первых порах не перегружай себя.

При всем уважении, которое Николай Иванович испытывал к Ивану Даниловичу Черняховскому, он не мог выполнить этот совет.

Ежедневно Н. И. Крылов был в корпусах и дивизиях армии, разговаривал с командирами, политработниками, рядовыми бойцами и после каждой такой поездки возвращался на свой КП в приподнятом настроении.

— Люди рвутся в бой, — делился он впечатлениями с Иваном Михайловичем Пономаревым. — Наступательный порыв высочайший. Если мы отдадим им грамотный приказ, если глубоко продумаем операцию, они все сделают, чтобы уничтожить врага.

В одну из первых таких поездок Николай Иванович близко познакомился с новым командиром 45-го стрелкового корпуса, Николаем Ивановичем Ивановым. Ему понравился этот спокойный, уверенный в себе человек, участник первой мировой и гражданской войн, уже в Великую Отечественную командовавший мотострелковой бригадой, стрелковой дивизией и корпусом.

Беседы с генералами и офицерами, поездки в войска помогли Николаю Ивановичу в кратчайший срок войти в курс дела. «У меня такое впечатление, — говорил он своим товарищам, — что мой истосковавшийся по работе мозг, как губка, сам по себе впитывает все, что касается

положения дел в армии. Проходит до смешного. Лег спать, а перед глазами всплыли цифры снабжения бойцов... табачным довольствием. Откуда они? И тут вспомнил, когда был у Казарцева, увидел на столе какую-то бумагу. Вот на ней-то были эти цифры. Но дело в том, что я не читал этот второстепенный документ, а лишь мельком взглянул на него...»

Уже в первые дни своего возвращения в армию Николай Иванович начал разрабатывать замысел предстоящей операции. У него еще не было оперативной директивы фронта (она пришла только 29 декабря), но он помнил разговор с Иваном Даниловичем Черняховским, который вполне определенно обрисовал все то, что должна выполнить в планируемой фронтовой операции 5-я армия. И, исходя из него, Крылов и прикидывал возможные варианты действия — свои и противника.

Когда замысел операции окончательно оформился, Крылов провел с руководящим составом армии, командирами корпусов и дивизий занятия на картах и местности, а потом потребовал от них отработать возможные варианты действий с подчиненными войсками на учениях.

*

Крылов ставил перед участниками занятий и учений задачи, которые они будут решать в наступлении и в первую очередь при прорыве основной полосы Гумбиненского района и ликвидации тильзитской группировки врага. Командиры корпусов и дивизий, полков и батальонов, рот и взводов «прорывали» главную полосу обороны, состоящую из трех позиций с бетонными фортификационными сооружениями и прикрытую плотными противотанковыми и противопехотными заграждениями, организовывали отражения контратак резервов противника на пятнадцатикилометровом участке между первой и второй полосой, затем преодолевали эту вторую полосу, не менее мощную, чем предыдущая, «форсировали» реку Инстер, «захватывали» плацдарм на противоположном берегу и с него «наносили» решающий удар по частям, занимающим хорошо оборудованную в инженерном отношении и надежно защищенную третью полосу... Командарм, не терпевший шаблонных, «обкатанных» в других сражениях решений, требовал от командиров всех степеней творчества, инициативы, решительности действий. Он часто и неожиданно менял обстановку, заставлял соединения, части и подразделения «воевать» ночью, ставил сложные задачи перед штурмовыми группами по блокировке и уничтожению железобетонных дотов, капониров и блокгаузов, а перед

противотанковыми резервами — по отражению контратак танков противника, учил командиров организовывать взаимодействие, в любых условиях осуществлять гибкое управление подчиненными войсками... Напряженная работа в период подготовки к наступлению принесла ощутимые результаты. В последний день сорок четвертого года, 31 декабря, в 5-ю армию приехал командующий фронтом генерал армии И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров, командующий артиллерией генерал-полковник М. М. Барсуков и командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенант А. Г. Родиин. Иван Данилович выслушал Крылова, который на карте доложил свое решение, удовлетворенно произнес:

— Не могу сделать ни одного замечания, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Когда же генералы Барсуков и Родин, скрупулезно проанализировав задачи артиллерии и порядок использования танков в предстоящей операции, сделали заключение, что и здесь командование 5-й армии оказалось на высоте, Черняховский уже не скрывал своей радости.

— Не подвел, Николай Иванович, не подвел, — улыбаясь, говорил он Крылову. — Хороший новогодний подарок приготовил.

Иван Данилович Черняховский уезжал из 5-й армии в приподнятом настроении. В машине он шутил, смеялся, говорил о том, что наступающий Новый год для него один из самых радостных. Он сказал Макарову: «Нам просто повезло, что 5-й армией командует такой генерал, как Крылов. У него все есть, чтобы быть хорошим полководцем: и светлая голова, и глубокие военные знания, и боевой опыт, и незаурядные организаторские способности».

Всю ночь на 13 января Крылов провел на командном пункте армии.

Из-за плохой видимости пришлось отменить бой передовых батальонов, запланированный на семь часов утра. Артиллерия стреляла вслепую, и, конечно, эффект от ее огня был далеко не таким, каким ожидался. Не смогла действовать и наша авиация. Тем не менее артиллерийское наступление началось вовремя и велось по плану. В девять часов утра был произведен мощный огневой налет по всему переднему краю неприятеля. Затем наступила заранее намеченная 15-минутная пауза. Ее хорошо использовали разведчики. Под покровом тумана они проникли в первую траншею противника и установили, что находившаяся там пехота являлась лишь прикрытием. Основная же ее масса, как оказалось, была отведена во вторую и третью траншеи с вполне понятной целью заставить нашу артиллерию впустую израсходовать боеприпасы. Но этот прием уже

не мог спасти положение. В 9.20 артиллерия всей своей мощью накрыла вторую и третью траншеи, а затем продолжала бить по запланированным и заранее пристрелянным целям. В 10 часов 50 минут, за десять минут до конца артиллерийской подготовки, дали общий залп гвардейские минометы.

Это было сигналом к атаке.

Со своего наблюдательного пункта Крылов видел, как двинулись на штурм вражеской обороны стрелковые полки и сопровождавшие их танки и самоходки. Но вскоре эту лавину людей и машин поглотил туман. Он непроницаемой стеной скрыл от командующего все то огромное пространство, на котором разворачивалось одно из труднейших для 5-й армии сражений.

Вскоре стали поступать доклады от командиров корпусов: «Войска армии, с ходу, практически без потерь, заняли первую траншею...», «Развивают наступление в глубину...», «Темп продвижения снижается...», «Дивизии первого эшелона армии, несмотря на значительное усиление артиллерией и танками, продвигаются медленно...», «Борьба, вплоть до рукопашной, идет за каждое здание, за каждый дот, за каждый участок траншеи...».

Каждый метр своих позиций враг отстаивал с невиданным упорством. Его сопротивление не ослабевало ни на минуту. Больше того, он не только не хотел отступать, но и контратаковал. Бросал на взводы, роты и батальоны 5-й армии танки и пехоту, вел по наступающим огонь прямой наводкой из орудий, стремился там, где то или иное подразделение вырывалось вперед, нанести ему удар с фланга и даже с тыла.

Осложнилось управление и атакующими частями. Исход боя за любой объект, будь то отдельный дот, фольварк или большой опорный пункт, целиком и полностью зависел теперь от умелых действий штурмовой группы, роты, батальона. Ни командарм, ни командиры корпусов и дивизий не могли им достаточно эффективно помочь — хотя они имели в своих руках мощные средства подавления, но использовать их в полную меру не было никакой возможности: вдобавок к густому туману к полудню пошел снег. Скованной такой погодой оказалась и авиация.

Весь этот недолгий зимний день, в первый день наступления, Крылов находился на пределе нервного напряжения. Командиры корпусов и дивизий докладывали, что противник сопротивляется упорно, потеснить его удалось лишь на два-три километра.

По всему чувствовалось, что в не меньшем напряжении находился и генерал армии Черняховский. Дважды докладывал ему Крылов о том, как

развивается наступление, и оба раза командующий фронтом ни слова не говорил в ответ. Лишь по коротким, отрывистым «понял» Крылов определял, что Черняховский его слушает. Только во время телефонного разговора, который состоялся уже поздно вечером, когда стихли бои по всему фронту 5-й армии, Иван Данилович высказал то, что его беспокоило.

— Мы дали противнику понять, где у нас направление главного удара, — голос командующего фронтом, измененный телефонной трубкой, звучал глухо. — За ночь он подтянет резервы и еще больше укрепит здесь оборону. Так что завтра тебе, Николай Иванович, будет еще труднее.

В эту ночь долго не гас огонь на наблюдательном пункте командующего армией. Вместе с генералом Прихидько Крылов искал слабые места во вражеской обороне, определял, с каких направлений следует ждать контрударов, какие силы привлечь к их отражению. А утром, едва забрезжил рассвет, командарм выехал в войска. Он решил управлять войсками не со своего НП, а с командных пунктов корпусов и дивизий. Только так можно было своевременно реагировать на мгновенные и неожиданные изменения обстановки, в которых, как подсказывал Крылову опыт, недостатка не будет.

Второй день сражения начался с резкого осложнения обстановки. Как и предполагал командующий фронтом, немецкое командование подтянуло к месту прорыва свои резервы. Ими оказалась 5-я танковая дивизия, имевшая в своем составе до трех с половиной сотен танков и немало штурмовых орудий. Этот танковый таран был направлен своим острием против частей и соединений 65-го стрелкового корпуса. Одновременно на других направлениях гитлеровцы бросили в контратаки свежие, подошедшие за ночь к переднему краю, усиленные танками пехотные части. Потребовалось срочно предпринять ответные меры. Необходимо было ввести в сражение вторые эшелоны 45-го и 65-го стрелковых корпусов. И скоро на пути контратакующих резервов противника встали 159-я и 97-я стрелковые дивизии генерала Калинина и полковника Цукарева.

Эти соединения помогли частям первого эшелона отразить контратаки врага и даже продвинуться в глубь его обороны. Но продвижение было незначительным — лишь несколько сот метров. Потом несколько часов армия, стоя, по сути дела, на месте, вновь перемалывала атакующие гитлеровские цепи. И опять на считанные метры продвинулась вперед.

Но вскоре противник все же не выдержал. Он начал пятиться все быстрее и быстрее. К вечеру 15 января ударной группировке фронта, в которую входила и армия Крылова, удалось прорвать главную полосу вражеской обороны, на 15 километров продвинуться в глубь занятой

противником территории и выйти к гумбиненскому укрепленному рубежу.

Поздно ночью в блиндаже командарма собрались Крылов, начальник штаба армии генерал Прихидько и командующий артиллерией генерал Федоров.

— Впереди еще восемь оборонительных полос, — сказал Николай Иванович, подходя к столу, на котором была разложена оперативная карта. — С такими темпами до Кенигсберга мы не скоро доберемся.

— Не все они одинаковы, — откликнулся Федоров. — Будут и послабее.

— Несомненно, будут и послабее, — Крылов, подвинув стул, сел на него. — А некоторые, возможно, и покрепче. Поэтому главное для нас — сломить упорство врага.

— Тяжело будет преодолеть гумбиненский и инстербургский рубежи, а потом станет легче — выйдем на оперативный простор, — вступил в разговор генерал Прихидько. — Быть сильными на всех рубежах немцы не смогут. Резервы-то его мы перемалываем. Даже по самым скромным подсчетам, противник потерял больше сотни танков.

— И все же завтра нам предстоит тяжелый день, — 1 Крылов взял в руку остро отточенный красный карандаш и, пригласив генералов Прихидько и Федорова присесть к столу, добавил: — Давайте посмотрим, что мы можем противопоставить врагу.

Двух мнений не было. Все сошлись на том, что прорвать вторую полосу обороны противника имеющимися силами будет практически невозможно. Настало время ввести в сражение резерв армии — 157-ю стрелковую дивизию полковника Катюшина. И лучше всего на стыке 45-го и 65-го стрелковых корпусов. Кроме того, пора использовать и второй эшелон 72-го стрелкового корпуса генерала Казарцева. Перед началом наступления планировалось также провести сорокаминутную артиллерийскую, а если позволит погода, то и авиационную подготовку.

Когда решение полностью оформилось, Крылов доложил командующему фронтом. Иван Данилович Черняховский все внимательно выслушал и тихо сказал:

— Одобряю. Для развития успеха в полосе вашей армии в прорыв войдет корпус Бурдейного. Увяжите с ним взаимодействие.

Слова командующего фронтом воодушевили Крылова. Он рассказал о разговоре с Черняховским и добавил:

— Так что можно надеяться на успех. А чтобы он был как можно весомее, давайте продумаем, как организовать взаимодействие с танкистами...

Утром 16 января все потонуло в грохоте разрывов. Сорок минут артиллерия обстреливала вражеские позиции. Столько же времени штурмовики и истребители двух авиационных дивизий — 303-й истребительной генерала Г. И. Захарова и 1-й гвардейской штурмовой подполковника С. Д. Пруткова — «обрабатывали» передний край обороны противника. Казалось, ничто живое не может уцелеть в этом неистово бушующем море огня и металла. Но едва в атаку пошли танки и пехота, передовая врага ошетилилась ответным огнем. Стреляла неподавленная артиллерия, гулко раздавались выстрелы закопанных в землю танков, зло бились и амбразурах железобетонных дотов несущие смерть языки пламени на концах стволов станковых пулеметов, по всей первой траншее с характерным цокающим звуком трещали вражеские автоматы.

Враг не хотел сдаваться. Немецкие солдаты и офицеры верили, что подтянутые сюда, на гумбиненский рубеж обороны, огромные силы и средства, помогут им выстоять, не дадут возможности наступающим русским прорваться в глубь Восточной Пруссии и даже отбросить их назад, за первую оборонительную позицию. Но, несмотря на упорное сопротивление противника, 5-я армия про двигалась вперед. Медленно, с жестокими боями, но продвигалась. Противник не выдержал натиска и стал отходить. Вскоре Крылову доложили, что части армии овладели мощными опорными пунктами врага — Радшеном и Куссеном.

— Теперь танки Бурдейного выйдут на оперативный простор и протаранят оборону противника, — облегченно сказал он генералу Прихидько, который, как и Крылов, все это время не покидал армейского НП, помогая командующему управлять войсками.

Последующие дни на наблюдательный пункт поступали обнадеживающие сведения — армия с боями, но уверенно продвигалась вперед. И все же коренной перелом произошел не на инстербургском направлении, в котором наступала 5-я армия, а на правом крыле фронта в полосе 39-й армии генерала Людникова.

Командующий фронтом генерал армии Черняховский сразу же отреагировал на это несколько непредвиденное изменение обстановки. Он ввел в сражение 11-ю гвардейскую армию генерала Галицкого — второй эшелон 3-го Белорусского фронта. Ее задачей было выдвинуться в полосу 39-й армии и, развернувшись на рубеже реки Инстер, нанести удар по флангу гитлеровской группировки.

Черняховский изменил и задачу 5-й армии. Теперь она должна была, сбивая со своего пути вражеские заслоны и обходя лесные массивы, в которых сосредоточивались отступившие войска противника, выйти к

Инстербургу, разгромить его гарнизон и овладеть городом раньше, чем к нему выйдут немецкие части.

— Темп вашего продвижения должен быть самым высоким. От него зависит успех всего фронта в целом, — напутствовал Крылова Черняховский.

Темп продвижения... Как его обеспечить в условиях, когда, казалось, стреляют даже камни, когда отходящий противник делает все возможное, чтобы задержать войска армии. Крылову доложили, что немцы заминировали практически все дороги. А на асфальтированном шоссе Куссен — Мельвишен они не только заложили фугасы под мостами и в трубах, но и подвесили заряды на высоких липах, стоящих по обеим сторонам дороги. Саперы обнаружили этот смертоносный «сюрприз» и тут же обезвредили его. Но на это ушло время. То самое драгоценно(с) время, которого не хватает.

Недолго размышлял командующий 5-й армией над тем, какой выход найти из создавшегося положения. Он решил: едва части и соединения армии выйдут на рубеж реки Инстер, направить на Инстербург с севера и востока подвижные отряды, в которых будут и танки, и артиллерия, и, конечно же, саперы. Они на максимально возможной скорости, лишь обозначая минные поля и обходя их, должны будут выйти к городу, завязать там бои с противником и не дать отходящим частям врага соединиться с осажденным гарнизоном. Пока будет длиться бой, основные силы армии совершат форсированный марш по очищенным от мин дорогам и также подойдут к городу. Зажатые со всех сторон, изолированные от помощи извне, гитлеровцы вряд ли долго продержатся. А когда Инстербург будет захвачен, армия продолжит свое движение вперед.

21 января к Инстербургу вышли подвижные отряды, которые завязали бои с гарнизоном города и одновременно отбивали атаки подходящих сюда частей и подразделений противника, а в ночь на 22-е в сражении участвовала уже вся 5-я армия и ее правый сосед — 36-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. К. Кошевого из 11-й гвардейской армии. К шести часам утра Инстербург был полностью очищен от вражеских войск.

Впереди новый укрепленный пункт противника — город Алленбург. После его взятия 5-я армия в таком же порядке выдвинулась к Фридланду, который немцы превратили в настоящую крепость.

Наступавшая южным берегом Прегель 11-я гвардейская армия вырвалась далеко вперед. В этих условиях не использовать успех соседа — значит упустить шанс на вполне реально ощутимую победу. Крылов понимал, чем грозит 11-й армии неприкрытый левый фланг. Противник мог

ударить по нему и смять боевые порядки левофланговых дивизий. В этих условиях наиболее правильным было бы оставить у Фридланда один из корпусов, а основные рилы армии вывести в стык с 11-й гвардейской армией на реку Фришминг и оттуда нанести удар на Кройцбург.

Черняховский, исходя из сложившейся боевой обстановки, утвердил изменения плана операции. Вскоре части и соединения 5-й армии, совершив в том же порядке — впереди подвижные отряды, а за ними в колоннах основные войска — сорокакилометровый марш-бросок, вышли к Кройцбургу и после непродолжительного, но жестокого боя овладели им.

Вечером 31 января командарм, член Военного совета, начальник штаба и командующий артиллерией собрались на своем новом командном пункте, в полуразрушенном здании очищенного от противника Кройцбурга. Все ждали очередного сообщения Совинформбюро — за несколько часов до этого Крылову позвонил командующий фронтом и настоятельно посоветовал «послушать радио».

Раздались знакомые позывные, и в полутемную комнатку с опаленными степами и наскоро забитыми окнами ворвался знакомый голос московского диктора. Он торжественно зачитал приказ Верховного Главнокомандования, в котором сообщалось о том, что войска 3-го Белорусского фронта штурмом овладели сильными опорными пунктами Хайльсберг и Фридланд, что в боях отличились войска генералов Шафранова, Лучинского и Крылова.

В те первые февральские дни казалось, что достаточно сделать еще один рывок, и 5-я армия выйдет к морю и отрежет кенигсбергскую группировку противника от хайльсбергской, и тогда останется только завершить разгром вражеских войск в образовавшихся «котлах». Но рывка на этот раз не получалось.

Анализируя результат столь трудного продвижения в оперативных документах, Крылов указал на три главные причины снижения темпов наступления.

Первая — это хорошо подготовленная оборона немцев. Каждый поселок, городок, фольварк они превратили в мощные опорные пункты, прикрытые противотанковыми и противопехотными заграждениями. Практически это были своеобразные форты с множеством расположенных вокруг дотов и дзотов. Вторая причина: репрессии и обман, Гитлер пригрозил (и угрозы исполнялись), что каждый сдавшийся в плен или оставивший свои позиции будет объявлен предателем и приговорен к расстрелу, а его семья будет отправлена в концлагерь с полной конфискацией имущества. И, наконец, в наступавших войсках 5-й армии

ощутимо давали себя знать большие потери и усталость людей — непрерывные бои шли уже месяц, и численность дивизий сократилась до двух с половиной — трех тысяч человек.

Ставка провела реорганизацию фронта. Из состава 3-го Белорусского фронта были выведены ослабленные 43, 39 и 11-я гвардейские армии, а вошли в нее более боеспособные 50, 3, 48-я общевойсковые и 5-я гвардейская танковая армии из 2-го Белорусского фронта. Это позволило усилить натиск на врага. 17 февраля, после некоторого перерыва, вновь прозвучал по радио приказ Верховного Главнокомандования, в котором говорилось об овладении войсками 3-го Белорусского фронта городами Ворледитт и Мельзак.

А 18 февраля произошло непоправимое.

В этот день Иван Данилович Черняховский выехал в 3-ю армию генерала А. В. Горбатова. Его командный пункт находился в только что взятом войсками фронта Мельзаке. Когда машина командующего подъехала к самому городу, рядом с ней разорвался шальной снаряд. Осколок попал прямо в сердце...

13 марта, после непродолжительных оборонительных действий, в ходе которых удалось восстановить боеспособность частей и соединений, пополнить их людьми, оружием и боеприпасами, войска 3-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза А. М. Василевского перешли в решительное наступление. А уже 29-го перестала существовать хайльсбергская группировка противника — самая мощная и многочисленная из всех восточнопрусских группировок врага. В ходе этих боев войска фронта уничтожили 93 тысячи и взяли в плен 46 448 немецких солдат и офицеров и захватили 605 танков и штурмовых орудий, 3559 полевых орудий, 1441 миномет, 128 самолетов. Эти цифры были названы в вечерней сводке Совинформбюро 29 марта 1945 года.

После этого перед войсками 5-й армии встала задача в составе 3-го Белорусского фронта разгромить оперативную группу противника «Земланд», которая еще удерживала Кенигсберг и Земландский полуостров. 25 апреля войска 11-й гвардейской армии овладели крепостью и портом Пилау — последним опорным пунктом врага на Земландском полуострове.

Глава шестая. Талант

16 апреля 1945 года 5-я армия заняла прибрежный город Поленек. Полностью очищать Земландский полуостров довелось 11-й гвардейской армии Галицкого. 5-я отводилась на отдых, но вскоре был получен приказ: «Погрузиться в эшелоны и следовать на восток!»

Как известно, на Ялтинской конференции на встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля было оговорено, что после окончания боев на германском фронте советские войска помогут ускорить разгром японских милитаристов.

В годы войны японское командование не раз рассматривало возможность нападения на Советский Союз. Военные действия на советско-германском фронте не создали предпосылок для вторжения, поэтому все эти годы японское командование в регионе расположения Квантунской армии возводило мощные укрепления, понимая, что в случае падения гитлеровского режима у Советского Союза будет немало веских оснований для вступления против Японии в войну.

Эшелоны продвигались быстро. Первая остановка была в Кубинке. Крылов сразу же направился в Генеральный штаб. Там ему было объявлено, что армия передислоцируется на Дальний Восток. В эти же дни Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

И опять в путь.

В Свердловске догнало долгожданное известие о том, что в Карлхорсте, пригороде Берлина, подписан акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии.

Во второй половине мая войска 5-й армии прибыли на Дальний Восток в назначенный пункт дислокации.

Вся подготовка к наступлению велась в строжайшей тайне. Даже командующий Приморской группы Маршал Советского Союза К. А. Мерецков встретил Крылова в форме генерал-полковника.

Кирилл Афанасьевич, уловив некоторую иронию у Крылова, заметил:

— Так надо до поры до времени... Тебя, Николай Иванович, заботит, конечно, что японцы заметят прибытие новых контингентов войск в Приморье. Тут себя мы не утешаем. С одной стороны — это вполне естественно. Войска высвобождаются с германского фронта. В свое время мы отсюда перебросили немало дивизий. Заполняется некий вакуум. Но в

японском генеральном штабе не могут же не оценивать общую обстановку, не могут не принимать во внимание, что мы союзники США и Англии. И все же надо делать максимум возможного, чтобы они не разгадали наших намерений. Известно, что иной раз союзнический долг ограничивается всего лишь демонстрацией передвижения войск...

Нет, не верил Крылов, что наступление советских войск, несмотря на все принимаемые меры, будет внезапным для японского командования.

...Началась привычная работа. Ее можно назвать предварительной рекогносцировкой. Вместе с начальниками родов войск Федоровым, Семенюком, Лейманом, Приходаем и группой офицеров штаба Крылов объезжал участок советско-маньчжурской границы, на котором должна была действовать 5-я армия. Николай Иванович, укрывшись в блиндажах, окопах, а то и просто за холмиком земли или поваленным деревом, внимательно всматривался в занятую противником территорию. Он старался до мельчайших подробностей запомнить то, что видел в мощную оптику стереотруб или бинокля, о чем рассказывали ему командиры пограничных застав или офицеры дислоцировавшихся около границы воинских частей. Многое, не надеясь на память, записывал, зарисовывал в свой рабочий блокнот.

В эти дни сказывалась перемена климата, вновь разболелись раны. Николай Иванович плохо спал ночами, по утрам просыпался с головной болью, но тем не менее не давал себе ни дня отдыха. Несмотря на двадцатипятиградусную жару, которая усугублялась большой влажностью (она была такая, что кожаные вещи — чемоданы, сапоги, ремни — за несколько часов покрывались плесенью), постоянные грозовые ливневые дожди, Крылов с рассвета и до темна пропадал на переднем крае.

Но постепенно организм приспособился к новым для него условиям. Наладился сон, исчезли боли. К середине июня 5-я армия закончила сосредоточение в отведенном ей районе в ста двадцати километрах от государственной границы. Настала пора ее комплектования и обучения.

Несколько беспокоило пополнение из призыва 1927 года. Мальчишки военного времени. Горькой была их юность, выпали на них тяжелые испытания, и вот теперь и они в строю. В их патриотических чувствах Крылов нисколько не сомневался, но в восемнадцать лет человек обычно горяч, тороплив и нерасчетлив, а задача перед армией стояла одна из труднейших. 5-й армии поручался прорыв Пограничного укрепрайона, наиболее мощного во всей обороне Квантунской армии.

*

Однажды Крылов приехал на так называемый натурный полигон — участок местности, на котором по его приказу были оборудованы доты,

дзоты, вырыты окопы, поставлены различные заграждения. Все это с достаточной степенью приближенности имитировало реальные укрепления и оборонительные узлы, которые располагались по ту сторону границы. Здесь войска учились вести наступательный бой с прорывом сильно укрепленных полос, а также маневрировать — обходить отдельные укрепления и опорные пункты, выходить противнику во фланг и тыл, преследовать его, если он начнет отходить.

К приезду Крылова «наступающим» подразделениям удалось «прорвать» передний край обороны «противника» и завязать «бой» в глубине. Здесь им мешал продвинуться вперед мощный узел сопротивления, состоящий из соединенных траншеями артиллерийских и пулеметных дотов.

Командующий, наблюдавший за учебным боем в бинокль, понял, в какое трудное положение попали новички, — а это были, как доложили Крылову, в основном молодые солдаты, которыми командовали сержанты-фронтовики. Но он своим опытным взглядом увидел и другое. Вплотную к оборонительному узлу условного противника приближалась неглубокая лощина. По ней можно проползти к дотам и, сбив охранение, забросать их гранатами. Но найдет ли это решение командир — фронтовик-сержант? А если найдет, смогут ли новички сделать это незаметно для обороняющихся (в окопах и дотах сидели солдаты, многие из которых прошли школу войны)?

Командующий армией увидел, как одна группа наступающих залегла на гребне небольшой сопки и открыла огонь холостыми патронами по амбразурам сооружений «противника», а вторая, значительно больше первой, броском выдвинулась в лощину. Там солдаты легли в рыжую глину (в бинокль Крылов видел, как увязли в этом месиве их тела) и осторожно поползли в глубь обороны «противника». Вот они поравнялись с выстроившимися в цепочку «долговременными огневыми точками» и одновременно бросились к ним. В амбразуры, из которых вместо стволов торчали бревна, полетели гранаты. Этот учебный бой понравился Крылову. Новобранцы выглядели молодцами...

В конце июля вернулся из Москвы Кирилл Афанасьевич Мерецков. Он участвовал в работе сессии Верховного Совета СССР, в Параде Победы. Но, конечно, большую часть времени он провел в Генеральном штабе над разработкой операции по разгрому Квантунской армии. В штаб Приморской группы он вернулся опять под псевдонимом Максимов.

Теперь он мог обрисовать Крылову задачу 5-й армии. В общем плане операции ей предназначалось прорвать Волынский узел сопротивления

Пограничненского укрепрайона, возведенного на горных хребтах.

— Задача не из легких, — сказал Мерецков. — Точнее — труднейшая задача. Весь расчет на опыт 5-й армии! К нам вы попали не случайно! Прорыв 5-й армии в Восточной Пруссии замечен давно в Генеральном штабе. Ты дальневосточник, Николай Иванович, до войны сам занимался здесь сооружением Благовещенского укрепрайона. Ты имеешь представление, что такое здешние сопки и как их можно использовать для обороны... Думай!

...Много, очень много сопкок, безымянных и нареченных самыми разнообразными, порой причудливыми именами, разбросано по дальневосточной земле. Но две из них запомнятся Николаю Ивановичу Крылову на всю жизнь. Это сопки Верблюд и Острая. Сколько времени он провел над картой, всматриваясь в сходящиеся к центру параллели, около которых стояли эти два названия?! Сколько раз, переодевшись в солдатскую форму, пробирался на нейтральную полосу, чтобы тщательно прощупать взглядом каждый квадратный метр этих высот с помощью самых мощных биноклей?!

Обе они, и Верблюд, и Острая, явились мощнейшими опорными пунктами и составляли так называемый Волынский узел сопротивления, который, в свою очередь, входил в Пограничненский укрепрайон. Каждая из этих высот представляла собой железобетонный бастион с опоясывающими его эскарпами, с глубокими противотанковыми рвами и шестью рядами проволочных заграждений на металлических кольях. В каменистом грунте двугорбого Верблюда и похожей на остроконечную шапку Острой были расположены десятки огневых точек — здесь стояли пулеметы, пушки и даже орудия крупного калибра. Толщина железобетонных стен укреплений достигала полутора метров. Доты и дзоты соединены между собой траншеями и, как сообщали хорошо знающие противника пограничники, в некоторых из них имелись подземные тоннели с узкоколейками — это позволяло маневрировать огневыми средствами и вести огонь поочередно из нескольких амбразур. Глубоко под землей упрятаны и склады с боеприпасами, горючим и продовольствием.

Вот такую оборону надо было прорывать. Но как это сделать, размышлял Крылов, если о противнике имеются лишь самые общие сведения. Войскам Приморской группы противостоят 3-я и 5-я японские армии, части усиления и пограничные войска общей численностью до 200 тысяч человек, они занимают три оборонительных рубежа, последний из которых находится в 150–180 километрах от переднего края. Что касается

полосы наступления 5-й армии, то здесь удалось обнаружить и нанести на карту лишь несколько огневых точек противника, а их никак не меньше нескольких десятков. Добыть недостающие сведения только наблюдением невозможно. Между тем это пока единственный способ получения разведданных — воздушная разведка категорически запрещена, а о войсковой разведке до начала боевых действий и говорить не приходится. Рассчитывать на предварительное разрушение дотов и дзотов с помощью артиллерии нельзя. В то же время преждевременная стрельба за сутки до начала наступления неизбежно встревожит японцев и сделает невозможным достижение как оперативной, так и тактической внезапности.

По той же причине неэффективной и даже вредной окажется и длительная артиллерийская подготовка.

Значит, от предварительного разрушения долговременных сооружений противника за сутки до начала наступления надо отказаться совсем, а артиллерийскую да и авиационную подготовку сократить до минимума. Или, что еще лучше, вообще обойтись без предварительного огневого поражения противника, а ударить по нему без подготовки, ночью. Это позволит застать его врасплох, ошеломить и тем самым обеспечит успех первоначального удара.

— Все это хорошо, — сказал, разминая уставшие плечи, Прихидько. — Но не слишком ли смело? Согласится ли с нашими доводами Кирилл Афанасьевич?

— Непременно согласится, — убедительно ответил Крылов. — Нам только надо сделать так, чтобы эти доводы были убедительными. А для этого ко всему тому, о чем мы с вами сейчас говорили, необходимо «привязать» общий замысел операции. Прошу продумать все как следует и через два дня доложить мне свои соображения.

В указанное командармом время все вновь собрались в землянке Крылова. На этот раз сюда были вызваны также начальники родов войск и служб. У Крылова уже полностью сложился замысел операции. Николай Иванович решил ведущую роль при прорыве Пограничненского укрепрайона отвести 72-му стрелковому корпусу генерала Александра Игнатьевича Казарцева. Он ценил этого немногословного, обладавшего незаурядным полководческим даром и сильной волей человека, верил в него. Кроме того, в корпусе служили наиболее подготовленные, знакомые Крылову по Белоруссии, Литве и Восточной Пруссии генералы и офицеры, в первую очередь командиры дивизий Андронник Абрамович Казарян, Степан Трофимович Гладышев и Басан Бадьминович Городовиков,

которому незадолго до переброски армии на Дальний Восток было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вместе с 72-м стрелковым корпусом, но на менее важном направлении должны были действовать 65-й и 17-й корпуса. 35-й корпус составлял второй эшелон армии.

Боевые порядки корпусов и дивизий строились в два эшелона (лишь 190-я стрелковая дивизия, действовавшая на второстепенном направлении, должна была наступать в один эшелон). Корпусам и дивизиям придавалось большое количество артиллерии — ее плотность была доведена до 200 орудий и минометов на километр фронта. Мощным был бронированный кулак армии — до 30 танков и самоходно-артиллерийских установок на километр.

— Но это еще не все, — Крылов обвел взглядом внимательно слушающих его генералов и офицеров. — Так как начало наступления планируется на ночь, необходимо, чтобы каждый полк первого эшелона дивизий, в свою очередь, строил боевой порядок в два эшелона. Таким образом мы сможем использовать тактику передовых батальонов, которая хорошо зарекомендовала себя в операции «Багратион». На передовые батальоны ляжет обязанность прокладывать дорогу основным силам дивизии. В случае если у них выйдет заминка, им помогут остальные два батальона полка и разовьют успех...

Таким был замысел операции. В ходе обсуждения он расширялся большим количеством новых деталей, касающихся в основном вопросов организации взаимодействия и боевого обеспечения, но суть его оставалась без изменения — отказавшись от предварительного разрушения долговременных сооружений противника и огневой подготовки, внезапным ночным ударом обрушиться на врага и, используя его замешательство, прорвать передний край обороны. В таком виде и доложил Крылов свое решение Мерецкову.

— Что вы, Николай Иванович, — удивился командующий Приморской группой. — Брать укрепрайоны ночной атакой нам еще не приходилось. Да еще без огневой подготовки.

— Знаю, товарищ маршал, не приходилось. И все ню прошу разрешить это сделать 5-й армии, — настаивал Крылов.

Но Мерецков продолжал сомневаться в реальности успеха ночного боя. Тогда Николай Иванович подробно изложил, как и почему он пришел к такому решению, сослался на примеры из Восточно-Прусской операции.

— Ну что ж, — наконец согласился Мерецков, — если уж вы так настаиваете, готовьте ночной вариант. Впрочем, — продолжал Мерецков,

подходя к карте, на которой была нанесена оперативная обстановка, — а почему бы вам не атаковать ночью после небольшой, но мощной артподготовки, с освещением местности прожекторами, как это сделал маршал Жуков на Одере? Ведь вот здесь, вот здесь и вот здесь, — Мерецков показал на участки местности между высотами «Верблюд» и «Острая», — и на флангах японцы поставили многорядные заграждения. В темноте вы наткнетесь на них. Кроме того, яркий свет прожекторов окажет на противника большое психологическое воздействие.

Крылов немного подумал, прикинул в уме, можно ли использовать такой вариант действий, и отрицательно покачал головой:

— Нет, товарищ маршал, даже самая мощная артподготовка вслепую, по невыявленным целям, успеха не принесет. А без подавления системы огня противника неэффективными окажутся и прожекторы. Поэтому разрешите атаковать внезапно. Если не достигнем желаемого, тогда начнем с артподготовки.

— Ладно, пусть будет так, — окончательно согласился Мерецков.

Есть на войне особое мужество полководца — учесть реальную обстановку, отказаться от намеченного ранее плана, быстро и скрытно произвести перегруппировку войск, нанести удар внезапный, неотразимый там, где враг его не ждет.

Решение командарма было разумно, логично, он твердо верил в него. Но как вселить эту веру в подчиненных, в непосредственных исполнителей смелого замысла? Люди привыкли к тому, что наступлению предшествует мощный огневой удар по вражеской обороне, а теперь они должны были начать его не то что без мощного, а вообще без всякого удара. Причем наступление не обычное, не на привычную немецкую оборону, а на сильно укрепленный район, который обороняет не изученный еще в боях новый противник. Четверть века спустя Н. И. Крылов не мог без улыбки вспоминать о тех днях.

— Провожу совещание с командирами корпусов и дивизий, — рассказывал он, — уже, кажется, все ясно, все согласны с моим планом. А кончается совещание, и подойдет один, другой: «Товарищ командующий, разрешите нам все-таки хоть немного, но ударить по обороне». И опять приходилось все сначала разъяснять, убеждать, доказывать, что ключ к успеху во внезапности.

Последняя неделя перед наступлением была для Крылова, да и для всего командования 5-й армии, пожалуй, самой трудной. С командирами корпусов и дивизий предстояло провести штабные игры на картах, занятия на макете местности, активизировать «оборонительные» работы во всей

армейской полосе. Как и перед началом Белорусской наступательной операции, в армии имитировалась бурная деятельность по «совершенствованию обороны». Специально выделенные для этого части, в том числе и инженерные, устанавливали проволочные заграждения, рыли траншеи, прокладывали дороги. Все это преследовало цель ввести противника в заблуждение, заставить его поверить в то, что советские войска не собираются, во всяком случае, в ближайшее время наступать. Большую работу командарму, штабу армии, командирам соединений и политорганам пришлось провести в полках первого эшелона, из числа которых выделялись передовые батальоны. Крылов сам беседовал с офицерами, сержантами и солдатами, отбирал наиболее опытных из них. Ведь передовым батальонам предстояло в кромешной темноте, ориентируясь по компасу, бесшумно преодолеть заболоченную центральную зону, проникнуть между опорными пунктами в глубь вражеской обороны, захватить ряд долговременных сооружений и тем самым нарушить систему огня противника. Для этого нужны были не только отважные, но имеющие фронтовой опыт люди. Такие, конечно, нашлись. К началу августа 1945 года все передовые батальоны были полностью укомплектованы. В них, кроме стрелковых подразделений, вошли штурмовые группы. Каждая из таких групп имела в своем составе саперов-штурмовиков, ранцевые огнеметы, стрелковые и пулеметные отделения, отделение противотанковых ружей, два 45-миллиметровых орудия, минометы и даже две самоходно-артиллерийские установки. Словом, это было мощное, хорошо вооруженное подразделение.

Нет, не верил Крылов, что наступление советских войск, несмотря на все принимаемые меры, будет внезапным для японского командования.

...Началась привычная работа. Ее можно назвать предварительной рекогносцировкой. Вместе с начальниками родов войск Федоровым, Семенюком, Лейманом, Приходаем и группой офицеров штаба Крылов объезжал участок советско-маньчжурской границы, на котором должна была действовать 5-я армия. Николай Иванович, укрывшись в блиндажах, окопах, а то и просто за холмиком земли или поваленным деревом, внимательно всматривался в занятую противником территорию. Он старался до мельчайших подробностей запомнить то, что видел в мощную оптику стереотруб или бинокля, о чем рассказывали ему командиры пограничных застав или офицеры дислоцировавшихся около границы воинских частей. Много, не надеясь на память, записывал, зарисовывал в свой рабочий блокнот.

В эти дни сказывалась перемена климата, вновь разболелись раны. Николай Иванович плохо спал ночами, по утрам просыпался с головной болью, но тем не менее не давал себе ни дня отдыха. Несмотря на двадцатипятиградусную жару, которая усугублялась большой влажностью (она была такая, что кожаные вещи — чемоданы, сапоги, ремни — за несколько часов покрывались плесенью), постоянные грозовые ливневые дожди, Крылов с рассвета и до темна пропадал на переднем крае.

Но постепенно организм приспособился к новым для него условиям. Наладился сон, исчезли боли. К середине июня 5-я армия закончила сосредоточение в отведенном ей районе в ста двадцати километрах от государственной границы. Настала пора ее комплектования и обучения.

Несколько беспокоило пополнение из призыва 1927 года. Мальчишки военного времени. Горькой была их юность, выпали на них тяжелые испытания, и вот теперь и они в строю. В их патриотических чувствах Крылов несколько не сомневался, но в восемнадцать лет человек обычно горяч, тороплив и нерасчетлив, а задача перед армией стояла одна из труднейших. 5-й армии поручался прорыв Пограничного укрепрайона, наиболее мощного во всей обороне Квантунской армии.

*

Однажды Крылов приехал на так называемый натурный полигон — участок местности, на котором по его приказу были оборудованы доты,

дзоты, вырыты окопы, поставлены различные заграждения. Все это с достаточной степенью приближенности имитировало реальные укрепления и оборонительные узлы, которые располагались по ту сторону границы. Здесь войска учились вести наступательный бой с прорывом сильно укрепленных полос, а также маневрировать — обходить отдельные укрепления и опорные пункты, выходить противнику во фланг и тыл, преследовать его, если он начнет отходить.

К приезду Крылова «наступающим» подразделениям удалось «прорвать» передний край обороны «противника» и завязать «бой» в глубине. Здесь им мешал продвинуться вперед мощный узел сопротивления, состоящий из соединенных траншеями артиллерийских и пулеметных дотов.

Командующий, наблюдавший за учебным боем в бинокль, понял, в какое трудное положение попали новички, — а это были, как доложили Крылову, в основном молодые солдаты, которыми командовали сержанты-фронтовики. Но он своим опытным взглядом увидел и другое. Вплотную к оборонительному узлу условного противника приближалась неглубокая лощина. По ней можно проползти к дотам и, сбив охранение, забросать их гранатами. Но найдет ли это решение командир — фронтовик-сержант? А если найдет, смогут ли новички сделать это незаметно для обороняющихся (в окопах и дотах сидели солдаты, многие из которых прошли школу войны)?

Командующий армией увидел, как одна группа наступающих залегла на гребне небольшой сопки и открыла огонь холостыми патронами по амбразурам сооружений «противника», а вторая, значительно больше первой, броском выдвинулась в лощину. Там солдаты легли в рыжую глину (в бинокль Крылов видел, как увязли в этом месиве их тела) и осторожно поползли в глубь обороны «противника». Вот они поравнялись с выстроившимися в цепочку «долговременными огневыми точками» и одновременно бросились к ним. В амбразуры, из которых вместо стволов торчали бревна, полетели гранаты. Этот учебный бой понравился Крылову. Новобранцы выглядели молодцами...

В конце июля вернулся из Москвы Кирилл Афанасьевич Мерецков. Он участвовал в работе сессии Верховного Совета СССР, в Параде Победы. Но, конечно, большую часть времени он провел в Генеральном штабе над разработкой операции по разгрому Квантунской армии. В штаб Приморской группы он вернулся опять под псевдонимом Максимов.

Теперь он мог обрисовать Крылову задачу 5-й армии. В общем плане операции ей предназначалось прорвать Волынский узел сопротивления

Пограничненского укрепрайона, возведенного на горных хребтах.

— Задача не из легких, — сказал Мерецков. — Точнее — труднейшая задача. Весь расчет на опыт 5-й армии! К нам вы попали не случайно! Прорыв 5-й армии в Восточной Пруссии замечен давно в Генеральном штабе. Ты дальневосточник, Николай Иванович, до войны сам занимался здесь сооружением Благовещенского укрепрайона. Ты имеешь представление, что такое здешние сопки и как их можно использовать для обороны... Думай!

...Много, очень много сопкок, безымянных и нареченных самыми разнообразными, порой причудливыми именами, разбросано по дальневосточной земле. Но две из них запомнятся Николаю Ивановичу Крылову на всю жизнь. Это сопки Верблюд и Острая. Сколько времени он провел над картой, всматриваясь в сходящиеся к центру параллели, около которых стояли эти два названия?! Сколько раз, переодевшись в солдатскую форму, пробирался на нейтральную полосу, чтобы тщательно прощупать взглядом каждый квадратный метр этих высот с помощью самых мощных биноклей?!

Обе они, и Верблюд, и Острая, явились мощнейшими опорными пунктами и составляли так называемый Волынский узел сопротивления, который, в свою очередь, входил в Пограничненский укрепрайон. Каждая из этих высот представляла собой железобетонный бастион с опоясывающими его эскарпами, с глубокими противотанковыми рвами и шестью рядами проволочных заграждений на металлических кольях. В каменистом грунте двугорбого Верблюда и похожей на остроконечную шапку Острой были расположены десятки огневых точек — здесь стояли пулеметы, пушки и даже орудия крупного калибра. Толщина железобетонных стен укреплений достигала полутора метров. Доты и дзоты соединены между собой траншеями и, как сообщали хорошо знающие противника пограничники, в некоторых из них имелись подземные тоннели с узкоколейками — это позволяло маневрировать огневыми средствами и вести огонь поочередно из нескольких амбразур. Глубоко под землей упрятаны и склады с боеприпасами, горючим и продовольствием.

Вот такую оборону надо было прорывать. Но как это сделать, размышлял Крылов, если о противнике имеются лишь самые общие сведения. Войскам Приморской группы противостоят 3-я и 5-я японские армии, части усиления и пограничные войска общей численностью до 200 тысяч человек, они занимают три оборонительных рубежа, последний из которых находится в 150–180 километрах от переднего края. Что касается

полосы наступления 5-й армии, то здесь удалось обнаружить и нанести на карту лишь несколько огневых точек противника, а их никак не меньше нескольких десятков. Добыть недостающие сведения только наблюдением невозможно. Между тем это пока единственный способ получения разведданных — воздушная разведка категорически запрещена, а о войсковой разведке до начала боевых действий и говорить не приходится. Рассчитывать на предварительное разрушение дотов и дзотов с помощью артиллерии нельзя. В то же время преждевременная стрельба за сутки до начала наступления неизбежно встревожит японцев и сделает невозможным достижение как оперативной, так и тактической внезапности.

По той же причине неэффективной и даже вредной окажется и длительная артиллерийская подготовка.

Значит, от предварительного разрушения долговременных сооружений противника за сутки до начала наступления надо отказаться совсем, а артиллерийскую да и авиационную подготовку сократить до минимума. Или, что еще лучше, вообще обойтись без предварительного огневого поражения противника, а ударить по нему без подготовки, ночью. Это позволит застать его врасплох, ошеломить и тем самым обеспечит успех первоначального удара.

— Все это хорошо, — сказал, разминая уставшие плечи, Прихидько. — Но не слишком ли смело? Согласится ли с нашими доводами Кирилл Афанасьевич?

— Непременно согласится, — убедительно ответил Крылов. — Нам только надо сделать так, чтобы эти доводы были убедительными. А для этого ко всему тому, о чем мы с вами сейчас говорили, необходимо «привязать» общий замысел операции. Прошу продумать все как следует и через два дня доложить мне свои соображения.

В указанное командармом время все вновь собрались в землянке Крылова. На этот раз сюда были вызваны также начальники родов войск и служб. У Крылова уже полностью сложился замысел операции. Николай Иванович решил ведущую роль при прорыве Пограничненского укрепрайона отвести 72-му стрелковому корпусу генерала Александра Игнатьевича Казарцева. Он ценил этого немногословного, обладавшего незаурядным полководческим даром и сильной волей человека, верил в него. Кроме того, в корпусе» служили наиболее подготовленные, знакомые Крылову по Белоруссии, Литве и Восточной Пруссии генералы и офицеры, в первую очередь командиры дивизий Андронник Абрамович Казарян, Степан Трофимович Гладышев и Басан Бадьминович Городовиков,

которому незадолго до переброски армии на Дальний Восток было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вместе с 72-м стрелковым корпусом, но на менее важном направлении должны были действовать 65-й и 17-й корпуса. 35-й корпус составлял второй эшелон армии.

Боевые порядки корпусов и дивизий строились в два эшелона (лишь 190-я стрелковая дивизия, действовавшая на второстепенном направлении, должна была наступать в один эшелон). Корпусам и дивизиям придавалось большое количество артиллерии — ее плотность была доведена до 200 орудий и минометов на километр фронта. Мощным был бронированный кулак армии — до 30 танков и самоходно-артиллерийских установок на километр.

— Но это еще не все, — Крылов обвел взглядом внимательно слушающих его генералов и офицеров. — Так как начало наступления планируется на ночь, необходимо, чтобы каждый полк первого эшелона дивизий, в свою очередь, строил боевой порядок в два эшелона. Таким образом мы сможем использовать тактику передовых батальонов, которая хорошо зарекомендовала себя в операции «Багратион». На передовые батальоны ляжет обязанность прокладывать дорогу основным силам дивизии. В случае если у них выйдет заминка, им помогут остальные два батальона полка и разовьют успех...

Таким был замысел операции. В ходе обсуждения он расширялся большим количеством новых деталей, касающихся в основном вопросов организации взаимодействия и боевого обеспечения, но суть его оставалась без изменения — отказавшись от предварительного разрушения долговременных сооружений противника и огневой подготовки, внезапным ночным ударом обрушиться на врага и, используя его замешательство, прорвать передний край обороны. В таком виде и доложил Крылов свое решение Мерецкову.

— Что вы, Николай Иванович, — удивился командующий Приморской группой. — Брать укрепрайоны ночной атакой нам еще не приходилось. Да еще без огневой подготовки.

— Знаю, товарищ маршал, не приходилось. И все ню прошу разрешить это сделать 5-й армии, — настаивал Крылов.

Но Мерецков продолжал сомневаться в реальности успеха ночного боя. Тогда Николай Иванович подробно изложил, как и почему он пришел к такому решению, сослался на примеры из Восточно-Прусской операции.

— Ну что ж, — наконец согласился Мерецков, — если уж вы так настаиваете, готовьте ночной вариант. Впрочем, — продолжал Мерецков,

подходя к карте, на которой была нанесена оперативная обстановка, — а почему бы вам не атаковать ночью после небольшой, но мощной артподготовки, с освещением местности прожекторами, как это сделал маршал Жуков на Одере? Ведь вот здесь, вот здесь и вот здесь, — Мерецков показал на участки местности между высотами «Верблюд» и «Острая», — и на флангах японцы поставили многорядные заграждения. В темноте вы наткнетесь на них. Кроме того, яркий свет прожекторов окажет на противника большое психологическое воздействие.

Крылов немного подумал, прикинул в уме, можно ли использовать такой вариант действий, и отрицательно покачал головой:

— Нет, товарищ маршал, даже самая мощная артподготовка вслепую, по невыявленным целям, успеха не принесет. А без подавления системы огня противника неэффективными окажутся и прожекторы. Поэтому разрешите атаковать внезапно. Если не достигнем желаемого, тогда начнем с артподготовки.

— Ладно, пусть будет так, — окончательно согласился Мерецков.

Есть на войне особое мужество полководца — учесть реальную обстановку, отказаться от намеченного ранее плана, быстро и скрытно произвести перегруппировку войск, нанести удар внезапный, неотразимый там, где враг его не ждет.

Решение командарма было разумно, логично, он твердо верил в него. Но как вселить эту веру в подчиненных, в непосредственных исполнителей смелого замысла? Люди привыкли к тому, что наступлению предшествует мощный огневой удар по вражеской обороне, а теперь они должны были начать его не то что без мощного, а вообще без всякого удара. Причем наступление не обычное, не на привычную немецкую оборону, а на сильно укрепленный район, который обороняет не изученный еще в боях новый противник. Четверть века спустя Н. И. Крылов не мог без улыбки вспоминать о тех днях.

— Провожу совещание с командирами корпусов и дивизий, — рассказывал он, — уже, кажется, все ясно, все согласны с моим планом. А кончается совещание, и подойдет один, другой: «Товарищ командующий, разрешите нам все-таки хоть немного, но ударить по обороне». И опять приходилось все сначала разъяснять, убеждать, доказывать, что ключ к успеху во внезапности.

Последняя неделя перед наступлением была для Крылова, да и для всего командования 5-й армии, пожалуй, самой трудной. С командирами корпусов и дивизий предстояло провести штабные игры на картах, занятия на макете местности, активизировать «оборонительные» работы во всей

армейской полосе. Как и перед началом Белорусской наступательной операции, в армии имитировалась бурная деятельность по «совершенствованию обороны». Специально выделенные для этого части, в том числе и инженерные, устанавливали проволочные заграждения, рыли траншей, прокладывали дороги. Все это преследовало цель ввести противника в заблуждение, заставить его поверить в то, что советские войска не собираются, во всяком случае, в ближайшее время наступать. Большую работу командарму, штабу армии, командирам соединений и политорганам пришлось провести в полках первого эшелона, из числа которых выделялись передовые батальоны. Крылов сам беседовал с офицерами, сержантами и солдатами, отбирал наиболее опытных из них. Ведь передовым батальонам предстояло в кромешной темноте, ориентируясь по компасу, бесшумно преодолеть заболоченную центральную зону, проникнуть между опорными пунктами в глубь вражеской обороны, захватить ряд долговременных сооружений и тем самым нарушить систему огня противника. Для этого нужны были не только отважные, но имеющие фронтовой опыт люди. Такие, конечно, нашлись. К началу августа 1945 года все передовые батальоны были полностью укомплектованы. В них, кроме стрелковых подразделений, вошли штурмовые группы. Каждая из таких групп имела в своем составе саперов-штурмовиков, ранцевые огнеметы, стрелковые и пулеметные отделения, отделение противотанковых ружей, два 45-миллиметровых орудия, минометы и даже две самоходно-артиллерийские установки. Словом, это было мощное, хорошо вооруженное подразделение.

Вечером 11 августа Крылову по ВЧ позвонил командующий Мерецков. Выслушав доклад командарма о том, что дивизии первого эшелона армии вышли к реке Мулинхэ и начали переправу на захваченные передовыми отрядами плацдармы, он потребовал:

— И тем не менее ускорьте продвижение на Муданьцзян.

Выполнить этот приказ было нелегко. 5-я армия, преследуя отходящего противника с темпом 20–25 километров в сутки, растянулась почти до самой государственной границы. И если без отставших тылов еще можно было обойтись (Крылову доложили, что тыл пока достаточно хорошо справляется со своей главной задачей — снабжением наступающих войск боеприпасами), то, не собрав в кулак все силы хотя бы первого эшелона, нельзя было и думать об успешном продвижении вперед. Командарм был уверен, что японское командование, подтянув резервы, постарается остановить армию на заранее подготовленном рубеже. Бросать же на противника полки и дивизии по мере подхода значило создать идеальные условия для обороны.

Но приказ надо было выполнять. И Крылов решает создать сильный подвижной отряд, который немедленно, в ночь на 12 августа, двинется к Муданьцзяну. В случае если отряд натолкнется на организованную оборону врага, он должен будет вступить в бой, заставить противника вскрыть свою группировку и систему огня и с подходом соединений первого эшелона армии прорвать оборонительный рубеж.

В эту ночь Крылов практически не сомкнул глаз. Приказав командиру 65-го стрелкового корпуса, из состава которого был выделен подвижной отряд — 76-я танковая бригада, 478-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк и два стрелковых батальона, — через каждый час докладывать о его продвижении, он так и просидел до рассвета у телефона.

Сначала доклады Перекрестова радовали Крылова своей однообразностью: «Противник не обнаружен!» Но вот рано утром, когда сумерки уже почти рассеялись, Перекрестов с тревогой в голосе доложил:

— На подходах к хребту Ляозлин отряд столкнулся с организованной обороной противника. Японцы контратакуют. По предварительным данным, здесь сосредоточено до пехотной дивизии врага.

— Что вы предпринимаете? — спросил командарм, одновременно взглядом отыскивая названный комкором хребет на разложенной на столе

крупномасштабной карте.

— Срочно подтягиваю переправившиеся через Мулинхэ полки и артиллерию. Буду готовить атаку.

Крылов, в эти несколько мгновений успевший оценить обстановку, требовательно произнес:

— Прорыв хорошо подготовьте, но не затягивайте, но теряйте времени. Организацию боя возьмите на себя. Выезжайте к командиру отряда и на месте разберитесь во всем. А через час-полтора к вам приеду я сам.

В местечко неподалеку от населенного пункта Мулинчжань, где располагался командный пункт 65-го стрелкового корпуса, Крылов ехал с тревогой. Оправдывались его худшие предположения. Теперь не оставалось сомнений в том, что японское командование попытается закрыть важное и для советских войск муданьцзянское направление. Оно уже успело «посадить» в оборону одну дивизию, а сколько их, таких дивизий, еще на подходе? Две? Три? А может быть, пять? Да и сейчас вполне возможно, что подвижной отряд встретился не с одной дивизией, а с несколькими. Ведь это лишь по предварительным данным там одна дивизия, а по уточненным? И если японцам на самом деле удалось подтянуть значительные силы, то задача 5-й армии может оказаться трудно выполнимой. Поэтому надо спешить и как можно быстрее преодолеть хребты Кэнтэй-Алин, которые, как понял Крылов, изучая карту, японцы постараются сделать неприступными рубежами на пути к Муданьцзяну. За этими хребтами у них больше не будет столь выгодных для обороны рубежей...

Генерал Перекрестов, встретивший командующего около своего КП, немного ослабил тревогу:

— Товарищ генерал-полковник, — доложил он. — Я только что вернулся от командира семьдесят шестой танковой бригады. Там разговаривал с захваченными пленными. Перед нами пока одна дивизия противника — сто двадцать четвертая пехотная.

— Хорошо, — кивнул Крылов. — Но и с этой дивизией нам нельзя долго вести бой. Могут подойти другие. Так что доложите, что вы уже сделали, а также ваше решение на бой.

Командарм внимательно слушал командира корпуса, который докладывал о том, что к позициям подвижного отряда уже подошли два стрелковых полка. И что туда же стянута вся дивизионная и корпусная артиллерия. Перекрестов коротко изложил и замысел боя: после мощной получасовой артиллерийской подготовки имеющимися силами прорвать оборону противника на четырехкилометровом фронте, затем, по мере

подхода соединений первого эшелона, расширить прорыв и преодолеть хребет Ляозлин.

— А вы уверены, что вам удастся двумя полками и танковой бригадой прорвать оборону дивизии? — несколько удивившись смелому решению Перекрестова, спросил Крылов.

— Уверен, товарищ командующий, — убежденно ответил тот. — На участке прорыва мы обеспечим необходимое превосходство в людях и технике. А артиллерию противника подавим во время артподготовки. Нас могут задержать два бронепоезда, но я хочу просить вас уничтожить их авиацией.

Несмотря на некоторые сомнения, Крылов все же утвердил решение командира 65-го стрелкового корпуса. В случае успеха оно позволяло в короткие сроки разгромить противника и выйти к Муданьцзяну. А в случае неуспеха... Впрочем, чтобы его не было, командующий 5-й армией приказал приехавшему с ним генералу Федорову привлечь к разгрому противника всю переправившуюся через Мулинхэ армейскую артиллерию, а представителю фронтовой авиации нанести бомбовые удары по бронепоездам врага и по его резервам, которые уже, несомненно, спешат на выручку своим войскам.

Тридцать минут грохотала вся стянутая к участку прорыва артиллерия.

Вскоре к месту боя подошли остальные части передового эшелона 65-го стрелкового корпуса. Они завершили разгром 124-й японской дивизии. Так командование Квантунской армии лишилось последнего выгодного рубежа, на котором оно надеялось задержать продвижение 5-й армии. Но штаб Квантунской армии еще не распрощался с мыслью ударами с двух сторон закрыть «коридор», по которому шли к Муданьцзяну. Он направлял своим войскам все новые и новые приказы, и, подчиняясь им, японцы практически беспрерывно контратаковали.

Не добившись успеха с помощью контратак, японское командование решило поставить по всей ширине «коридора» огненный заслон. Подтянув к участку прорыва около двадцати артиллерийских и минометных батарей, противник обрушил на 5-ю армию сотни мин и снарядов. Но и это не помогло. Армия, упорно преодолевая все возрастающее сопротивление врага, продолжала расширять фронт прорыва и продвигаться вперед. 13 августа ее главные силы вышли в долину реки Муданьцзян — один из главных узлов обороны Квантунской армии: именно здесь находился штаб ее 1-го фронта.

Весь день 14 августа Крылов провел в войсках. Он побывал на командных пунктах корпусов и дивизий, в штабах полков. Везде

интересовался состоянием частей и соединений, их потерями, обеспеченностью боеприпасами. На наблюдательный пункт, который уже успели оборудовать саперы Леймана, он вернулся возбужденным, в приподнятом настроении. Да, сражение предстояло трудное и жестокое. Но исход его уже был предрешен.

К Муданьцзяну, кроме 5-й армии, вышли соединения 1-й Краснознаменной армии генерала Белобородова. Это позволяло создать не только значительный перевес в силах по всему фронту, но и ударить по вражеской группировке с нескольких сторон одновременно. Если Белобородов будет наступать с севера и северо-востока — именно на это направление вышли его стрелковый корпус и две танковые бригады со средствами усиления, — то 5-й армии остается восток. Но наносить удар на таком довольно узком участке фронта силами всей армии вряд ли целесообразно. И Крылов приказывает командиру 65-го стрелкового корпуса генералу Перекрестову атаковать противника, закрепившегося на восточном берегу, захватить по возможности переправы, форсировать водную преграду и, обойдя город с тыла, ударить по защищающей его вражеской группировке.

16 августа в 7 часов утра начались ожесточенные бои на подступах к Муданьцзяну, и уже через два часа стрелковые дивизии 5-й армии прорвали оборону противника и подошли к окраинам города.

Чтобы помешать продвижению советских войск, японское командование приказало взорвать два железнодорожных и шоссейный мосты через реку Муданьцзян, но еще за двое суток до этого Крылов предусмотрел эту возможность и потому приказал генералу Перекрестову захватить переправы. Командир 65-го стрелкового корпуса выполнил эту задачу. По отбитой у противника переправе уже направлялись через реку Муданьцзян пехота и танки. А неподалеку на подручных средствах форсировали водную преграду 22-я и 300-я стрелковые дивизии. К полудню они сосредоточились на западном берегу и неожиданно для противника ударили с юга и юго-востока, К 13 часам части 65-го стрелкового корпуса ворвались в юго-восточную часть Муданьцзяна.

Четыре часа длились уличные бои в самом городе. Противник цеплялся за каждый дом, за каждую улицу или перекресток. Но кольцо 26-го и 65-го корпусов 5-й и 1-й Краснознаменной армии сжималось вокруг него все туже и туже. К 17 часам Муданьцзян был полностью освобожден от врага.

Наступал решающий день, все, от солдата до генерала, чувствовали, что достаточно удержать взятый темп наступления хотя бы на сутки, и

сопротивление врага будет сломлено. Он полностью деморализован. Причем не только в полосе наступления 5-й армии, но и на всех направлениях. Квантунская армия терпела одно поражение за другим и, пятась, сдавала частям 1-го и 2-го Дальневосточных, а также Забайкальского фронтов все новые и новые участки захваченной ею китайской территории.

Стремительность продвижения советских войск наконец вынудила японское командование признать бессмысленность сопротивления. Вечером 17 августа, то есть всего на 9-й день наступления, командующий Квантунской армией генерал Ямада обратился к главкому советских войск на Дальнем Востоке маршалу Василевскому с предложением прекратить боевые действия. 18 августа, после обмена телеграммами, японское командование отдало приказ о капитуляции.

19 августа в штабе 5-й армии была получена директива фронта о прекращении боевых действий.

Через три месяца и десять дней после Дня Победы закончилась Великая Отечественная война и для генерала-полковника Николая Ивановича Крылова. И хотя до подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии оставалось еще почти две недели, долгожданный мир, к которому советский народ шел долгих четыре с лишним года, был уже установлен.

Через много лет после описываемых событий Маршал Советского Союза А. М. Василевский вспоминал: «Как представитель Ставки на различных фронтах, как командующий 3-м Белорусским фронтом в последние месяцы войны с гитлеровской Германией, а затем главнокомандующий советских войск на Дальнем Востоке, я могу засвидетельствовать, что 5-я армия генерала Крылова внесла весомый вклад в дело разгрома врага как на западе, так и на востоке».

Глава седьмая. На страже мира

Погашены два очага войны, агрессоры получили ужасающий урок, горести и беды пали на народ, а не на истинных поджигателей войны. В огненном смерче, пепле Хиросимы и Нагасаки зарождалась новая эра существования человечества рядом с оружием массового уничтожения, с оружием, как уже тогда начинали понимать, применение которого может привести к гибели всего живого на планете и самой планеты.

Для людей военной профессии спокойствия не наступило.

Николай Иванович Крылов последний раз объезжал соединения и части 5-й армии, его назначили на новую должность — заместителем командующего войсками Приморского военного округа.

Еще в середине октября Крылова неожиданно вызвал Мерецков. Едва поздоровавшись, он перешел к делу:

— Мы решили назначить вас заместителем командующего войсками округа. Как смотрите на это?

— Я солдат и готов служить всюду, куда бы ни послали, — ответил Николай Иванович, не задумываясь, и добавил: — Хотя, конечно, расставаться с армией, с которой прошел такой путь, очень нелегко.

Эти слова командарма вызвали у Мерецкова добрую улыбку, и он сказал:

— Расставаться, Николай Иванович, не придется. Ваши люди остаются в составе нашего округа. Будете, так сказать, шефствовать над ними.

В начале ноября назначение состоялось.

«С тяжелым сердцем уезжал я из маленького маньчжурского городка Дуньхуа, где располагался штаб армии, — вспоминал впоследствии Крылов. — Трудно было расставаться с армией, к которой не то что привык, а с которой сроднился, не мыслил себя вне ее и без нее. Но особую боль вызывала мысль, что могу уже не встретиться с людьми, которые мне были близки и дороги. Я уходил на новую должность, они разъезжались к новым местам службы. И подсознанием мы чувствовали, что для многих из нас — это последние встречи. Сначала не будет времени, чтобы встретиться, потом наши связи ослабнут, и, наконец, станет просто неудобно напоминать о себе после долгой разлуки. Кстати, так со многими и получилось. Пожалуй, крепче всего оказались наши связи с уехавшими еще до моего перехода на новую должность из армии Александром Игнатьевичем Казарцевым, Николаем Яковлевичем Прихидько, Басаном

Бадьминовичем Городовиковым, Яном Яновичем Лейманом...»

Попрощавшись с теми, с кем прошел по трудным дорогам войны, Николай Иванович Крылов с женой, дочерью Лидой и младшим сыном Борисом переехал в Ворошилов-Уссурийский, так назывался тогда город Уссурийск.

На этот раз — семейный переезд. Незадолго до нового назначения в Дуньхуа приехали Анастасия Семеновна с детьми. На предостережение мужа о том, что здесь, на только что освобожденной маньчжурской земле, очень трудно наладить семейное хозяйство, она категорически ответила:

— Это я возьму на себя. Главное, что все мы опять вместе!

И как ни убеждал Николай Иванович жену вернуться в уют московской квартиры, пока его не переведут в любой из внутренних округов, Анастасия Семеновна стояла на своем: в мирное время все трудности пополам.

Семья Крыловых поселилась в небольшом домишке неподалеку от здания штаба округа.

По всему округу шло переформирование частей и соединений. Многие из них полностью расформировывались, другие переходили на штаты мирного времени. Естественно, все это требовало пристального внимания со стороны командования округа.

В Приморье не хватало необходимого жилого фонда для личного состава, боксов или хотя бы крытых стоянок для боевой техники, стрельбищ и полигонов для учебы, хранилищ для вещевого имущества и продовольствия... Решение всех этих вопросов в большей степени, чем от многих других, зависело от заместителя командующего округом. Крылов связывался с крайкомом партии, райкомами на местах, с местными Советами и просил, а иногда и требовал помочь. И благодаря его усилиям рядом с землянками, где жили многие солдаты и офицеры, поднимались казармы и парки для вооружения и техники. Постепенно налаживался быт войск.

Устройство быта — это одно, но нельзя было забывать и о боевой подготовке. Мерецков и Крылов подготовили приказ, в котором определялись задачи обучения. Основным требованием этого приказа было — все вопросы отрабатывать с учетом фронтового опыта. Позже, бывая в частях и подразделениях округа, Крылов обязательно проверял, как организована боевая учеба, насколько учтен опыт организации марша, встречного боя, наступления или обороны, накопленный нашей армией за годы войны.

В работе прошло чуть больше года. И вдруг — новое назначение. На

этот раз командующим округом.

После победы над милитаристской Японией в состав СССР вошли исконно русские земли — южная часть Сахалина и Курильские острова. Они-то, объединенные с остальной сахалинской территорией, а также Камчаткой и Чукоткой, и составили новый Дальневосточный военный округ. Первым его командующим был генерал армии А. Н. Пуркаев. В январе 1947 года на его место был назначен Крылов.

Прежде чем выехать в Южно-Сахалинск, где располагался штаб Дальневосточного округа, семья Крыловых собралась на домашний совет. Николай Иванович был склонен ехать к новому месту службы один.

— Обоснуюсь там, обживусь, а потом и вы приедете, — говорил он жене.

Но Анастасия Семеновна возразила:

— Что ты, Коля, как же одному. Едва собрались вместе после стольких лет разлуки и снова расставаться? Нет, так нельзя.

— Трудно будет, там все только организовывается, налаживается, — пытался все же убедить жену Николай Иванович, однако она стояла на своем:

— Труднее того, что пережили, уже не будет. Надо перебираться всем вместе. И чем скорее, тем лучше. Лида устроится на работу, для Юры как автомобилисту и там служба найдется, а Борьке, где ходить в школу, все равно. Так что, Коля, поедem все вместе.

— Ну что ж, вместе, так вместе, — согласился наконец Николай Иванович.

Простившись с соратниками по службе в Приморском военном округе — с Мерецковым, членом Военного совета генералом Штыковым и начальником штаба генералом Захватаевым, Крылов выехал в Хабаровск, чтобы представиться главному войскам Дальнего Востока маршалу Р. Я. Малиновскому. Родион Яковлевич встретил нового командующего Дальневосточным военным округом доброжелательно.

— Партия и правительство оказали вам, Николай Иванович, большое доверие, — говорил он Крылову. — Дальневосточный округ не только новый и приграничный, но и единственный в своем роде. Это островной — военно-морской округ. Малиновский улыбнулся. — Но и вы, как известно, человек островной. В Одессе сражались, как на острове, в Севастополе — тоже. И Сталинград был почти островом. На Южном Сахалине, на Курильских островах десятки лет хозяйничали японцы. Во многом именно от вас будет зависеть, как быстро мы сможем наладить здесь полноценную военную и хозяйственную жизнь войск. Придется, видимо, кое в чем

помогать местным партийным и советским органам. Как видите, задачи сложные и ответственные. Но мы уверены, вы справитесь с ними.

После беседы с Малиновским Крылов сразу же направился в Южно-Сахалинск.

Семья быстро приспособилась к местным условиям. Под жилье Крыловым выделили двухэтажный особняк в центре города, который раньше занимал управляющий какой-то японской фирмой, но вскоре Анастасия Семеновна забила тревогу.

— Ты, Коля, избавь меня от этой обузы, — просила она Николая Ивановича. — У японца ведь прислуга была, а я одна. Топить и убирать такую махину просто не в силах. И ребят заставить не могу, они заняты — Лида да работе, Юра на службе, Борька в школе, уходят рано, приходят поздно. Тебя же по целым неделям не видим. Нам квартира нужна попроще.

На окраине города подыскали маленький домик. Туда и перебрались всей семьей. Анастасия Семеновна успокоилась, и жизнь потекла своим чередом.

Почти два месяца потребовалось новому командующему, чтобы объехать разобщенные морями и океаном свои соединения и части. Побывал во всех гарнизонах Сахалина, Курил, Камчатки, Чукотки. Войска всюду перешли к мирной жизни, но их размещение и быт оставались прежними — далеко не удовлетворительными.

В большинстве частей люди жили в землянках, боевая техника находилась под открытым небом. Нужно было срочно создавать новую материальную базу.

Самая неотложная цель, которую поставил перед собой новый командующий, — это благоустройство войск. Ближайшие соратники Крылова — член Военного совета генерал-лейтенант А. Пигурнов, начальник штаба генерал-лейтенант А. Казаковцев, командующий артиллерией генерал-майор И. Телегин — поддержали его.

За пять лет были построены в основном за счет местных ресурсов казармы, складские помещения, домики для офицеров...

Наряду с чисто служебными обязанностями командующего войсками округа у Николая Ивановича уходило много времени на общественно-политическую деятельность. В 1947 году он был избран членом бюро Сахалинского обкома партии и депутатом Верховного Совета СССР третьего созыва и непрерывно переизбирался в Верховный Совет всех последующих созывов.

В аттестации главкома Дальнего Востока Р. Я. Малиновского на

командующего войсками Дальневосточного военного округа генерал-полковника Н. И. Крылова сказано: «Благодаря систематической работе над собой и участию в оперативных командно-штабных учениях Крылов намного расширил свой оперативный кругозор. Окончательно отпала необходимость в посылке его на учебу в Военную академию Генерального штаба».

За это время произошли большие перемены и в семейной жизни Николая Ивановича. Окрепили и разъехались из «родительского гнезда» дети. Дочь Лидия вышла замуж и переехала в Москву. Сын Юрий в течение года учился на Высших автомобильных курсах в Ленинграде, получил капитанское звание. Возвратившись на Сахалин, он женился и жил отдельно от родителей. Младший сын, Борис, окончив в Южно-Сахалинске десятый класс, поступил в академию связи имени С. М. Буденного, которая находилась в Ленинграде.

Однако напряженная работа, непривычный морской климат и вновь воспалившиеся старые раны подточили и без того надорванное здоровье Николая Ивановича — он стал все чаще и чаще прибаливать. Тем не менее на уговоры жены (да и Родиона Яковлевича Малиновского, который, узнав о болезнях командующего Дальневосточным округом, тут же позвонил ему), чтобы он поберег себя или, во всяком случае, не перенапрягался, Николай Иванович отвечал одно: «Работать вполсилы я не умею». И несмотря на все ухудшающееся самочувствие, ездил по многочисленным гарнизонам своего островного округа, где проводил сборы офицерского состава, учения. Немало дел было у него и в Южно-Сахалинске, и в Хабаровске — здесь Крылов участвовал в различного рода оперативно-тактических и командных штабных учениях, которыми руководил главком войск Дальнего Востока, разрабатывал и утверждал множество приказов, выступал на совещаниях и заседаниях, да разве перечислишь все, чем приходилось заниматься командующему войсками округа!

Не намного сузились обязанности Крылова и после того, как он вновь стал командующим армией, а затем первым заместителем командующего войсками Дальневосточного военного округа. Первая перемена, как это ни покажется странным, произошла, как говорится, даже без осложнений. Дело в том, что в начале 1953 года в руководстве войсками Дальнего Востока была проведена реорганизация. Должность главкома была упразднена, а его управление в Хабаровске преобразовано в штаб Дальневосточного военного округа.

«Понижение» в должности Николай Иванович воспринял как должное. Он, как человек, имеющий огромный военный опыт, хорошо понимал, что

такая реорганизация лишь упростит управление войсками, сделает его наиболее мобильным. А это самое важное. Больше того, Николай Иванович радовался, что его оставили на самостоятельной должности, которая открывала перед ним широкий простор деятельности. Поэтому, когда встал вопрос о его назначении первым заместителем командующего войсками округа, Крылов вначале наотрез отказался.

— Поймите меня правильно, — говорил он Малиновскому, — я больше пользы принесу на самостоятельном посту.

— Но ведь теперь у вас в подчинении будет округ, и какой. Его ведь не сравнишь с прежним Дальневосточным, — убеждал Родион Яковлевич.

— И все же я прошу оставить меня на армии! — настаивал Крылов. И лишь после второй беседы Николай Иванович дал согласие на назначение первым заместителем командующего войсками округа.

18 сентября 1953 года постановлением Совета Министров СССР Крылову было присвоено воинское звание генерала армии, и вскоре он переехал в Хабаровск, где приступил к исполнению новых обязанностей.

«Новая должность в моей биографии особого следа не оставила, — вспоминал впоследствии Николай Иванович, — дел было по-прежнему много, все вопросы приходилось решать практически самому. Наверное, здесь сыграло свою роль то, что я привык за годы командования армией, а затем Дальневосточным округом к большей самостоятельности и соответственно к большей ответственности. А здесь и самостоятельность, и особенно ответственность с меня в значительной мере снимались. Это сковывало, как бы даже придавливало инициативу. Я просто был хорошим исполнителем. Может быть, кому-то это покажется не лучшей чертой в моем характере, но ничего не поделаешь, именно таким я был. Потому и обрадовался, когда в январе пятьдесят шестого года меня назначили на округ. Пусть он был менее важен, чем пограничный Дальневосточный, не столь крупный, но передо мной опять появилась перспектива что-то самостоятельно решать, на что-то более эффективно, чем прежде, влиять».

С начала 1956 года начался семилетний период службы генерала армии Крылова на посту командующего войсками внутренних военных округов — сначала Уральского, а затем Ленинградского и Московского.

Эта была новая эра в строительстве Советских Вооруженных Сил — эра внедрения последних достижений научно-технической революции. Вначале шестидесятых годов по решению ЦК партии и Советского правительства были образованы Ракетные войска стратегического назначения. Они стали не только новым, но и главным видом Вооруженных Сил, основой обороноспособности страны. В самостоятельный вид выделилась и противовоздушная оборона, основу которой также составило ракетное оружие. В больших количествах оно стало поступать и на вооружение Сухопутных войск и Военно-Воздушных Сил. Все это не только коренным образом изменило структуру общевойсковых, танковых и авиационных частей, соединений и объединений, но и заставило пересмотреть взгляды на ведение боя, операции, войны в целом.

Десять послевоенных лет генерал Крылов учил войска на обобщенном опыте Великой Отечественной войны. Теперь же этот опыт требовалось в значительной мере пересмотреть, взять из него то лучшее, что было приемлемо в современных условиях.

В те годы все громче и громче, причем на самых разных уровнях, стали поговаривать, что фронтовой опыт пора оставить лишь как предмет военной истории.

На самом деле. Одной из основных отличительных особенностей прежних наступательных операций и боев было сосредоточение сил и средств на направлении главного удара, высокая плотность войск и боевой техники на сравнительно узких участках прорыва. Кроме того, опыт Великой Отечественной войны учил, что наступлению должна предшествовать мощная артиллерийская и авиационная подготовка, цель которой, еще до того, как в атаку пойдут танки и пехота, уничтожить живую силу, подавить пункты управления и огневые средства на всю глубину вражеской обороны. Но в условиях применения противником ядерного оружия все это теряет смысл! Это доказывали в то время очень и очень многие. Они говорили, что огневую подготовку заменят несколько ядерных ударов, а сосредоточить значительные силы на узком участке прорыва — значит облегчить противнику уничтожение наших войск.

«Подобный взгляд в корне неверен», — отвечал им Крылов. Он доказывал, что применение ядерного оружия не означает полную отмену обычных средств вооруженной борьбы. Атомными бомбами и ракетами полностью исход боя или сражения решить нельзя. Занятую врагом территорию отвоевывают не смертоносные средства, а люди. А раз так, то им необходимо мощное обычное оружие, использование которого диктует необходимость не отказа от привычных методов и способов борьбы, а лишь их частичное изменение, применение к новым условиям. Вот почему опыт Великой Отечественной войны так же бесценен в эпоху ядерного оружия, как и до нее. В частности, подчеркивал Крылов, так же, как и в годы войны, при прорыве обороны противника обязательно потребуются сосредоточение сил и средств на узком участке, перегруппировку нужно будет производить как можно более скрытно, шире использовать маскировку и мощные маневры. Что касается артиллерии, то и ее роль останется значительной. Если признать, что ядерными ракетами и бомбами нельзя уничтожить в нужном нам районе всех без исключения солдат и офицеров противника, вывести из строя всю его технику, то надо признать и то, что без «старых» привычных пушек, гаубиц, реактивных установок не обойтись.

...В учебном центре Ленинградского военного округа шла обычная боевая учеба. Солдаты и офицеры одного из полков отрабатывали упражнения стрельб, водили боевые машины, учились наступать и обороняться. В конце полевого выхода они должны были участвовать в полковом тактическом учении. К началу этого учения приехал на полигон командующий войсками округа Крылов. Он выслушал доклад руководителя учения — командира дивизии и потребовал:

— Доложите план учения.

Комдив доложил, что полк находится в обороне и готовится к наступлению из непосредственного соприкосновения с «противником». Командир дивизии также показал по карте, где и какими средствами обороняющиеся попытаются задержать полк. Здесь были и «ядерные удары», и воздействие обычными огневыми средствами, и контратака.

— Что ж, посмотрим, как вывернется из этой ситуации командир. Он, кстати, фронтовик? — спросил Крылов у комдива.

— Да, — кивнул тот. — Взводом командовал.

— Вот и пусть вспомнит, как воевал. А заодно покажет, что усвоил из современной науки.

Крылов вместе с комдивом объехал участок обороны полка. Командующему понравилось, что оборудован он основательно, словно полк и на самом деле ждал атак противника, его бомбовых ударов и

артиллерийского обстрела. Везде были отрыты окопы и траншеи полного профиля, которые во многих местах были перекрыты валежником и набросанным на него толстым слоем земли.

Опорные пункты взводов и рот, районы обороны батальонов были рассредоточены по фронту, а позиции, которые они занимали, — в глубину. Так строить боевые порядки требовали новые уставы и наставления, но кое-где командиры еще тяготели к линейной тактике, чрезмерному сосредоточению сил и средств на переднем крае. В случае нанесения ядерного удара противнику ничего не стоило уничтожить большое число людей и немало боевой техники и практически только с помощью этого оружия массового поражения обеспечить себе победу.

— Обороняться по-новому вы умеете, — сдержанно похвалил Крылов командира полка. — Теперь посмотрим, как наступаете.

Командующий и комдив заняли места в открытом бронетранспортере, который стоял неподалеку на господствующей над местностью высоте. Отсюда было хорошо видно, как в период «артподготовки» солдаты, пригнувшись, чтобы их не заметил «противник», по ходам сообщения стягивались к левому флангу, откуда решил нанести главный удар командир полка. Вот стих последний залп, и они, растянувшись в цепь, пошли в атаку. Быстро сблизившись с «противником», чтобы лишить его возможности применить ядерное оружие, мотострелки ворвались в опорный пункт, овладели им и вскоре начали преследование. Здесь Крылову понравилось то, что передовые роты полка вплотную шли за отступающим «противником» — опять по ним невозможно было нанести ядерный удар.

Вряд ли удалось бы противоборствующей стороне своевременно обнаружить и остальные подразделения полка, которые тратили считанные секунды на то, чтобы сесть в подъехавшие к ним бронетранспортеры. Вот дверцы боевых машин захлопнулись, и они, на ходу занимая свои места в колонне, устремились вперед.

— Молодцы, — похвалил Крылов мотострелков. — А ведь так и на самом деле вам не удастся «применить» свои ядерные средства, — сказал он, обращаясь к стоящему рядом комдиву, в обязанности которого, как руководителя учения, входило создать для полка обстановку, максимально приближенную к реальной, боевой.

— Я, товарищ командующий, предусмотрел такой вариант, — пояснил комдив. — Скоро полк выйдет из леса на большое поле. Преодолевать его он будет в колоннах, то есть в предбоевых порядках. Вот тогда я и «использую» свое «ядерное оружие».

— Ну что же, — согласился Крылов. — Давайте подъедем туда, посмотрим.

Бронетранспортер, опередив наступающий полк, вскоре подъехал к полю, о котором говорил комдив. Оно было на самом деле таким, что ни проскочить незаметно, ни объехать его полк не мог.

Колонны машин появились на поле неожиданно. Они на максимальной скорости двигались в сторону «противника». Когда из леса вышла последняя машина, стало ясно, что сорвать наступление даже с помощью ядерного оружия не удастся: полк шел во взводных колоннах, между которыми были значительные интервалы и дистанция. Тактическим ядерным оружием можно было уничтожить, даже при условии, что ударов будет несколько, лишь роту, максимум полторы-две. Остальные подразделения продолжали бы оставаться боеспособными.

Крылов весело посмотрел на комдива.

— Невыгодно тратить ядерные боеприпасы? — улыбаясь, спросил он.

— Невыгодно, — согласился тот. — Цели слишком мелкие, промахнуться можно. Да и по взводу бить тактической ракетой, что из пушки стрелять по воробьям.

Командир дивизии все же дал полку вводную: по трем колоннам нанесены удары тактическими ядерными средствами, но это практически не повлияло на успех полка.

На рубеж, с которого полк должен был отражать контратаку, Крылов не поехал: то, что нужно было ему, он увидел. А через несколько дней он рассказал об этом случае с трибуны высокого совещания. Рассказал как о примере высокоманевренных, грамотных действий, которые значительно снижают вероятность больших потерь при поражении тактическим ядерным оружием и создают условия для победы в самой сложной обстановке.

— А это, я имею в виду маневренность, скрытое сосредоточение усилий на нужном направлении и, наоборот, их рассредоточение в обороне и при преследовании, и есть опыт Великой Отечественной войны, который нам необходимо взять на вооружение, — сказал Николай Иванович в заключение. — Он — прекрасное дополнение к так называемой «ядерной» тактике, которая только в сочетании с такими действиями принесет успех. За этим сочетанием старого и нового — будущее.

Как показало время, современное состояние тактики и оперативного искусства, генерал армии Николай Иванович Крылов тогда, в самом начале шестидесятых годов, не ошибся. Сегодня уже никому и в голову не придет принижать роль любого из родов войск, а тем более пехоты, танков и

артиллерии, в достижении победы на поле боя. Но то, что сегодня очевидно, двадцать с лишним лет назад приходилось доказывать.

Однако в тактические задачи боевой подготовки войск развитие ядерного оружия как стратегического средства с каждым годом вносило свои коррективы.

В пятидесятых и в начале шестидесятых годов еще далеко не все было известно науке ни о радиационных последствиях атомных и ядерных взрывов, ни о их разрушительной силе.

Карта войны укрупнялась. Последствия ядерных ударов выходили за рамки тактических, оперативных и даже стратегических масштабов, они становились глобальными и грозили гибелью всей планеты. Изменились и средства доставки ядерного оружия. Самолеты стали в какой-то степени анахронизмом. Ракеты дальнего действия заставили пересмотреть прежние стратегические концепции.

Здесь нет необходимости рассматривать все этапы развития атомного шантажа, предпринятого в конце сороковых и в начале пятидесятых годов американской администрацией. Для того чтобы оценить деятельность Николая Ивановича Крылова на посту главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, нам надо коснуться лишь некоторых аспектов американской доктрины атомной войны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1962 года Николаю Ивановичу Крылову, тогда командующему Московским военным округом, было присвоено звание Маршала Советского Союза, в марте 1963 года он был назначен главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. К середине шестидесятых годов наметился перелом в оценке ядерного оружия.

Если в первые годы по окончании войны американских генералов лихорадило от нетерпения поскорее обрушить атомные удары на Советский Союз, то уже после оснащения Советских Вооруженных Сил ракетами дальнего действия их застиг паралич стратегических идей.

Военные доктрины всегда в какой-то мере отстают от достижений науки и техники. А средства, вложенные администрацией США в сооружение военных баз в самых удаленных от их территории точках и в их оснащение, еще и притормаживали мысли американских генералов. Им было очень трудно примириться с тем, что их монополия на атомное оружие безвозвратно ушла в прошлое.

Комитет начальников штабов еще в августе сорок третьего года

запугивал правительство США возрастающей вооруженной мощью Советского Союза. В соответствующем докладе говорилось: «Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям военной ноши в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима... После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз».

И вывод: «...относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя».

Значение этого предостережения американских генералов всплыло несколько позднее. Они пугали правительство своей страны, чтобы после войны не прекратился поток прибыли в набирающем силы военно-промышленном комплексе США.

Советские войска сражались на подступах к Берлину, а в Вашингтоне уже планировался атомный шантаж, направленный против страны, освободившей Европу от фашизма.

Советские войска, выполняя свой союзнический долг, сражались с Квантунской армией, а в это время, уже испытав силу атомного оружия, американские генералы приступили к планированию атомной войны против Советского Союза.

18 сентября 1945 года была утверждена директива Комитета начальников штабов № 1496/2 «Основа формулирования военной политики», 9 октября 1945 года — «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США». В этих директивах разрабатывалась теория первого атомного удара с воздуха по двадцати важнейшим городам Советского Союза.

В 1945 году эти документы хранились в секрете, но уже и тогда людям военной профессии, а в особенности тем, кто принимал участие в разгроме Квантунской армии, было очевидно, что атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, были демонстрацией открытой угрозы Советскому Союзу.

А в ноябре, еще пока в закамуфлированной форме, последовала и расшифровка этой античеловечной демонстрации. В США был опубликован доклад главнокомандующего ВВС военному министру, в котором указывалось: «...указать потенциальному агрессору — за нападением на США немедленно последует всеокрушающий атомный удар по нему с воздуха».

Не надо было заглядывать в секретные досье американского штаба, и без того было ясно, что готовят заокеанские «христиане» для советского народа.

Начиная с 1947 года американские генералы не уставали выдвигать один за другим планы военного разгрома Советского Союза с помощью атомного оружия. В них предусматривалось начинать войну с «концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в Западном полушарии и Англии». Теперь уже атомный удар готовился не по 20 городам, а по 70, из них 8 атомных бомб на Москву и 7 атомных бомб на Ленинград.

21 декабря 1948 года главнокомандующий американских ВВС в свете этих директив представил оперативный план САКЕВШ-49 атомного нападения на советский народ.

В этом плане четко определялось: «...2. Война начнется до 1 апреля 1949 года.

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...

32.6. Планы объектов и навигационные карты для операций против 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 года».

1 апреля 1949 года война не началась. Правящая элита США сочла, что еще не все подработано в планах генералов, что остается риск войны не выиграть. В начале 1949 года был создан специальный комитет из высшего генералитета для более детальной разработки планов атомной войны. Лихорадочно подсчитывали, что может дать атомное нападение. 11 мая 1949 года подсчеты были завершены и родилась «оценка воздействия на советские военные усилия стратегического воздушного наступления».

«План стратегического воздушного наступления... предусматривает две отдельные фазы:

а) первая фаза: серия налетов главным образом с применением атомных бомб на 70 городов (командование стратегической авиации ныне планирует выполнить это за 30 дней);

б) вторая фаза: продолжение воздушного наступления с применением как атомных, так и обычных бомб.

Последствия для промышленности:

...9. Материальный ущерб, гибель людей в промышленных районах, другие прямые и косвенные последствия первой фазы воздушного наступления приведут к снижению промышленного потенциала СССР на

30–40 процентов.

Людские потери:

II. Первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 миллиона жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших 28 миллионов человек будет весьма осложнена...»

Повторяем, не все эти документы стали известны тогда же, когда они принимались, но на то и существует наука военного предвидения, чтобы угадать замыслы агрессора еще до того, как они начнут воплощаться в жизнь. Эта атомная подготовка находилась всегда в центре размышлений командующих армиями, родами войск и округами.

Советский народ сделал все возможное, чтобы сорвать эти планы. По новым американским директивам начало войны планировалось на 1950 год.

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик, проводя очередные пробы воздуха на радиоактивность над северной частью Тихого океана, обнаружил повышенную радиоактивность. В Комитете начальников штабов США не хотели верить полученным данным замера. Началась паника. Не взорвана ли атомная бомба в Советском Союзе? Все имевшиеся до того прогнозы утверждали, что это событие может произойти не ранее, чем через пятнадцать лет, что Советский Союз находится на очень низком уровне технологии и ему вообще может оказаться не по силам создать атомное оружие. Начались проверки за проверкой. Подтверждалось самое худшее для американских атомных маньяков.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщил, что Советский Союз полностью овладел атомным оружием.

Встал вопрос о средствах доставки этого оружия, использование которого рассматривалось только как оружие возмездия за атомное нападение. США окружили советскую территорию плотным кольцом баз, с которых можно было тяжелым бомбардировщикам достичь глубинных районов, в распоряжении Советских Вооруженных Сил таких баз не было. Поэтому спешно, с полным напряжением сил велась разработка баллистических ракет дальнего действия как средства доставки атомных боеголовок. Так зародился новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения. С этого момента воображению пентагоновских генералов был поставлен непреодолимый барьер. Безнаказанного атомного нападения уже не могло быть.

Когда Родион Яковлевич Малиновский объявил Крылову, что в Министерстве обороны сложилось мнение назначить его главкомом

Ракетных войск стратегического назначения, он, пожалуй, впервые задумался. Со столь разрушительным оружием ему еще не приходилось иметь дело. Взвесил он мгновенно и ответственность, которая ложится на его плечи.

С того самого дня, как взял в руки винтовку, а потом пулемет, и вплоть до штурма сопок, превращенных самураями в подземные крепости, Николай Иванович стрелял только в тех, кто противостоял ему с оружием в руках. Ядерный удар свиреп и слеп, достает и правого и виноватого. И при снайперской наводке поражает он цель значительно больших масштабов, чем того требует военная необходимость. Потому эти ракеты и называются стратегическими.

— Родион Яковлевич, — отозвался Крылов, с трудом произнося каждое слово. — Очень неожиданное для меня предложение. Честно говорю, предпочел бы остаться на округе.

Малиновский взглянул из-под приспущенных век на Крылова и улыбнулся какой-то своей мысли, не высказанной вслух.

— Николай Иванович, просто не узнаю вас! В Хабаровске вы были более решительны, хотя шли на командование совсем необычным округом. А трудностей там было немало...

— Я и теперь, Родион Яковлевич, трудностей не боюсь, — спокойно ответил Крылов. — Нет таких трудностей в работе, которые нельзя было бы преодолеть трудом и терпением. Глаза боятся, а руки делают. Я о другом! Ракетные войска — новый вид Вооруженных Сил, и добавлю и без моего добавления известную истину — необычный вид Вооруженных Сил... Мне кажется, что возглавлять его должны опытные артиллерийские военачальники, а я — общевойсковик!

— Разумное замечание, Николай Иванович! Только далеко не все в это замечании учтено, — возразил Малиновский. — Освоить в полную меру ракетную технику, да еще оснащенную ядерными боеголовками фантастической мощности, не по силам кому-либо одному, в том числе и артиллеристу. Знать досконально ракетную технику должны специалисты, а руководство Ракетными войсками, научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро должно быть в руках опытного военного организатора с широким оперативным кругозором, твердого и решительного. Первым главкомом ракетчиков был, как вы знаете, Главный маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин. Трагически погиб... Потом Москаленко, Бирюзов... Тоже общевойсковики...

— И все же, товарищ министр, прошу с моим назначением поременить! — попросил Крылов.

— И много ли прикажете повременить? — спросил Малиновский уже с присущей ему строгостью.

— Есть над чем подумать! — ответил Крылов.

— Подумайте, Николай Иванович! Но времени на размышление много дать не могу.

Малиновский встал из-за стола. Поднялся и Крылов. Министр взял его под руку и прошелся с ним по кабинету.

— Вот что, Николай Иванович, не подумайте, что я вас уговариваю там, где могу и власть употребить. Вы человек военный и, как мне известно, дисциплинированный, приказы выполнять умеете. Так вот к вашим размышлениям некоторое пояснение... Прежде всего начнем с того, что еще никогда человечество не располагало оружием столь тотального поражения. Больше того, та сила удара, которую могут обрушить ракеты с ядерными боеголовками, какая бы сторона их ни применила, могут привести к гибели жизни на земле. Стало быть, обращение с этим оружием требует крайней осторожности и чувства высочайшей ответственности. Это общее положение, исходное, так сказать, хорошо известное вам и без моих разъяснений. Но почему же мы остановили свой выбор именно на вас, Николай Иванович? И осторожностью, и высоким чувством ответственности у нас располагают в Вооруженных Силах многие. Обратимся теперь к личным вашим качествам. Для вас не секрет, что в военном деле встречаются военачальники, у которых сильно волевое начало и которые не всегда в ходе операции думают о возможных потерях. Вы в нашей Советской Армии известны как военачальник, который искал всегда решение, которое давало возможность избежать потерь. Вспомнили вашу операцию по прорыву Пограничненского укрепрайона и операцию, с которой вы начали наступление в Белоруссии. Известны вы в Советской Армии не только как мастер разработки наступательных операций, но и как мастер обороны. Вспомнили Одессу, Севастополь и Сталинград... Главком Ракетных войск апокалипсической мощи должен сочетать в себе гуманность, умение держать оборону, переходящую мгновенно в наступление... Вам, Николай Иванович, известна наша ядерная доктрина. Никогда не применять это оружие первыми, но не опоздать с ответом. Вам известно из этой же доктрины, что мы стоим за полное запрещение этого оружия, но обязаны его совершенствовать, чтобы оно всегда в наших руках было сдерживающей силой для тех, кто возымел бы намерение пойти на нас ядерной войной... Есть теперь предмет для размышлений?

Предмет для размышлений имелся...

Это как перст судьбы — в шестнадцать лет услышать от командира летного дивизиона в Аркадаке имя Циолковского, рассказы об опытах с запуском реактивных аппаратов в Калуге, а без малого через пятьдесят лет получить под командование все то, о чем мечтал в калужской тиши русский гениальный ученый.

Николай Иванович помнил и те чувства, что владели им, когда он увидел первый залп гвардейских минометов под Одессой. Долго тогда не унималось волнение, не улеглось волнение и после беседы с министром.

Конечно, министр прав, он, Крылов, военный человек, приказ для него закон, но и те, кто знал Крылова, должны были принимать во внимание, что вопреки совести он не выполнит и приказа. Не смущала ситуация с приказом, не пугала и ответственность уже не только за судьбу своего народа, но и за судьбу всего сущего на земле.

С кем-либо посоветоваться? О таких вещах обычно не советуются. Но был человек, которому он мог поведать свои сомнения. Один только человек, связанный навеки Сталинградом. Василий Иванович Чуйков. С 1960 года Чуйков — главком Сухопутных войск, а в 1961 году стал по совместительству «начальником Гражданской обороны СССР. Гражданская оборона — это обратная сторона медали, это защита от тех же средств нападения, которые передаются ему в руки, это те же раздумья о новой эре в военном деле.

Так сложилось, что встретились они в мастерской скульптора Евгения Викторовича Вучетича.

Вучетич пригласил их посмотреть свои последние разработки памятника Сталинградской битвы на Мамаевом кургане. Возведение памятника приближалось к завершению, и встречи он потребовал безотлагательно.

Художник Вучетич был очень чутким человеком, и мгновенно заметил, что Николай Иванович находится в каком-то душевном смятении.

— Николай Иванович! Что с вами, что вас мучает? — спросил он, едва они вошли в мастерскую. — Только не уверяйте, что ничего не мучает! Я ваше лицо до морщинки знаю. Здоровье?

— На здоровье он не жаловался и в другие времена! — заметил Василий Иванович Чуйков. — Тут другое! И я догадываюсь! Ты знаешь,

Евгений Викторович, куда идет наш Николай Иванович? Ему ракетный щит нашей Родины вручают! Или уже вручили?

— Дали время на раздумье! — ответил Крылов.

— Ну это навряд ли! — усомнился Чуйков. — Министр мне говорил более определенно! Ну а если раздумье, то о чем?

— Это почему же щит? — спросил Вучетич. — Щит и ракетный меч!

Чуйков нахмурился и даже махнул рукой.

— Только не меч! Межконтинентальные баллистические — они могут быть только щитом. Меч этот обоюдоострый! Не будь он обоюдоострым, нашлись бы авантюристы за океаном испробовать его острие. Это уже я вам говорю как начальник гражданской обороны... Так что, Николай Иванович, опять нам вместе в одном окопе!

Вучетич вслушивался в ворчливый монолог Чуйкова и вдруг отошел в сторону к столику, где стояла скульптура, плотно прикрытая полиэтиленовой накидкой.

— Погляди, Николай Иванович! Вот Василий Иванович уверяет, что я ошибся...

Две человеческих фигуры, сцепившись за руки, селятся перетянуть друг друга, балансируя на острие скалы. И у той и у другой фигуры сзади бездонная пропасть.

Крылов остановился возле композиции. Поднялся с кресла Чуйков и встал рядом.

— К Сталинграду это не имеет отношения. Это человечество сегодня, балансирующее на грани ядерной гибели, — пояснил Вучетич.

— Так вот я предложил, — начал Чуйков, — чтобы он чуть-чуть изменил соотношения этой балансировки! Здесь как будто две силы на равных. На равных, Евгений Викторович?

— На равных!

— Я вот принес один журнальчик. Американский... И будто бы из самых безобидных наподобие тематики «Умелые руки»... Тут даются советы, как самим сделать лодку, собрать лодочный мотор, летающую авиамодель, как делать тот или иной ремонт в автомашинах... А в центре цветная фотография. Полюбуйся, Николай Иванович!

Фотомонтаж. Московский Кремль. Вид на него из окна гостиницы «Москва». Молодые люди, он и она, прильнули в ужасе к окну. В вершину Спасской башни ударила ракета. Башня надломилась и падает, но уже отсветом пожара озарен весь город. На ракете отчетливо выписаны буквы «USA».

— Ты мог бы, Евгений Викторович, найти что-нибудь подобное в

каком-либо нашем захудалом журнальчике, не говорю уж о наших центральных журналах?

— Думаю, что редактора такого журнала, если бы он оказался членом партии, исключили бы из партии и судили бы. На то есть статья в Уголовном кодексе. Наизусть помню. Статья семьдесят первая. Пропаганда войны, в какой бы она форме ни велась, наказывается лишением свободы на срок до восьми лет...

— У тебя в этой композиции пропаганды войны нет, наказывать мы тебя не будем. Но испуг есть. Одна сторона — наша, она своим противостоянием атомным маньякам в пропасть не тянет!

— Все понятно! — воскликнул Вучетич. — Я продолжу! Если сзади нашей стороны не пропасть — то, стало быть, опора! А если опора, то, стало быть, есть возможность ту, другую сторону, оттянуть из пропасти...

— Должна быть у людей надежда! — проворчал Чуйков.

— Вот тут, Василий Иванович, и начинается для искусства неправда! А если та, другая сторона пожелает остаться над пропастью? В балансировании на грани гибели есть и у той стороны выход: кинуться в пропасть, и тогда той фигуре, что имеет сзади опору, не удержаться и на опоре! Я предупреждаю: не балансируйте над пропастью, не играйте на этой грани, кто кого перетянет. Никто никого не перетянет, надо эту игру оставить...

— О том и я думаю! — оживился Крылов.

— Это правда? — спросил Вучетич. — О том и думы? Ну тогда, Николай Иванович, вам и щит в руки! Созрели!

— Я вот о чем еще думаю, — продолжал Крылов. — О Циолковском. Он мечтал о полетах к другим планетам и никогда не рассматривал ракеты как оружие. Что же думали те, кто вооружал маньяков атомным и ядерным оружием? Ладно! Гитлер маньяк — застрелился, подлец! Осталось еще предостаточно маньяков. Разве их не разглядеть невооруженным взглядом?

— Роберт Опенгеймер разглядел, а вот Тейлор и сам маньяк, — ответил Вучетич.

— И прибыльное дело к тому же, — добавил Чуйков. — Мы думаем о том, как отойти от этого балансирования на краю пропасти, а кто-то наживает на этом миллиарды... С этими акулами, не имея гарпуна, рядом не поплывешь...

Вызов к министру последовал значительно раньше, чем рассчитывал Крылов.

— Ну вот, Николай Иванович, повременил, — начал Малиновский. — Больше не можем. Ваша кандидатура представлена на утверждение в ЦК и

Совет Министров.

— Значит, уже все решено?

— Решено! — твердо сказал Малиновский. — Требуется ваше согласие!

— Быть по сему! — ответил Крылов.

Трудно, очень трудно с достаточной полнотой рассказать о многогранной деятельности Николая Ивановича на этом высоком посту. С одной стороны, о ней можно написать целую книгу — так много сделал маршал Крылов для совершенствования Ракетных войск стратегического назначения, а с другой — не подошло еще время предать гласности целый ряд важнейших фактов из этого периода жизни и военной службы главкома стратегических. И все же мы попытаемся это сделать с помощью воспоминаний тех, кто служил под началом Николая Ивановича.

Главный маршал артиллерии, главнокомандующий Ракетных войск стратегического назначения (1972–1985 гг.) рассказывает:

«В течение пяти лет, с 1963-го по 1968-й, я был заместителем маршала Крылова. Могу со всей ответственностью сказать, что это было самое трудное время в становлении Ракетных войск стратегического назначения. Его с полным правом можно назвать периодом окончательного становления этого вида Советских Вооруженных Сил. Впрочем, судите сами.

К 1963 году, то есть к моменту прихода Николая Ивановича на пост главкома Ракетных войск стратегического назначения, у ракетчиков уже была своя история. Первая ракетная часть была сформирована 15 июля 1946 года на базе гвардейского полка реактивной артиллерии. Затем началось формирование частей, в том числе и тех, на вооружение которых поступили межконтинентальные ракеты.

После того по решению ЦК КПСС и Советского правительства были созданы Ракетные войска стратегического назначения, в развитии этого вида Вооруженных Сил наступил новый этап. До 1963 года под руководством таких видных военачальников, первых главкомов стратегических, как Главный маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин, Маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко и Маршал Советского Союза Сергей Сергеевич Бирюзов, решались такие важные вопросы, как создание и совершенствование ракетно-ядерного оружия, подготовка и обучение воинов-ракетчиков, мобилизация личного состава на освоение нового оружия и поддержание его в постоянной боевой готовности, формирование ракетных частей, изыскание наиболее приемлемых форм и способов боевого применения ракетного оружия.

Одновременно с формированием ракетных частей Центральный Комитет партии и Советское правительство принимают меры к созданию

научно-исследовательских учреждений, экспериментальной и производственной базы, необходимых для разработки ракетного оружия.

Возникла необходимость формирования специальных высших военно-учебных заведений по подготовке офицеров-ракетчиков для войск и для работы в научно-исследовательских институтах, на полигонах и в конструкторских бюро. Перестройка работы военно-учебных заведений в соответствии с новыми задачами проходила в сжатые сроки и в ходе учебного процесса.

В особую задачу выделилось создание и совершенствование учебно-материальной базы с разнообразными пособиями и тренажерами, разработана методика организации боевой и политической подготовки.

Вполне понятно, что к 1963 году, то есть к третьему году существования Ракетных войск стратегического назначения, практически все эти вопросы, которые я перечислил, находились еще в стадии своего решения. Крылову надо было приложить немало сил, чтобы завершить начатое дело, обеспечить функционирование сложнейшего организма нового вида Вооруженных Сил в заданном режиме.

Эта задача под руководством Маршала Советского Союза Николая Ивановича Крылова была успешно решена. Обладая огромным опытом командной и штабной работы, незаурядным организаторским талантом, он умело направлял деятельность Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения. В короткий срок, в частности, был осуществлен переход от наземных незащищенных стартовых позиций к шахтным пусковым установкам, обеспечивающим живучесть ракет при применении противником ядерного оружия. По мере качественного роста ракетного вооружения разрабатывались также теоретические основы и способы боевого использования Ракетных войск на случай войны, продолжалось развитие их организационной структуры и повышение эффективности управления. При непосредственном участии Николая Ивановича Крылова были выработаны и обобщены в руководящих документах и ряде военно-научных трудов основные принципы применения Ракетных войск.

Выполняя поставленные перед Вооруженными Силами задачи, ракетчики вели борьбу за дальнейшее повышение боевой готовности, улучшение качества боевой и политической подготовки, за настойчивое освоение новой техники, стремились сделать каждый ракетный пуск школой боевого мастерства, школой воспитания необходимых морально-боевых качеств. И уже в 1964 году Н. И. Крылов в одном из своих выступлений подчеркивал, что около 95 процентов боевых пусков

стратегических ракет средней дальности и все пуски межконтинентальных ракет выполняются расчетами на «отлично» или «хорошо».

Это и было первым конкретным результатом той огромной работы по совершенствованию Ракетных войск, которую проводило командование РВСН во главе со своим главкомом в шестидесятые годы. Позже результаты еще более выросли. Этому способствовало и появление более совершенных ракетных комплексов, отличающихся более высокой надежностью, боеготовностью и эффективностью, а также повышением уровня обученности личного состава ракетных частей».

Бывший начальник управления Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения, генерал-лейтенант в отставке А. Ф. Пануев рассказывает:

«Николая Ивановича Крылова, известного полководца, храброго солдата, известного всему миру маршала, природа щедро одарила чисто человеческими качествами. Сам старейший солдат, он любил солдата, любил широко, по-русски.

С приходом Крылова в Ракетные войска стратегического назначения была круто повернута деятельность буквально всех управлений, служб и Главного штаба на всестороннее обеспечение наших военных городков. Он требовал, чтобы в ракетном гарнизоне было все для солдат, офицеров, членов семей и, конечно, для детей.

Николай Иванович часто бывал в войсках, непременно объезжал или обходил городок, заходил в магазин, в квартиры офицеров, не говоря уже о казармах...»

В начале февраля 1972 года был запланирован выезд на один из объектов. Приехали, началась подготовка к разбору. Сослуживцы заметили, что главком почувствовал себя плохо, и, как обычно, хотели покинуть его. Но он остановил всех жестом руки и тихо сказал:

— Думаете, сник ваш главком? Нет! Будем работать!

Но буквально через несколько минут он махнул рукой, как бы отпуская всех. А через час его уже везли на аэродром...

Накануне трагического дня ему принесли верстку его книги воспоминаний о Сталинграде. Он полистал ее, и вдруг его глаза затуманили слезы. Маршал Советского Союза Крылов прощался со своей боевой жизнью, боевыми друзьями и соратниками...

Основные даты жизни и деятельности Н. И. Крылова

1903, 29 апреля — родился в селе Вишневом Тамалинского уезда Пензенской губернии.

1919, 10 февраля — окончил экстерном единую трудовую школу.

1919, 20 февраля — Крылов — красноармеец 3-го авиадивизиона Южного фронта.

1920, октябрь — курсант Саратовских пехотно-пулеметных курсов.

1920–1921 гг. — командир взвода, роты 248-го пехотного полка 2-й азинской дивизии 11-й армии.

1922–1928 гг. — командир 3-го батальона 3-го Верхне-Удинского полка 1-й Тихоокеанской дивизии.

1927, 14 февраля — Крылову присвоено воинское звание капитан.

1927, 20 октября — Николай Крылов принят в члены ВКП(б).

1928, август — слушатель курсов «Выстрел».

1929–1930 гг. — начальник штаба 3-го Верхне-Удинского полка 1-й Тихоокеанской дивизии.

1931–1935 гг. — командир батальона Благовещенского укрепрайона.

1935, 15 февраля — Крылову присвоено воинское звание майор.

1936–1938 гг. — начальник штаба Благовещенского укрепрайона.

1938, 17 февраля — Крылову присвоено воинское звание полковник.

1939–1940 гг. — начальник отдела Осоавиахима города Ставрополя.

1941, май — июнь — начальник штаба Дунайского укрепрайона.

1941, июль — начальник оперативного отдела штаба Приморской армии Южного фронта.

1941, 21 августа — 1942, 9 июня — начальник штаба Приморской армии Южного фронта.

1941, 27 декабря — Крылову присвоено воинское звание генерал-майор.

1942, 10 февраля — Крылов награжден орденом Красного Знамени.

1942, 8 октября — награжден орденом Ленина.

1942, 6 июля — начальник штаба 62-й армии Сталинградского фронта.

1943, 4 февраля — награжден вторым орденом Красного Знамени.

1943, май — июль — командующий войсками 3-й резервной армии Ставки ВГК.

1943, июль — октябрь — командующий войсками 21-й армии Западного фронта.

1943, 9 сентября — Крылову присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

1943, 19 сентября — награжден орденом Кутузова 1-й степени.

1943, 24 октября — Крылов назначен командующим войсками 5-й армии Западного фронта.

1944, июнь — июль — войска 5-й армии участвуют в Белорусской операции.

1944, 26 июня — войска 5-й армии освободили Витебск.

1944, 4 июля — награжден орденом Суворова 1-й степени.

1944, 13 июля — войска освободили столицу Литвы — Вильнюс.

1944, 15 июля — Крылову присвоено воинское звание генерал-полковник.

1944, 1 августа — войска 5-й армии освободили Каунас.

1944, 8 октября — награжден вторым орденом Ленина.

1944, 3 ноября — награжден третьим орденом Красного Знамени.

1945, январь — апрель — войска 5-й армии участвовали в Восточно-Прусской операции.

1945, 21 февраля — награжден третьим орденом Ленина.

1945, 19 апреля — за образцовое выполнение задачи по разгрому восточно-прусской группировки немецких войск Крылову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

1945, 8–19 августа — войска 5-й армии участвовали в разгроме Квантунской армии.

1945, 8 сентября — Крылов награжден второй медалью «Золотая Звезда».

1949, 20 июня — награжден четвертым орденом Красного Знамени.

1953, 18 сентября — Крылову присвоено воинское звание генерал армии.

1962, 28 апреля — Крылову присвоено воинское звание Маршал Советского Союза.

1963, 5 марта — назначен главкомом РВСН.

1963, 28 апреля — награжден четвертым орденом Ленина.

1968, 22 февраля — награжден орденом Октябрьской Революции.

1969, 22 февраля — Крылов награжден почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР.

1972, 12 февраля — Крылов похоронен у Кремлевской стены.

1974, 29 апреля — бюст Крылова установлен в селе Вишневое Пензенской области.

Краткая библиография

- Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1969.
Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1973.
Крылов Н. И. Сталинградский рубеж. М., 1984.
Крылов Н. И., Алексеев Н. И., Драган И. Г. Навстречу победе. М., 1970.
Внотченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. М., 1968.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974.
Еременко А. И. Сталинград. М., 1961.
Мерецков К. А. На службе народу. М., 1984.
Самсонов А. М. Сталинградская битва. М., 1982.
Скирдо М. П. Народ, армия, полководец. М., 1970.
Чуйков В. И. Начало пути. М., 1959.

Иллюстрации

Н. И. Крылов.

Дом в селе Вишневом, в котором родился Н. И. Крылов.

Майор Н. И. Крылов.

Полковник Н. И. Крылов.

Одесситы возводят уличные баррикады. Август 1941 г.

Руководители героической обороны Одессы. Октябрь 1941 г.

Севастополь в начале 1942 г. Н.И. Крылов, В. Ф. Воробьев, М. Г. Кузнецов. 1942 г.

Севастополь. 1942 г. Морская пехота идет в атаку.

Командир пограничного полка Г. А. Рубцов ставит задачу разведчикам, 1942 г.

Н. К. Рыжи, И. Е. Петров, Н. И. Крылов. Севастополь, 1942 г.

Генералы И. Е. Петров, И. Ф. Чухнов, Н. А. Остряков на КП.
Севастополь, 1942 г.

И. Е. Петров вручает Н. И. Крылову орден Красного Знамени. Июнь 1942 г.

Боевая встреча. Н. В. Богданов, И. Е. Петров, П. М. Леонтьев.
Севастополь, 1942 г.

Майор В. П. Сахаров. Одесса, сентябрь 1941 г.

Н. В. Богданов — командир артиллерийского полка, защищавшего города Одессу, Севастополь. 1942 г.

Н. И. Крылов над рабочей картой на КП. Сталинград, ноябрь 1942 г.

Сталинград. Площадь Ленина. Январь 1943 г.

Капитан А. Е. Жуков (справа), командир 1-го стрелкового батальона 42-й гвардии стрелкового полка.

В траншеях Сталинграда. Октябрь 1942 г.

На подступах к Сталинграду.

Бои за город Сталинград. 1942 г.

Генералы В. И. Чуйков, К. А. Гуров и снайпер В. Г. Зайцев. 1942 г.

В штабе 62-й армии. Слева направо: Н. И. Крылов, В. И. Чуйков, К. А. Гуров, А. И. Родимцев. Сталинград, ноябрь 1942 г.

Семья Н. И. Крылова. Май 1943 г.

Общий вид «Дома Павлова». Павлов. Фрагмент стены с надписями.
1943 г.

Н. И. Крылов. Сталинград, январь 1943 г.

Над Сталинградом реет флаг Победы. Февраль 1943 г.

Фельдмаршал Паулюс после взятия в плен. Февраль 1943 г.

В. И. Чуйков, Н. И. Крылов, К. А. Гуров на КП. Сталинград. 2 февраля 1943 г.

П. И. Иголкин, И. Д. Черняховский, В. Е. Макаров, Н. И. Крылов. С. А. Деньгин на КП 5-й армии. 13 августа 1944 г.

Генерал А. И. Казарцев, командир 72-го стрелкового корпуса. 1965 г.

Генерал В. Т. Обухов (в центре) на КП под Вильнюсом. Июль 1944 г.

Командир 159-й стрелковой дивизии генерал Н. В. Калинин проводит рекогносцировку местности. Август 1944 г.

Герои боев капитан А. Д. Старостенко (слева) и капитан И. П. Луев.

Выход к Балтийскому морю подразделений 5-й армии. Март 1945 г.

Герои Советского Союза артиллеристы 244-го стрелкового полка:
старшина А. А. Попов, сержант М. Х. Хайрутдинов.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, командующий 3-м Белорусским фронтом. 1945 г.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Фото 1966 г.

Домой с победой! 1945 г.

Посещение Военной академии имени Дзержинского министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским, министром обороны ПНР маршалом Спыхальским и главкомом РВСН Маршалом Советского Союза Н. И. Крыловым. 1965 г.

Н. И. Крылов в учебном классе беседует с курсантами. 1965 г.

Военный совет Ракетных войск стратегического назначения (слева направо): генерал-лейтенант А. Г. Карась, генерал-лейтенанты авиации П. Б. Данкевич и И. А. Лавренов, Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, генерал-лейтенанты инженерно-технической службы Н. Ф. Червяков и А. В. Геловани. 1965 г.

Встреча с избирателями. 1965 г.

Вручение Фиделю Кастро памятного подарка. Ф. Кастро, Р. Я. Малиновский, Н. И. Крылов и переводчик. 1965 г.

Генерал армии В. Ф. Толубко, 1982 г.

Н. И. Крылов возлагает цветы у мемориала на Мамаевом кургане, Волгоград, май 1970 г.

Н. И. Крылов в своем рабочем кабинете. 1971 г.

Бюст дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Н. И. Крылова, установленный на его родине в селе Вишневом (у памятника сын Юрий).

Примечания

1

Юрий Николаевич Крылов до сего дня служит в Советской Армии в звании генерал-майора.